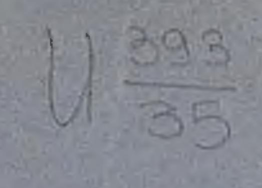

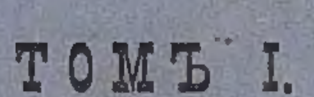
ИСТОРІЯ

РУССКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

СОСТАВИЛЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРЪ

Н. П. Глиноецкій.

ТОМЪ I.

1698 — 1825 г

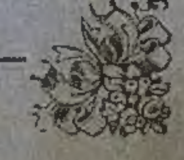

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

1883.

ЭБ

2007096619

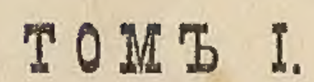
ИСТОРІЯ

РУССКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

СОСТАВИЛЪ

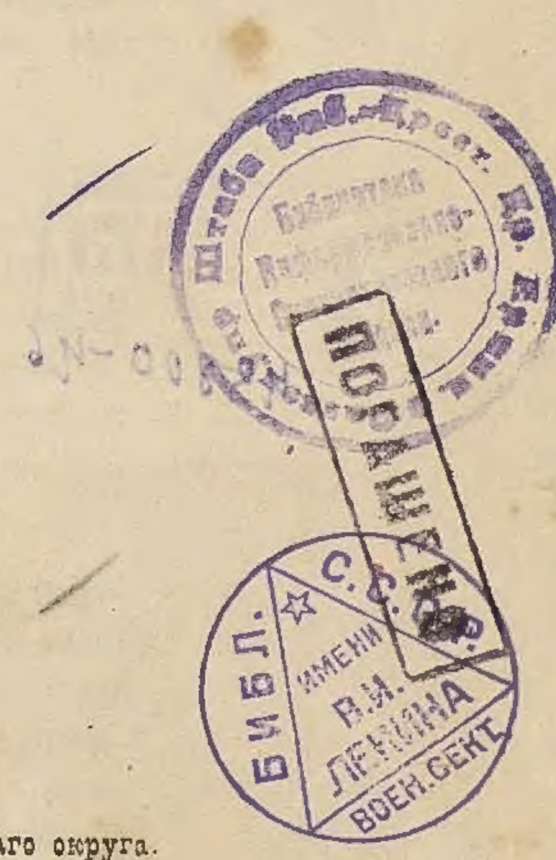
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

Н. П. Глиноецкій.

ТОМЪ I.

1698 — 1825 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Посвящая свободное отъ служебныхъ занятій время на изученіе исторіи русскаго генеральнаго штаба, я имѣлъ цѣлію изслѣдовать это учрежденіе только со введенія у насъ постоянной арміи, такъ какъ только съ этого времени можно считать его вступившимъ въ болѣе опредѣленныя формы; при этомъ въ первое время послѣ его учрежденія Петромъ Великимъ подъ названіемъ квартирмейстерской части, учрежденіе это все еще оставалось въ крайне не совершенномъ видѣ, пока при Императрицѣ Екатеринѣ II не организовалось въ особый корпусъ, имѣвшій отдѣльнаго начальника въ лицѣ генералъ-квартирмейстера, свой особый штатъ и обмундированіе, свою систему комплектованія. Собственно только съ 1772 года, русскій генеральный штабъ можетъ считаться отдѣльною составною частію нашихъ вооруженныхъ силъ.

Съ того времени генеральный штабъ переходилъ различные фазисы своего развитія; по временамъ, то отрицали его необходимость, то снова увеличивали его составъ, расширяли кругъ его дѣятельности, отъ чиновъ его требовали усиленныхъ познаній. Въ этомъ отношеніи наиболѣе крупнымъ фактомъ въ жизни этого учрежденія, является то измѣненіе въ его комплектованіи, которое было установлено Императоромъ Николаемъ съ первыхъ же дней его царствованія: до 1825 года, генеральный штабъ пополнялся молодыми людьми, начинавшими въ немъ же службу съ унтеръ-офи-

церскаго званія (колоновожатые) и проходившими затѣмъ въ немъ постепенно всю градацію офицерскихъ чиновъ, подобно тому какъ это существовало для всѣхъ другихъ родовъ службы военнаго вѣдомства; съ Императора Николая генеральный штабъ комплектуется прямо офицерскими чинами, не ниже поручика, избираемыми изъ всей арміи и долженствующими получить особое военное образованіе въ Академіи, этомъ высшемъ военно-учебномъ заведеніи; вслѣдствіе этихъ новыхъ условій вполнѣ измѣняется самый составъ генеральнаго штаба, расширяется размѣръ его дѣятельности, усиливается степень довѣрія къ нему, какъ правительства, такъ и войскъ.

Отсюда естественно раздѣленіе исторіи русскаго генеральнаго штаба на два періода, раздѣльною гранью между которыми стоитъ 1825 годъ.

Первый изъ этихъ періодовъ въ моемъ трудѣ обнимаетъ время съ Петра Великаго до 1825 года, т. е. до конца царствованія Императора Александра I; въ настоящее время онъ и представляется на судъ публики.

Что же касается втораго періода, то изданіе его описанія пришлось отложить на нѣкоторое время, такъ какъ оно потребовало переработки, вслѣдствіе выдѣленія изъ него историческаго очерка Николаевской Академіи генеральнаго штаба, составленнаго мною, по приглашенію академической конференціи, къ бывшему въ прошломъ году юбилею этого заведенія.

Въ самой исторіи русскаго генеральнаго штаба, я имѣлъ въ виду, не ограничиваясь изложеніемъ однихъ административныхъ распоряженій, относящихся къ этому учрежденію, обратить преимущественное вниманіе на жизнь его, на то, какъ относящіяся до него положенія примѣнялись къ дѣйствительности.

Исторія генеральнаго штаба очевидно не можетъ слагаться въ такія же формы, какъ историческіе очерки частей войскъ. Въ послѣднихъ, на первый планъ выдвигается жизнь и бытъ цѣлой части, такъ сказать коллективной единицы; въ исторіи генеральнаго штаба не столько важенъ очеркъ тѣхъ административныхъ преобразованій, какимъ онъ подвергался, какъ преимущественно исторія біографическая, которая бы представила служебную дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ этому учрежденію по своему мундиру, занятіямъ, духу, образованію. Только общая картина этой дѣятельности можетъ вполнѣ охарактеризировать самое учрежденіе и представить живой интересъ и поучительность: съ одной стороны она разъясняетъ значеніе дѣятельности генеральнаго штаба, содѣйствуя такимъ образомъ развитію и упроченію довѣрія къ этому, безспорно, важному въ каждой арміи учрежденію; въ тоже время она даетъ возможность самому генеральному штабу внимательнѣе взглянуть на свое прошлое, съ цѣлію пріобрѣтенія въ немъ указаній для настоящаго и будущаго. Наконецъ подобная исторія можетъ служить къ выясненію внутренней жизни нашего военнаго общества, а также и къ сохраненію памяти о дѣятельности чиновъ генеральнаго штаба по преимуществу скромной, невидной, но, тѣмъ не менѣе чрезвычайно важной и полезной, требующей сознательно добросовѣстнаго исполненія.

Составленіе подобной исторіи представляло наиболѣе существенныя затрудненія по недостатку матеріаловъ для детальныхъ очерковъ служебной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Литература наша, въ особенности военная, бѣдна мемуарами, частными записками и воспоминаніями; пришлось возстановлять дѣятельность чиновъ генеральнаго штаба по архивнымъ документамъ и преимущественно по послужнымъ

спискамъ, которыхъ просмотрѣно болѣе 2,000 номеровъ. Въ виду таковыхъ трудностей въ дѣлѣ исполненія предпринятой задачи, въ особенности дорого было участіе нѣкоторыхъ лицъ, благосклонно доставившихъ намъ имѣвшіяся у нихъ частныя письма и записки ихъ родственниковъ, служившихъ въ генеральномъ штабѣ, за что считаемъ долгомъ выразить имъ полнѣйшую благодарность.

Н. Глиноецкій.

ГЛАВА I.

1698—1731.

Квартирмейстерскіе чины и ихъ обязанности въ Русской арміи по воинскому уставу Вейде (1698 г.). Служба этихъ чиновъ въ первое десятилѣтіе Сѣверной войны. Штаты генеральнаго штаба арміи 1711 и 1720 г. Обязанности чиновъ квартирмейстерской части по воинскому уставу 1716 года; отношенія ихъ къ другимъ чинамъ генеральнаго штаба арміи. Табель о рангахъ.

Общее заключеніе о положеніи квартирмейстерской части къ концу царствованія Петра Великаго.

Правильно организованная армія немыслима безъ множества особыхъ чиновъ, которые служа посредствующими звеньями между ея главою и начальниками отдѣльныхъ ея частей, составляютъ сложное учрежденіе, называемое штабомъ арміи. Въ ряду же этихъ чиновъ вездѣ и всегда можно встрѣтить особую категорію такихъ, которые вѣдая все относящееся до движенія, расположенія и дѣйствія войскъ, носили различныя названія колоповажатыхъ, чиновъ квартирмейстерскихъ, офицеровъ генеральнаго штаба.

Первообразами нынѣ существующихъ штабовъ служили, какъ извѣстно, полковые штабы ландскнехтовъ, начало которыхъ относится къ XV столѣтію. Въ нихъ-то впервые встрѣчаются чины разныхъ наименованій соотвѣтственно тому или другому кругу ихъ обязанностей; въ нихъ

же впервые встрѣчается чинъ квартирмейстера (Quartiermeister), на обязанности котораго лежали: осмотръ и исправленіе дорогъ, по которымъ шелъ полкъ, вожденіе по нимъ полка, выборъ мѣста подъ лагерь, назначеніе на немъ мѣста для всѣхъ частей, расписаніе чиновъ полка по квартирамъ. Помощниками полковаго квартирмейстера служили ротные квартермистры или фурьеры (Führer).

Совершенно понятенъ отсюда переходъ къ квартирмейстерской части при арміи: съ соединеніемъ полковъ, изъ числа полковыхъ квартирмейстеровъ слѣдовавшихъ впереди, одинъ назначался за старшаго; затѣмъ старшаго стали назначать особо, явился оберъ, или генералъ-квартирмейстеръ, общій, или главный; представилась необходимость назначать ему помощниковъ. Все это наконецъ должно было существовать только въ военное время, такъ какъ во время мира въ этихъ чинахъ немогло представляться надобности.

Въ такомъ видѣ установилась квартирмейстерская часть и у насъ, при заведеніи постоянной регулярной арміи Петромъ Великимъ: впервые подобные чины являются въ воинскомъ уставѣ составленномъ и посвященномъ Петру I, генераломъ Вейде въ 1698 году ([1]); въ уставѣ этомъ въ числѣ чиновъ полка упоминается полковой квартирмейстеръ, а между чинами арміи помѣщенъ и генералъ-квартирмейстеръ. Вотъ какъ отмѣчены обязанности того и другаго:

«Полковой квартирмейстеръ не имѣетъ въ русской землѣ столь много дѣла, какъ въ иныхъ земляхъ, а особливо у цесарцевъ; подобаетъ ему въ походѣ всегда напередъ идти полку становище занимать; ему подобаетъ отчасти фортификацію, или крѣпостное строеніе знати, дабы лучше и легче могъ полку становище учредить и отмѣрить.—По вся вечеры подобаетъ ему къ генералъ-квартирмейстеру ѣздить. Будетъ ли указано другаго утра подниматися и какъ полкъ въ какой городъ въ осаду (въ гарнизонъ) поставленъ будетъ, подобаетъ квартирмейстеру, такожъ по лучшей мѣрѣ попеченіе имѣть, какъ бы полкъ поставить».

Что касается генералъ-квартирмейстера, то объ немъ сказано: «есть въ русской землѣ непотребенъ, понеже войско

всегда равно вдругъ идетъ, такожде и паки становится; у цесарцевъ имѣетъ онъ много дѣла; всѣ квартирмейстры отъ всѣхъ полковъ подъ его владѣтельствомъ и принуждены съ нимъ всегда напередъ ѣздить и становище помогать отводить. И подобаетъ въ семъ чину досужему и удобному человѣку быть, который бы крѣпостное строеніе и особо географію и земные маппы (карты), или чертежи зналъ и во время нужды, если бы начальнаго инженера у войска небыло и осада бы прилучилась, дабы онъ нападеніе и раскаты (траншеи) умѣлъ учреждать и то на чертежѣ написавъ и воеводѣ отдать могъ; сей есть зѣло трудный и докучный чинъ; они ни у кого у иного не подъ началомъ, кромѣ единаго воеводы, съ которымъ ему всегда подобаетъ искать доброе согласіе имѣть».

Нельзя не обратить вниманіе на тѣ оговорки, которыя вставляетъ Вейде въ свой уставъ относительно малой надобности у насъ квартирмейстерскихъ чиновъ, сравнительно съ цесарскою землею. Въ этомъ видится намекъ на то, что для дѣятельности квартирмейстерскихъ чиновъ наиболѣе важное значеніе имѣетъ мѣстность и близкое съ нею знакомство. Въ Германіи, вслѣдствіе большей населенности и пересѣченности мѣстности, сравнительно съ тогдашнею Россіею, квартирмейстерскимъ чинамъ было много дѣла по движенію войскъ и ихъ расположенію. Въ Россіи же всѣ движенія совершались опредѣленными, извѣстными трактами; расположеніе какъ хозяйственное, такъ и боевое, незатрудняло еще начальниковъ войскъ, почему они и могли не чувствовать надобности въ помощникахъ по этой части. Однакожъ опытъ Сѣверной войны показалъ, что и русская армія имѣетъ въ нихъ надобность.

Введеніе квартирмейстерскихъ чиновъ не тотчасъ же послѣдовало съ началомъ Сѣверной войны. Хотя въ полкахъ выступившихъ въ 1700 году подъ Нарву и были уже квартирмейстеры, но общаго для всей арміи генералъ-квартирмейстера еще небыло, такъ какъ основываясь на авторитетѣ Вейде, вѣроятно считали этотъ чинъ непотребнымъ въ русской землѣ.

Князь Голицынъ, въ своемъ изслѣдованіи о русскомъ генеральномъ штабѣ, называетъ генерала Алларта первымъ нашимъ генералъ-квартирмейстеромъ, указывая, что онъ исполнялъ эту должность подъ Нарвою; но въ подтвержденіе этого извѣстія неимѣется никакихъ свѣдѣній и біографы Алларта называютъ его только инженеръ-генераломъ.

Только въ Сентябрѣ 1701 г., Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ, начальствуя войсками въ прибалтійскомъ краѣ, писалъ Петру I, что при арміи его «подлежитъ быть, и безъ того невозможно,—2 человѣкъ генеральныхъ адъютантовъ и 1 человѣка генералъ-квартирмейстера, что бы были люди заобычные». На это представленіе Петръ положилъ резолюцію: «выбрать изъ царедворцевъ», и затѣмъ въ Декабрѣ того же года, Шереметьевъ просилъ уже, чтобы на должность генералъ-квартирмейстера былъ назначенъ князь Андрей, княжь Феодоровъ сынъ Шаховской, что и было утверждено царемъ (2). Это, какъ кажется, и былъ первый генералъ-квартирмейстеръ въ Россіи, хотя никакихъ слѣдовъ не осталось о томъ, чѣмъ онъ заявилъ свою дѣятельность и даже не извѣстно, вступалъ ли онъ въ должность.

Въ послѣдующіе затѣмъ годы Сѣверной войны квартирмейстерскія чины чаще упоминаются; такъ изъ писемъ же графа Шереметьева къ Петру I видно, что подъ Ямами въ Іюнѣ 1703 г., при арміи въ 21,857 человѣкъ находился одинъ генералъ-квартирмейстеръ, Михайло Михайловичъ Аргамаковъ и что онъ же участвовалъ при взятіи Ямбурга, а затѣмъ строилъ тамъ же крѣпость, по чертежамъ составленнымъ самимъ царемъ. Тотъ же Аргамаковъ участвовалъ и въ послѣдующихъ походахъ Шереметьева до 1705 г. включительно.

Относительно же другихъ чиновъ квартирмейстерской части извѣстно только, что въ походѣ подъ Дерптъ, въ Маѣ 1704 года, при арміи фельдмаршала Шереметьева, состоящей изъ 14 пѣхотныхъ и 11 конныхъ полковъ (всего 22,142 человѣкъ), кромѣ генералъ-квартирмейстера, находилось еще и 19 квартирмейстеровъ (вѣроятно полковыхъ).

Объ обязанностяхъ всѣхъ этихъ чиновъ имѣются лишь самыя скудныя свѣдѣнія; такъ сохранилось, что въ концѣ 1704 года, Аргамаковъ былъ посылаемъ въ княжество Литовское для занятія квартиръ и сбора провіанта для арміи Шереметьева.

Въ одномъ изъ писемъ фельдмаршала упоминается, что въ Іюлѣ 1708 года, отъ Горокъ, для провѣдыванія путей къ Мстиславлю, посланъ «генералъ-квартирмейстеръ съ инженеры»; но въ то же время для подобныхъ порученій Шереметьевъ употреблялъ нерѣдко и своего довѣреннаго деньщика Елку, котораго въ 1708 году произвелъ въ офицеры. Самъ Петръ I употреблялъ для порученій по квартирмейстерской части копіиста царскаго кабинета, Ивана Антоновича Черкасова (впослѣдствіи баронъ), въ подтвержденіе чего можно привести слѣдующіе два письма Царя къ Черкасову:

1) «Иванъ, мѣсто по твоему отводу водою и лѣсомъ довольно, да травы нѣтъ, и видно братъ, что ты проспалъ, вставай ранѣе, дабы я съ тобой не побранился».

2) «Иванъ, мѣсто отведенное тобой всѣмъ довольно и за то тебѣ спасибо» ([3]).

Очевидно, что въ первые годы Сѣверной войны, когда только что складывалась организація русской арміи, ничего не существовало опредѣлительнаго относительно штабовъ вообще и чиновъ квартирмейстерскихъ въ особенности. И это неудивительно: все приходилось устроивать заново, да къ тому же при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: новыя учрежденія встрѣчались недоброжелательно, государственной казны не существовало, помощники вызванные изъ заграницы оказались по большей части неудовлетворявшими своему назначенію, а между тѣмъ все устраивая и организуя, приходилось еще и бороться противъ лучшей въ то время арміи, противъ знаменитаго полководца. Только желѣзная воля Петра могла преодолѣть всѣ эти трудности, только русскому народу можно было вынести на своихъ плечахъ эти тяжелыя испытанія. Постепенно въ бояхъ съ врагами образовывались полководцы, выработывался нашъ солдатъ, скла-

дывались и совершенствовались военныя учрежденія, пока наконецъ не довели до полной побѣды надъ шведами подъ Полтавою.

Прошло тяжелое время испытанія и ученія, когда все дѣлалось лишь по требованіямъ настоятельной необходимости: наступилъ періодъ, когда можно было воспользоваться уже пріобрѣтеннымъ опытомъ съ тѣмъ, чтобы привести въ опредѣленныя формы организацію русской арміи; этому дѣлу и посвящено второе десятилѣтіе XVIII вѣка, ознаменованное изданіемъ разнаго рода военныхъ штатовъ, табелей и уставовъ.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ штаты 1711 года, положившіе начало регулярному образованію нашей арміи, а затѣмъ штаты 1712 года для артиллеріи и включенныхъ въ ея составъ инженерныхъ чиновъ.

Штаты арміи 1711 года (4) состоятъ изъ пяти отдѣльныхъ таблицъ, которыми опредѣлены разныя положенія относящіяся собственно до главнаго управленія арміи, ея пѣхоты и кавалеріи. Таблица I озаглавлена: «Штатныя положенія генеральнаго штаба» и состоитъ изъ двухъ табелей, въ которыхъ поставленъ составъ чиновъ по двумъ разнымъ предположеніямъ, мало между собою различествующимъ; такъ какъ къ исполненію принята была лишь одна вторая табель, то ею и будемъ руководствоваться.

Предварительно необходимо остановиться на самомъ заголовкѣ этой таблицы. Употребленный здѣсь терминъ «генеральный штабъ» принятъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ собраніе всѣхъ чиновъ составляющихъ главный штабъ арміи. Въ томъ же смыслѣ этотъ терминъ употребленъ и въ штатѣ артиллеріи 1712 года, который озаглавленъ: «Штатныя положенія генеральнаго и полковаго штаба артиллеріи».

Таковое же значеніе этотъ терминъ имѣлъ до царствованія Императрицы Екатерины II, постоянно будучи употребляемъ для означенія всѣхъ вообще чиновъ составляющихъ какое либо высшее управленіе войскъ; такъ напр. употреблялись выраженія: генеральный штабъ арміи, или войскъ дѣйствующихъ тамъ то.

Всего по штату 1711 года генеральный штабъ арміи долженъ былъ состоять изъ 184 чиновъ разныхъ наименованій относящихся какъ до управленія войсками, такъ и до отдѣльныхъ частей: коммисаріатской, провіантской, военносудной, квартирмейстерской, военно-полицейской, медицинской и т. п. (5). Часть этихъ чиновъ положена изъ русскихъ, другая изъ иноземцевъ, причемъ послѣднимъ назначены оклады жалованья почти вдвое большіе противъ первыхъ. Собственно по квартирмейстерской части въ штатѣ 1711 года, назначено только два генералъ-квартирмейстера и три капитана надъ вожатыми, или «де гидъ».

Въ какихъ чинахъ или рангахъ были тѣ и другіе, неизвѣстно, но судя по окладамъ ихъ жалованья, надо полагать, что генералъ-квартирмейстеры были приравнены къ чину полковника, а капитаны надъ вожатыми къ рангу капитана.

Вышеуказанное число чиновъ было опредѣлено на армію, которую въ тоже время положено содержать въ слѣдующей числительности.

Кавалеріи:			
33 полка		43,824	челов.
Пѣхоты:			
42 полка		62,454	»
Гарнизонныхъ войскъ:			
43 полка		64,769	»
Артиллеріи и инженерныхъ войскъ (6)		4,526	»
	Итого .	175,573	»
Гвардіи 7 баталіоновъ	. . .	5,012	»
	Всего .	180,585	»

Очевидно, что на такую армію число штабныхъ чиновъ, а въ особенности чиновъ квартирмейстерской части было крайне незначительно, что вѣроятно было слѣдствіемъ экономическихъ соображеній, а также не вполнѣ выяснившихся еще понятій объ управленіи арміями, наконецъ, и по невозможности имѣть на всѣ должности достаточно подготовленныхъ людей. Дѣйствительно замѣчается, что мѣста многихъ чиновъ при арміи нерѣдко вовсе не были занимаемы

по недостатку, какъ денегъ, такъ и лицъ способныхъ къ занятію этихъ должностей. Чаще всего слышатся жалобы на то и другое со стороны фельдмаршала, графа Б. П. Шереметьева, въ его письмахъ къ Петру. Такъ при выступленіи въ Прутскій походъ (1711 г.) онъ жалуется, что за смертью Бахметьева, у него въ арміи вовсе нѣтъ генералъ-провіантмейстера и некѣмъ замѣстить эту должность, что на канцелярію во всю шведскую войну ему денегъ вовсе не давали, кромѣ полученныхъ въ разные сроки 5000 руб. и что впредь ему не изъ чего расходовать на этотъ предметъ. Въ 1713 году, когда въ Кіевѣ формировалась армія для дѣйствія противъ Турціи, назначенный къ ней главнокомандующимъ Б. П. Шереметьевъ, напоминаетъ Царю, что по табели у него должно быть два генералъ-квартирмейстера—иноземецъ и русскій, но что не имѣется ни одного, почему взятъ изъ драгунскаго Нижегородскаго полка подполковникъ Дешакъ и «произведенъ въ чинъ генералъ-квартирмейстера въ рангѣ и трактаментѣ полковничьемъ, о которомъ и господа генералы мнѣ объявили, что онъ править можетъ. Къ тому жъ онъ—Дешакъ инженерному дѣлу отчасти искусенъ и при корпусѣ здѣсь оный въ помянутомъ чинѣ объявленъ». Утвержденіе этого выбора испрашивалось 8-го Іюля 1713 года (7), а согласіе на оное Царя получено фельдмаршаломъ только уже въ Январѣ 1714 года. Такова въ тѣ времена была трудность сношеній.

Тотъ же самый Дешакъ исполнялъ должность генералъ-квартирмейстера при Шереметьевѣ и во время похода русскихъ войскъ въ Померанію и Данію (1715—1717 г.). Въ письмахъ фельдмаршала къ Царю упоминается, что Дешаку было много хлопотъ по распредѣленію арміи (15 полковъ пѣхоты и дивизія кавалеріи) на квартирахъ въ зиму 1716—1717 г.; совмѣстно съ коммисарами союзнаго намъ Мекленбурга, Дешакъ составлялъ распредѣленіе квартиръ, а затѣмъ уже оберъ-квартирмейстеры были посланы осмотрѣть на мѣстахъ хорошо ли расположены войска.

Въ послѣднемъ донесеніи впервые упоминается о должности оберъ-квартирмейстеровъ, которыхъ не было по шта-

тамъ 1711 года, по которые вѣроятно установились въ самой жизни, единовременно съ раздѣленіемъ русской арміи на дивизіи; надо полагать, что первоначально званіе оберъ-квартирмейстера присвоивалось старшему изъ полковыхъ квартирмейстеровъ дивизіи, а затѣмъ это званіе введено въ воинскій уставъ 1716 г. и въ штатныя положенія генеральнаго штаба арміи 1720 г.

Но еще ранѣе этихъ штатовъ должности оберъ квартирмейстеровъ существовали на самомъ дѣлѣ.

Такъ изъ распредѣленія жалованія чинамъ арміи отъ коммиссаріатского повытья за 1718 г. видно, что въ этомъ году отъ повытья получали жалованія: генералъ квартирмейстеръ Дешакъ—600 руб. и два оберъ квартирмейстера — Іосифъ Деправотъ и Де Олія по 300 руб. ([8]).

Штаты 1720 г. представляются уже болѣе полными сравнительно съ прежде бывшими; очевидно, что опыты войны приходившей къ концу не были утрачены.

Общая численность арміи по этимъ штатамъ уменьшена до 173,844 челов., а между тѣмъ составъ генеральнаго штаба арміи увеличенъ, почти вдвое, до 360 чиновъ; Увеличеніе числа чиновъ главнѣйше произошло отъ назначенія почти по всѣмъ частямъ управленія нѣсколькихъ должностей: такъ къ прежде бывшимъ генералъ-провіантмейстерамъ, квартирмейстерамъ, гевальдигерамъ, фискаламъ, прибавились еще чины съ званіемъ лейтенантовъ и оберъ.— Другую особенность этого штата составляетъ то, что почти всѣмъ должностнымъ лицамъ назначены въ высшихъ чинахъ—адьютанты, разные чиновники и писаря, а въ нисшихъ только—писаря и всѣмъ вообще опредѣлены особые оклады на канцелярскіе расходы, въ числѣ которыхъ поименованы: бумага, чернила, свѣчи, сургучъ и мелочи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ штатахъ 1720 г., выраженію генеральный штабъ арміи, дано уже иное, болѣе тѣсное противъ прежняго значеніе, а именно введено раздѣленіе генералитета отъ генеральнаго штаба; къ первому отнесены всѣ генералы стоящіе во главѣ войскъ, ко второму же всѣ вообще чины, находящіеся при генералахъ, для исправленія раз-

личныхъ служебныхъ обязанностей. Этимъ сдѣланъ первый шагъ къ образованію штабныхъ управленій, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ это нынѣ понимается, а въ видѣ собранія чиновъ составляющихъ штабъ начальствующаго лица, а не войскъ.

Постоянные штабы, съ опредѣленнымъ числомъ чиновъ были установлены въ то время лишь при полкахъ. Затѣмъ полки соединялисъ временно въ бригады, дивизіи, арміи, иногда въ корпуса, особые отряды, подъ разными названіями—авангардовъ, аріергардовъ, праваго, лѣваго крыла, и къ командованію каждой такой части приставлялся генералъ съ опредѣленными лично при немъ чинами.

Такимъ образомъ при каждомъ генералѣ полагалось извѣстное число адъютантовъ разныхъ наименованій и чиновъ (генералъ-адъютанты при фельдмаршалахъ, генеральсъ-адъютанты и флигель-адъютанты при прочихъ генералахъ), нѣкоторое число гражданскихъ чиновниковъ (секретари, нотаріусы, регистраторы, канцеляристы, переводчики), писарей и извозчиковъ.—Всѣ эти чины составляли при генералѣ его военную канцелярію; старшій изъ адъютантовъ завѣдывалъ письменною частію; такъ изъ писемъ Б. П. Шереметьева, видно, что его генералъ-адъютантъ полковникъ Савеловъ долгое время завѣдывалъ всѣми дѣлами канцеляріи фельдмаршала.

Въ бою же всѣ адъютанты должны были находиться при своихъ генералахъ, для передачи приказаній войскамъ.

Подобно тому какъ генералы имѣющіе командованіе надъ войсками, имѣли свои собственныя канцеляріи, подобныя же канцеляріи состояли и при чинахъ завѣдывающихъ особыми отдѣлами военнаго управленія; такъ болѣе или менѣе значительныя канцеляріи состояли при генералъ-кригсъ-комисарахъ, оберстеръ-кригсъ-коммисарахъ, при генералъ-провіантмейстерахъ, генералъ-аудиторахъ, оберъ-провіантмейстерахъ, оберъ-аудиторахъ, при генералъ-квартирмейстерахъ, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантахъ, оберъ квартирмейстерахъ и другихъ подобныхъ чинахъ.

Но при всѣхъ этихъ лицахъ не имѣвшихъ командованія

надъ войсками, адъютантовъ вовсе не состояло и составъ канцеляріи, по большей части, а при чинахъ квартирмейстерскихъ всегда, ограничивался лишь двумя или однимъ писаремъ ([9]).

Такимъ распредѣленіемъ чиновъ прямо полагалось начало различнымъ отдѣламъ въ составѣ войсковыхъ управленій; часть адъютантская, вмѣстѣ со всѣми чинами военной канцеляріи генерала, дѣлалась основаніемъ будущаго дежурства, или инспекторской части, всѣ остальные лица съ своими личными канцеляріями, служили началомъ разныхъ степеней управленій,—по части квартирмейстерской, коммиссаріатской, провіантской, аудиторской и другихъ.

Обращаясь собственно къ квартирмейстерской части видимъ, что штатами 1720 г., число ея чиновъ значительно увеличено: вмѣсто прежнихъ пяти (по штатамъ 1711 г.), установлено таковыхъ чиновъ 19 ([10]). Увеличеніе это послѣдовало отъ учрежденія новыхъ должностей: двухъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ долженствующихъ служить помощниками генералъ-квартирмейстерамъ, пяти оберъ квартирмейстеровъ, по одному на каждую изъ имѣвшихся въ то время дивизій, двухъ генералъ-штабъ квартирмейстеровъ и ихъ двухъ помощниковъ, штабъ фурьеровъ, предназначаемыхъ для отвода помѣщеній подъ главную квартиру; наконецъ четырехъ помощниковъ (поручиковъ) къ капитанамъ надъ вожатыми. Положеніе всѣхъ чиновъ квартирмейстерской части видимо поднято сравнительно со штатами 1711 г., а именно возвышены имъ оклады жалованія, вновь назначены раціоны и деньги на канцелярскіе расходы. Раціоны опредѣленные еще положеніемъ 1716 года, полагались, или натурою или деньгами ([11]); это первое начало сохранившимся до нынѣ фуражнымъ деньгамъ.

Что касается денегъ на канцелярскіе расходы, то они, какъ извѣстно, существовали также до послѣдняго времени, подъ названіемъ денегъ на чертежные припасы ([12]).

Взглянемъ въ какихъ отношеніяхъ между собою и къ командующимъ войсками генераламъ находились эти различные чины штабныхъ управленій. Изъ всѣхъ штабныхъ

чиновъ найболѣе близкимъ положеніемъ къ командующимъ генераламъ пользовались несомнѣнно адъютанты, постоянно, такъ сказать, неотступно, сопровождавшіе своего начальника.

Выборъ адъютантовъ предоставлялся самимъ генераламъ, причемъ, по установившемуся обычаю, военная коллегія не могла отмѣнять этого выбора; поэтому не удивительно, что на адъютантовъ выпадала найбольшая доля довѣрія начальника, имъ давались чаще всего разныя порученія, ими замѣщались временно незанятыя должности, объ нихъ наконецъ болѣе всего упоминается обыкновенно въ оффиціальныхъ донесеніяхъ, реляціяхъ и въ частной перепискѣ начальствующихъ лицъ. Прочіе чины управленій войсками имѣли свои особыя сферы дѣятельности, вращаясь въ которыхъ были до нѣкоторой степени самостоятельны, находясь лишь какъ бы въ косвенной зависимости отъ начальника войскъ; таково было положеніе чиновъ провіантской, коммисаріатской, аудиторской, гевальдигерской, вагенмейстерской части, которые притомъ же находились еще и въ нѣкоторой зависимости отъ военной коллегіи, помимо главнокомандующаго той арміи, при которой состояли. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли чины квартирмейстерской части, поставленные уже со временъ Петра I, въ иное отношеніе къ командующимъ генераламъ.

По воинскому уставу 1716 года, (13) генералъ-квартирмейстеръ *во вся дни имѣетъ быть у командующаго главнаго генерала, дабы онъ могъ знать, когда что о походѣ или лагерѣ войска опредѣлено будетъ, и ни отъ кого иного указы не получаетъ, токмо отъ командующаго генерала самаго.* Тѣмъ же уставомъ опредѣляется, что *сей чинъ требуетъ мудраго, разумнаго и искуснаго человѣка, въ географіи и фортификаціи, понеже ему подлежитъ учреждать походы, лагери, а по случаю фортификаціи, и ретраншаменты, и надъ оными надзираніе имѣть, а особливо при небольшихъ войскахъ въ которыхъ инженеры обыкновенно, подъ его надзираніемъ и командою обрѣтаются. А ежели таковый генералъ-квартирмейстеръ, и артил-*

лерію при томъ же разумѣетъ, то онъ можетъ по случаю, и оною командовать. Далѣе указывается, что генералъ-квартирмейстеръ опредѣляетъ, какъ въ движеніи, такъ и при расположеніи на мѣстѣ, мѣста госпиталямъ, обозамъ, маркитантамъ, что составленныя имъ *росписи къ походу* (какимъ путемъ и въ какомъ строю войска должны слѣдовать) *надлежитъ въ военно-походной канцеляріи списать и ему генералъ-квартирмейстеру паки вручить, и фельдмаршалу и знатнымъ генераламъ подать.*

Наконецъ, генералъ - квартирмейстеру подлежитъ: *генерально оную землю знать, въ которой свое и непріятельское войско обрѣтается*, если же какое мѣсто ему неизвѣстно, то долженъ таковое осмотрѣть и, *черезъ своихъ подчиненныхъ офицеровъ ландкартою нарисовать и изобразить*, а также *потребно сему генералъ-квартирмейстеру чтобы записную книгу, или протоколъ имѣть, и войскамъ всѣ походы и бывшіе лагери записывать и чертежи онымъ рисовать.*

Вслѣдствіе знанія имъ страны въ которой ведется война, уставъ предписываетъ, что генералъ-квартирмейстеръ въ походѣ слѣдуетъ, *или съ авангардіей подъ командою генералъ-маіора (ежели непріятель въ близости обрѣтается), или токмо съ обыкновенными полевыми караулами и* со всѣми подчиненными ему чинами, а въ случаѣ когда войскамъ нужно предпринимать фуражировки, то опредѣленіе мѣстъ для нихъ, также должно быть указываемо генералъ-квартирмейстеромъ.

Перечисляя обязанности генералъ - квартирмейстера, воинскій Уставъ ставитъ этотъ чинъ въ весьма близкое, непосредственное отношеніе къ командующему войсками, а въ тоже время приводитъ въ болѣе или менѣе значительное соприкосновеніе, почти со всѣми должностными лицами штабнаго управленія.

Въ этомъ и заключалась вѣроятно возможность частыхъ столкновеній генералъ-квартирмейстеровъ съ разными чинами, столкновеній тѣмъ болѣе неизбѣжныхъ, что вслѣдствіе обширности требуемыхъ этою должностію свѣдѣній, на нее по

преимуществу назначались иностранцы, поступавшіе въ русскую службу по капитуляціямъ.

Сознавая трудность положенія этого чина, уставъ недаромъ называетъ его многотруднымъ; въ особенности надо полагать, затрудненія были велики для чиновъ квартирмейстерской части, при расположеніи войскъ по квартирамъ. При маломъ уваженіи въ тогдашнемъ обществѣ къ законности, при преобладаніи произвола со стороны всякаго лица власть имѣющаго, квартирмейстерамъ трудно было угодить на всѣхъ и заставить всѣхъ исполнять сдѣланныя распоряженія.

Самый уставъ счелъ нужнымъ оговорить, что генералъ-квартирмейстеру того нечего смотрѣть, *что ежели одинъ или другой своею квартирою не весьма доволенъ будетъ (понеже таковому надлежитъ развѣ рожденну быть, который бы всѣмъ угодить могъ)*. Въ бумагахъ не только начала прошлаго вѣка, но и значительно позднѣйшихъ временъ, немало имѣется указаній на то, что данныя предписанія самовольно неисполнялись, что въ особенности квартиры мѣнялись войсками по произволу частныхъ начальниковъ; такъ между прочимъ имѣется письмо фельдмаршала графа Б. П. Шереметьева, что при расположеніи арміи на квартирахъ въ Лифляндіи и Литвѣ въ 1710 году, каждый дѣлалъ что хотѣлъ, не внимая приказаніямъ даже самого фельдмаршала. Самопроизвольныя измѣненія квартиръ до того вошли, такъ сказать въ обычай въ русской арміи, что даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія еще встрѣчаются распоряженія для противодѣйствія тому.

По воинскому уставу 1716 года, подъ командою генералъ-квартирмейстера состоятъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты, прямые его помощники, оберъ-квартирмейстеры, которыхъ положено было имѣть по одному на каждую дивизію, генералъ-штабъ-квартирмейстеры и генералъ-штабъ-фурьеры, а въ случаѣ, если при арміи не имѣется генералъ инженера, то генералъ-квартирмейстеру же подчиняются всѣ инженеры, минеры и кондукторы. Обязанности генералъ-квартирмейстеръ - лейтенантовъ и оберъ - квартирмейстеровъ

сходны съ вышеизложенными обязанностями генералъ-квартирмейстера. Чтоже касается до генераль-штабъ-квартирмейстера и генералъ-штабъ-фурьеровъ, то они исключительно предназначались для занятія квартиръ всему генеральному или главному штабу, а также государю и его свитѣ, если они находились при арміи.

Въ прямомъ подчиненіи отъ штабныхъ чиновъ квартирмейстерской части находились чины квартирмейстерскіе полковыхъ и ротныхъ штабовъ, т. е. полковые квартирмейстеры и ротные фурьеры, которыхъ полагалось по одному въ ротѣ.

По уставу 1716 года, въ случаѣ похода, всѣ полковые квартирмейстеры и фурьеры отправляются подъ командою старшаго изъ штабныхъ чиновъ квартирмейстерской части, за нѣсколько часовъ впередъ до выступленія войскъ, чтобы заблаговременно занять квартиры, или расположеніе. Когда полковому квартирмейстеру назначено мѣсто для его полка, то онъ обозначаетъ оное квартирными значками, распредѣляетъ гдѣ стоять какой ротѣ и тогда фурьеры обозначаютъ ротные мѣста колышками. Передъ походомъ генералъ-квартирмейстеру указывается получать для войскъ проводниковъ отъ капитана надъ вожатыми, который впрочемъ, по воинскому уставу Петра вовсе не былъ прямо подчиненъ генералъ-квартирмейстеру, но по самой сущности своихъ обязанностей, долженъ былъ находиться въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ.

Опредѣляя съ достаточною точностію кругъ запятій квартирмейстерскихъ чиновъ, Петровскія положенія вовсе не назначаютъ формы обмундированія этихъ чиновъ и служебныхъ ихъ правъ. Надо полагать, что то и другое было вполнѣ приравнено къ армейскимъ войскамъ, изъ среды которыхъ избирались эти чины. Даже въ табели о рангахъ 1722 г., которою опредѣлялось служебное и общественное положеніе всѣхъ чиновъ и званій, не поименованы всѣ квартирмейстерскіе чины, а только указано, что генералъ-квартирмейстеръ лейтенанты состоятъ въ 6 классѣ, въ чинѣ полковничьемъ сухопутныхъ войскъ, оберъ-квартирмейстеры въ

8-мъ, т. е. въ чинѣ маіорскомъ, генералъ штабъ-квартирмейстеры въ 9-мъ, въ чинѣ капитановъ, а штабъ-фуріеры въ 14-мъ, въ чинѣ фендрика (прапорщика). Генералъ-квартирмейстеры и капитаны надъ вожатыми не вошли въ табель о рангахъ.

Къ концу царствованія Петра Великаго вообще не встрѣчается никакихъ свѣдѣній о квартирмейстерской части и только въ описаніи Персидскаго похода (1722 г.) упоминается о томъ, что при войскахъ находился генералъ-квартирмейстеръ Корчминъ, хотя вовсе не видно, какова была мѣра его участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

О Корчминѣ (Василіи Дмитріевичѣ) сохранилось нѣсколько историческихъ указаній, какъ объ одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ и любимцевъ Петра ([14]). Происходя изъ русской дворянской фамиліи, онъ обучался въ 1697 и 1698 годахъ заграницею военно-математическимъ наукамъ и въ теченіи Сѣверной войны, неоднократно былъ употребляемъ въ разныхъ должностяхъ по артиллерійской и инженерной части. Надо полагать, что это былъ по тогдашнему времени одинъ изъ наиболѣе образованныхъ въ военномъ отношеніи людей, что вполнѣ и объясняетъ его назначеніе Петромъ Великимъ на должность генералъ-квартирмейстера. Къ концу царствованія Петра, Корчминъ имѣлъ чинъ генералъ-маіора арміи и въ тоже время числился маіоромъ въ л. гв. Преображенскомъ полку; умеръ въ 1731 г.

Заканчивая обзоръ устройства при Петрѣ I. квартирмейстерской части, этого первообраза нынѣшняго генеральнаго штаба, нельзя съ удивленіемъ не остановиться на той полнотѣ, съ которою Великій Преобразователь начерталъ кругъ дѣятельности этого учрежденія.

Воинскимъ уставомъ 1716 года обязанности квартирмейстерскихъ чиновъ опредѣлительно разбиваются на три степени: по части движенія и расположенія войскъ, по изученію мѣстности, гдѣ войска дѣйствуютъ и составленію военныхъ картъ, наконецъ, по составленію военно-историческаго журнала всѣмъ происходившимъ дѣйствіямъ. Но для исполненія этихъ многотрудныхъ и сложныхъ обязанностей,

требовавшихъ отъ ихъ исполнителей значительной степени развитія и образованія, не имѣлось достаточно подготовленныхъ людей и, что весьма важно, не имѣлось въ квартирмейстерской части одного главнаго начальника, который бы заботился о выборѣ и подготовкѣ таковыхъ лицъ и вообще объ улучшеніи и надлежащей постановкѣ этой части. Квартирмейстерскіе чины непосредственно избирались и состояли въ вѣдѣніи даже не военной коллегіи, а лицъ командующихъ войсками, почему и являются только какими-то временными членами арміи, о которыхъ никто не заботился.

Между тѣмъ, какъ артиллерійское и инженерное вѣдомства образовались въ особые корпуса, имѣвшіе своихъ отдѣльныхъ начальниковъ, квартирмейстерская часть оставалась совершенно разъединенною, между ея чинами не было никакой органической связи; каждый изъ нихъ вступалъ въ нее лишь временно, для исполненія извѣстныхъ обязанностей и по минованіи въ немъ надобности снова возвращался въ ту среду, изъ которой выдѣлился. Вслѣдствіе того и не могло быть за это время въ квартирмейстерской части никакихъ работъ, требующихъ совокупнаго труда, какъ то: топографическихъ, картографическихъ, военно-историческихъ.

Работы эти, если и производились въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, то были разсѣяны по разнымъ учрежденіямъ: въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ Адмиралтействъ коллегіи, а съ 1725 года въ Академіи Наукъ.

ГЛАВА II.

1731—1762 г.

Смѣшеніе квартирмейстерской части съ инженерною. Минихъ. Штаты и табели 1731 года. Значеніе квартирмейстерской части въ войны Турецкія этого періода и въ Семилѣтнюю войну. Болѣе замѣчательныя личности этого періода.

Установленія Петра Великаго по квартирмейстерской части, не подвергались коренным измѣненіямъ при первыхъ его преемникахъ, но и не были достаточно развиты для того, чтобы имъ можно было прочно усвоиться въ нашихъ войскахъ. Среди придворныхъ интригъ, непосредственно слѣдовавшихъ за смертью Великаго Преобразователя, некогда было его птенцамъ заботиться объ усовершенствованіи военныхъ учрежденій; изъ ихъ рядовъ, не смотря на опытъ великой Сѣверной войны, не вышло ни одного военнаго администратора, который бы заявилъ себя самостоятельною дѣятельностью послѣ смерти Петра, почему въ дѣлѣ дальнѣйшихъ военныхъ преобразованій первое мѣсто занимаетъ чужеземецъ, незадолго до того прибывшій въ Россію, Минихъ.

Будучи вызванъ изъ заграницы Петромъ I спеціально для инженерныхъ работъ, Минихъ и обратилъ особое вниманіе на инженерный корпусъ, который по его иниціативѣ

получаетъ большее противъ прежняго развитіе и большіе служебные преимущества; такъ въ 1726 году инженерные офицеры отличены въ рангахъ и окладами содержанія отъ армейскихъ; съ назначеніемъ же въ 1727 году Миниха оберъ-директоромъ надъ фортификаціями Всероссійской Имперіи, инженерному корпусу дана отдѣльная самостоятельность отъ артиллерійскаго вѣдомства, съ которымъ онъ прежде былъ соединенъ. Естественно, что преимущества, которыми пользовались гвардія, артиллерія и инженерный корпусъ, должны были отвлекать къ себѣ всѣхъ наиболѣе образованныхъ и развитыхъ людей того времени, что неизбѣжно и отражалось на комплектованіи квартирмейстерской части.

Къ тому же и само правительство послѣ Петра не придавало ей особаго значенія, что выказалось съ самыхъ же первыхъ дней царствованія Императрицы Анны Іоановны.

Въ Октябрѣ 1730 года учреждена была изъ фельдмаршаловъ и высшихъ генераловъ особая военная коммисія, съ цѣлію, «такія основательныя учрежденія учинить, чтобы армія всегда содержалась въ добромъ состояніи и сколько возможно безъ излишней народной тягости и напрасныхъ убытковъ». Въ коммисіи этой первенствующее вліяніе имѣлъ Минихъ и это не замедлило выказаться въ ея работахъ.

Работы эти особенно замѣчательны по отчетливой разработкѣ всѣхъ предметовъ военнаго хозяйства, а также и введеніемъ впервые особыхъ штатовъ для мирнаго и военнаго времени. Разница между тѣми и другими была незначительна для войскъ, но относительно весьма велика для чиновъ квартирмейстерской части.

Такъ русская армія, по штатамъ 1731 года выработаннымъ коммисіею, простиралась въ мирное время до 157,546 челов., а по штатамъ военнаго до 167,019 челов. ([1])

Численность генералитета и штабныхъ чиновъ была также уменьшена, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени, а именно по первымъ штатамъ, положено всего разныхъ чиновъ 259, а по штатамъ военнаго времени—302; въ этомъ числѣ заключалось собственно канцеляр-

2*

скихъ чиновъ: 158 для мирнаго и 175 для военнаго времени. Такое уменьшеніе преимущественно отнесено было на чиновъ квартирмейстерской части, между которыми по штатамъ мирнаго времени за ненадобностію были сокращены: одинъ генералъ-квартирмейстеръ, всѣ оберъ-квартирмейстеры и капитаны надъ вожатыми съ состоящими при нихъ поручиками; чиновъ послѣднихъ двухъ разрядовъ положено было не установлять и для военнаго времени съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ войны должность капитановъ надъ вожатыми исполняли оберъ-квартирмейстеры, что впрочемъ предоставлялось на волю главнокомандующаго. Всего затѣмъ по штату 1731 года полагалось въ составѣ генеральнаго штаба арміи, чиновъ квартирмейстерскихъ: (²)

	въ мирное	въ военное время.
Генералъ-квартирмейстеровъ	1	2
Генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ.	2	2
Оберъ-квартирмейстеровъ	—	5
Генералъ-штабъ-квартирмейстеровъ . .	2	2
Штабъ-фурьеровъ	—	2
Итого .	5	13

Изъ числа этихъ чиновъ въ мирное время генералъ-квартирмейстеръ долженъ былъ постоянно находиться при Украинскомъ корпусѣ, стоявшемъ на наиболѣе важной въ то время нашей турецкой границѣ; (³) тамъ же находились и оба генералъ-штабъ-квартирмейстера. Что же касается до генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ, то воинская коммисія предполагала назначать ихъ для командировокъ за границу, причемъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, какую цѣль должны были имѣть эти командировки. Можно даже предполагать, что сама коммисія, не выяснила себѣ вполнѣ этого назначенія, потому что рядомъ съ этимъ ею же установлено, что генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты, оставаясь въ предѣлахъ Имперіи, должны наблюдать за строеніемъ и починкою крѣпостей находящихся въ расположеніи войскъ, при которыхъ они будутъ состоять.

Нельзя не замѣтить здѣсь какъ-бы подчиненіе квартирмейстерской части преобладавшему въ то время инженерному элементу: выразилось же это, не только уменьшеніемъ числа квартирмейстерскихъ чиновъ, вслѣдствіе усилившагося развитія инженернаго вѣдомства, но даже и назначеніемъ для этихъ чиновъ обязанностей прямо принадлежащихъ къ кругу дѣятельности инженеровъ. Смѣшеніе это, какъ увидимъ ниже, не осталось безъ вліянія на тогдашнія войска и образъ ихъ дѣйствій.

По штатамъ и табелямъ 1731 года, оклады содержанія чинамъ квартирмейстерскимъ оставлены прежніе противъ табелей 1720 года, съ нижеслѣдующими лишь измѣненіями.

1) Генералъ-квартирмейстеру къ прежнимъ 50 руб. на канцелярскіе расходы прибавлено еще 50 руб., *понеже у оныхъ по ихъ должностямъ бываетъ бумагъ и прочему излишніе расходы*; вмѣстѣ съ тѣмъ въ мирное время, какъ при этомъ чинѣ, такъ и при генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантахъ, убавлено по одному писарю.

2) Оберъ-квартирмейстерамъ, какъ-бы въ исправленіе табели 1720 года, опредѣлено маіорское содержаніе, взамѣнъ прежде бывшаго капитанскаго, а именно: жалованья 300 руб., 3 деньщика и 13 раціоновъ; на канцелярскіе-же расходы оставлено по прежнему 10 руб.

3) Такъ какъ установленъ былъ новый вычетъ изъ жалованья на медикаменты по $1\frac{1}{2}$ коп. съ рубля, вмѣсто учрежденнаго Петромъ I по рангамъ, то приходилось дѣлать таковаго вычета:

съ генералъ-квартирмейстера вмѣсто	15 р.	— к.	по	27 р.	— к.
съ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта вмѣсто. . . .	12 »	— »	»	9 »	—
съ оберъ-квартирмейстеровъ вмѣсто	4 »	— »	»	4 »	50 »
съ генералъ-штабъ-квартирмейстеровъ вмѣсто. . . .	3 »	— »	»	2 »	70 »
съ штабъ-фурьера вмѣсто .	1 »	50 »	»	1 »	26 »

4) Каждый рацiонъ опредѣленъ въ 5 руб. 40 коп. и общимъ постановленiемъ для всей армiи положено, чтобы рацiоны выдавались офицерамъ не только на службѣ, но и за время нахожденiя въ отпуску.

5) Точно также общимъ законоположенiемъ опредѣлено, чтобы всѣмъ вообще служащимъ, кои имѣютъ за собою менѣе 100 душъ крестьянъ, выдавать деньщиковъ, а которые имѣютъ крестьянъ болѣе того, тѣмъ деньщиковъ не давать, но отпускать по прежнему на деньщиковъ жалованье денежное и хлѣбное, которое тогда же опредѣлено въ 6 руб. 30 коп. за каждаго деньщика.

Если принять во вниманiе всѣ эти расчеты и переложить все содержанiе на деньги, то окажется что по табелямъ 1731 года получали всего:

Генералъ-квартирмейстеръ. . . .	2137 р.	— к.
Генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ	770 »	80 »
Оберъ-квартирмейстеръ.	393 »	70 »
Генералъ-штабъ-квартирмейстеръ. .	227 »	10 »
Штабъ-фурьеръ (прапорщичья ранга)	104 »	34 »

Оклады эти ничѣмъ не отличались отъ окладовъ содержанiя соотвѣтствующихъ чиновъ въ штабахъ и полкахъ армiи, (гвардiя-же и въ то время имѣла свои особые оклады); единственное различiе составляли только деньги на канцелярскiе припасы; особыхъ затѣмъ дополнительныхъ окладовъ соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ столовымъ и квартирнымъ деньгамъ, въ то время не существовало. А между тѣмъ расходовъ у всѣхъ служащихъ было не мало: каждый офицеръ, кромѣ прапорщиковъ, обязанъ былъ имѣть верховую лошадь и положенiями 1731 года даже напоминается генералитету крѣпко смотрѣть, чтобы у всѣхъ офицеровъ были лошади добрыя, а у кого лошади худы и не годны—взыскивать.

Все обмундированiе точно также каждый долженъ былъ заготовлять для себя изъ своихъ средствъ, но въ видѣ облегченiя, до царствованiя Анны Iоановны и не требовалось отъ офицеровъ вообще однообразiя и точнаго соблюденiя формы; въ Высочайше утвержденномъ 17 Августа 1731 года,

мнѣніи Сената, прямо говорится, что строевые штабъ и оберъ-офицеры имѣютъ мундиръ разпоманерный, а иные и по тѣми цвѣтами, какой на рядовыхъ, а такъ какъ до того времени точнаго о томъ опредѣленія не было сдѣлано, то въ 1731 году, впервые и была назначена форма строевымъ офицерамъ, причемъ для штабныхъ должностей неустановлялось ни какихъ особыхъ отличій, почему занимающія ихъ лица и носили общій армейскій мундиръ. Надо полагать однако, что даже позднѣе на строгое исполненіе этого постановленія смотрѣли сквозь пальцы, такъ какъ еще въ законодательствѣ императора Павла встрѣчаются подтвержденія,чтобы не дѣлаемо было офицерами отступленіи отъ формы въ покроѣ и въ цвѣтѣ мундировъ.

Естественно, что при ограниченномъ содержаніи и большихъ расходахъ, офицеры нашихъ войскъ, несмотря на кажущуюся нынѣ баснословною дешевизну того времени, могли содержать себя только при пособіи изъ своихъ собственныхъ средствъ и изъ своихъ помѣстій; и дѣйствительно, сохранились многія указанія, что находясь при арміи, офицеры постоянно получали изъ своихъ деревень деньги, вещи и даже провизію; отсюда являлась необходимость и значительныхъ обозовъ за нашими арміями; само законодательство того времени дозволяло это, разрѣшая штабъ офицерамъ имѣть отъ пяти до двухъ телѣгъ, ротнымъ командирамъ по двѣ, а субалтернъ-офицерамъ по одной телѣгѣ, да сверхъ того еще каждому штабъ-офицеру по коляскѣ, и затѣмъ на всѣхъ офицеровъ каждой роты по двѣ коляски; всѣ эти повозки прямо опредѣлялись для возки багажа и запасовъ, которые необходимы были при малонаселенности и бѣдности тѣхъ мѣстностей, гдѣ располагались и дѣйствовали войска.

Не представляя никакихъ особенныхъ преимуществъ, а лишь одни затрудненія и неопредѣлительность положенія, квартирмейстерская служба стала вовсе непривлекательною, такъ что даже при маломъ числѣ должностей этой службы, онѣ не были замѣщаемы въ мирное время. Такъ въ 1732 году, всего по квартирмейстерской части, имѣлся на лицо

при войскахъ только одинъ генералъ квартирмейстеръ-лейтенантъ Штофельнъ, прославившійся въ чинѣ генералъ-поручика въ 1737 году, геройскою обороною Очакова. Въ томъ же 1732 году, является претендентъ на званіе генералъ-квартирмейстера, единственно въ видахъ производства въ слѣдующій чинъ, нѣкто Выборгскаго пѣхотнаго полка полковникъ Дебриньи. ([4]) Въ прошеніи поданномъ имъ въ военную колегію, онъ означаетъ, что поступивъ въ Россійскую службу въ 1719 году, онъ былъ принятъ подполковникомъ въ Астраханскій пѣхотный полкъ, имѣлъ командировки для осмотра крѣпостей, въ 1722 году участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, гдѣ строилъ Аграханскій ретраншаментъ, а при возвращеніи изъ похода, по изустному повелѣнію императора Петра I, исполнялъ должность генералъ-квартирмейстера, затѣмъ строилъ крѣпость Святаго Креста, и ходилъ съ партіями во владѣнія шамхала Тарковскаго. Въ уваженіе ко всѣмъ этимъ заслугамъ своимъ, онъ проситъ о пожалованіи его генералъ-квартирмейстеромъ, въ рангѣ генералъ-маіора. Оригиналенъ отвѣтъ на это прошеніе военной коллегіи: признавая, что Дебриньи не можетъ быть произведенъ въ генералъ-маіоры, такъ какъ 15 полковниковъ были старше его, положено было послать Дебриньи строить крѣпость Св. Анны ([5]) съ тѣмъ, что если онъ пробудетъ тамъ три года, то и пожаловать его въ генералъ-квартирмейстеры.

Дебриньи согласился на это условіе, но неизвѣстно по какой причинѣ, произведенъ былъ въ генералъ-квартирмейстеры ранѣе указаннаго срока, хотя неизвѣстно когда именно; въ Ноябрѣ 1733 года, онъ уже значится въ этомъ чинѣ и ему, кромѣ строенія крѣпости Св. Анны, поручается наблюденіе за производимыми въ южной Россіи приготовленіями къ войнѣ съ Турціею. ([6]) Послѣднее порученіе заключаетъ въ себѣ чрезвычайно широкія полномочія, по которымъ Дебриньи долженъ былъ озаботиться о снабженіи всѣхъ пограничныхъ крѣпостей потребнымъ провіантомъ и военными запасами, объ учрежденіи на предстоящемъ театрѣ войны провіантскихъ магазиновъ, объ исправленіи осадной

и полевой артиллеріи со всѣми необходимыми для нея запасами, наконецъ о заготовленіи на Дону галеръ, бударъ и разнаго лѣсу на рогатки и палисады. Все это поручалось Дебриньи, потому что какъ сказано въ докладѣ по этому предмету графа Миниха, должность его въ себѣ то содержитъ, т. е. что все это относится къ должности генералъ-квартирмейстера. Въ этомъ опять видно проявленіе новаго взгляда на эту должность, именно, что къ кругу ея обязанностей относится подготовка театра военныхъ дѣйствій, не только въ смыслѣ изученія его въ топографическомъ отношеніи (для движенія и расположенія войскъ), но также и въ смыслѣ изслѣдованія его средствъ для продовольствія и боеваго употребленія войскъ. Надо предполагать, что Дебриньи былъ посвященъ уже и въ предположенія Миниха относительно предстоящихъ военныхъ операцій; быть можетъ онъ участвовалъ и въ составленіи, или въ обсужденіи плана предстоящей кампаніи и тогда возложенное на него порученіе представляется лишь дальнѣйшимъ развитіемъ его прямыхъ обязанностей.

Порученіе это Дебриньи долженъ былъ кончить къ 15 Марта 1734 года, и надо полагать, что оно было имъ исполнено надлежащимъ образомъ, потому что въ Декабрѣ того-же года, ему дано опять новое порученіе,—составить предположеніе о перенесеніи крѣпости Св. Креста на новое мѣсто и представить соображенія и смѣту о требуемыхъ постройкахъ. Въ Высочайше апробованной меморіи военной коллегіи по этому предмету сказано:(7) «Какъ крѣпость Св. Креста признана на неудобной ситуаціи, то положено ее перенесть, почему предполагается генералъ-квартирмейстеру Дебриньи, какъ прежде тамъ бывшему, повелѣть: сообща согласно съ тамошнимъ генералитетомъ и обрѣтающимися въ Персидскихъ провинціяхъ инженерами, тамошніе мѣста, а особливо около Аграхани и Терека осмотрѣть и мѣсто къ тому удобное, которому бы возможно моремъ комуникаціи имѣть, избрать и къ строенію на томъ мѣстѣ крѣпости, вмѣсто нынѣшней крѣпости Св. Креста представленіе учинить, а какой препорціи оную крѣпость надлежитъ строить и окрестныхъ къ

тому положеній и состояніе мѣстъ учинить обстоятельную карту, смѣрявъ и описаніе прислать немедленно сюда».

Порученіе это Дебриньи исполнилъ къ Августу 1735 года и представляя въ военную колегію свое донесеніе по этому предмету, просилъ, чтобы ему дозволено было возвратиться снова въ крѣпость Св. Анны, для окончанія тамъ трехлѣтняго срока въ заслугу ему пожалованнаго генералъ-маіорскаго чина, т. е. для исполненія того условія, которое было назначено ему военною колегіею въ 1732-мъ году. Однако открывшаяся съ Турціею война вызвала Дебриньи къ войскамъ и въ 1736 году онъ встрѣчается уже въ должности генералъ-квартирмейстера при дѣйствующей арміи находившейся подъ командою фельдмаршала графа Миниха. Армія эта, благодаря энергіи Миниха, была широко снабжена всѣмъ необходимымъ и между прочими штабными чинами въ ней встрѣчаемъ, по квартирмейстерской части, кромѣ генералъ-квартирмейстера Дебриньи, еще пять оберъ-квартирмейстеровъ, (8) изъ которыхъ Нейбоуръ, Унгеръ, Мордвиновъ и Аршеневскій, состояли непосредственно при главной квартирѣ Миниха, а пятый, — Фрауендорфъ, при отдѣльно дѣйствовавшей арміи фельдмаршала Ласси. При послѣдней же почти постоянно находился и самъ Дебриньи, между тѣмъ какъ при главной арміи Миниха, должность генералъ-квартирмейстера исправлялъ адъютантъ фельдмаршала, графъ Виллимъ Виллимовичъ Ферморъ, который за отличіе въ крымскомъ походѣ 1736 года, былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, безъ производства въ генералы (9) и въ этомъ званіи состоялъ при Минихѣ до самаго окончанія войны. Будущій герой Семилѣтней войны, нерѣдко упоминается въ журналѣ военныхъ дѣйствій Миниховской арміи, какъ храбрый и предпріимчивый начальникъ передовыхъ войскъ. Такъ въ началѣ похода 1738 года, Ферморъ посланъ былъ съ передовыми казачьими партіями отъ Переволочны въ Очаковскую степь, для развѣдки о непріятелѣ и лично, съ 350 человѣками конвоя, былъ окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ, отъ котораго мужественно отбился, за что былъ произведенъ въ ге-

нералъ-маіоры. Въ слѣдующемъ году Ферморъ опять съ авангардомъ Миниха устраивалъ въ концѣ Іюля мѣсяца, переправу черезъ Днѣстръ и отличился при Ставучанахъ.

О дѣйствіяхъ и отличіяхъ другихъ чиновъ квартирмейстерской части того времени не сохранилось никакихъ указаній; надо полагать, что ихъ дѣятельность ограничивалась преимущественно участіемъ въ дѣйствіяхъ передовыхъ войскъ и въ устроеніи арміи на бивакахъ и въ походѣ. Къ тому же дѣятельность этихъ чиновъ совершенно совпадала съ таковою-же чиновъ инженернаго вѣдомства, которое подъ управленіемъ Миниха получило весьма значительное развитіе. Еще Петромъ I инженеры были раздѣлены на гарнизонныхъ и полевыхъ, причемъ послѣдніе назначались состоять при войскахъ, гдѣ независимо отъ званія инженера, исправляли въ мирное и въ военное время должность офицеровъ нынѣшняго генеральнаго штаба.(10) Регламентами для инженернаго корпуса опредѣлялось, что должность полевыхъ инженеровъ: быть при арміи для веденія маршрутовъ и снятія мѣстъ, а особливо расположенія атаки, веденія траншей и все, что къ закрытію людей и оружія по искуству ихъ принадлежитъ. Въ званія, начиная отъ генералъ квартирмейстера до полковаго квартирмейстера, избирались предпочтительно лица изъ полевыхъ инженеровъ; если и допускались иногда къ тому артиллеріи и арміи штабъ и оберъ-офицеры, то не иначе, какъ по предварительномъ испытаніи въ знаніи инженерныхъ наукъ, на томъ основаніи, какъ сказано въ регламентѣ, что должность ихъ больше можетъ быть при практикѣ завсегда инженерная, а не артиллерійская, къ тому-жъ и въ мирное время по дѣламъ инженернымъ опредѣляемы оные бываютъ.

Это смѣшеніе двухъ вѣдомствъ,—инженернаго и квартирмейстерскаго, съ явнымъ преобладаніемъ перваго, въ связи съ разными другими причинами, не могло не отозваться на самый образъ веденія войны. Изъ двухъ главныхъ видовъ дѣятельности квартирмейстерской части,—по движенію и расположенію войскъ, при тогдашнемъ образѣ веденія войны, второму дано было преобладающее значеніе. Силу арміи стали

полагать, не столько въ умѣньи ея усиленными переходами настигать непріятеля, какъ преимущественно въ томъ, чтобы образовать изъ нея твердыню, о которую разбивался бы противникъ. Отсюда заведеніе рогатокъ, которые возились при войскахъ, окапываніе каждаго мѣста стоянки арміи цѣпными и сплошными укрѣпленіями, укрѣпленныя позиціи и цѣлыя оборонительныя линіи. Талантливые полководцы того времени, какъ Минихъ, дѣлали отступленія отъ подобнаго образа дѣйствій, но масса посредственности искала спасенія лишь въ окопахъ, изнуряя войска земляными работами и совершенно лишая ихъ надлежащей подвижности.

Таковы были послѣдствія усиленія въ войскахъ инженернаго элемента, совпадавшаго съ ослабленіемъ квартирмейстерской части; чины послѣдней были представителями подвижности войскъ, почему и встрѣчаемъ ихъ постоянно въ головѣ колоннъ, въ авангардахъ, съ легкими передовыми войсками; инженеры-же олицетворяли собою неподвижность, прикрѣпленіе войскъ къ укрѣпленіямъ. Невыгоды такого преобладанія инженернаго искуства, особенно выказались въ Семилѣтнюю войну, когда, по выраженію Ласковскаго, русскіе войска едвали неболѣе работали лопатою, чѣмъ оружіемъ. (11)

Поднятое на значительную степень значенія Минихомъ, инженерное вѣдомство еще болѣе получило у насъ развитія съ 1756 года, когда графъ Шуваловъ былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и главнымъ начальникомъ инженернаго корпуса. Главная заслуга новаго начальника въ этомъ отношеніи наиболѣе заключается въ томъ, что не вводя почти ничего новаго, онъ привелъ въ систематическій порядокъ все установившееся до него, какъ положеніями, такъ и самою жизнію. Онъ обратилъ вниманіе на полнѣйшій недостатокъ картъ и описаній прежде бывшихъ кампаній и сдѣлавъ строгій выговоръ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи за то, что она не обращала вниманія на собираніе и храненіе документовъ, относящихся до предшествовавшихъ войнъ, предписалъ, чтобы впредь состоящіе при арміяхъ инженеры были непремѣнно снабжаемы подробными инструкціями о томъ, какъ они должны состав-

лять маршкарты, планы, журналы и описанія военныхъ дѣйствій. Въ тоже время графомъ Шуваловымъ положено начало устройству инженернаго архива, при которомъ должны были храниться, нетолько планы и чертежи всѣхъ крѣпостей, но и всѣхъ мѣстъ, генеральныя и спеціальныя карты, а также и описанія всѣхъ вообще войнъ и происходившихъ военныхъ дѣйствій.([12]) Этимъ впервые положено начало тому хранилищу, которое впослѣдствіи времени послужило основаніемъ нашему Военно-Топографическому депо и нынѣшнему Военно-Ученому Архиву.

Приготовленія къ предстоявшей тогда войнѣ съ Пруссіею дали возможность осуществить на дѣлѣ предположенія графа Шувалова и въ архивахъ находимъ оставшіяся съ того времени инструкціи, которыя вполнѣ выясняютъ кругъ дѣйствій и обязанностей тогдашнихъ инженерныхъ офицеровъ и показываютъ, что съ развитіемъ этихъ обязанностей, собственно для офицеровъ квартирмейстерской части, оставалось весьма немногое. Такъ изъ инструкціи, данной графомъ Шуваловымъ 17 Января 1757 года, инженеръ генералъ-маіору де-Боскету, ([13]) назначенному начальникомъ инженеровъ въ армію фельдмаршала Апраксина, видно, что инженерные офицеры опредѣлялись къ дивизіоннымъ командирамъ и ко всѣмъ отдѣляемымъ отъ арміи начальникамъ отрядовъ; что офицеры эти, независимо отъ обязанностей по своей прямой спеціальности, должны были сочинять подробныя маршъ-карты всѣмъ мѣстамъ, по которымъ слѣдовали войска, описывать и исправлять дороги, снимать планы всѣхъ кампаментовъ, позицій и баталій, показывать на особыхъ картахъ кантониръ и винтеръ-квартиры, вести подробные и обстоятельные журналы военныхъ дѣйствій.

Нельзя не замѣтить, что въ это же самое время, при высшемъ генералитетѣ усиливается значеніе адъютантуры: главнокомандующіе имѣли при себѣ двухъ генералъ-адъютантовъ и четырехъ флигель-адъютантовъ; первые завѣдывали всей военно-походною канцеляріею; при всѣхъ прочихъ генералахъ также полагались адъютанты, которые будучи избираемы по преимуществу изъ родственниковъ, были бли-

жайшими довѣренными лицами командующихъ начальниковъ; къ тому же они полагались при генералахъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, почему неудивительно, что были привычны къ занятіямъ при тѣхъ начальникахъ, при которыхъ состояли.

При такомъ составѣ штабовъ, какое же могло быть значеніе квартирмейстерскихъ чиновъ? Объ нихъ, кажется, вовсе и забыли и даже не видно слѣдовъ ихъ существованія, кромѣ нѣкоторыхъ высшихъ чиновъ, о дѣятельности которыхъ сохранилось также очень немного свѣдѣній. Отсутствіе при войскахъ чиновъ подготовленныхъ къ тому, чтобы служить передатчиками и исполнителями воли главнокомандующаго по части движенія, расположенія и дѣйствія войскъ, неизбѣжно должно было отразиться на самыя военныя дѣйствія, которыя, какъ извѣстно, велись въ теченіи почти всей Семилѣтней войны съ изумительнымъ безпорядкомъ и при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ здравыхъ понятій о военномъ дѣлѣ. Сосредоточивается, напримѣръ, въ 1757 г. громадная армія, подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Апраксина, для вторженія въ Пруссію. При этой арміи въ 135,000 человѣкъ штатнаго числа, что представляло до 60—75,000 наличнаго состава, было два генералъ-квартирмейстера: генералы Вильбоа и Штофельнъ и два генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта,—Веймарнъ и Шпрингеръ. Вильбоа, изъ эстляндскихъ уроженцевъ, сынъ извѣстнаго сподвижника Петра I, Никиты Петровича Вильбоа, молодой и очень способный офицеръ, неумѣвшій, однако, ужиться съ тогдашними порядками, почему въ первый же годъ Семилѣтней войны, онъ оставилъ свою должность и умеръ въ отставкѣ. «Чортъ ихъ возьми», говорилъ онъ про штабъ Апраксина, «здѣсь надобно притворяться такимъ же дуракомъ, какъ и всѣ, иначе всѣхъ сдѣлаешь себѣ непріятелями».(14) Что касается Штофельна и Веймарна, то они извѣстны за весьма ученыхъ и свѣдущихъ военныхъ людей; оба они остзейскіе уроженцы, но воспитывались въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущены подпоручиками арміи, первый въ 1738, а второй въ 1740 году.

Быстро сдѣланная ими карьера можетъ свидѣтельствовать, что это были люди выходящіе изъ ряда посредственности; въ дальнѣйшемъ прохожденіи службы они еще болѣе пріобрѣли извѣстность. Христофоръ Федоровичъ Штофельнъ отличался въ Семилѣтнюю войну, блистательно командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, занимавшимъ въ 1-ю Турецкую войну (въ 1769 и 1770 годахъ) Молдавію и Валахію, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память между жителями своею справедливостію и безкорыстіемъ; войска также высоко его цѣнили за заботливость объ нихъ, личное мужество и распорядительность, неоднократно блестяще имъ выказанные. Иванъ Ивановичъ Веймарнъ, замѣнившій Вильбоа въ должности генералъ-квартирмейстера, пользовался большимъ вліяніемъ на фельдмаршала Апраксина, котораго, по отзыву современниковъ, «водилъ какъ на веревочкѣ;» онъ отозванъ изъ арміи вмѣстѣ съ Апраксинымъ въ 1758 году и послѣ паденія Бестужева, былъ наказанъ почетною ссылкою въ Сибирь, гдѣ командовалъ войсками. ([15]) Въ царствованіе же Екатерины II имѣлъ весьма многія порученія, которыя исполнялъ всегда съ полнымъ успѣхомъ.

Наконецъ, о личности Шпрингера извѣстно только, что онъ состоялъ съ русской стороны при главной квартирѣ австрійской арміи.

Дѣятельность этихъ лицъ, по прямому ихъ назначенію, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ въ арміи Апраксина, кромѣ одного Штофельна, который, какъ увидимъ ниже, начальствовалъ передовыми отрядами; у нихъ вовсе не было ближайшихъ помощниковъ въ лицѣ оберъ-квартирмейстеровъ, такъ какъ должность эту исправлялъ обыкновенно старшій изъ полковыхъ квартирмейстеровъ, каждой бригады (бригады были въ три полка).

Двигалась же и располагалась эта армія въ первую кампанію Семилѣтней войны, съ поразительнымъ неустройствомъ.

Сосредоточившись у Риги, армія Апраксина двинулась къ предѣламъ Пруссіи двумя колоннами: въ правой шла дивизія Фермора на Мемель, а въ лѣвой двѣ остальныя

дивизіи, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, на Ковно и далѣе черезъ Гумбиненъ къ Инстербургу. О движеніи послѣдней колонны имѣются весьма обстоятельныя свѣдѣнія въ запискахъ А. Т. Болотова, который служилъ въ Архангелогородскомъ мушкатерскомъ полку, входившемъ въ составъ этой колонны. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній: на передвиженіе отъ Риги до Ковно, было употреблено ровно мѣсяцъ (съ 7-го Мая по 7-е Іюня); движеніе вовсе не было распредѣлено заранѣе; всѣ войска слѣдовали по двумъ дорогамъ, вмѣстѣ съ своими громадными обозами, сильно затруднявшими движеніе; переходы дѣлались небольшіе, по 10 и 15 верстъ, но съ постоянными остановками въ пути, такъ что войска двигались по цѣлымъ днямъ, выступая рано утромъ и приходя на ночлегъ лишь поздно вечеромъ, а иногда и къ полуночи; на ночлегахъ зачастую приходилось оставаться безъ обозовъ. Правильнаго распредѣленія дневокъ также небыло: иногда войска стояли по нѣсколько дней на мѣстѣ, принимая провіантъ, занимаясь хлѣбопеченіемъ, поджидая отсталыхъ; въ другой же разъ по три дня сряду находились въ походѣ, или же черезъ день похода имѣли двухдневныя дневки. ([16])

Со вступленіемъ въ Пруссію движеніе и расположеніе войскъ еще болѣе затруднилось, такъ какъ вся армія слѣдовала одною массою, нерѣдко даже безъ дорогъ, а прямо по полямъ; если-же для движенія и разбивали ее иногда на эшелоны, то на ночлежныхъ бивакахъ она обыкновенно сосредоточивалась вся на одной общей позиціи. Каковы были позиціи о томъ можетъ служить примѣромъ Гросъ-Егерпдорфская, на которой, если русская армія не была окончательно уничтожена, то единственно благодаря необычайной стойкости нашего солдата. Аванпостовъ вовсе не было выставляемо, а расположеніе войскъ окружали рогатками, да на ночь выставляли, и то не всегда, отдѣльные караулы; вслѣдствіе того нерѣдко какой нибудь ничтожный непріятельскій разъѣздъ производилъ тревогу и вынуждалъ всю армію становиться въ ружье. Впереди арміи слѣдовалъ обыкновенно авангардъ, но и онъ не обезпечивалъ ея, хотя и высылалъ

отъ себя кавалерійскія партіи для собиранія свѣдѣній о непріятелѣ; самыя же эти партіи по большей части не принимали никакихъ предосторожностей и нерѣдко были захватываемы непріятелемъ въ расплохъ. Такъ при вступленіи арміи фельдмаршала Апраксина въ Пруссію, послана была изъ Сталупенена конная партія, въ 300 драгунъ и 180 казаковъ, подъ начальствомъ драгунскаго маіора Де-ла-Рю. Удалившись на цѣлый переходъ отъ авангарда и не встрѣчая нигдѣ непріятеля, отрядъ этотъ расположился въ деревнѣ, безъ всякихъ предосторожностей и перепившись, былъ захваченъ въ расплохъ прусскими гусарами (21-го Іюля 1758 года). Вслѣдствіе этого неудачнаго дѣла принято впредь за правило, поручать передовые отряды генералъ-квартирмейстеру Штофельну и первый опытъ такого распоряженія увѣнчался успѣхомъ. Партія изъ 300 гусаръ и 800 казаковъ будучи послана подъ командою Штофельна, къ Инстербургу въ то время, когда вся армія стояла еще у Гумбинена, разбила передовой прусскій отрядъ (28 Іюля) и очистила отъ непріятеля лѣсистую и пролегавшую дефилеями дорогу между двумя названными пунктами.

Съ этого времени, во все продолженіе Семилѣтней войны постоянно уже генералъ-квартирмейстеръ Штофельнъ встрѣчается съ передовыми отрядами, нерѣдко въ весьма большомъ отдаленіи отъ арміи. Такъ въ началѣ 1758 года, когда русская армія была еще около Тильзита и Кенигсберга, Штофельнъ съ передовыми войсками былъ уже на Вислѣ, у Маріенвердера, какъ сказано въ официіальной реляціи,—«для осмотра ситуаціи и для заготовленія провіанта, также и для забранія оставленныхъ при рѣкѣ Вислѣ понтоновъ къ дѣланію мостовъ». Въ Августѣ того же года, Штофельнъ съ авангардомъ русской арміи подступилъ къ Кюстрину, съ боя овладѣлъ крѣпостнымъ форштатомъ и приступилъ къ рекогносцировкѣ крѣпости и къ заложенію батарей; при этомъ рекогносцировку производили инженеры: полковникъ де-Молинъ и подполковникъ Гербель, а первую батарею на форштатѣ, по указанію Штофельна, строилъ инженеръ капитанъ князь Вяземскій; изъ числа этихъ офицеровъ

Гербель и князь Вяземскій, въ концѣ Семилѣтней войны, встрѣчаются уже на службѣ по квартирмейстерской части, въ званіи генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ. Наконецъ въ томъ же 1758 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, при осадѣ Кольберга генералъ-маіоромъ Пальменбахомъ, Штофельнъ встрѣчается завѣдывающимъ главною атакою противъ этой крѣпости, со стороны Минденскаго форштата.

Съ удаленіемъ фельдмаршала Апраксина отъ арміи и съ назначеніемъ въ 1758 году на его мѣсто главнокомандующимъ Фермора, образъ дѣйствій русскихъ войскъ нисколько не измѣнился. По свидѣтельству принца Саксонскаго Карла, находившагося при русской арміи, — войска слѣдовали одною колонною, легкіе отряды держались близко отъ главныхъ силъ, вовсе не дѣлая разъѣздовъ въ стороны; «гусары и казаки не употреблялись вообще къ тому, къ чему они способны по ихъ качеству; для лагерей обыкновенно занимались весьма худыя мѣста въ лощинахъ, отнюдь не пользуясь пригорками». Порицая всѣ распоряженія Фермора подъ Кюстринымъ и Цорндорфомъ, обвиняя его въ недостаткѣ твердости и въ недовѣріи «къ тѣмъ, кто могъ бы давать ему хорошіе совѣты», принцъ Саксонскій Карлъ указываетъ, что главное несчастіе Фермора заключалось въ томъ, что онъ ввѣрился вполнѣ молодому человѣку полковнику Ирману», который, при весьма маломъ искусствѣ своемъ, правилъ при арміи должность-генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта»; онъ-то, по словамъ принца, «и завелъ русскую армію въ ту яму, гдѣ она едва вовсе не погибла.»([17])

Къ сожалѣнію объ этомъ Ирманѣ и отношеніяхъ его къ Фермору не сохранилось никакихъ болѣе свѣдѣній, кромѣ того, что онъ исправлялъ должность втораго генералъ-квартирмейстера, послѣ того какъ И. И. Веймарнъ вызванъ былъ въ Петербургъ, для представленія отвѣтовъ на данные ему отъ правительства вопросные пункты, относительно дѣйствій Апраксина. Вмѣстѣ съ Ирманомъ должность генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта исправлялъ также полковникъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ,([18]) который еще въ 1753 г., встрѣчается при занятіяхъ по квартирмейстерской части и

даже именуется оберъ-квартирмейстеромъ, въ каковомъ званіи онъ и былъ командированъ отъ графа Шувалову въ Ригу, для снятія плановъ стоявшимъ тамъ кампаментомъ полкамъ. (19)

Во время же Семилѣтней войны на Сиверса были возлагаемы многія порученія; такъ въ Сентябрѣ 1758 года, онъ состоялъ при отдѣльномъ отрядѣ генералъ-маіора Пальменбаха, посланномъ противъ Кольберга, а въ Октябрѣ 1759 года, былъ полномочнымъ съ русской стороны, при заключеніи съ Пруссіею конвенціи о выкупѣ и размѣнѣ военно-плѣнныхъ.

Не безъинтересно при этомъ остановиться на этой конвенціи, чтобы видѣть, какъ въ то время оцѣнивали разныхъ должностныхъ лицъ арміи; по конвенціи опредѣленъ былъ выкупъ: за фельдмаршала 3000 плѣнныхъ и 15,000 гульд., за генералъ-квартирмейстера, по его чину, такъ какъ въ этомъ званіи могъ быть и полковникъ и генералъ, за генералъ-маіора—300 плѣнныхъ, или 1500 гуль., за полковника, а также и за генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта,—130 плѣнныхъ, или 650 гульд.; за оберъ-квартирмейстера—27 плѣнныхъ или 135 гульд ; (т. е. одинаково какъ за преміеръ-маіора); за полковаго квартермистра одинаково какъ за поручика—6 плѣнныхъ, или 30 гульд.

Съ назначеніемъ въ 1759 году главнокомандующимъ русской арміи фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, военныя дѣйствія получаютъ большую правильность, въ дѣлѣ управленія арміею и составными ея частями, устанавливается большая опредѣлительность, что и не замедлило проявиться Куперсдорфскою побѣдою и другими успѣхами русскаго оружія. О дѣятельности собственно чиновъ квартирмейстерской части за время командованія арміею Салтыкова, не сохранилось положительно никакихъ извѣстій, кромѣ отрывочныхъ указаній, что въ 1759 году были пожалованы въ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты: инженерные полковники князь Вяземскій и Гербель, да баронъ фонъ-Элмптъ и что въ тоже время, въ таковыхъ же

должностяхъ находились еще Ирманъ и Сиверсъ; такимъ образомъ единовременно, при одномъ генералъ-квартирмейстерѣ (Штофельнѣ), армія имѣла пятерыхъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ и ни одного оберъ-квартирмейстера. Должности послѣднихъ исполняли инженерные офицеры, которыхъ по прежнему назначали по одному въ каждой дивизіи и къ отдѣльнымъ отрядамъ, для исполненія квартирмейстерскихъ обязанностей ([20])

Однако къ концу Семилѣтней войны, число чиновъ квартирмейстерской части стало пополняться: въ 1762 году, князь Вяземскій и баронъ фонъ-Эльмптъ были пожалованы въ генералъ-квартирмейстеры, а къ началу слѣдующаго года, когда собирались свѣдѣнія о числѣ всѣхъ квартирмейстерскихъ чиновъ состоящихъ на службѣ при войскахъ, то оказалось, что кромѣ двухъ названныхъ чиновъ, еще считалось: 4-е генералъ-квартирмейстеръ лейтенанта,—Петръ Ивашевъ, Петръ Чарторижскій, Михаилъ Каменскій и Михаилъ Каховскій, да 8 оберъ-квартирмейстеровъ—Андрей Медеръ, Николай Бекетовъ, Николай Борзовъ, Трауенбергъ, Егоръ Ренъ, Энгелярдтъ, Энгельгартъ и Тишковъ.([21]) Когда и какимъ образомъ всѣ эти лица попали въ квартирмейстерскую часть ничего не извѣстно; сохранились слѣды назначенія лишь одного Михаила Каменскаго и по этому образчику можно сдѣлать заключеніе и о прочихъ. Когда находившійся при генералъ-аншефѣ графѣ Румянцовѣ, князь Вяземскій, былъ пожалованъ въ февралѣ 1762 года въ генералъ-квартирмейстеры, то графъ Румянцовъ представилъ на его мѣсто въ генералъ-квартирмейтеръ лейтенанты, артиллеріи капитана Михаила Каменскаго, который, по сношенію съ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, переименованъ въ преміеръ маіоры арміи, такъ какъ «за головною болью при орудіяхъ быть не можетъ»; вслѣдствіи этого представленія и состоялось 5 Марта 1762 года, положеніе военной колегіи о назначеніи Каменскаго генералъ-квартирмейстеръ лейтенантомъ, въ рангѣ полковничьемъ.—Такимъ образомъ благодаря головной боли и протекціи входившаго уже въ силу графа Румянцова, Каменскій въ одинъ годъ, изъ капитановъ попалъ въ полковники.

По всей вѣроятности и большинство чиновъ квартирмейстерской части попали на свои должности лишь по протекціи, для выигрыша въ чинахъ; въ тѣ времена подобныя назначенія на должности высшихъ ранговъ, для полученія соотвѣтственнаго чина, были очень часты и въ большемъ употребленіи; иногда военная колегія при подобныхъ назначеніяхъ опредѣляла выслугу нѣкотораго числа лѣтъ, какъ тогда говорилось, въ заслугу полученнаго чина, но нерѣдко это правило забывалось, или-же обходилось главнокомандующими, которые пользовались обширными правами по чинопроизводству, повышая своею властію до чина маіора включительно и лишь извѣщая о томъ военную колегію.

Что дѣйствительно состоявшія въ концѣ Семилѣтней войны на службѣ по квартирмейстерской части чины не соотвѣтствовали своему назначенію, въ томъ убѣждаетъ аттестація сдѣланная объ нихъ при преобразованіи арміи императрицею Екатериною II, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Изъ настоящаго очерка дѣятельности квартирмейстерской части въ Семилѣтнюю войну, можно видѣть въ какомъ сильномъ неустройствѣ находилась эта важная отрасль военнаго управленія и какъ далека была ея организація отъ тѣхъ здравыхъ и правильныхъ началъ, которыя положены въ основу ея Петромъ Великимъ. Уже при Минихѣ началось разстройство квартирмейстерской части, уменьшеніемъ числа чиновъ оной и назначеніемъ имъ самыхъ разнообразныхъ, но вовсе не соотвѣтствующихъ ихъ прямой спеціальности, порученій. Прямымъ слѣдствіемъ того было, что въ Семилѣтнюю войну вовсе не имѣлось подготовленныхъ заблаговременно чиновъ квартирмейстерской части, да и было забыто даже въ чемъ должны состоять ихъ прямыя непосредственныя обязанности, почему и возлагали на нихъ командованіе передовыми войсками, сборы провіанта и фуража въ непріятельской странѣ, осады крѣпостей, постройку мостовъ на путяхъ слѣдованія арміи. Для лучшаго исполненія послѣдняго рода порученій, къ генералъ-квартирмейстерамъ прикомандировывались инженерные офицеры и подчинялись заве-

денныя съ 1757 года особыя команды съ мѣдными понтонами; (22) положеніемъ объ этихъ командахъ опредѣлялось, что въ походѣ младшій офицеръ каждой команды съ фурьеромъ, одною лодкою и съ двумя матросами, долженъ постоянно находиться непосредственно при генералъ-квартирмейстерѣ, между тѣмъ какъ вся прочая команда съ понтонами должна была слѣдовать за авангардомъ.

Подчиненіе понтонныхъ командъ квартирмейстерской части есть единственная новая мысль прибавленная въ разсматриваемый періодъ къ установленіямъ Петра I по этой части; мысль эта заимствованная изъ прусской арміи, неоднократно и въ послѣдствіи времени была осуществляема у насъ, и въ западно-европейскихъ арміяхъ, однако нигдѣ не прививалась и всюду была оставляема.

ГЛАВА III.

1762—1769.

Образованіе генеральнаго штаба императрицею Екатериною II. Штаты 1763 года; введеніе ихъ. Начало картографическихъ работъ новоучрежденнаго генеральнаго штаба. Съемки. Участіе генеральнаго штаба въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ и въ войнѣ противъ турокъ въ первый годъ ея.

Неустройство русской арміи, выказавшееся въ Семилѣтнюю войну, должно было вызвать рядъ преобразованій, которыя дѣйствительно, и были предприняты еще императоромъ Петромъ III, желавшимъ переустроить русскія войска вполнѣ по образцу арміи Фридриха II. Воцареніе императрицы Екатерины II не пріостановило этихъ начинаній, но дало имъ иное направленіе въ томъ смыслѣ, что, при всѣхъ задуманныхъ и исполненныхъ преобразованіяхъ, положено было строго держаться основаній принятыхъ Петромъ Великимъ, при созданіи имъ вооруженныхъ силъ Россіи, давая этимъ основаніямъ лишь развитіе болѣе широкое и болѣе соотвѣтственное съ современными понятіями о военномъ дѣлѣ.

Въ первые же дни по вступленіи на престолъ, императрицей учреждена была особая военная коммисія для разсмотрѣнія всѣхъ штатовъ войскъ, преобразованія военныхъ учрежденій и опредѣленія потребностей службы.

Въ составъ коммисіи вошли почти исключительно русскіе по происхожденію генералы, а именно: генералъ фельдмаршалы Разумовскій и Салтыковъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа; полные генералы: князь Голицынъ, графъ Чернышевъ, Панинъ, князь Волконскій, князь Долгоруковъ; генералъ-поручики: Василій Суворовъ, Лопухинъ и Бергъ. Коммисіи предоставлено было избирать себѣ помощниками и приглашать на совѣщанія способнѣйшихъ генераловъ и лицъ гражданскаго вѣдомства.

Трудами этой коммисіи выработано множество положеній, какъ по комплектованію и организаціи русской арміи, такъ и по хозяйственной ея части. Прежде всего обращено было вниманіе на самую организацію арміи и ея штаты, и уже въ Январѣ 1763 года, коммисія представила первый свой докладъ о переустройствѣ арміи и о новыхъ штатахъ для генералитета и полковъ. Штаты эти утверждены императрицею 30-го Января, а къ 1-му Мая приведены въ дѣйствіе.

Въ докладѣ своемъ коммисія на первомъ планѣ выставляетъ, что главными недостатками русской арміи въ Семилѣтнюю войну былъ некомплектъ генераловъ и малое число офицеровъ квартирмейстерской части. Поэтому-то, оставляя прежнее число полковъ въ арміи и уменьшивъ численность въ нихъ людей противъ штатовъ царствованія Елисаветы на 28,846 человѣкъ, коммисія проектируетъ увеличить число генераловъ на всѣ войска съ 25 до 84, и создать квартирмейстерскую часть на новыхъ основаніяхъ, въ болѣе широкихъ противъ прежняго размѣрахъ.

Въ докладѣ коммисіи указывается, что, по незначительности прежняго штатнаго числа квартирмейстерскихъ чиновъ, въ Семилѣтнюю войну—«къ развѣдыванію для всѣхъ дивизій и колоннъ ситуаціи, къ пріуготовленію имъ дорогъ и къ препровожденію колоннъ, а особливо къ препровожденію жь деташаментовъ»,—всегда приходилось брать, безъ всякаго испытанія, неприготовленныхъ къ тому полковыхъ офицеровъ. Слѣдствіемъ того, по словамъ доклада, было то, что «избираемыхъ незапно къ тѣмъ должностямъ

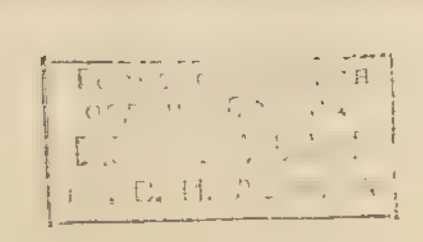
полковыхъ офицеровъ неизвѣстная способность въ первомъ времени всегда зависѣла отъ удачи и неудачи, а тѣмъ, особливо незапно отправляющимся съ деташаментомъ командирамъ, причинялись великія затрудненія и недовѣрки къ предпріемлемымъ маршамъ».

Для устраненія на будущее время подобныхъ неудобствъ, коммисія предложила учредить особый генеральный штабъ, по примѣру содержащихся подобныхъ штабовъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, «дабы оному, обще съ генералъ-квартирмейстерами, яко главными въ томъ штабѣ классами, во время мира состоять подъ единственнымъ вѣдѣніемъ надъ всѣми Вашего Императорскаго Величества войсками военнаго правительства, которое бы во время мира способомъ того генеральнаго штаба собирало подробныя извѣстія и сочиняло, съ примѣчаніями по воинскому искусству, ландкарты всѣмъ положеніямъ и проходамъ, лежащимъ, какъ на границахъ всей имперіи Вашего Императорскаго Величества, такъ дорогамъ и всякимъ къ онымъ способнымъ комуникаціямъ, на случающіяся, гдѣ потребныя войскамъ тамъ собранія и къ пріуготовленію способности для доставленія онымъ всего потребнаго имъ снабдѣнія, а при случаяхъ отправленія арміи или корпусовъ въ войну, чтобъ изъ того генеральнаго штаба и отряжало военное правительство, по числу отправляющагося войска, потребныхъ къ нему тѣхъ чиновъ». (1)

Приведенныя слова доклада выражаютъ собою все положеніе о вновь учрежденномъ генеральномъ штабѣ и замѣчательны тѣмъ, что ими впервые вмѣняется генеральному штабу обязанность заниматься въ мирное время подготовительными работами въ дѣлѣ изученія мѣстности и по составленію картъ для военныхъ потребностей. Въ самыхъ штатахъ, приложенныхъ къ докладу, чины квартирмейстерской части впервые отдѣлены отъ генералитета и помѣщены отдѣльно подъ рубрикою: «чиновъ генеральнаго штаба арміи». (2)

Сравнительно съ числомъ прежнихъ чиновъ квартирмейстерской части, новый генеральный штабъ увеличенъ

противъ военнаго времени почти втрое, т. е. вмѣсто 13 назначено 40 разныхъ чиновъ, и при томъ не только для военнаго, но и для мирнаго времени. Къ тому же прежніе генералъ-штабъ-квартирмейстеры и штабъ-фурьеры не включены въ генеральный штабъ, а оставлены въ составѣ генералитета, т. е. штаба арміи, такъ какъ на нихъ возлагался исключительно только отводъ квартиръ для чиновъ штаба.

При установленіи числа чиновъ генеральнаго штаба, принято было въ соображеніи, чтобы на каждую изъ трехъ армій, на которыя въ то время дѣлились русскія войска, приходилось: на двѣ дѣйствующія—по одному генералъ-квартирмейстеру, одному генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанту и по нѣсколько оберъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, по усмотрѣнію военной колегіи, а на резервную армію, одинъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ. (3) Колонные же офицеры распредѣлялись особо по арміямъ и замѣняли собою прежнихъ поручиковъ, состоявшихъ при капитанѣ надъ вожатыми, должность котораго была упразднена еще въ 1731 году.

Независимо отъ распредѣленія по арміямъ и дивизіямъ, часть чиновъ генеральнаго штаба должна была постоянно находиться при военной колегіи, или, вѣрнѣе говоря, при чертежной генеральнаго штаба, состоявшей при этой колегіи. Чертежной завѣдывалъ старшій изъ находившихся на лицо офицеровъ и ему же подчинялись и всѣ офицеры генеральнаго штаба, состоявшіе при колегіи; къ чертежной прикомандировывались по мѣрѣ надобности для работъ офицеры и унтеръ-офицеры изъ армейскихъ полковъ.

Непосредственное высшее завѣдываніе генеральнымъ штабомъ и его чертежной лежало на вице-президентѣ военной колегіи, графѣ Захаръ Григорьевичѣ Чернышевѣ; ему же была подчинена, учрежденная указомъ 6-го Октября 1763 года, секретная экспедиція военной колегіи, на которую возлагались всѣ тайныя распоряженія по движенію войскъ и сбору корпусовъ предназначаемыхъ для дѣйствій. (4) Съ этой-то экспедиціей все болѣе и болѣе связывалась служба

генеральнаго штаба, особенно послѣ преобразованія послѣдняго въ 1772 году.

По окладамъ содержанія, а отчасти и по обмундированію, генеральный штабъ ближе всего подходилъ къ армейской пѣхотѣ. Въ содержаніи отъ пѣхоты имѣлось лишь то различіе, что штабъ-офицеры генеральнаго штаба получали деньги на канцелярскіе припасы, да число рационовъ всѣмъ чинамъ было значительнѣе; въ чины они производились на открывающіяся вакансіи по генеральному штабу, а съ достиженіемъ чина подполковника, чаще всего возвращались въ строй. Число чиновъ было такое же, какъ въ артиллеріи, за исключеніемъ лишь чина штыкъ-юнкера, котораго не полагалось въ генеральномъ штабѣ (5) Такимъ образомъ, собственно по числу чиновъ, генеральный штабъ имѣлъ наименьшее число оныхъ, что не было, конечно, безъ вліянія на болѣе быстрое достиженіе высшихъ чиновъ, хотя, возможность этого въ значительной степени, уменьшалась зачисленіемъ многихъ лицъ изъ строя прямо въ генеральный штабъ, на оберъ-квартирмейстерскія должности, чѣмъ заграждалась дорога къ производству дивизіоннымъ квартирмейстерамъ и колоножнымъ офицерамъ.

Что касается до обмундированія, то какъ прежніе чины квартирмейстерской части не имѣли особаго мундира, такъ сперва не было назначено онаго и для генеральнаго штаба. Только 27-го Іюля 1764 года опредѣлено офицерамъ генеральнаго штаба имѣть то самое обмундированіе и снаряженіе, какое имѣли съ 1763 года офицеры мушкетерскихъ полковъ, съ небольшими лишь измѣненіями. Самая форма обмундированія заключалась въ слѣдующемъ: (6)

Кафтанъ, какъ у пѣхоты, зеленаго цвѣта съ воротникомъ, лацканами и обшлагами красными, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что, по борту, на клапанахъ и около петель, а на обшлагахъ у каждой изъ трехъ пуговицъ, имѣлись золотые вышитые на пергаментѣ, балеты, или петлицы; на лѣвомъ плечѣ серебряный, съ примѣсью зеленаго шелку, эполетъ, а на правомъ таковой же аксельбантъ. Подъ кафтанъ надѣвался камзолъ безъ рукавовъ и воротника, кото-

рый, какъ и штаны, подобно всей пѣхотѣ, краснаго цвѣта; на камзолѣ и кафтанѣ выпуклыя пуговицы. Взамѣнъ башмаковъ и штиблетъ носимыхъ пѣхотою, сапоги съ раструбами и пристяжными шпорами, на подобіе пѣхотныхъ штабъ-офицеровъ долженствующихъ быть верхами. Галстухъ высокій, черный шелковый, съ узкою бѣлою обшивкою; изъ подъ верхней части борта камзола выставлялись бѣлыя маншеты. Епанча, или длинный плащь безъ рукавовъ, васильковаго цвѣта съ каразейнымъ того же цвѣта подбоемъ, имѣла небольшой отложной воротникъ, застегивавшійся у шеи вызолоченною пуговицею. Шляпа поярковая, съ полями трехвершковой ширины, обшивалась золотымъ зубчатымъ галуномъ въ $^3/_4$ вершка; на лѣвой сторонѣ ея волосяной бантъ съ петлею изъ черной шелковой тесьмы, застегнутою на вызолоченную пуговицу; кисти на углахъ шляпы золотыя съ чорнымъ шелкомъ. Волосы на головѣ убраны въ пукли и косу, оплетенную черною шелковою лентою, длиною до пояса. Перчатки лосиныя, съ небольшими раструбами.

Каждый офицеръ имѣлъ шпагу съ золотымъ темлякомъ; на службѣ надѣвался золотой же шарфъ, но знака, подобнаго тому, какой имѣли строевые офицеры, не полагалось. Внѣ строя всѣ офицеры того времени носили трости.

Чины различались по шарфамъ и галунамъ на камзолѣ: штабъ-офицеры имѣли у шарфа канительныя кисти, а оберъ-офицеры гладкія. Что же касается до различій по камзоламъ, то у колоновожатыхъ офицеровъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, камзолъ былъ вовсе безъ галуновъ, у оберъ-квартирмейстеровъ обшитъ однимъ галуномъ шириною въ вершокъ, у генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ двумя галунами, широкимъ въ вершокъ и узкимъ въ полвершка; у генералъ-квартирмейстеровъ камзолъ былъ обшитъ однимъ рядомъ золотаго генеральскаго шитья, шириною въ вершокъ, какъ у генералъ-маіоровъ. Для парадовъ послѣдніе чины имѣли кафтанъ съ такимъ же шитьемъ, съ золотымъ аксельбантомъ и шляпу съ шитьемъ и бѣлымъ плюмажемъ.

Всѣмъ чинамъ генеральнаго штаба полагались еще зеленые сюртуки съ воротникомъ, обшлагами и подбоемъ

красными, какъ въ пѣхотѣ. Сѣдла англійскія, съ зеленымъ суконнымъ вальтрапомъ, подобнымъ адъютантскому: у оберъ-офицеровъ съ однимъ широкимъ, а у прочихъ съ широкимъ и узкимъ галуномъ; сверхъ того, генералъ-квартирмейстеръ имѣлъ парадный конскій уборъ, одинаковый съ таковымъ же генералъ-маіоровъ. При сѣдлѣ имѣлись по два пистолета, съ мѣдною оправою.

Хотя въ положеніяхъ ничего не упоминается о лошадяхъ для офицеровъ генеральнаго штаба, но такъ какъ по формѣ обуви они приравнены къ пѣхотнымъ штабъ-офицерамъ, то, вѣроятно, на нихъ распространялось существовавшее для послѣднихъ разрѣшеніе имѣть, кромѣ строевой лошади, еще одну или двѣ заводныя «съ приборомъ по достатку и произволу каждаго», но съ форменною попоною. Вѣроятно, имъ разрѣшалось имѣть, для походнаго и военнаго времени также и подъѣздка, съ уборомъ по произволу, какъ это разрѣшено было секундъ-маіорамъ пѣхоты.

Относительно выдачи фуражнаго довольствія на лошадей никакихъ опредѣленныхъ положеній не существовало.

Вышеописанное обмундированіе и снаряженіе генеральный штабъ сохранилъ во все царствованіе Императрицы Екатерины съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что въ 1771 году генералъ-квартирмейстеру разрѣшено было носить вседневный камзолъ безъ шитья. Предполагалось одно время дать всему генеральному штабу бѣлые камзолы и панталоны, но это не состоялось.

Посмотримъ какъ приведены были въ дѣйствіе положенія о генеральномъ штабѣ 1763 года и къ какимъ результатамъ повели эти положенія. (7)

Къ началу 1763 года, на службѣ находилось квартирмейстерскихъ чиновъ: генералъ-квартирмейстеры: Князь Вяземскій и баронъ Эльмптъ; генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты: Петръ Ивашевъ, Петръ Черторижскій, Михаилъ Каменскій; оберъ-квартирмейстеры: Андрей Медеръ, Николай Борзовъ, Трауенбергъ, Егоръ Ренъ, Энгелярть, Энгельгардтъ и Тишковъ.

Изъ этихъ лицъ князь Александръ Алексѣевичъ Вязем-

скій былъ приглашаемъ въ военную коммисію и, по всей вѣроятности, ему должна быть приписана наибольшая доля участія въ дѣлѣ составленія новаго положенія о генеральномъ штабѣ. Но при введеніи въ дѣйствіе этого положенія, онъ не учавствовалъ, будучи отвлеченъ другими занятіями; именно, въ 1763 году, онъ былъ командированъ для усмиренія крестьянъ, бунтовавшихъ на Сибирскихъ заводахъ, а по возвращеніи изъ этой командировки, назначенъ въ началѣ 1764 года къ исправленію важной въ то время должности генералъ-прокурора, по утвержденіи въ которой въ 1768 году, вовсе отчисленъ отъ генеральнаго штаба.

Для перехода къ новому штатному положенію о генеральномъ штабѣ, военная колегія поручила барону Эльмпту представить атестацію всѣхъ чиновъ квартирмейстерской части, состоящихъ на службѣ, а затѣмъ, совмѣстно съ двумя находившимися, въ то время, въ Петербургѣ, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантами, Ивашевымъ и Каховскимъ, избрать чиновъ для замѣщенія всѣхъ мѣстъ по новому штату.

Во исполненіе этого предписанія, баронъ Эльмптъ атестовалъ достойными къ продолженію службы въ генеральномъ штабѣ изъ прежнихъ чиновъ квартирмейстерской части, только двухъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ, Ивашева и Каховскаго, и двухъ оберъ-квартирмейстеровъ, Медера и Бекетова; о прочихъ чинахъ отозвался, что, или не знаетъ ихъ, или же, что они, хотя «чести офицерской достойны, но по знанію должности квартирмейстерской не достойны». Вслѣдствіе того только четверо атестованныхъ и были зачислены въ генеральный штабъ, а прочіе чины возвращены въ полки. Затѣмъ постепенно дѣлались представленія о зачисленіи въ генеральный штабъ разныхъ чиновъ изъ инженернаго корпуса (трое), изъ состоявшихъ при межеваніи (четверо) и изъ армейскихъ полковъ (11 человѣкъ). При каждомъ представленіи баронъ Эльмптъ упоминаетъ, что представляемый, по своему знанію наукъ, засвидѣтельствованному обоими генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантами, достоинъ къ зачисленію въ ге-

неральный штабъ. Для пополненія же вакансіи колоножныхъ офицеровъ подпоручичьяго ранга, сдѣлано было сношеніе съ сухопутнымъ шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ, откуда назначено для замѣщенія вакансій 12 человѣкъ изъ старшаго возраста, крѣпкаго тѣлосложенія и знающихъ инженерную науку. Начальство корпуса отозвалось, что назначаемые, хотя и довольно знающи въ этой наукѣ, но лишь хорошее начало имѣютъ по оной, а достаточно знающихъ вовсе не имѣется,—за недавно произведеннымъ большимъ выпускомъ въ офицеры. Самая степень познаній представленныхъ къ выпуску изъ корпуса въ генеральный штабъ, опредѣлялась почти для всѣхъ слѣдующимъ: умѣли хорошо сочинять по русски, прошли ариѳметику и геометрію теоретическую и практическую, фортификацію регулярную и иррегулярную; многіе слушали алгебру и гражданскую архитектуру, изучали географію и исторію, а нѣкоторые и латинскій языкъ; изъ артиллеріи почти всѣ знали немного: нѣкоторые только о порохѣ, а другіе и о черченіи орудій; умѣли рисовать, кто просто тушью, а другіе и красками; учились танцовать, фехтованью и манежной ѣздѣ; наконецъ почти каждый зналъ, болѣе или менѣе, одинъ изъ иностранныхъ языковъ, французскій или нѣмецкій. Строевую же службу, какъ извѣстно, кадеты изучали практически. Вообще уровень познаній, даже по тогдашнему времени, былъ невеликъ, а между тѣмъ назначенные на службу въ генеральный штабъ были уже въ возрастѣ около двадцати лѣтъ; только двое имѣли по 17-ти лѣтъ, одинъ даже 22 года. Поэтому неудивительно, что изъ перваго выпуска въ генеральный штабъ лишь самое небольшее число офицеровъ остались на долго въ корпусѣ, и что при послѣдующихъ случаяхъ комплектованія генеральнаго штаба, преимущественно брали въ колоножные офицеры, или изъ строя, или же изъ кондукторовъ инженернаго корпуса.

Всѣми вышеуказанными мѣрами, къ первымъ числамъ Октября 1763 года, генеральный штабъ былъ приведенъ въ полный комплектъ и даже противъ штатнаго числа чиновъ былъ прибавленъ еще одинъ генералъ-квартирмейстеръ-лей-

тенантъ, вѣроятно на томъ основаніи, что вслѣдствіе отсутствія князя Вяземскаго, одинъ изъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ временно считался заступающимъ его мѣсто.

Къ Октябрю мѣсяцу установилось и нижеслѣдующее распредѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба по дивизіямъ.

При Лифляндской дивизіи: генералъ-квартирмейстеръ баронъ Эльмптъ, оберъ-квартирмейстеры: полковникъ Медеръ, маіоры Браунъ и Бергъ, дивизіонные квартирмейстеры: капитаны Василевскій, Зальца и Шталь-фонъ-Гольштейнъ.

При Смоленской дивизіи: генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Михаилъ Каховскій, оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Боя, дивизіонные квартирмейстеры: капитаны Нефедьевъ и Алехинъ, поручики Василій Каховскій и Кацаревъ, колоножные подпоручики Занденъ и Шульманъ.

Въ Москвѣ: оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Николай Бекетовъ.

Въ Черниговѣ: оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Муромцевъ.

Въ Польшѣ: при генералъ-поручикѣ Веймарнѣ, дивизіонный квартирмейстеръ поручикъ Карповъ.

Остальные чины состояли при военной коллегіи, а именно: генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты: Ивашевъ и Зегеръ; оберъ-квартирмейстеры: подполковникъ Протасовъ, маіоры Ермолаевъ и Рогачевъ; дивизіонные квартирмейстеры: капитанъ Рейнъ, поручики Адлербергъ, Иванъ Бекетовъ, Поповъ, Дуровъ и Великопольскій; колоножные: подпоручики Глѣбовъ, Маринъ, Жоховъ, Бердяевъ и Ниротъ; сверхъ того пять колоножныхъ офицеровъ, а именно: подпоручики Валуевъ, Свѣчинъ, Ягодинскій, Ефимьевъ и Искрицкій считались въ отпуску.

Какъ распредѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба, такъ и нѣкоторыя имѣющіяся данныя, наводятъ на мысль, что, при самомъ учрежденіи этого корпуса, закрался нѣкоторый разладъ между служившими въ немъ офицерами, образовались партіи, русская и нѣмецкая. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ и тогдашнему настроенію нашего общества, въ которомъ сильно стали пробуждаться патріотическія стремленія. Надо полагать, что нѣмецкая партія въ это время не

находила себѣ сочувствія и въ военной коллегіи, присутствіе которой состояло все изъ генераловъ, носившихъ русскія фамиліи ([8]), почему партія эта почти вся и сгруппировалась въ Лифляндской дивизіи, около барона Эльмпта; здѣсь находился только одинъ капитанъ Василевскій, не носившій нѣмецкой фамиліи, да и тотъ къ началу 1764 г., *«за нерасторопность»*, былъ атестованъ неспособнымъ къ службѣ въ генеральномъ штабѣ и, по прошенію, уволенъ.

Во главѣ русской партіи стояли Ивашевъ и Каховскій; перваго видимо поддерживала военная коллегія, онъ находился въ Петербургѣ и какъ бы замѣщалъ собою отсутствующаго генералъ-квартирмейстера князя Вяземскаго, вслѣдствіе чего вскорѣ и установилось, что всѣ представленія о производствѣ въ генеральномъ штабѣ и о замѣщеніи въ немъ вакансій непосредственно поступали въ коллегію отъ одного Ивашева и только для свѣдѣнія сообщалось о томъ обоимъ генералъ-квартирмейстерамъ.

Раздоры между нѣмецкою и русскою партіями, жертвою которыхъ въ Ригѣ былъ Василевскій, въ Петербургѣ обрушились на генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантѣ Зегерѣ; онъ долженъ былъ сперва въ 1766 году проситься въ отпускъ за границу на шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ уже съ пути, изъ Риги, просилъ объ отставкѣ, которая дана ему, благодаря заступничеству барона Эльмпта. Прося объ отставкѣ и жалуясь въ иностранную коллегію на неполученіе паспорта на выѣздъ, Зегеръ упоминаетъ объ испытанныхъ имъ огорченіяхъ на службѣ, которыя заставляютъ его вовсе уѣхать изъ Россіи. Хотя иностранная и военная коллегіи, какъ видно изъ бумагъ, признавали Зегера, при увольненіи его въ отставку, за съумасшедшаго, но медицинскому освидѣтельствованію его вовсе не подвергали.

Преобладаніе русской партіи въ генеральномъ штабѣ, въ первые годы царствованія Екатерины, видно также и по выбору для этой службы лицъ съ русскими фамиліями, при самомъ незначительномъ числѣ лицъ нѣмецкаго происхожденія. Такимъ образомъ, на укомплектованіе генеральнаго штаба, послѣ пополненія его штата въ 1764 году, было

разновременно, до сентября 1769 года, зачислено 25 разныхъ чиновъ и изъ нихъ только пятеро были нѣмецкаго происхожденія (9); къ тому же трое изъ послѣднихъ пяти вышли изъ генеральнаго штаба вскорѣ по зачисленіи въ оный. Какъ мало въ это время цѣнили вообще иностранцевъ, можно видѣть изъ того факта, что въ 1766 году рѣшено было принять въ службу въ генеральный штабъ прусской службы маіора Людвига Деенея не иначе, какъ капитаномъ, несмотря на то, что онъ служилъ инженеръ-географомъ и во Франціи, и въ Пруссіи. На такое условіе иностранецъ этотъ однако не согласился.

Служба и занятія генеральнаго штаба, при его учрежденіи, не были опредѣлены никакой положительной инструкціей, кромѣ тѣхъ указаній воинской коллегіи 1763 года, которыя приведены выше, и которыми опредѣляется цѣль учрежденія этого корпуса офицеровъ. Изъ дѣлъ же военной коллегіи видно, что главныя занятія генеральнаго штаба во время мира, продолжавшагося въ первые годы царствованія Екатерины, сосредоточивались на составленіи картъ расположенія войскъ по постояннымъ квартирамъ, на выборѣ мѣстъ для лагерей, въ которые войска выводились на лѣтнее время, на составленіи маршрутовъ между пунктами расположенія и, наконецъ, болѣе всего, на производствѣ съемокъ цѣлыхъ губерній и большихъ пространствъ.

Всѣ эти занятія находились въ тѣсной между собою связи и клонились къ тому, чтобы какъ можно поспѣшнѣе собрать надлежащіе матеріалы для составленія общей карты всей Россіи. Поводомъ къ возбужденію этого рода дѣятельности, безъ сомнѣнія послужило замѣчаніе, сдѣланное Императрицей Екатериной, что даже Правительствующій Сенатъ не зналъ въ то время числа городовъ въ Россіи, не имѣлъ отъ основанія своего карты всей Имперіи..... «Бывъ въ сенатѣ», говоритъ сама Императрица въ разсказахъ о первыхъ пяти годахъ своего царствованія (10), «я послала пять рублей въ академію наукъ чрезъ рѣку отъ Сената, и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ (11) въ тотъ же часъ подарила Правительствующему Сенату».

Такимъ образомъ, почипъ въ дѣлѣ усиленнаго развитія съемокъ и картографическихъ занятій въ генеральномъ штабѣ можно безошибочно признать за самой Императрицей, чѣмъ и объясняется та, почти лихорадочная, дѣятельность по этой части, которая замѣтна во всѣхъ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ въ первые годы царствованія Екатерины. Что такія работы были возложены именно на военную коллегію, а ею на генеральный штабъ, это вполнѣ естественно, такъ какъ оба эти вѣдомства болѣе всего могли нуждаться въ картахъ для своихъ занятій. Къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось слѣдовъ, кѣмъ именно и по какимъ соображеніямъ предложена была мысль о составленіи генеральнымъ штабомъ спеціальной карты Россійской Имперіи, но есть очень много данныхъ о томъ, какъ на первыхъ порахъ принялись за эту громадную работу.

Еще въ 1763 году генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Петръ Ивашевъ (произведенный около этого времени въ бригадиры) упоминаетъ въ своихъ донесеніяхъ о порученномъ ему составленіи спеціальной карты Россіи, что заставляетъ полагать, что дѣло было задумано не позже этого года. Къ этому времени относятся и распоряженія военной коллегіи о производствѣ единовременно съемокъ Ингерманландіи, порученной самому Ивашеву, Московской, Архангелогородской и Смоленской губерніи. Въ это же время и баронъ Эльмптъ доносилъ военной коллегіи, что онъ, съ состоящими при немъ офицерами генеральнаго штаба, занятъ сочиненіемъ карты Лифляндіи и Курляндіи, снимаетъ планы лагерей войскъ, планъ рѣки Двины, отъ ея устья до рѣки Эвестъ, гдѣ русская граница сходится съ польскою, планъ окрестностей города Риги на три мили въ окружности, и, наконецъ, составляетъ карту расположенія полковъ Лифляндской дивизіи на винтеръ-квартирахъ.

Въ видахъ обезпеченія всѣхъ предпринимаемыхъ съемокъ рабочими силами, военная коллегія списалась съ сухопутнымъ шляхетнымъ корпусомъ и съ главною канцеляріею артиллеріи, вслѣдствіе чего отъ корпуса были назначены на съемку Ингерманландіи три офицера и при нихъ 16 кадетъ ([12]).

Изъ главной артиллерійской канцеляріи военная коллегія требовала также назначенія на съемки 16 офицеровъ и кондукторовъ; но генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа отвѣчалъ, что, за сокращеніемъ инженернаго штата, имѣется лишь необходимое для крѣпостей число офицеровъ, а въ кондукторахъ некомплектъ, и что, вслѣдствіе того, назначеніе инженеровъ на съемки повредитъ крѣпостнымъ работамъ.

Получивъ такой отвѣтъ, военная коллегія признала, что на инженерное вѣдомство нельзя расчитывать, но что, съ учрежденіемъ по всѣмъ городамъ и губерніямъ гарнизоновъ и командъ, возможно будетъ въ этихъ войскахъ всегда найти достаточное число офицеровъ, учившихся въ кадетскомъ корпусѣ и, слѣдовательно, знающихъ съемку. На этомъ основаніи, 15-го Іюля 1764 года, состоялось постановленіе военной колегіи, чтобы всѣ войска, находясь на постоянныхъ квартирахъ, а особливо оберъ и дивизіонные квартирмейстеры и колоножные офицеры, занимались съемками и описаніями тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ находятся, и представляли свои работы въ особую, учрежденную при военной колегіи, временную коммисію, на которую возлагался пересмотръ всѣхъ вообще имѣвшихся въ разныхъ вѣдомствахъ картъ, съ цѣлію выбора изъ нихъ наиболѣе вѣрныхъ матеріаловъ для составленія специіальной карты. Коммисію предположено было образовать, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генералъ-маіора де Молина, изъ трехъ офицеровъ инженернаго корпуса, трехъ отъ генеральнаго штаба, придавъ ей для копировальныхъ работъ 12 человѣкъ изъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, а изъ полевыхъ полковъ, сколько потребуется по ходу занятій. На работы коммисіи, и вообще на составленіе картъ, военная колегія испрашивала асигнованія ежегодно по 6000 рублей, въ чемъ ей, однако, отказалъ правительствующій сенатъ, почему и образованіе коммисіи не состоялось, а въ Январѣ 1765 года рѣшено было составленіе картъ возложить исключительно на генеральный штабъ.

Между тѣмъ, самъ Ивашевъ, которому было поручено составленіе специіальной карты Россіи, сознавалъ всю громадность и трудность выполненія данной ему работы. Въ осо-

бомъ приложеніи, представленномъ имъ въ Декабрѣ 1764 въ военную колегію, онъ объясняетъ, что для составленія таковой карты необходимо нужно имѣть широты и долготы важнѣйшихъ пунктовъ, что слѣдовало бы ихъ истребовать отъ Академіи Наукъ, что для всей работы потребуются большіе расходы и что онъ уже получаетъ запросы отъ находящихся на съемкахъ офицеровъ генеральнаго штаба о томъ, откуда получать всѣ необходимые для нихъ матеріалы.

Военная колегія оставила безъ всякихъ послѣдствій вопросъ Ивашева, относящійся до расходовъ, но затребовала отъ Академіи Наукъ списки пунктовъ, которыхъ долготы и широты были опредѣлены ея учеными членами при разныхъ экспедиціяхъ. Академія отвѣчала, что о томъ, какія имѣются въ академіи извѣстія и записки, напечатано въ ежемѣсячномъ ея изданіи, за Декабрь 1757 года, и прислала роспись широтъ и долготъ десяти пунктовъ, извлеченную изъ IX тома ея инвентаря. На сдѣланный въ тоже время запросъ о доставленіи всѣхъ имѣющихся у нея картъ для перерисовки лучшихъ изъ нихъ, Академія Наукъ отказалась исполнить это, а просила прислать нарочнаго для осмотра картъ. Запрошенные же по этому предмету, Сенатъ и Адмиралтейство прислали въ военную колегію списки всѣхъ имѣвшихся у нихъ картъ, а именно отъ Сената 38, отъ Адмиралтейства 71 картъ и плановъ, между которыми наибольшее число относящихся до Восточной Россіи и Сибири, а также и до Украинскихъ линій ([13]).

Была ли извлечена генеральнымъ штабомъ какая-либо польза изъ этихъ картъ, неизвѣстно; но изъ разныхъ донесеній въ 1766 году видно, что занятія по составленію спеціальной карты все еще продолжались, но подъ руководствомъ не Ивашева, а генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта фонъ-Зегера; вѣроятно, эти занятія были прерваны отъѣздомъ Зегера за границу и наступившими вскорѣ приготовленіями къ первой турецкой войнѣ, а затѣмъ уже не возобновлялись. Надо полагать, что, вслѣдствіе изъясненія, представленнаго Ивашевымъ, военная колегія признала невозможность выполненія подобной карты: для этого не было ни денегъ, ни подготов-

ленныхъ людей, ни матеріаловъ; строить карту на пунктахъ, астрономическія опредѣленія которыхъ были доставлены Академіею Наукъ, очевидно, было невозможно; производить же самому генеральному штабу астрономическія опредѣленія немыслимо, какъ по сложности и трудности перевозки тогдашнихъ инструментовъ, такъ и по недостатку подготовленныхъ къ тому людей. По необходимости пришлось ограничиться картами отдѣльныхъ пространствъ, въ особенности тѣхъ, которыя представляли наиболѣе интереса для тогдашняго военнаго вѣдомства. Нельзя не обратить вниманія на то, что военная колегія видимо придерживалась того, чтобы по окраинамъ имперіи производить полныя съемки и составлять цѣлыя карты прилежащихъ къ этимъ окраинамъ губерній; внутри же государства довольствоваться составленіемъ картъ расположенія войскъ на непремѣнныхъ квартирахъ и съемкою маршрутовъ между пунктами расположенія войскъ. Это, признавалось достаточнымъ для надобностей военной колегіи.

На такихъ основаніяхъ съемки производились:

1) Въ Ингерманландіи, бригадиромъ Ивашевымъ.

2) Въ Прибалтійскомъ краѣ, барономъ Эльмптомъ, съ состоявшими при немъ офицерами.

3) Въ Смоленскомъ намѣстничествѣ, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантомъ Каховскимъ, съ состоявшими при немъ офицерами.

4) На юго-востокѣ Россіи, карту Астраханской губерніи составлялъ съ 1765 года, оберъ-квартирмейстеръ Бекетовъ и колоножный Патрикѣевъ.

5) Въ Украинской дивизіи производились только отрывочныя съемочныя работы: такъ, дивизіонный квартирмейстеръ Ефимьевъ снималъ въ 1765 году, по приказанію графа Румянцова, большую дорогу отъ Глухова до Кіева.

О работахъ внутри Россіи извѣстно только, что въ 1768 году оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Муромцовъ былъ командированъ въ Москву, для составленія карты расположенія войскъ и съемки маршрутовъ.

Наконецъ, на тогдашнихъ офицеровъ генеральнаго штаба возлагались и разнаго рода другія съемочныя работы: прези-

дентъ опекунства иностранцевъ, графъ Григорій Орловъ, требовалъ въ 1765 году дивизіоннаго квартирмейстера поручика Нѣелова, для размѣжевки земель колонистовъ; въ 1766 году оберъ-квартирмейстеръ Медеръ и дивизіонный квартирмейстеръ Ефимьевъ командированы для размежеванія Донскихъ земель; оберъ-квартирмейстеръ Василій Дьячковъ завѣдывалъ составленіемъ карты Архангельской губерніи, съ нанесеніемъ и опредѣленіемъ всѣхъ лѣсовъ ([14]). Баронъ Эльмптъ, по порученію Никиты Ивановича Панина, управлявшаго колегіею иностранныхъ дѣлъ, составилъ карту Лифляндской границы съ Курляндіею и Польшею, которую представилъ въ 1766 году. При комисарахъ, назначенныхъ для разграниченія съ Польшею въ 1765 году, состоялъ сперва оберъ-квартирмейстеръ Муромцовъ, а потомъ дивизіонный квартирмейстеръ капитанъ Николай Ладыженскій.

Къ сожалѣнію, о всѣхъ этихъ работахъ сохранилось очень мало свѣдѣній. Наиболѣе полныя имѣются о съемкѣ, произведенной бригадиромъ Ивашевымъ, почему остановимся на нѣсколькихъ подробностяхъ, чтобы показать, хотя до нѣкоторой степени, какъ велись въ то время подобныя работы. Нельзя не замѣтить, что Ивашевъ находился въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ другими съемщиками.

Получивъ предписаніе приступить къ съемкѣ Ингерманландіи, Ивашевъ заявилъ, что для работъ ему нужно четыре астролябіи съ бусолями и штативами, да четыре промѣрныхъ цѣпи; но и эти инструменты было трудно въ то время достать въ Петербургѣ, такъ что пришлось сноситься о доставкѣ ихъ съ Сенатомъ и Академіею Наукъ. Откуда были они, наконецъ, добыты—неизвѣстно. На расходы выдано Ивашеву 400 руб. изъ курьерской суммы ([15]), да для работъ назначена команда драгуновъ, 16 кадетъ при трехъ офицерахъ, три офицера изъ арміи, а изъ генеральнаго штаба на работахъ состояли: оберъ-квартирмейстеръ Ермолаевъ, дивизіонные квартирмейстеры Нѣеловъ и Волковъ и колоножные Бауверъ, Бологовскій и Толь.

Съемка начата была въ 1763 году и окончена въ на-

чалѣ 1765 года; но только въ слѣдующемъ году кончено самое составленіе карты Ингерманландіи. Въ какомъ масштабѣ были съемка и карта, какъ велико было снятое пространство([16]), неизвѣстно. Самыя съемочныя работы производились съ большою поспѣшностію, не прерываясь даже зимою, вслѣдствіе чего явилась надобность, весною 1764 года, посылать особыя партіи для повѣрки ситуаціи и ея нанесенія на снятые планшеты, потому что, какъ доносилъ Ивашевъ, «съемка происходила зимою и покрыта была большимъ снѣгомъ, такъ что всю натуру дѣйствительно признать было не можно, а на показанія обывателей въ невидимой ситуаціи также нельзя положиться, кромѣ деревень, рѣкъ, лѣсовъ и видимыхъ горъ, что всюду неупустительно по инструменту снято».

Съемка Ингерманландіи, по тогдашнему времени, была работой дѣйствительно замѣчательной, почему за ея окончаніе, всѣ участвовавшіе въ ней удостоились полученія денежныхъ Высочайшихъ наградъ, на что было назначено изъ кабинета Ея Величества 2469 руб. Изъ этой суммы назначено Ивашеву 1000 руб., всѣмъ прочимъ офицерскимъ чинамъ около полугодоваго жалованья, а кадетамъ по 25 руб. каждому ([17]).

Что касается до другихъ произведенныхъ въ началѣ царствованія Екатерины II съемочныхъ работъ генеральнаго штаба, то объ нихъ еще менѣе извѣстно, хотя и сохранились предписанія, поручающія вышепоименованнымъ лицамъ ихъ производство, также и нѣкоторыя донесенія съ представленіемъ картъ, но безъ приложеній, которыхъ въ архивѣ не оказывается.

По этимъ-то донесеніямъ можно видѣть, что военной колегіи были представлены разновременно съ 1763 по 1770 годъ слѣдующія карты:

1) Отъ барона Эльмпта: въ 1864 году лифляндская карта на которой означено: а) расположеніе 12 полковъ первой дивизіи на непремѣнныхъ квартирахъ; б) разстоянія штабъ-квартиръ каждаго полка отъ Москвы, Петербурга, отъ штаба дивизіи и отъ назначеннаго полку лагернаго мѣста; в) раз-

стояніе лагерныхъ мѣстъ также отъ Москвы, Петербурга и штаба дивизіи; въ 1766 году: карта лифляндской границы съ Курляндіею и польскою Лифляндіею.

2) Отъ оберъ-квартирмейстера Дьячкова въ 1766 году, карта западной половины Архангельской губерніи, а въ 1770 году и всей губерніи.

3) Отъ оберъ-квартирмейстера Бекетова, также въ 1766 году, карта Астраханской губерніи.

О работахъ въ Смоленской, Украинской и Московской дивизіяхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, что вѣроятнѣе всего можетъ быть приписано въ первыхъ двухъ дивизіяхъ тому, что если и производились тамъ съемки, то онѣ были прерваны въ Смоленской дивизіи движеніемъ изъ нея войскъ въ Польшу, а въ Украинской приготовленіями съ 1767 года къ войнѣ съ Турціею. Къ тому же всѣ эти работы врядъ-ли производились офицерами генеральнаго штаба охотно и съ большимъ тщаніемъ: на работы, или вовсе не отпускалось денегъ, или же, если и выдавались, то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Напримѣръ, когда баронъ Эльмптъ донесъ колегіи въ 1764 году, что онъ производитъ всѣ расходы по дѣлаемымъ подъ его руководствомъ съемкамъ на свой счетъ, но что ему предстоитъ командировать на съемки одного офицера въ Эстляндію, а другаго въ Смоленскую губернію, и онъ не знаетъ, откуда офицерамъ получить инструменты, бумагу, карандаши, краски и т. п. принадлежности, то военная колегія приказала отпустить ему на все это 50 рублей!

Къ тому же въ первое время по учрежденіи генеральнаго штаба, въ немъ не могло быть значительнаго числа хорошихъ съемщиковъ по той причинѣ, что таковые отвлекались межеваніемъ, обставленнымъ, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ его существованія очень хорошо. По этому предмету военная колегія неоднократно просила межевую экспедицію Правительствующаго Сената, чтобы отнюдь не брать изъ генеральнаго штаба въ землемѣры, такъ какъ генеральнаго штаба мало и онъ крайне надобенъ. Но ходатайства эти, повидимому, имѣли мало значенія, и выгоды

службы нерѣдко сманивали офицеровъ генеральнаго штаба къ переходу въ межевщики; такъ даже Ивашевъ недолго оставался въ генеральномъ штабѣ и перешелъ въ межевое вѣдомство, гдѣ впрочемъ служба его не особенно была счастлива: бывши членомъ межевой канцеляріи, въ чинѣ генералъ-поручика, Ивашевъ былъ отрѣшенъ въ 1779 году навсегда отъ дѣлъ за несходственное толкованіе узаконеній ([18]).

Собственно той службы, которую въ настоящее время называютъ службою при войскахъ и при военныхъ учрежденіяхъ, генеральный штабъ начала царствованія Екатерины II, вовсѣ не зналъ: она лежала вполнѣ, въ центральномъ военномъ управленіи, на особыхъ чинахъ, сравненныхъ лишь рангами съ чинами военными, а при войскахъ на состоявшихъ при генералитетѣ генеральс- и флигель-адъютантахъ, отчасти на инженерныхъ офицерахъ, а также на имѣвшихся при генералахъ, секретаряхъ, канцеляристахъ, писаряхъ. Отчужденіе генеральнаго штаба отъ этихъ занятій установилось обычаемъ, вслѣдствіе прежней малочисленности чиновъ квартирмейстерской части и убѣжденія, что эти чины во время войны только должны водить войска и указывать гдѣ имъ стать бивуаками; самый выборъ даже позиціи возлагался почти исключительно, или на адъютантовъ, или же на состоявшихъ при войскахъ инженерныхъ офицеровъ. Поэтому генеральный штабъ не только не принималъ никакого участія въ служебной перепискѣ относящейся до войскъ, но въ его вѣдѣніи не находилось составленіе маршрутовъ войскамъ и квартирныхъ росписаній. Отсюда происходили странности, непонятныя въ наше время: напримѣръ, генералъ-квартирмейстеръ баронъ Эльмптъ, состоя при Лифляндской дивизіи, не знаетъ точнымъ образомъ числа полковъ этой дивизіи. Весь вопросъ о расположеніи, въ началѣ царствованія Екатерины II, русской арміи на непремѣнныхъ квартирахъ, выработался безъ всякаго участія въ немъ генеральнаго штаба.

Только по вопросу о выводѣ войскъ съ квартиръ на лѣтнее время въ кампаменты, или лагери, встрѣчается дѣятельность офицеровъ этого корпуса, именно въ томъ, что

на нихъ возлагается избирать мѣста для лагеря и разбивать самый лагерь. Но такъ какъ генеральный штабъ былъ малочисленъ, а войска располагались въ лагеряхъ мелкими частями, то случалось зачастую, что и выборъ лагерныхъ мѣстъ и разбивка лагеря лежала на войскахъ, преимущественно на полковыхъ квартирмейстерахъ, въ званіе которыхъ назначались обыкновенно лучшіе офицеры полка, знающіе инженерную науку. Для того же, чтобы войскамъ облегчить разбивку лагерей, при отсутствіи офицеровъ генеральнаго штаба, бригадиромъ Ивашевымъ составлены были въ 1764 году образцовые планы лагерей пѣхотнаго и кавалерійскаго полковъ, которые, по утвержденіи ихъ въ Маѣ того же года военною колегіею, были разосланы для руководства во всѣ дивизіи ([19]).

Что касается до службы генеральнаго штаба въ военное время, то она исполнялась все еще по прежнему примѣру, т. е. что офицеры этого корпуса находились постоянно съ легкими передовыми войсками, для осмотра дорогъ и выбора мѣстъ расположенія войскъ; въ самыхъ сраженіяхъ ихъ употребляли, или какъ адъютантовъ для передачи приказаній, или же, если встрѣчалась въ томъ надобность, какъ инженерныхъ офицеровъ. Никакихъ донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ, въ родѣ военно-историческихъ журналовъ, генеральный штабъ не дѣлалъ, такъ какъ это возлагалось на инженерныхъ офицеровъ. Сравнительно съ прежними войнами, замѣчается лишь весьма значительное увеличеніе числа офицеровъ генеральнаго штаба при войскахъ, что неудивительно, такъ какъ въ первые годы царствованія Екатерины II генеральный штабъ былъ постоянно въ комплектѣ.

Длинный рядъ войнъ екатерининскаго времени открылся въ 1763 году, вступленіемъ въ Польшу небольшаго числа русскихъ войскъ, къ которымъ въ 1767 году присоединились три корпуса, силою до 40,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генераловъ Салтыкова, Нуммерса и Кречетникова ([20]) При этихъ войскахъ состояли офицеры генеральнаго штаба:

при корпусѣ генералъ-поручика Салтыкова: оберъ-квар-

тирмейстеръ маіоръ Алехинъ, дивизіонные квартирмейстеры: капитанъ Мордвиновъ и поручикъ Бологовскій;

при генералъ-поручикѣ Нуммерсѣ: оберъ-квартирмейстеръ Нефедьевъ и дивизіонный квартирмейстеръ, капитанъ Василій Каховскій;

при генералъ-маіорѣ Кречетниковѣ (21): дивизіонный-квартирмейстеръ поручикъ Искрицкій.

Къ корпусу послѣдняго генерала, съ прибытіемъ войскъ уже въ январѣ 1768 года подъ Варшаву, назначенъ былъ еще за оберъ-квартирмейстера, капитанъ Великопольскій.

Собственно при занятіи Польши, пока не происходило военныхъ дѣйствій, роль генеральнаго штаба при войскахъ была, вѣроятно, очень ничтожна, потому что слѣдовъ ея почти нигдѣ не видно. Только въ журналѣ генералъ-маіора Кречетникова упоминается, что при слѣдованіи ввѣреннаго ему отряда отъ Рыльска на Черниговъ до Житомира, дивизіонный квартирмейстеръ Искрицкій постоянно посылался впередъ, для осмотра дорогъ, переправъ, составленія маршрутовъ, и что въ помощь ему даны были два драгунскихъ офицера (22).

Съ образованіемъ въ февралѣ 1768 г. Барской конфедераціи, когда начались военныя дѣйствія, появляются нѣкоторые слѣды боевой дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба, хотя въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ, и преимущественно какъ отдѣльные личные подвиги. Такъ, въ томъ же журналѣ генералъ-маіора Кречетникова приводится, что при осадѣ Пулавскаго въ Бердичевѣ, въ маѣ 1768 г., устройствомъ батарей завѣдывали, дивизіонный квартирмейстеръ поручикъ Искрицкій и еще два офицера изъ армейской пѣхоты; во время той же осады, Искрицкій строилъ и мостъ, для сообщенія между частями осаднаго корпуса.

Изъ архивныхъ же дѣлъ видно, что дивизіонный квартирмейстеръ Мордвиновъ отличился личною храбростію подъ Баромъ, а затѣмъ въ особенности при штурмѣ въ 1768 г. Кракова (23). Подъ этимъ городомъ онъ былъ посылаемъ сперва для разстановки пикетовъ, долженствовавшихъ прикрыть производимую съемку окрестностей, съ цѣлью выбора

пункта атаки, а при самомъ штурмѣ, будучи посланъ въ городъ отъ генералъ-маiора графа Апраксина, съ приказанiемъ къ генералъ-маiору князю Прозоровскому, былъ тяжело раненъ пятью пулями, такъ что его уже считали умершимъ отъ ранъ, почему и не включили въ общее представленiе объ отличившихся. Однакожъ ему удалось выздоровѣть въ 1769 году, когда онъ и былъ уволенъ въ отставку за ранами, съ награжденiемъ чиномъ секундъ-маiора.

Партизанскiя, по преимуществу, дѣйствiя противъ польскихъ конфедератовъ остались вскорѣ совершенно въ тѣни, въ виду событiй, подготовлявшихся съ 1768 года на турецкой границѣ. Разрывъ съ Турцiею повелъ къ образованiю на этой границѣ двухъ сильныхъ армiй, въ которыхъ встрѣчаемъ весьма значительное число офицеровъ генеральнаго штаба. Наиболѣе сильною была первая армiя, генералъ-аншефа князя Алексѣя Михайловича Голицына, формировавшаяся въ Кiевѣ ([24]). Въ составъ ея входили: 30 пѣхотныхъ и 19 кавалерiйскихъ полковъ, 6000 донскихъ и 3000 малороссiйскихъ казаковъ, при 110 орудiяхъ и 100 понтонахъ; всего 61,740 человѣкъ пѣхоты, 16,929 человѣкъ регулярной кавалерiи ([25]). На эту армiю было назначено 16 офицеровъ генеральнаго штаба, а именно: генералъ-квартирмейстеръ Михаилъ Каховскiй ([26]), генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Матвѣй Муромцовъ, оберъ-квартирмейстеры: маiоры Потаповъ и Нефедьевъ (послѣднiй долженъ былъ прибыть изъ Польши), дивизiонные квартирмейстеры: капитаны, Василiй Каховскiй и Мордвиновъ, долженствовавшiе прибыть изъ Польши, но изъ нихъ послѣднiй, какъ сказано выше, былъ уволенъ за ранами въ отставку; Гантвигъ, Бауверъ, Патрикѣевъ и Искрицкiй который до времени оставался въ Польшѣ. — Колоножные подпоручики: Щелинъ, Базилевскiй, Михайловъ, Фрейманъ, Набоковъ, да еще имѣлась одна вакансiя колоножнаго офицера.

Всѣ эти офицеры, кромѣ находившихся въ Польшѣ, были собраны распоряженiемъ секретной экспедицiи въ Петербургѣ и въ ноябрѣ 1768 года отправлены въ Кiевъ.

Въ Петербургѣ же формировался въ это время и глав-

ный штабъ князя Голицына, всего состоявшій изъ одного генеральсъ-адъютанта, двухъ флигель-адъютантовъ, оберъ-аудитора, секретаря, переводчика, канцеляриста, двухъ писарей, 18 ординарцевъ, 16 офицеровъ генеральнаго штаба, одного генералъ-маіора артиллеріи, одного инженернаго генералъ-маіора, 12 штабъ и оберъ-офицеровъ инженернаго вѣдомства, 6 чиновъ отъ коммиссаріата и 7 изъ провіантскаго штата.

Такимъ образомъ, главный штабъ 1-й арміи, состоялъ всего изъ 70 человѣкъ, въ числѣ которыхъ, безъ малаго около половины (29 человѣкъ), было инженеровъ и генеральнаго штаба исполнявшихъ собственно службу при войскахъ.

2-я армія, генерала Петра Александровича Румянцева, начала формироваться въ концѣ 1768 года въ Глуховѣ. Въ ея составъ было назначено: 11 пѣхотныхъ и 14 кавалерійскихъ полковъ, 4000 донскихъ и 6000 малороссійскихъ казаковъ, при 50 орудіяхъ; слѣдовательно, всего по штатному составу полковъ не болѣе 50,000 человѣкъ, такъ что, по численности своей, 2-я армія была почти въ половину слабѣе первой. Сообразно съ этимъ ей назначено меньшее число коммиссаріатскихъ (4) и провіантскихъ чиновъ (3); но число всѣхъ прочихъ чиновъ, а въ томъ числѣ офицеровъ инженерныхъ и генеральнаго штаба, было опредѣлено къ ней такое же, какъ и къ 1-й арміи, а именно: первыхъ 12, а вторыхъ 16. Собственно изъ генеральнаго штаба въ эту армію были назначены: генералъ-квартирмейстеръ баронъ Эльмптъ; генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты: Медеръ и Браунъ; оберъ-квартирмейстеры, подполковникъ фонъ-Ренне и маіоръ Адлербергъ; дивизіонные квартирмейстеры, капитаны Ладыженскій и Ефимьевъ; поручики: Буйносовъ, Никродъ и Толь; колоножные поручики: Раумбургъ, Яковъ и Григорій Теглевы, да сверхъ того имѣлось три вакансіи колоножныхъ.

За этимъ распредѣленіемъ офицеровъ генеральнаго штаба оставались при военной коллегіи: оберъ-квартирмейстеръ полковникъ Рогачевъ, завѣдывавшій въ то время чертежною, и дивизіонный квартирмейстеръ капитанъ Ягодинскій; при

лифляндской дивизіи, дивизіонный квартирмейстеръ капитанъ Глѣбовъ; при петербургской, оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Зальцъ; при тоснинскомъ каналѣ, въ вѣдѣніи полковника Вейсмана, оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Шталь фонъ-Гольштейнъ; въ Архангельской губерніи, на съемкѣ, оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Дьячковъ и при генералъ-поручикѣ Веймарнѣ, командовавшемъ всѣми войсками въ Польшѣ, оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Алехинъ и дивизіонный квартирмейстеръ поручикъ Бологовскій.

Таковое распредѣленіе чиновъ генеральнаго штаба было сдѣлано военною колегіею, но исключительно только по представленію одного Каховскаго, который находился въ 1768 году въ Петербургѣ. Каховскій же является и исполнителемъ распредѣленія, давая прямо отъ себя предписанія назначаемымъ офицерамъ. Это, какъ оказалось, оскорбило барона Эльмпта, который былъ старшимъ генералъ-квартирмейстеромъ; въ особенности же ему оказалось обиднымъ, когда, состоявшій въ непосредственномъ его вѣдѣніи при лифляндской дивизіи, поручикъ Толь, получилъ предписаніе отправиться въ Глуховъ, причемъ не было даже спрошено его о предварительномъ согласіи на то. Баронъ Эльмптъ заявилъ о таковомъ своемъ неудовольствіи на Каховскаго военной колегіи въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, начавъ свое донесеніе словами: «я не чаю, чтобы въ военной службѣ кто къ подчиненному другаго прямо безъ особаго сношенія ордера посылать могъ, не нарушая тѣмъ приличный порядокъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, баронъ Эльмптъ просилъ объ оставленіи Толя при себѣ до особаго распоряженія, а какъ видно изъ послѣдующей переписки, онъ взялъ въ 1769 году офицера этого къ себѣ въ адъютанты, отчисливъ его отъ генеральнаго штаба.

Какъ ни мелочна эта ссора между двумя генералъ-квартирмейстерами, но надо полагать, что она имѣла вліяніе на распредѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба между обѣими дѣйствовавшими противъ турокъ арміями. Румянцеву, вѣроятно, также не нравилось назначеніе, сдѣланное отъ военной колегіи чиновъ генеральнаго штаба: онъ помнилъ

свѣжо еще то время, когда всѣ чины главной квартиры, а слѣдовательно и квартирмейстерской части, выбирались самими главнокомандующими; къ тому же онъ могъ считать себя обиженнымъ тѣмъ, что военная колегія и генералъ-квартирмейстеры, а вѣрнѣе одинъ Каховскій, не уважили незадолго передъ тѣмъ ходатайства его о производствѣ генеральсъ-адъютанта, подполковника Карла фонъ-Каульбарса въ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты полковничьяго чина ([27]). Это неудовольствіе Румянцева противъ генеральнаго штаба незамедлило повліять на разстройство квартирмейстерской части при дѣйствующихъ войскахъ и прежде всего отразилось на баронѣ Эльмптѣ, который еще до открытія военныхъ дѣйствій, перешелъ въ 1-ю армію къ князю Голицыну; находившійся же тамъ Каховскій, не желая вѣроятно встрѣчаться съ барономъ, поспѣшилъ удалиться въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ Эльмптомъ и многіе офицеры генеральнаго штаба оставляютъ 2-ю армію, а на ихъ мѣста Румянцевъ, вовсе не сносясь уже съ генералъ-квартирмейстерами, прямо отъ себя представилъ къ переводу въ генеральный штабъ слѣдующихъ лицъ: состоявшаго при немъ для дѣланія плановъ, Бутырскаго полка поручика Пенскаго, своего флигель-адъютанта ротмистра Бердяева, 3-го гренадерскаго полка капитана Кноринга,—всѣхъ трехъ въ дивизіонные квартирмейстеры капитанскаго чина, подпоручиковъ Транта и Миллера въ дивизіонные квартирмейстеры поручичьяго чина, наконецъ сержанта Феодора Медера въ колоножные офицеры.

Въ кампанію 1769 года дѣйствія 1-й арміи подъ Хотиномъ носили на себѣ еще характеръ дѣйствій русскихъ армій въ Семилѣтнюю войну; о мѣрѣ участія въ этихъ дѣйствіяхъ генеральнаго штаба ничего неизвѣстно; только въ Сентябрѣ этого года состоялась смѣлая экспедиція барона Эльмпта въ Молдавію, результатомъ которой было полное занятіе этого княжества. Экспедиція эта напоминаетъ прежнія посылки генералъ-квартирмейстеровъ съ легкими войсками, которыя такъ часто употреблялись въ Семилѣтнюю войну. Несмотря однако на успѣхъ этой экспедиціи князь Голицынъ былъ отозванъ отъ арміи, а на его мѣсто назна-

ченъ главнокомандующимъ арміею Румянцевъ; назначеніе это видимо встревожило барона Эльмпта среди его успѣховъ, онъ поспѣшилъ возвратиться въ главную квартиру, оставивъ въ Яссахъ лишь небольшой отрядъ.

Румянцевъ остался крайне не доволенъ этимъ, послалъ въ Яссы генералъ-поручика фонъ-Штофельна ([28]), который занялъ Букарестъ и значительную часть Валахіи. Баронъ Эльмптъ былъ отправленъ въ Петербургъ для доклада Императрицѣ о предположеніяхъ на будущую кампанію, и уже не возвращался къ арміи, вѣроятно вслѣдствіе возраставшаго противъ него неудовольствія Румянцева, который узналъ, что баронъ Эльмптъ, находясь при арміи дѣлалъ помимо главнокомандующаго, прямо отъ себя донесенія въ Петербургъ ([29]). Къ тому же за назначеніемъ въ это время принятаго въ русскую службу генерала Баура генералъ-квартирмейстеромъ, баронъ Эльмптъ вскорѣ окончательно былъ отчисленъ отъ своей должности и получилъ другое назначеніе.

Что же касается до дѣйствій въ 1769 году 2-й арміи, состоявшей сперва подъ начальствомъ графа Румянцева, а потомъ (съ 17-го Сентября) графа Петра Ивановича Панина, то они не представляли ничего особенно замѣчательнаго, такъ какъ армія эта имѣла назначеніемъ лишь наблюденіе за турецкою границею. О дѣятельности генеральнаго штаба и здѣсь вовсе не упоминается, да къ тому же, онъ былъ въ этой арміи въ разстроенномъ и немногочисленномъ составѣ.

ГЛАВА IV.

1769—1783.

Принятіе Фридриха фонъ-Баура въ русскій генеральный штабъ; его участіе въ 1-й турецкой войнѣ. Старанія его о преобразованіи генеральнаго штаба. Положеніе и штаты 1772 года; департаментъ генеральнаго штаба. Отношенія Баура къ Потемкину; занятія его по инженерной части. Положеніе генеральнаго штаба въ послѣдніе годы жизни Баура. Общее заключеніе о немъ.

Хотя въ 1763 году генеральный штабъ и былъ учрежденъ на новыхъ основаніяхъ, но дѣятельность его не могла еще сразу установиться надлежащимъ образомъ. Въ мирное время, военная коллегія возложила на генеральный штабъ громадный трудъ составленія картъ, неисполнимый при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Съ открытіемъ же турецкой войны, въ генеральномъ штабѣ проявляется полное разстройство: два генералъ-квартирмейстера ссорятся между собою; офицеры генеральнаго штаба, замѣчая нерасположеніе къ себѣ со стороны главнокомандующаго 2-ю арміею, начинаютъ оставлять службу этого вѣдомства, не являются къ своимъ мѣстамъ; графъ Румянцевъ замѣщаетъ мѣста отсутствующихъ, не сносясь уже ни съ генералъ-квартирмейстерами, ни съ военною коллегіею; самое употребленіе офицеровъ генеральнаго штаба вовсе еще не выяснилось: на ихъ обязанности смотрятъ по примѣру Семилѣтней войны. Все это

показываетъ, что недостаточно создать новое учрежденіе, но необходимо имѣть и людей для приведенія его въ исполненіе; при учрежденіи же генеральнаго штаба не было такихъ людей: баронъ Эльмптъ, Ивашевъ, Каховскій, при всѣхъ своихъ личныхъ достоинствахъ, были люди воспитанные подъ вліяніемъ Миниха и Семилѣтней войны. Нуженъ былъ свѣжій человѣкъ, который бы съумѣлъ поставить въ надлежащее положеніе новоучрежденный генеральный штабъ, придалъ бы ему надлежащее значеніе въ войскахъ, такимъ человѣкомъ явился Бауръ.

Фридрихъ Вильгельмъ фонъ-Бауръ ([1]) родился 24-го Декабря 1731 года, въ гессенскомъ городѣ Ганау. Отецъ его изъ обѣднѣвшей шведской дворянской фамиліи, служилъ въ молодости въ корпусѣ тѣлохранителей Карла XII, а по вступленіи на престолъ Швеціи ландграфа Гессенскаго Фридриха II, получилъ мѣсто главнаго надзирателя лѣсовъ въ Гессенѣ, и посвятилъ себя воспитанію сына, развитію его способностей, въ особенности изученіемъ математики. Молодой Бауръ, получивъ лишь домашнее воспитаніе, служилъ первоначально по горной и соляной части, такъ какъ отецъ не желалъ посвятить его военной службѣ; однако, въ 1756 году, увлекшись славою военнаго поприща, Бауръ вступилъ волонтеромъ въ гессенскія войска, гдѣ вскорѣ получилъ чинъ поручика инженернаго корпуса. Съ этими войсками, подъ начальствомъ герцога Кумберлэндскаго, онъ сражался противъ Франціи и впервые ему пришлось выказать свою храбрость и распорядительность въ дѣлѣ при Гастенбекѣ, гдѣ онъ былъ уже дивизіоннымъ квартирмейстеромъ; въ 1758 году ему довелось отличиться въ болѣе важныхъ дѣлахъ, въ корпусѣ герцога Браунштейгскаго Фердинанда, который и рекомендовалъ Баура, какъ отличнаго офицера, Фридриху II. Принятый въ 1760 году въ прусскую службу инженеръ-маіоромъ, Бауръ былъ произведенъ въ слѣдующемъ году въ подполковники, а въ 1762 году назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всей прусской арміи; въ этой должности участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, дѣлахъ и осадахъ Семилѣтней войны, за что награжденъ производствомъ

въ полковники и назначеніемъ шефомъ полка. Послѣ заключенія мира, Бауръ оставилъ прусскую службу, женился на вдовѣ прусскаго полковника, урожденной Эренбергъ, и удалился въ деревню Бокенгеймъ, близъ Франкфурта на Майнѣ, гдѣ посвятилъ свое время ученымъ занятіямъ.

Положительно неизвѣстно, чьей рекомандаціи обязанъ Бауръ поступленіемъ въ русскую службу; нѣтъ никакихъ указаній и на то, чтобы онъ самъ просилъ о томъ. Можно однако предполагать, что это дѣло не обошлось безъ участія въ немъ извѣстнаго временщика первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, князя Григорія Орлова. Хотя Орловъ не принималъ прямаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ 1-й Турецкой войны, но имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ кампаніи до 1772 г. и особенно голосъ его былъ силенъ, когда планы войны обсуждались въ учрежденномъ въ 1768 г. государственномъ совѣтѣ. Здѣсь то, быть можетъ, не безъ участія и генералъ-прокурора князя Вяземскаго, явилась первая мысль о приглашеніи въ русскую службу Баура; на это предположеніе невольно наводитъ и тотъ фактъ, что во все время нахожденія своего въ Россіи, Бауръ былъ постояннымъ другомъ и довѣреннымъ князя Орлова, а черезъ него пользовался и поддержкою графа Захара Григорьевича Чернышева, одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени (2).

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что приглашая Баура на службу въ Россію, Императрица Екатерина высоко цѣнила его умъ и заслуги. Это можно видѣть изъ первыхъ его шаговъ въ русской службѣ: 14-го Сентября 1769 года, Бауръ принятъ въ генеральный штабъ съ чиномъ бригадира; чрезъ пять дней, 19-го Сентября, пожалованъ генералъ-квартирмейстеромъ съ чиномъ генералъ-маіора, причемъ тогда же, распоряженіемъ военной коллегіи, назначенъ въ 1-ю армію, состоявшую подъ начальствомъ графа Румянцева. Въ виду же того, что при этой арміи еще находился генералъ-квартирмейстеръ баронъ Эльмптъ, Бауръ 26-го Сентября командируется, для осмотра квартирнаго расположенія войскъ финляндской дивизіи. Во время этой

поѣздки, продолжавшейся ровно мѣсяцъ, при немъ состоялъ оберъ-квартирмейстеръ Ладыженскій. Хотя результаты поѣздки неизвѣстны, но кажется, не будетъ рискованнымъ предположить, что вѣроятно, Бауръ имѣлъ возможность высказать, при этомъ случаѣ, свои мысли объ образѣ веденія войны въ Финляндіи; точно также, вѣроятно, онъ принималъ близкое участіе и въ обсужденіи тѣхъ предположеній графа Румянцева относительно предстоявшей кампаніи противъ турокъ, которыя привезены были около того же времени въ Петербургъ, барономъ Эльмптомъ.

Въ половинѣ Января 1770 года, генералъ Бауръ выѣхалъ изъ Петербурга къ дѣйствующей арміи, взявъ съ собою положеннаго ему писаря и только что назначеннаго въ колоножные офицеры изъ инженерныхъ кондукторовъ Іоанна Германа ([3]). Едва успѣлъ онъ прибыть къ 1-й арміи, какъ графъ Румянцевъ, въ донесеніи Императрицѣ отъ 14-го Февраля, отзывается о Баурѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Нелицемѣрно могу сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, что Ваше Величество пріобрѣли въ немъ искуснѣйшаго себѣ слугу для военныхъ дѣлъ; въ короткомъ времени я обозрѣлъ въ немъ твердость знанія военной науки и то превосходство, что онъ неподобенъ тѣмъ, которые въ одномъ глубокомысліи всѣ свои таланты сокрываютъ. Если подданный столько можетъ имѣть смѣлости, то я, Ваше Императорское Величество, поздравляю въ толь искусномъ выборѣ людей и купно всеподданнѣйше благодарю, что служба, вмѣстная съ такимъ человѣкомъ, послужитъ и мнѣ въ науку».

Вслѣдъ затѣмъ, отъ 13-го Марта того же года, донося Императрицѣ, что генералъ Бауръ посланъ въ Молдавію для осмотра дорогъ для арміи, графъ Румянцевъ прибавляетъ: «о искусствѣ сего генерала въ своемъ ремеслѣ, по однимъ начальнымъ видамъ, уже я осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству донесть, что подобнаго ему наукою въ семъ чинѣ, въ мою службу, у насъ не было ([4])».

Таковы были первые отзывы о Баурѣ нашего знаменитаго полководца; впослѣдствіи на дѣлѣ вполнѣ оправдалась ихъ справедливость.

Еще въ концѣ 1769 года, графъ Румянцевъ, желая воспользоваться тѣмъ, что передовыя войска наши занимали Молдавію и часть Валахіи, отправилъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ за Днѣстръ (главная квартира находилась въ Летичевѣ) генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта Андрея Медера, съ семью чинами генеральнаго штаба для сочиненія карты. Къ сожалѣнію, объ этой командировкѣ только и сохранилось извѣстіе въ расходной тетради экстраординарныхъ суммъ графа Румянцева, гдѣ показано, что на прогоны чинамъ выдано 270 рублей. Эти-то работы и послужили, вѣроятно, основаніемъ составленной впослѣдствіи, подъ руководствомъ Баура, генеральной карты Молдавіи, а въ кампанію 1770 года значительно облегчили дѣйствія нашихъ войскъ, увѣнчанныя блистательными побѣдами подъ Ларгою и подъ Кагуломъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ работъ оказались не совсѣмъ вѣрными: когда въ Маѣ мѣсяцѣ 1770 года, двинулись войска по снятымъ мѣстностямъ, вдоль Прута, оказалось, что многія мѣста были нанесены по наслышкѣ, а не по личному обозрѣнію, чему будто бы препятствовали частые набѣги татаръ ([5]). Какъ бы то ни было, но вся армія должна была пріостановить на нѣсколько дней свое движеніе, пока самъ генералъ Бауръ не избралъ удобнѣйшіе пути для ея слѣдованія. Надо полагать, что вообще генералъ Бауръ остался недоволенъ работою Медера, что и было причиною выхода послѣдняго изъ генеральнаго штаба: въ Іюнѣ того же года онъ былъ произведенъ въ бригадиры, съ назначеніемъ оберъ-комендантомъ въ Среднюю крѣпость днѣпровской линіи ([6]). Тогда же на его вакансію былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Рогачевъ, который въ это время находился уже не при чертежной генеральнаго штаба, а при генералъ-поручикѣ Деденевѣ, командированномъ для учрежденія по днѣпровской же линіи крѣпостей.

Кампанія 1770 года, въ главныхъ чертахъ, заключалась въ томъ, что первая армія должна была наступать вдоль Прута до Дуная, между тѣмъ, какъ второй предназначалось наблюдать за Крымомъ и Очаковымъ и овладѣть

Бендерами. При исполненіи этихъ-то дѣйствій, генеральный штабъ выказалъ, въ особенности въ лицѣ своего представителя, генерала Баура, блистательное участіе.

Со вступленіемъ 1-й арміи въ долину Прута, когда можно было уже ожидать скораго сближенія съ непріятелемъ, графъ Румянцевъ поручилъ генералу Бауру особый авангардъ, составленный изъ отборныхъ войскъ, взятыхъ отъ разныхъ полковъ, именно: пять гренадерскихъ, одинъ егерскій и три мушкетерскихъ баталіона, 12 эскадроновъ кавалеріи и 14 орудій; при этомъ авангардѣ, въ распоряженіи генерала Баура состояли четыре офицера генеральнаго штаба: только что переведенный въ оный оберъ-квартирмейстеромъ, маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ (7), маіоръ Кнорингъ, капитанъ Гантвигъ и секретарь фельдмаршала Салтыкова, поручикъ фонъ-Бергъ, состоявшій волонтеромъ. Слѣдуя съ этимъ авангардомъ, генералъ Бауръ постоянно производитъ рекогносцировки, собираетъ свѣдѣнія о непріятелѣ, и графъ Румянцевъ вполнѣ полагается на всѣ его работы и донесенія. Впервые авангардъ сошелся съ непріятелемъ у Рябой Могилы, и здѣсь-то Бауръ необыкновенно быстро преслѣдовалъ, на протяженіи 15 верстъ, отступающаго непріятеля. Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно то обстоятельство, что, по донесенію графа Румянцева, Бауръ, замѣтивъ наступленіе турокъ въ превосходныхъ силахъ, не остановился, какъ то употреблялось обыкновенно, выжидать ихъ нападенія, но «повелъ въ встрѣчу имъ сопротивное наступленіе съ своей стороны, въ намѣреніи, сошедшись, ударить на нихъ прежде нежели бы они еще распростерли свои руки (8)». Такой образъ дѣйствій былъ новостью для самихъ турокъ, и они, не принявъ атаки, бѣжали. Очевидно, что для такого наступленія Бауръ не могъ уже тащить за собою рогатки, которыя въ то время возились при войскахъ, и поэтому является предположеніе, что не былъ-ли онъ первымъ, признавшимъ безполезность рогатокъ, примѣнивъ это впервые въ дѣлѣ подъ Рябой Могилой? Затѣмъ рогатки окончательно были отброшены Румянцевымъ подъ Ларгою.

Точно также возможно, что по иниціативѣ Баура умень-

шены размѣры тогдашнихъ каре и кавалерію стали ставить между каре. Конечно, это только предположенія, вѣроятность которыхъ, однако, очень возможна и нисколько не уменьшаетъ великихъ заслугъ графа Румянцева. Бауръ, какъ ученикъ на военномъ поприщѣ Великаго Фридриха, могъ находить тогдашнюю русскую армію слишкомъ неподвижною и, весьма естественно, долженъ былъ желать увеличенія ея подвижности, измѣнивъ боевой порядокъ, отбросивъ рогатки. Графу Румянцеву принадлежитъ честь, что онъ оцѣнилъ эти нововведенія, если они сдѣланы были дѣйствительно Бауромъ, и затѣмъ примѣнилъ ихъ къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ положительныхъ данныхъ, которыя бы подтверждали настоящее предположеніе, кромѣ только того, что русскія войска имѣли при себѣ въ началѣ кампаніи рогатки и отбросили ихъ послѣ дѣла у Рябой Могилы. Указывая на это предположеніе, единственно съ цѣлію разъясненія самаго факта, мы никакъ не желаемъ бросить хотя бы малѣйшую тѣнь на заслуги великаго полководца.

Подъ Ларгою и Кагуломъ генералъ Бауръ былъ употребленъ графомъ Румянцевымъ къ командованію особымъ каре и выказалъ себя съ самой лучшей стороны; наиболѣе же онъ отличался при преслѣдованіи турокъ послѣ Кагульскаго сраженія, о которомъ графъ Румянцевъ выражается въ своемъ донесеніи, что турки никогда подобной гибели не имѣли, какъ отъ этого удара. Послѣдній молодецкій подвигъ Баура, во время преслѣдованія турокъ, было истребленіе огнемъ артиллеріи турецкихъ судовъ противъ Исакчи, чѣмъ окончательно было отрѣзано дальнѣйшее отступленіе туркамъ, и ихъ обозамъ, остававшимся еще на лѣвомъ берегу Дуная (⁹).

Съ конца Іюля имя Баура уже не упоминается при дѣйствіяхъ 1-й арміи, которыя были посвящены исключительно осадамъ и занятію крѣпостей: Измаила, Киліи, Аккермана, Браилова. Извѣстно, что въ это время генералъ Бауръ ѣздилъ ко 2-й арміи и нѣкоторое время присутствовалъ при осадѣ Бендеръ. Надо полагать, что онъ былъ занятъ составленіемъ, въ учрежденной имъ въ Яссахъ чертежной, карты Молдавіи; къ тому же и состояніе его здоровья было

не вполнѣ надежно, такъ что, въ половинѣ Сентября, самъ Румянцевъ предложилъ ему уѣхать въ Петербургъ.

Наградъ, доставшихся на долю генеральнаго штаба за кампанію 1-й арміи 1770 г., было немного, но онѣ были видныя: Бауру пожалованъ, незадолго передъ тѣмъ учрежденный орденъ, Св. Георгія, 2-й степени; тотъ же орденъ 4-й ст. удостоился получить маіоръ Кноррингъ, который подъ Кагуломъ повелъ роту гренадеръ на батарею и первый вошелъ въ непріятельское укрѣпленіе. За отличіе подъ Ларгою, дивизіонный квартирмейстеръ поручикъ Миллеръ произведенъ въ капитаны; въ тотъ же чинъ произведенъ и другой дивизіонный квартирмейстеръ, поручикъ Трантъ, который отличился подъ Браиловымъ, гдѣ былъ израненъ, отвезенъ въ Польшу въ госпиталь и забытъ при представленіи, а произведенъ только уже въ 1772 году; наконецъ, прямо въ оберъ-квартирмейстеры маіорскаго чина произведенъ секретарь генералъ-фельдмаршала графа П. С. Салтыкова, баронъ фонъ-Бергъ ([10]), который состоялъ при арміи всю кампанію волонтеромъ. Производство послѣдняго изъ секретарей ранга поручичьяго, прямо въ преміеръ-маіоры вызвало возраженіе даже со стороны военной колегіи, которая нашла, что это будетъ *не сносною обидою* для стоящихъ выше его, какъ въ генеральномъ штабѣ, такъ и въ арміи секундъ-маіоровъ и капитановъ. Однако, на такое возраженіе вице-президентъ военной колегіи, графъ З. Г. Чернышевъ положилъ резолюцію, что главнокомандующій, имѣя власть производить до преміеръ-маіорскаго чина, можетъ сегодня произвести въ капитаны, а завтра въ маіоры; къ тому же производство уже состоялось, почему и слѣдуетъ выдать патентъ ([11]).

Производство фонъ-Берга показалось дѣйствительно обиднымъ для состоявшаго при 1-й арміи, оберъ-квартирмейстера Михаила Голенищева-Кутузова, который хотя и отличился при Рябой Могилѣ, подъ Ларгою, подъ Кагуломъ, при преслѣдованіи турокъ, вездѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ самого Баура, но не получилъ за эти дѣла никакой награды. Для него не оказалось и вакансіи въ генеральномъ

штабѣ, почему онъ тогда же просилъ о переводѣ въ Смоленскій пѣхотный полкъ ([12]).

2-я армія, подъ начальствомъ графа Панина, сосредоточилась, въ Маѣ мѣсяцѣ 1770 года, къ Елисаветграду и, отдѣливъ наблюдательный отрядъ противъ Очакова, направилась къ Бендерамъ, гдѣ до половины Сентября занята была осадою крѣпости.

Во главѣ генеральнаго штаба стоялъ здѣсь генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Браунъ, при которомъ находилось 12 офицеровъ этого корпуса; изъ нихъ двое были отряжены къ отряду, наблюдавшему за Крымомъ, а остальные состояли при войскахъ осаждавшихъ Бендеры.

Когда 2-ая армія стояла на зимнихъ квартирахъ по Днѣпру, съ авангардомъ выдвинутымъ къ Умани, то дивизіонный квартирмейстеръ, капитанъ Ягодинскій, былъ посланъ для осмотра дорогъ, ведущихъ къ Бендерамъ и переправъ черезъ Днѣстръ, что и исполнилъ съ успѣхомъ, не смотря на появлявшіяся въ тѣхъ мѣстахъ татарскія партіи. При этомъ онъ не доходилъ до Бендеръ лишь на 50 верстъ. При слѣдованіи же арміи къ Бендерамъ, Ягодинскій составлялъ для нея маршрутъ, завѣдывалъ починкою, по пути слѣдованія, испорченныхъ непріятелемъ плотинъ и съ 15-ю гусарами успѣлъ захватить въ трехъ верстахъ отъ непріятельскаго лагеря, шесть человѣкъ жителей, доставившихъ главнокомандующему первыя опредѣлительныя свѣдѣнія о Бендерской крѣпости. Въ награду этихъ отличій, онъ былъ произведенъ, 13 Іюня 1770 года въ оберъ-квартирмейстеры маіорскаго чина. ([13])

Въ осадѣ Бендеръ принимали участіе Ягодинскій и дивизіонный квартирмейстеръ, капитанъ Базилевскій; первый производилъ многія рекогносцировки и участвовалъ въ штурмѣ, а послѣдній завѣдывалъ траншейными работами на лѣвомъ берегу Днѣстра, тамъ гдѣ главное начальство надъ войсками имѣлъ генералъ-маіоръ Каменскій. ([14]).

Въ Іюнѣ же мѣсяцѣ, какъ только 2-я армія переправилась черезъ Днѣстръ, командированъ былъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Браунъ для установки постовъ, дол-

женствовавшихъ поддерживать связь съ 1-ю арміею, причемъ для разстановки по постамъ данъ былъ ему полкъ малороссійскихъ казаковъ, а для конвоя Елисаветградскій пикинерный.

Порученіе это не только исполнено Брауномъ съ успѣхомъ, но, прибывъ къ 1-й арміи за два дня до сраженія подъ Ларгою, онъ принялъ въ немъ участіе, а пикерный полкъ произвелъ даже нѣсколько блистательныхъ атакъ противъ турокъ ([15]), послѣ чего Браунъ съ этимъ полкомъ возвратился обратно ко 2-й арміи. Къ сожалѣнію, неизвѣстно точнымъ образомъ время выступленія полка изъ подъ Бендеръ къ Ларгѣ и отъ Ларги обратно ко 2-й арміи; видно только, что 7-го Іюля полкъ участвовалъ въ сраженіи на Ларгѣ, а 17-го того же мѣсяца уже отправлено было графомъ Панинымъ донесеніе въ военную коллегію объ его прибытіи къ Бендерамъ; прямое же разстояніе между Ларгою и Бендерами болѣе 150 верстъ, да къ тому же по мѣстности гористой, по которой тогда не было никакихъ дорогъ. Принявъ все это во вниманіе, а также и скудость въ то время въ картахъ, нельзя не отдать должной справедливости подвигу Брауна.

При осадѣ Бендеръ наиболѣе отличился опять тотъ же Браунъ, который, вслѣдствіе того былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ, и, будучи особенно рекомендованъ Императрицѣ отъ графа Панина, произведенъ тогда же въ бригадиры, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ.

Даже и при нахожденіи генерала Баура при арміи, инженеры продолжали по прежнему исполнять обязанности, прямо принадлежавшія генеральному штабу. Такъ, военный журналъ за 1770 годъ сочинялъ отъ минеръ-поручикъ Гревенсъ, а подписалъ оный инженерный капитанъ Афонасьевъ; планы же къ нему, въ масштабѣ 200 саженъ, черчены инженерными кондукторами и подписаны тѣмъ же Афонасьевымъ. Независимо отъ подобнаго журнала, въ который вносились всѣ военныя дѣствія, при арміяхъ составлялись, также инженерами, журналы движенія съ кампаментными

планами; въ журналахъ этихъ означались всѣ переходы, число верстъ, время выступленія и прибытія, мѣстность по обѣ стороны дороги, даже состояніе погоды, и прилагались планы всѣхъ биваковъ, въ масштабѣ 100 сажень въ дюймѣ. На всѣхъ вообще планахъ, изготовляемыхъ инженерами того времени, горы изображались отмывкою сепіей и тушью; изображеніе мѣстности штрихами встрѣчается рѣдко и, какъ кажется, преимущественно было употребляемо генеральнымъ штабомъ.

Прибывъ въ концѣ 1770 года въ Петербургъ, генералъ Бауръ вошелъ съ представленіемъ о необходимости измѣненія положенія генеральнаго штаба, основываясь на тѣхъ указаніяхъ опыта, которыя обнаружились въ турецкую войну. Главными недостатками этого учрежденія онъ указываетъ слѣдующее: ([16])

1) Что нѣкоторыхъ чиновъ, именно высшихъ, слишкомъ много, несотвѣтственно надобности; другихъ же, для занятія низшихъ должностей, напротивъ того, недостаточно, отчего встрѣчается необходимость во время войны опредѣлять на послѣднія должности неподготовленныхъ офицеровъ изъ полковъ, отвлекая ихъ изъ своихъ ротъ и прямыхъ по ихъ службѣ обязанностей.

2) Что жалованье, опредѣленное генеральному штабу наравнѣ съ офицерами полевыхъ полковъ, крайне недостаточно для обезпеченія всѣхъ расходовъ, какіе офицерамъ генеральнаго штаба приходится нести при постоянно встрѣчающихся въ ихъ службѣ посылкахъ на съемки, рекогносцировки, для занятія позиціи, сопровожденія войскъ; что вслѣдствіе того, не только тѣ, которые могли бы, по своимъ знаніямъ и способностямъ, съ успѣхомъ служить въ генеральномъ штабѣ, уклоняются отъ этой службы, но даже и поступившіе въ оную изыскиваютъ всякія средства ее оставить, перейдя на мѣста болѣе обезпеченныя.

3) Что генеральному штабу недостаетъ провожатыхъ колонъ унтеръ-офицерскаго званія въ которыхъ, какъ дознано опытомъ, встрѣчается крайняя необходимость, въ особенности въ военное время.

Въ уваженіе такихъ соображеній испрашивалось разрѣшеніе Императрицы на введеніе новаго штата генеральнаго штаба, по которому въономъ, вмѣсто прежнихъ сорока офицерскихъ чиновъ, устанавливалось 37, съ значительнымъ усиленіемъ всѣмъ имъ содержанія, да сверхъ того учреждалось еще 60 человѣкъ провожатыхъ колонъ унтеръ-офицерскаго ранга. Всѣ эти чины, вмѣстѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ должны были состоять въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго въ военной коллегіи присутствующаго, имѣть свою особую линію производства, и комплектоваться, или производимыми изъ провожатыхъ колонъ, или же изъ чиновъ переводимыхъ изъ строя, рангомъ не выше поручика.

Введеніе новаго штата требовало прибавки, къ отпускаемымъ на генеральный штабъ 15,890 руб., еще ежегодно по 9215 руб. 50¼ коп., да единовременно, на постройку обмундированія и снаряженія колоновожатыхъ, 1955 рублей 31½ коп., а всего, въ первый годъ, 11,170 руб. 81¾ к.

Императрица не утвердила этого предположенія, написавъ на докладѣ 6-го Апрѣля резолюцію: «Отложить до мирнаго времени, гдѣ о всемъ разсмотрѣніе будетъ».

Единовременно съ представленіемъ проекта о преобразованіи генеральнаго штаба, генералъ Бауръ сдѣлалъ представленіе о необходимости учрежденія при арміи особаго піонернаго баталіона, для разработки дорогъ по путямъ слѣдованія войскъ, починки и постройки на нихъ военныхъ мостовъ и вообще для исполненія всѣхъ тому подобныхъ работъ, на которыя до того времени назначались люди отъ полковъ. Баталіонъ этотъ долженъ былъ въ мирное время состоятъ въ вѣдѣніи главноприсутствующаго въ военной колегіи, а во время войны распредѣляться частями по дѣйствующимъ арміямъ и въ каждой изъ нихъ находиться въ вѣдѣніи старшаго въ той арміи офицера генеральнаго штаба.

Это представленіе было утверждено 6-го Апрѣля 1771 года, почему немедленно приступлено къ формированію самаго баталіона, въ четырехротномъ составѣ, причемъ въ видахъ скорѣйшаго сформированія онаго, назначено укомплектовать и снарядить двѣ роты въ Петербургѣ, а другія двѣ

въ Москвѣ. Командиромъ баталіона назначенъ былъ Вятскаго пѣхотнаго полка премiеръ-маіоръ Северинов, который, несмотря на всѣ побужденія военной колегіи, успѣлъ окончательно сформировать баталіонъ и прибыть съ нимъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ, въ распоряженіе графа Румянцева, только уже въ первыхъ числахъ Апрѣля 1772 года.

Учрежденіе піонернаго баталіона при генеральномъ штабѣ было, очевидно, вызвано подражаніемъ западно-европейскимъ арміямъ, въ которыхъ имѣлись также войска подобнаго назначенія: въ нѣмецкихъ арміяхъ существовали также піонеры, а во французской штабныя войска (troupes d'état major), служившія для конвоя генеральному штабу и для починки дорогъ и легкихъ мостовъ.

Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, учрежденіе это неоправдало однако возлагавшихся на него надеждъ, и піонерный баталіонъ, образованный генераломъ Бауромъ, хотя и былъ послѣдніе два года 1-й турецкой войны на театрѣ военныхъ дѣйствій, но оставался вовсе безъ употребленія, а по окончаніи войны, въ 1775 году, упраздненъ по ненадобности. ([17])

Не успѣвъ въ дѣлѣ утвержденія новаго положенія о генеральномъ штабѣ, генералъ Бауръ, весною 1771 года, вернулся къ арміи графа Румянцева, но объ участіи его въ военныхъ дѣлахъ въ этомъ году не имѣется никакихъ указаній, хотя къ этому времени относится пожалованіе ему ордена С. Анны 1-й степени; надо полагать что награда эта была ему дана еще за отличія въ предшествовавшую кампанію, такъ какъ въ 1771 году первая армія оставалась почти въ полномъ бездѣйствіи. Но въ этомъ году вниманіе Баура было занято составленіемъ карты Молдавіи; изъ пятнадцати офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ въ Мартѣ мѣсяцѣ этого года при 1-й арміи, 10 человѣкъ показаны при чертежной въ Яссахъ. ([18])

Къ этому же времени относится и составленная Бауромъ рекогносцировка Валахіи, которую онъ представилъ вице-президенту военной колегіи, графу З. Г. Чернышеву, но о которой, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно. ([19])

Главныя военныя дѣйствія противъ турокъ происходили въ 1771 году въ Крыму, къ занятію котораго предназначена была 2-я армія, ввѣренная генералъ-аншефу князю Василію Михайловичу Долгорукову. При немъ во главѣ генеральнаго штаба состоитъ генералъ-квартирмейстеръ Каховскій, отличившійся расторопностію и храбростію при штурмѣ Перекопскихъ линій, гдѣ онъ завѣдывалъ атакою лѣваго фланга. При Каховскомъ же находился въ этомъ дѣлѣ дивизіонный-квартирмейстеръ капитанъ Базилевскій, которому поручено было вести одну изъ штурмовыхъ колоннъ, что онъ исполнилъ успѣшно, за что былъ произведенъ въ маіоры, съ переводомъ въ Вологодскій пѣхотный полкъ. При взятіи Перекопа отличился опять оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Ягодинскій, который, ведя правую колонну подполковника Михельсона, спустился въ ровъ съ гренадерами несшими лѣстницы, и, взойдя на валъ, овладѣвъ стоявшими тамъ орудіями, успѣлъ оборотить ихъ и дать нѣсколько выстрѣловъ по непріятелю ([20]). За этотъ подвигъ, а также за участіе въ нѣкоторыхъ мелкихъ дѣлахъ при слѣдованіи во внутрь Крыма и за рекогносцировку Кафы, Ягодинскій былъ произведенъ въ подполковники, не смотря на то, что менѣе года тому назадъ получилъ чинъ маіора. Офицеръ этотъ обращаетъ на себя особое вниманіе тѣмъ, что, на 29 году отъ роду, онъ былъ уже подполковникомъ и что службу его дѣйствительно цѣнили: это видно изъ разрѣшенія даннаго ему въ 1774 году на увольненіе въ годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, что въ то время очень рѣдко допускалось.

Немедленно послѣ занятія Крыма, генеральный штабъ приступаетъ къ съемкамъ и къ составленію карты полуострова. Объ участіи въ этой съемкѣ имѣются положительныя свѣдѣнія только относительно двухъ офицеровъ, дивизіонныхъ квартирмейстеровъ Раевскаго и Писемскаго; изъ нихъ послѣдній снималъ инструментально пространство между Чернымъ и Азовскимъ морями, отъ Кафы до Судака и Стараго Крыма, а въ другую сторону до Арабата, Керчи и Еникале. Карта эта вмѣстѣ съ описаніемъ представлена

была имъ въ военную коллегію ([21]), но для потомства потеряна.

Состоя при 1-й арміи, генералъ Бауръ горячо хлопоталъ о томъ, чтобы склонить Императрицу къ скорѣйшему утвержденію новыхъ штатовъ генеральнаго штаба; вице-президентъ военной коллегіи, графъ З. Г. Чернышевъ, содѣйствовалъ ему въ этомъ: въ своихъ письмахъ къ Бауру ([22]) онъ неоднократно упоминаетъ, что заботится о томъ. Изъ тѣхъ же писемъ видно, что Бауру удалось, до утвержденія еще положенія о генеральномъ штабѣ, исходатайствовать нѣкоторыя права офицерамъ этого корпуса. Такъ, графъ Чернышевъ предоставляетъ ему полную свободу въ выборѣ офицеровъ для пополненія генеральнаго штаба, указывая лишь на то непремѣнное условіе, чтобы опредѣляемые изъ русскихъ знали иностранные языки, а принимаемые изъ иностранцевъ знали русскій языкъ. Въ другомъ письмѣ онъ увѣдомляетъ генерала Баура, что Императрица повелѣла выдать всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба, гдѣ бы они ни находились, не въ зачетъ жалованіе и раціоны за полгода.

Наконецъ въ октябрѣ 1771 года, генералъ Бауръ былъ вытребованъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ и ему удалось достигнуть того, что Императрица Екатерина отмѣнила положенную ею на представленіи 6-го Апрѣля резолюцію и 30-го Января 1772 года повелѣла привести въ исполненіе новый штатъ генеральнаго штаба ([23]).

Независимо отъ штата, новое положеніе этого корпуса офицеровъ опредѣлено всеподданнѣйшимъ докладомъ, которымъ испрашивалось его учрежденіе, а также и особымъ указомъ, 1-го Марта 1772 года даннымъ отъ военной коллегіи генералъ-квартирмейстеру Бауру, оставленному главнымъ начальникомъ генеральнаго штаба. Другой генералъ-квартирмейстеръ, Каховскій, тогда же былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и опредѣленъ къ командованію войсками, собиравшимися въ то время въ Смоленскѣ, для наблюденія за Польскою границею ([24]).

Главною чертою новаго положенія генеральнаго штаба было установленіе одного генералъ-квартирмейстера, которому

подчинялись всѣ чины онаго, а равно и пiонернаго баталiона, чѣмъ окончательно приданъ всему учрежденiю видъ особаго самостоятельнаго корпуса, непосредственно подчиненнаго главноприсутствующему въ военной коллегiи генералу.

Распредѣленiе чиновъ генеральнаго штаба къ войскамъ дѣлалось генералъ-квартирмейстеромъ; офицеры, находившiеся въ мирное время при дивизiяхъ подчинялись старшему изъ своей среды офицеру. Въ военное же время офицеры генеральнаго штаба состояли въ вѣдѣнiи того главнокомандующаго армiи, при которой находились.

По новымъ штатамъ, сравнительно со штатами 1763 года, число офицерскихъ чиновъ было уменьшено изъ 40 на 37; но надо полагать, что вслѣдъ за утвержденiемъ новаго штата вышло къ нему дополненiе, слѣдовъ котораго нигдѣ не найдено, но которое вошло въ жизнь, а именно число подполковниковъ увеличено до 3-хъ, а маiоровъ до 10, почему общее число чиновъ генеральнаго штаба осталось прежнее,—40. Къ этому же еще добавлено 60 колоновожатыхъ, унтеръ-офицерскаго званiя. Изъ числа офицерскихъ чиновъ большая половина, именно 24, приходится на оберъ-офицеровъ. Такимъ обрзомъ большинство всего корпуса положено въ низшихъ чинахъ (унтеръ и оберъ-офицерскихъ), что конечно имѣетъ значенiе въ корпусѣ, главнымъ назначенiемъ котораго есть постоянный усиленный трудъ, физическiй и умственный. Бауръ хорошо понималъ, что отъ штабъ-офицеровъ трудно требовать, чтобы они энергически и дѣятельно занимались работами генеральнаго штаба, требующими по преимуществу, особенно въ военное время, физическаго труда. Поэтому онъ до крайней возможности сократилъ число высшихъ чиновъ, оставивъ въ корпусѣ генеральнаго штаба, кромѣ начальника его, лишь одного бригадира, и одного полковника и только 3 подполковниковъ и 10 маiоровъ.

Поступленiе въ генеральный штабъ по положенiю допускалось только въ дивизiонные квартирмейстеры поручичьяго чина, или въ колоновожатые, и не иначе, какъ по особому представленiю и аттестацiи генералъ-квартирмейстера и съ Высочайшаго разрѣшенiя.

Однако, правило это нерѣдко нарушалось, и самъ Бауръ зачастую переводилъ въ генеральный штабъ капитановъ. Производство въ чины дѣлалось, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, на открывающіяся въ генеральномъ штабѣ вакансіи, по аттестаціи генералъ-квартирмейстера; достигшіе же чина подполковника становились въ общую линію съ армейскими подполковниками и по этой линіи производились въ полковники. Переводить изъ генеральнаго штаба въ другія мѣста запрещалось, но подполковникамъ и маіорамъ предоставлялось право перехода въ войска.

Форма обмундированія оставлена прежняя. Что же касается формы обмундированія вожатыхъ, то она была примѣнена къ формѣ офицеровъ генеральнаго штаба; зеленый суконный кафтанъ; панталоны и камзолъ предположено было сперва дать бѣлые, но потомъ утверждены красные; епанча васильковаго цвѣта, шляпа пуховая черная, съ золотымъ позументомъ; всѣ они имѣли серебряный аксельбантъ, а сержанты и такой же эполетъ съ зеленымъ шелкомъ. Все это полагалось отъ казны: но мелкія вещи обмундированія, галстухи, волосяные банты къ шляпамъ, маншеты, чулки, шпоры, вожатые должны были пріобрѣтать на свой счетъ. Вооруженіе состояло изъ кортика, носимаго на портупеѣ, обшитой галуномъ, охотничьяго ружья и пистолета при сѣдлѣ, которое полагалось англійскаго образца, съ зеленымъ суконнымъ вальтрапомъ и таковымъ же чемоданчикомъ ([25]).

Оклады содержанія значительно измѣнены противъ прежняго, въ высшихъ чинахъ: съ подполковничьяго чина жалованіе удвоено противъ строевыхъ, между тѣмъ какъ низшимъ чинамъ сдѣлана лишь незначительная надбавка. Генералъ-квартирмейстеру, кромѣ опредѣленнаго штатомъ содержанія, назначено еще производить въ военное время, когда онъ будетъ находиться при арміи, по 60 руб. въ мѣсяцъ, изъ чрезвычайной, опредѣленной на военные расходы, суммы. Назначеніе это сдѣлано въ томъ уваженіи, что генералъ-квартирмейстеръ, находясь при арміи, имѣетъ гораздо болѣе противъ прочихъ генераловъ расходовъ, какъ на лошадей и экипажъ, такъ и на столъ, который, сказано въ указѣ, ему

необходимо держать для всѣхъ офицеровъ, находящихся при немъ для занятія мѣстъ подъ лагери, при рекогносцированіи непріятельскихъ позицій и при осмотрѣ дорогъ, которыми имѣютъ слѣдовать войска.

Служба и обязанности генеральнаго штаба и его отношенія къ военной коллегіи опредѣлены особымъ указомъ, даннымъ на имя Баура ([26]).

Первымъ пунктомъ указа подтверждалось, что «какъ дисциплина есть главное основаніе всей военной связи, то генералъ-квартирмейстеру неуклонно должно содержать ее безъ всякаго послабленія, ибо чѣмъ болѣе находящіеся въ генеральномъ штабѣ чины найдутся въ разныхъ раскомандированіяхъ, тѣмъ нужнѣе, чтобы военное повиновеніе, нетолько противъ командировъ въ войскахъ, но и между ними, совершенно наблюдено было и чтобы точно исполняли они подаваемымъ имъ предписаніямъ.»

Постановка этого предписанія во главѣ указа показываетъ, что коллегія придавала важное значеніе этому пункту и имѣла основаніе настаивать на немъ. Какъ ни мало имѣется свѣдѣній о генеральномъ штабѣ, но между ними встрѣчаются указанія на то, что офицеры этого корпуса, пользуясь своею отдѣльностію, нерѣдко позволяли себѣ нѣкоторыя отступленія отъ службы. Такъ, еще баронъ Эльмптъ жаловался военной коллегіи, что подчиненные ему офицеры, получивъ куда либо командировку, не доносили ему ничего о себѣ; встрѣчаются случаи, что иногда отыскиваютъ офицера и находятъ вовсе не тамъ, гдѣ ему надлежало быть. Очень часто это происходило случайно, отъ того, что не всегда точно доходили по назначенію предписанія и донесенія; наконецъ нерѣдко и отъ тѣхъ трудностей, которыя встрѣчались офицерами при перемѣщеніяхъ съ мѣста на мѣсто. Въ тѣ времена случалось, что офицеръ назначенный изъ Петербурга на службу къ арміи, стоявшей на турецкой границѣ, отправлялся туда на собственныхъ лошадяхъ, оставаясь иногда въ дорогѣ по мѣсяцу и болѣе; это дозволялось, но, очевидно, не могло быть контролировано и давало, многіе поводы къ злоупотребленіямъ.

*

Въ видахъ введенія большаго контроля за распредѣленіемъ офицеровъ генеральнаго штаба, установлено было, чтобы генералъ-квартирмейстеръ ежемѣсячно представлялъ въ военную коллегію списки всѣхъ чиновъ, съ означеніемъ, гдѣ кто находится, а чрезъ каждые полгода особые, на основаніи полковничьей инструкціи, съ означеніемъ старшинства въ службѣ и аттестаціи каждаго ([27]).

Дальнѣйшими пунктами указа опредѣлялось, чтобы генералъ-квартирмейстеръ, находясь при войскахъ, высылалъ въ военную коллегію планы всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ съ первымъ курьеромъ послѣ происшествія оныхъ; по окончаніи же кампаніи представлялъ планы не только всѣмъ дѣйствіямъ, въ теченіе оной, но также и всѣмъ лагерямъ и маршрутамъ путей, по которымъ шли войска, съ показаніемъ всѣхъ окрестностей тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходили и гдѣ были военныя дѣйствія. Все это должно было сопровождаться военными примѣчаніями, т. е. описаніями. Тоже самое возлагалось и на всѣхъ чиновъ генеральнаго штаба, состоявшихъ при отдѣльныхъ корпусахъ и отрядахъ.

Планы и карты хранились въ чертежной при военной коллегіи, въ которой постоянно долженъ былъ оставаться одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба; на обязанность его возлагалось составить и содержать въ исправности подробную опись всѣмъ имѣющимся картамъ и планамъ, наблюдать за ихъ сохранностію и отнюдь никому ихъ не выдавать безъ особаго разрѣшенія коллегіи, или генералъ-квартирмейстера. На обязанность же генералъ-квартирмейстера возлагалось, чтобы не только маршруты каждаго полка изъ его непремѣнныхъ квартиръ къ пограничнымъ мѣстамъ изготовлены и въ книгу внесены были, но чтобы и планы всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ и маршамъ, какія происходили въ прошлыхъ войнахъ, были особо собраны и въ порядкѣ находились. Въ чертежной же должны были всегда находиться порядочно и чисто-сдѣланныя карты, какъ всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ дивизіи расположены на непремѣнныхъ квартирахъ, такъ и генеральныя тѣмъ губерніямъ и провинціямъ.

Этими установленіями положено начало нынѣшнему воен-

но-топографическому депо, какъ хранилищу нетолько всѣхъ картъ, потребныхъ для удовлетворенія текущихъ потребностей военнаго вѣдомства, но и военно исторических материаловъ. Этимъ же самымъ, обязанность веденія во время войны военныхъ журналовъ и плановъ сраженій и маршей, снималась съ инженернаго вѣдомства и переносилась на генеральный штабъ.

Въ мирное время генералъ-квартирмейстеръ долженъ былъ находиться при военной коллегіи и имѣть наблюденіе, чтобы всѣ чины генеральнаго штаба «обращались въ упражненіи сходномъ съ ихъ должностію, старались къ пріобрѣтенію лучшаго познанія всего того, что къ оной принадлежитъ, для чего всѣхъ тѣхъ, кои на лицо состоять будутъ, непрестанно употреблять къ снятію и чертежу разныхъ плановъ, а сверхъ того давать имъ подлежащія въ сей наукѣ лекціи; равномѣрное попеченіе имѣть и о вожатыхъ колоннъ, дабы и они время свое не провождали въ праздности, но, прилежа къ познанію должности, могли бы себя пріуготовлять къ заступленію мѣстъ офицерскихъ и къ вспоможенію имъ во всякихъ случаяхъ; къ сему можетъ онъ опредѣлить кого либо изъ штабъ-офицеровъ на лицо находящихся».

На генералъ-квартирмейстера возложена была наконецъ отвѣтственность за поведеніе всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба, на равнѣ съ командиромъ полка, а также забота объ обмундированіи вожатыхъ колоннъ.

Нельзя непризнать раціональности новаго положенія генеральнаго штаба, сравнительно съ прежними отрывочными узаконеніями по этому предмету.

Задавшись желаніемъ имѣть небольшой, но отборный корпусъ офицеровъ подготовленныхъ, какъ для вожденія войскъ въ военное время, такъ и для подготовки въ мирное время всякаго рода свѣдѣній къ тому необходимыхъ, военная коллегія основательно поручила завѣдываніе этимъ корпусомъ одному лицу, которое, пользуясь довѣріемъ правительства, было отвѣтственнымъ за успѣхъ комплектованія генеральнаго штаба надежными офицерами и за самый ходъ занятій этихъ офицеровъ. Тотъ-же главный начальникъ генеральнаго штаба могъ служить офицерамъ онаго и защитою

противъ, столь развитаго въ то время, произвола начальствующихъ лицъ, для которыхъ генеральный штабъ являлся какимъ-то чуждымъ, навязаннымъ имъ элементомъ, среди личнаго состава войсковыхъ управленій, находившихся въ полномъ у нихъ подчиненіи. При немногочисленности корпуса офицеровъ генеральнаго штаба можно было надѣяться, что всегда будетъ возможно содержать оный въ комплектѣ и пополнять лицами достаточно подготовленными къ этой службѣ; генералъ-квартирмейстеръ долженъ былъ испытывать степень ихъ способностей, занимать сообразно ея требованіямъ, слѣдить за ихъ успѣхами. Въ то же время генеральному штабу придано 60 человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые нетолько имѣли назначеніемъ провожаніе колоннъ, но и работы съемочныя и чертежныя: работы эти были имъ необходимы для ознакомленія ихъ съ картами и планами, которые они должны были знать хорошо для выполненія своихъ прямыхъ обязанностей въ военное время. Это была, такъ сказать, рабочая сила генеральнаго штаба. Казалось бы, что, при такой постановкѣ учрежденія, особенно, если принять во вниманіе личныя достоинства генерала Баура, авторитетъ, которымъ онъ пользовался, а также и покровительство этому учрежденію со стороны главноприсутствующаго военной коллегіи, Захаръ Григорьевича Чернышева, можно было ожидать самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для генеральнаго штаба.

Генералъ Бауръ горячо принялся за образованіе генеральнаго штаба. Въ доведеніи генеральнаго штаба до комплекта онъ, по видимому, не спѣшитъ въ началѣ, что можно объяснить желаніемъ его переводить въ генеральный штабъ лишь лицъ испытанныхъ; даже укомплектованіе колоновожатыхъ идетъ медленно, такъ что къ Октябрю 1772 года, все еще недоставало до комплекта шести капитановъ и трехъ поручиковъ, а колоновожатыхъ имѣлось только четыре сержантскаго и 11 каптенармусскаго чина ([28]).

Вслѣдъ за своимъ новымъ назначеніемъ генералъ Бауръ настойчиво выставляетъ военной коллегіи необходимость пріобрѣсти для генеральнаго штаба особый домъ, гдѣ бы по-

мѣщались нетолько колоновожатые, но и офицеры, гдѣ эти чины могли бы заниматься, гдѣ была бы чертежная и библіотека. Къ концу года, съ разрѣшенія коллегіи имъ пріисканъ былъ въ Литейной части, на Моховой улицѣ, домъ вдовствующей графини Ефимовской и нанятъ за 350 руб. въ годъ, съ уплатою по третямъ года изъ имѣвшейся при коллегіи типографской суммы ([29]). Въ этомъ домѣ 12 комнатъ назначено для помѣщенія чиновъ генеральнаго штаба и имѣлась еще большая зала для чертежной и для помѣщенія собственной библіотеки Баура, которую онъ отдалъ въ пользованіе своимъ подчиненнымъ. Въ слѣдующемъ 1773 году, генералъ Бауръ успѣлъ исходатайствовать, чтобы для колоновожатыхъ, находящихся въ Петербургѣ, было куплено 10 верховыхъ лошадей, ([30]) что полагалъ необходимымъ «для приведенія колоновожатыхъ къ сознанію точной ихъ должности и къ ихъ обученію». Но и послѣ найма дома, Бауръ не перестаетъ жаловаться, что офицеры генеральнаго штаба нетолько не имѣютъ мѣста, гдѣ бы могли упражняться въ наукахъ, относящихся до военнаго искусства, но даже и бываютъ стѣснены въ исполненіи своихъ служебныхъ работъ; что генералъ-квартирмейстеръ лишенъ возможности наблюдать за поведеніемъ и упражненіемъ въ наукахъ своихъ подчиненныхъ. Вслѣдствіе того, 23-го декабря 1773 года, Высочайше разрѣшено пріобрѣсти особый каменный домъ отъ наслѣдниковъ Брумберга, состоящій по Большой и Новой Исакіевской улицамъ и по Провіантскому переулку ([31]). На покупку дома, на исправленіе его и на учрежденіе передъ нимъ мѣста для вахтъ-парада, требовалось всего, по исчисленію приказной экспедиціи, 53,000 руб., въ число которыхъ, по Высочайшему повелѣнію назначено изъ суммъ военной колегіи 26,000 р., да изъ кабинетскихъ 27,000 р.

Съ переходомъ въ это новое помѣщеніе въ концѣ 1774 года, управленіе генеральнаго штаба стало именоваться—департаментомъ генеральнаго штаба,—титулъ постоянно употребляемый съ того времени, но присвоенный самовластно, такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы существовало какое либо распоряженіе по этому предмету.

Усиливая свою заботливость объ образованіи колоновожатыхъ, Бауръ исходатайствовалъ въ Маѣ 1776 года, чтобы только половина штатомъ положенныхъ колоновожатыхъ состояла постоянно при войскахъ, а другая находилась при департаментѣ, такъ какъ здѣсь имѣлось болѣе средствъ къ обученію ихъ, какъ сказано въ представленіи Баура, «въ чертежахъ и въ прочихъ принадлежащихъ ихъ должности наукахъ».

Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, въ чемъ заключалось это обученіе, какъ оно было ведено, кто непосредственно руководилъ имъ.

Во всякомъ случаѣ приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что генералъ Бауръ, сдѣлавшись главою генеральнаго штаба, ревностно заботился на первыхъ порахъ о томъ, чтобы поставить ввѣренное ему учрежденіе въ возможно лучшее положеніе. Къ сожалѣнію, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, онъ встрѣтилъ затрудненія къ дальнѣйшему развитію своихъ начинаній.

Преобразованія Баура должны были неизбѣжно возбудить сильное неудовольствіе въ тогдашнемъ военномъ обществѣ и въ средѣ тогдашнихъ придворныхъ партій. Уже одно то, что Бауръ былъ иностранецъ и, тѣмъ не менѣе ему была предоставлена самостоятельная отрасль управленія, не нравилось тогдашней знати, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя вполнѣ самостоятельно и, какъ видно, былъ очень ревнивъ въ охраненіи предоставленныхъ ему правъ.

Въ дѣлахъ сохранилось нѣсколько жалобъ его на главноначальствующихъ лицъ, когда они, по прежнимъ привычкамъ, безъ вѣдома генералъ-квартирмейстера, увольняли, или производили офицеровъ генеральнаго штаба; для привыкшихъ къ самопроизвольнымъ дѣйствіямъ генераловъ тогдашняго времени, конечно, это было крайне непріятно тѣмъ болѣе, когда приходилось стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ ради пришлаго иностранца. Выраженіе неудовольствія на стѣсненія явившіяся вслѣдствіе новаго положенія генеральнаго штаба, сохранилось въ письмахъ фельдмаршала графа Румянцева, который смотрѣлъ крайне неблагосклонно на

новое учрежденіе, хотя при этомъ утвердительно можно сказать, что неблагосклонность эта была нестолько слѣдствіемъ неудовлетворительности самого генеральнаго штаба, какъ преимущественно результатомъ чисто личныхъ его отношеній.

Графъ Румянцевъ имѣлъ много враговъ и завистниковъ при дворѣ, между которыми считалъ, во время 1-й турецкой войны, и графа З. Г. Чернышева, который поддерживалъ генерала Баура въ его проектахъ и содѣйствовалъ ихъ утвержденію. Въ своихъ письмахъ къ графу Никитѣ Ивановичу Панину и даже въ донесеніяхъ Императрицѣ, Румянцевъ неоднократно жалуется на своихъ враговъ, которые выставляютъ его дѣйствія въ ложномъ свѣтѣ, не уважаютъ его представленій, не доставляютъ ему своевременно даже того, что необходимо для арміи. Вотъ что онъ писалъ, 3-го Марта 1772 года, графу Н. И. Панину: «я давалъ нѣкоторымъ при отъѣздѣ коммиссію представить о сущихъ нуждахъ войска; я и писалъ представляя ближайшіе способы, какъ недостатки въ потребномъ находить,—мои доклады неудостоены уваженія, тѣмъ извиненіемъ, что не нашли никогда случая говоритъ про состояніе арміи. А вмѣсто того, дѣлаются, то первые баталіоны для арміи, которая ввѣрена моему попеченію, и выдаютъ вновь штаты генералъ-квартирмейстерскіе. Представте, милостивый мой другъ, если есть радѣніе о пользѣ войскъ, или только ни къ чему не нужная прихоть? если я говорю о полезномъ и по лучшему испытанію, противъ того не только дѣломъ, но ниже словомъ не отвѣчаютъ; но ежели другой трогая деликатность военнаго начальства, вымыслитъ что нибудь для моей части, то исполняется какъ самонужнѣйшее». Въ письмѣ къ самой Императрицѣ, отъ 8-го Августа 1773 года, графъ Румянцевъ, излагая чистосердечно свою исповѣдь, указывая на слабость доставляемыхъ ему подкрѣпленій, на возводимыя на него обвиненія за вялость и неуспѣшность военныхъ дѣйствій, говоритъ между прочимъ: «я никогда не имѣлъ повода собственностію моей нажить себѣ недоброжелателей, незнавъ отъ дѣтскаго возразста до дней уже моей нынѣ старости, жизни выгодной; но что я ихъ, къ несчастію, имѣю, то

къ чему мои объясненія о томъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, аки Монархинею премудрою и проницающею глубоко во всѣ дѣйствія и ихъ причины, которыми они противъ меня прямо идутъ и своими новоизобрѣтеніями, во опроверженіе моихъ, представляютъ и надобности и возможности и удобства, и иной видъ въ щетъ даютъ на бумагѣ войску, нежели оной есть въ дѣлѣ, и тѣмъ ставятъ меня во исполненіе непреодолимыхъ обстоятельствъ или неготовымъ, или неискуснымъ, и всяческими образы смѣшиваютъ къ полученію награжденія прямыхъ военноподвижниковъ, нетолько на ряду старшинства съ находящимися внѣ войны, но и съ тѣми, кои, подъ разными виды, явно удаляясь отъ службы и нерѣдкія въ нареканіяхъ и неудовольствіи противъ меня, по новымъ штатамъ, находятъ для себя выгодныя и полезныя мѣста, присвояютъ двойное жалованіе, при прежнемъ отправленіи службы и должности, изъемлютъ изъ вѣдѣнія моего чиновъ привязанныхъ прямо ко мнѣ и неотлучно бытностію, по ввѣренному надъ арміею начальству, а чрезъ то честолюбіе, какъ лучшая подпора въ службѣ и уваженіе къ начальству упадать, негодованія же и происки умножаться должны».

Очевидно, что мнѣніе графа Румянцева о необходимости новыхъ штатовъ генеральнаго штаба, можетъ быть заподозрѣно въ односторонности и въ нѣкоторомъ пристрастіи, вслѣдствіе его личныхъ отношеній къ участникамъ этого преобразованія.

Тѣмъ не менѣе въ жалобахъ графа Румянцева нельзя не видѣть нѣкоторыхъ справедливыхъ упрековъ противъ генеральнаго штаба; офицеры этого корпуса нерѣдко были отзываемы изъ арміи въ Петербургъ, гдѣ зачастую оставались по распоряженію генералъ-квартирмейстера на продолжительное время; это видно изъ многихъ срочныхъ донесеній о чинахъ генеральнаго штаба; даже сами завѣдывавшіе генеральнымъ штабомъ въ арміяхъ старшіе офицеры того же штаба нерѣдко жаловались, что у нихъ вслѣдствіе того бываетъ недостатокъ въ офицерахъ.

Съ другой стороны, новое положеніе генеральнаго штаба

по всей вѣроятности, было встрѣчено неблагопріятно и тогдашним военным обществом.

Генеральному штабу было предоставлено увеличенное содержаніе, дана самостоятельность и независимость отдѣльным лицам его составляющим, наконец предоставлена возможность болѣе быстраго повышенія въ чинахъ, сравнительно съ другими родами службы. Послѣднимъ преимуществомъ многія лица успѣли воспользоваться очень широко, благодаря особенной благосклонности къ нимъ Баура. Такъ, Феодоръ Медеръ, вступившій въ колоножные подпоручики въ концѣ 1769 г., былъ маіоромъ къ Январю 1773 г.; Германъ, принятый на службу въ Январѣ 1770 г. подпоручикомъ, былъ маіоромъ въ 1774 г.; Кнорингъ, вступившій въ концѣ 1769 г. въ генеральный штабъ капитаномъ, къ началу 1772 г. былъ подполковникомъ. Правда, что въ тѣ времена производство въ чинъ было единственной наградой для оберъ-офицеровъ, что трое вышеназванныхъ лицъ дѣйствительно до конца своей службы служили украшеніемъ генеральнаго штаба и своими отличіями вполнѣ оправдывали предоставленныя имъ преимущества; тѣмъ не менѣе быстрое повышеніе ихъ въ чинахъ должно было не нравиться тогдашнему обществу, которое вообще, какъ всѣ малоразвитыя и необразованныя общества, легче переносило возвышеніе благодаря знатности рода или богатства, чѣмъ основанное на дѣйствительныхъ заслугахъ и на преимуществахъ образованія.

Къ тому же быстрыя повышенія въ чинахъ офицеровъ генеральнаго штаба производили неблагопріятное впечатлѣніе еще и по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Во первыхъ повышенія эти должны были особенно возбуждать зависть генеральскихъ адъютантовъ, которые считали себя главными дѣятелями въ штабахъ и къ которымъ между тѣмъ строго примѣнялся законъ, что они не могутъ быть производимы въ слѣдующіе чины ранѣе шестилѣтней выслуги въ прежнихъ чинахъ ([32]). Отсюда быть можетъ и получилъ начало тотъ антогонизмъ, который долго существовалъ въ нашихъ арміяхъ между адъютантурой, или частію дежурства и генеральнымъ штабомъ.

Во вторыхъ, быстрыя повышенія офицеровъ генеральнаго штаба, безъ сомнѣнія возбуждали неудовольствіе нашего военнаго общества, или покрайней мѣрѣ значительной части его, еще и потому, что этими преимуществами, по особой благосклонности Баура, наиболѣе пользовались офицеры нѣмецкаго, или остзейскаго происхожденія. Если и предположить, что предпочтеніе дѣлаемое нѣмцамъ было строго основано на болѣе солидномъ ихъ образованіи, то тѣмъ не менѣе оно должно было дѣйствовать непріятно на русское общество, въ которомъ въ вѣкъ Екатерины болѣе чѣмъ когда либо проявлялось чувство національнаго сознанія.

Несмотря однакожъ на всѣ неудовольствія возбужденныя противъ Баура и его нововведеній, генеральный штабъ безъ сомнѣнія могъ бы упрочиться въ своемъ новомъ положеніи, еслибы ему была сохранена на болѣе долгое время поддержка сильнаго вельможи, графа З. Г. Чернышева. Но поддержка эта была непродолжительна: съ паденіемъ партіи Орловыхъ, Бауръ потерялъ своихъ покровителей. Съ назначеніемъ графа Чернышева въ 1774 году президентомъ военной коллегіи, генеральный штабъ вышелъ изъ подъ его непосредственнаго вѣдѣнія и перешелъ подъ вліяніе генералъ аншефа Григорія Александровича Потемкина, который съ первыхъ же дней своего управленія военною коллегіею и секретною экспедиціею, сталъ во враждебныя отношенія къ Бауру. Что было причиною этой непріязненности неизвѣстно, имѣется лишъ нѣсколько фактовъ подтверждающихъ ея существованіе.

Какъ кажется враждебность эта началась съ того, что въ Августѣ 1774 года военная коллегія прямо отъ себя предписала главнокомандующимъ арміями, графу Румянцеву и князю Долгорукому, сдѣлать по своему усмотрѣнію, распредѣленіе состоящихъ при нихъ чиновъ генеральнаго штаба по дивизіямъ; узнавъ о томъ, Бауръ обидѣлся таковымъ нарушеніемъ правъ генералъ-квартирмейстера и въ рапортѣ къ Потемкину отъ 22-го Ноября напомнилъ, что распредѣленіе чиновъ генеральнаго штаба на службу подлежитъ его вѣдѣнію и что онъ не замедлитъ представить таковое. Надо полагать, что эта выходка Баура сильно непонравилась само-

властному и не любившему противорѣчія Потемкину и съ этого времени, Бауръ подвергается непрерывному ряду непріятностей, который и довелъ его до того, что въ Декабрѣ 1774 года онъ взялъ годовой отпускъ и уѣхалъ за границу. Потемкинъ видимо во всемъ отказывалъ Бауру: такъ онъ отмѣнилъ высылку рабочихъ изъ армейскихъ солдатъ для дѣланія плацъ-парада передъ домомъ генеральнаго штаба; отказалъ въ уплатѣ 1349 руб. 46 коп. по счету сестрорѣцкаго завода за тумбы для этого плацъ-парада, несмотря на то, что заказъ былъ сдѣланъ Бауромъ по предварительному разрѣшенію графа Чернышева; наконецъ отказалъ въ отпускѣ денегъ на отопленіе чертежной генеральнаго штаба и при ней караульной, указывая на то, что генералъ-квартирмейстеръ, получая на чертежные припасы 200 руб., долженъ изъ этой суммы вполнѣ содержать и чертежную. Послѣднее рѣшеніе состоялось 5-го Декабря, а 14-го Декабря Бауръ уже выѣхалъ въ заграничный отпускъ, даже безъ сохраненія содержанія. Замѣчательно, что когда послѣ отъѣзда Баура, оставшійся старшимъ въ генеральномъ штабѣ, оберъ-квартирмейстеръ Медеръ требовалъ дрова для чертежной, показывая въ своемъ рапортѣ, что, не имѣя никакого отпуска, жгли пока остатки старыхъ строеній и даже покупали на свои деньги, то военная коллегія постановила выдать на дрова для чертежной, оставшееся недоданнымъ содержаніе Баура, 200 руб. ([33])

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1775 года Бауръ вернулся изъ заграницы, но видимо уже находился въ немилости; при праздновaніи въ Іюлѣ этого года годовщины Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, когда розданы были Императрицею щедрыя награды за турецкую войну, Бауръ былъ забытъ и ничего не получилъ. Съ этого времени, онъ, видимо избѣгая столкновеній съ всесильнымъ Потемкинымъ, перенесъ свою дѣятельность на разнаго рода инженерныя работы, по которымъ могъ быть независимымъ отъ военной коллегіи Надо полагать, что перемѣна эта совершилась не безъ участія Императрицы, отличавшейся, как извѣстно, необыкновеннымъ тактомъ и исскуствомъ въ улаживаніи раздоровъ между сво-

ими приближенными. Бауру разновременно поручено было устройство водопроводовъ въ Софіи (около Царскаго села) и въ Москвѣ (Мытыщинскіе), строеніе каменнаго опернаго театра въ С.-Петербургѣ, и московскаго арсенала, устройство рѣки Фонтанки, Екатерининскаго канала, городовой верфи въ Петербургѣ, строеніе гаваней въ Кронштадтѣ и Ригѣ, исправленіе Ладожскаго канала, нивелировка рѣкъ Двины и Днѣпра, расчистка Ловати, наконецъ дѣланіе каналовъ подъ петербургскими улицами и мощеніе послѣднихъ. ([34]) Чины генералъ-поручика и генералъ-инженера, орденскіе знаки Александра Невскаго и Св. Владиміра, были наградою за всѣ эти труды, которые наиболѣе доставили извѣстность Бауру, но отвлекли совершенно отъ генеральнаго штаба до такой степени, что потомству онъ сталъ гораздо болѣе извѣстенъ по званію инженеръ-генерала, чѣмъ по должности генералъ-квартирмейстерской, которую однако продолжалъ занимать до самой своей смерти.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще, что въ 1776 году, Бауръ, послѣ смерти первой своей жены ([35]), вступилъ во вторичный бракъ съ дѣвицею Софіею фонъ-Бемъ, бывшею фрейлиною двора Ея Величества и, имѣвъ отъ этого брака сына и двухъ дочерей, отдался вполнѣ, въ послѣдніе семь лѣтъ своей жизни, семьѣ.

Такимъ образомъ, генеральный штабъ остался вовсе безъ руководителя, безъ сильныхъ покровителей и видимо былъ предоставленъ на произволъ судьбы. Объ его дѣятельности и существованіи за это время сохранились лишь самыя скудныя и отрывочныя свѣдѣнія; въ архивныхъ дѣлахъ не находится даже и тѣхъ срочныхъ донесеній о состояніи генеральнаго штаба, которыя обязанъ былъ съ 1772 года представлять въ военную коллегію генералъ-квартирмейстеръ. Надо полагать, что донесенія эти, или вовсе были прекращены Бауромъ, или же поступали непосредственно къ Потемкину, минуя военную коллегію, и затерялись въ его бумагахъ.

Уже къ концу 1-й турецкой войны, генеральнаго штаба какъ будто бы и не существуетъ при дѣйствующихъ вой-

скахъ. Въ Іюнѣ 1772 года прибылъ было къ 1-й арміи самъ Бауръ, но оставался здѣсь недолго и, встрѣтивъ, вѣроятно, неблагопріятный для себя пріемъ со стороны графа Румянцева, поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ. Да и офицеры генеральнаго штаба съ видимою неохотою служили въ 1-й арміи: генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, бригадиръ Муромцовъ дважды проситъ объ увольненіи его изъ генеральнаго штаба, но просьбу его отклоняютъ и послѣ вторичной, производятъ въ утѣшеніе въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ, все-таки, въ генеральномъ штабѣ ([36]); подполковникъ Кнорингъ уѣзжаетъ изъ арміи въ годовой отпускъ; назначенные изъ Петербурга въ 1-ю армію капитаны Медеръ и Экельнъ и поручикъ Эккерманъ не прибываютъ къ мѣсту назначенія. Число офицеровъ генеральнаго штаба въ дѣйствующихъ арміяхъ за это время было крайне незначительно, такъ что, напримѣръ, въ 1773 году при войскахъ, находившихся въ Крыму, состоялъ всего одинъ офицеръ.

При этомъ, конечно, не удивительно, что въ описаніяхъ военныхъ дѣйствій конца 1-й турецкой войны и въ реляціяхъ о переправѣ черезъ Дунай, о дѣйствіяхъ подъ Силистріею, о движеніи на Варну, нигдѣ не упоминается объ участіи генеральнаго штаба и причисленнаго къ нему недавно сформированнаго піонернаго баталіона. А между тѣмъ, въ арміяхъ, по примѣру департамента генеральнаго штаба, стали образовываться при старшихъ офицерахъ генеральнаго штаба, какъ бы особые отдѣлы при главной квартирѣ, зачатки будущихъ управленій генералъ-квартирмейстеровъ, состоявшіе первоначально изъ чертежной и собственной канцеляріи этого офицера. Изъ этихъ-то канцелярій стали исходить бумаги, относящіяся до генеральнаго штаба, а въ 1775 году, при возвращеніи арміи Румянцева въ Россію, впервые появились маршруты, данные войскамъ за подписомъ офицера генеральнаго штаба, именно генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта Нефедьева, который былъ въ то время старшимъ офицеромъ генеральнаго штаба при 1-й арміи. Подобные маршруты выдавались прежде изъ собственной канцеляріи главнокомандующаго, но теперь, очевидно, стали исходить отъ

генеральнаго штаба, въ рукахъ котораго имѣлись всѣ необходимыя для того карты.

Маршруты 1775 года имѣютъ видъ простыхъ вѣдомостей, для каждаго полка отдѣльно; дневки (растахи) назначены въ нихъ черезъ каждые два дня.

Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ предѣлы Россіи, Бауромъ сдѣлано распредѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба по дивизіямъ ([37]), составленное вполнѣ систематически: въ каждую дивизію назначено по одному оберъ-квартирмейстеру штабъ-офицерскаго чина, по одному дивизіонному квартирмейстеру и по два вожатыхъ 2-го класса (каптенармусскаго чина); затѣмъ всѣ вожатые 1-го класса (сержанты) были собраны въ чертежной, въ Петербургѣ, гдѣ находилось два штабъ-офицера и 8 оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба.

Всего къ 1-му Января 1775 года состояло въ генеральномъ штабѣ: 1 генералъ (генералъ-квартирмейстеръ Бауръ), 1 полковникъ, 2 подполковника, 10 маіоровъ, 12 капитановъ, 6 поручиковъ, 3 прапорщика, 8 вожатыхъ 1-го класса и 30—2-го класса. Такимъ образомъ до комплекта недоставало: 1 бригадира, 6 поручиковъ, 2 вожатыхъ 1-го класса и 20—2-го класса. Для пополненія некомплекта поручиковъ стали принимать въ генеральный штабъ и производимыхъ изъ вожатыхъ прапорщиковъ, которыхъ въ упоминаемое время имѣлось на лицо трое, такъ что некомплектъ собственно въ офицерскихъ чинахъ былъ незначителенъ, не превышая четырехъ.

Чѣмъ заняты были офицеры генеральнаго штаба при дивизіяхъ и въ чертежной, какова была ихъ жизнь, о томъ не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній, а встрѣчаются лишь отрывочныя указанія.

Такъ, въ 1775 году, военная коллегія снова начинаетъ заботиться о томъ, чтобы при дивизіяхъ и въ губерніяхъ составлялись карты и маршруты; въ Октябрѣ того же года даетъ предписанія по этому предмету губернаторамъ и разрѣшаетъ употреблять для того мѣстныхъ землемѣровъ, а также брать изъ полковъ офицеровъ знающихъ инженерную

науку; даетъ даже форму, по которой должны быть составляемы вѣдомости почтовыхъ дорогъ. Форма эта впервые введена была директоромъ канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ, инженеръ-генераломъ Мордвиновымъ, и совершенно сходна съ тѣми описаніями дорогъ, которыя существовали до нашего времени и, существуютъ еще и теперь на нашихъ почтовыхъ станціяхъ, съ тѣмъ лишь прибавленіемъ, что въ нихъ требовалось означать не только наименованіе всѣхъ попутныхъ городовъ и селеній, но и число въ нихъ дворовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это и исполнялось; но сохранились отзывы, напримѣръ Нижегородскаго губернатора, генералъ-поручика Ступишина, Смоленскаго намѣстника Глѣбова, что въ управляемыхъ ими областяхъ это невозможно исполнить, что на работы землемѣровъ нельзя полагаться, что въ полкахъ не оказывается офицеровъ, знающихъ инженерную науку, почему они просятъ о присылкѣ имъ чиновъ генеральнаго штаба съ унтеръ-офицерами и съ инструментами, для производства таковыхъ работъ ([38]) —Сохранился и отвѣтъ военной коллегіи на одно изъ подобныхъ представленій отъ Августа 1776 года, что некого послать въ Нижегородскую губернію.

Рядомъ съ этимъ генеральный штабъ употреблялся и къ разнымъ съемочнымъ работамъ по размежеванію; такъ, оберъ-квартирмейстеръ Бердяевъ, при открытіи трехъ Малороссійскихъ губерній, былъ употребленъ съ 1779 по 1782 годъ къ раздѣленію тѣхъ губерній и къ сочиненію картъ, какъ онымъ, такъ и смежной Курской губерніи;

Въ 1772 году генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ Нефедьевъ, состоя уже въ чинѣ бригадира, командированъ былъ по указу Правительствующаго Сената въ Могилевскую губернію для размежеванія староства Кричевскаго, пожалованнаго Потемкину; такъ какъ въ помощь ему не имѣлось свободныхъ землемѣровъ, то по просьбѣ Нефедьева на межеваніе назначены были изъ генеральнаго штаба поручики Маркловскій и Жуковъ, и 6 вожатыхъ, да еще Елецкаго пѣхотнаго полка преміеръ-маіоръ Раздеришинъ. Назна-

ченіе это состоялось прямо отъ военной коллегіи и только для свѣдѣнія было сообщено Бауру; такъ мало въ то время ему придавали значенія. Межеваніе Кричевскаго староства кончилось въ 1782 году вполнѣ хорошо и Нефедьевъ пріобрѣлъ себѣ покровителя въ Потемкинѣ: лишь только въ 1787 г. Саратовское намѣстничество было поручено Потемкину, какъ въ томъ же году Нефедьевъ былъ назначенъ туда намѣстникомъ, гдѣ и оставался до увольненія въ отставку въ 1795 году.

11-го Февраля 1783 года, послѣ продолжительной болѣзни, умираетъ Бауръ на 52 году отъ рожденія, въ чинѣ генералъ-инженера. Передъ самой кончиной своей, онъ удостоился получить милостивое собственноручное письмо отъ Императрицы и орденъ Св. Владиміра, который ему уже не пришлось носить.

Крайне затруднительно сдѣлать какой-либо заключительный выводъ объ этомъ, безспорно замѣчательномъ, человѣкѣ: слишкомъ мало имѣется для того положительныхъ данныхъ. О способностяхъ его и обширномъ образованіи достаточно свидѣтельствуютъ такіе авторитеты, какъ Фридрихъ Великій и графъ Румянцевъ-Задунайскій. Единственный біографъ Баура, издавшій въ 1785 году его жизнеописаніе въ очень небольшой брошюрѣ, описываетъ его въ общихъ, напыщенныхъ, сходно съ тогдашнимъ временемъ, выраженіяхъ, отличнымъ семьяниномъ, прямодушнымъ, чуждымъ всякихъ интригъ, мягкимъ и ласковымъ съ подчиненными, добросовѣстнымъ исполнителемъ всего ему поручаемаго ([39]). О томъ, что это дѣйствительно былъ человѣкъ труда и работы, свидѣтельствуютъ и тѣ извѣстія, которыя сохранились о возлагавшихся на него порученіяхъ. Конечно, неизвѣстно, какъ исполнялъ онъ эти порученія; но, принимая во вниманіе ту великую способность, которую имѣла Императрица Екатерина къ оцѣнкѣ и въ выборѣ людей, надо полагать, что она не дѣлала бы ему подобныхъ порученій, если бы не была увѣрена въ томъ, что онъ исполнитъ ихъ надлежащимъ образомъ. Къ сожалѣнію личность Баура какъ бы затерялась для современниковъ его въ блестящей плеядѣ государствен-

ныхъ и военныхъ дѣятелей Екатерининскаго вѣка; утратились для потомства не только тѣ особенности жизни этого дѣятеля, которыя могли бы служить къ его характеристикѣ, но даже и самыя его творенія: такъ, составленная подъ его вѣдѣніемъ карта Молдавіи, которую, безспорно, считали образцовою въ свое время, затеряна и извѣстіе о ней дошло до насъ единственно по изданію ея въ Австріи. Быть можетъ, и хранятся по архивамъ кой-какія изъ его работъ, но о нихъ нигдѣ не упоминается (40).

Странно, что изъ числа подчиненныхъ Бауру офицеровъ генеральнаго штаба, не нашлось никого, кто бы почтилъ его память некрологомъ, или хоть бы какими-либо замѣтками о заслугахъ, оказанныхъ имъ генеральному штабу. Это невольно зарождаетъ мысль, что вообще современники Баура чрезвычайно мало придавали значенія генеральному штабу, не сознавали еще его пользы и необходимости, не отдавали должной цѣны его занятіямъ. Предположеніе это очень вѣроятно, и оно еще болѣе должно возвысить Баура надъ общимъ уровнемъ его современниковъ. Какъ бы то ни было, Бауръ внесъ двѣ вѣрныя идеи, относящіяся къ устройству генеральнаго штаба, именно, что корпусъ этотъ долженъ имѣть отдѣльное, самостоятельное существованіе, и что нужна предварительная подготовка для службы въ немъ. Обѣ идеи всецѣло взяты имъ изъ Пруссіи, гдѣ онѣ были упрочены Фридрихомъ II; у насъ же провести ихъ было не легко, потому что пришлось встрѣтиться съ глубоко-укоренившимися понятіями о неограниченной власти главнокомандующаго, о ничтожности значенія генеральнаго штаба, сравнительно съ другими дѣятелями штабовъ тогдашняго времени—адъютантами и съ инженерами. Несмотря на всѣ встрѣченныя затрудненія, Бауру удалось положить начало у насъ генеральному штабу въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ лучшихъ современныхъ западно-европейскихъ арміяхъ, и хотя послѣдующія обстоятельства были крайне неблагопріятны для дальнѣйшаго развитія этого учрежденія, но, коль скоро они миновались, генеральный штабъ возродился съ полнымъ успѣхомъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были положены Бауромъ.

ГЛАВА V.

1783—1796.

Генералъ-квартирмейстеръ Каховскій (1783—1789). Разстройство при немъ генеральнаго штаба. Генералъ-квартирмейстеръ Писторъ (1789—1796). Участіе генеральнаго штаба во 2-й Турецкой войнѣ, въ войнѣ противъ польскихъ конфедератовъ и въ шведской. Картографическія работы. Ученые труды Вистицкаго. Общее заключеніе о генеральномъ штабѣ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Послѣ смерти генерала Баура высочайшимъ указомъ 23-го Февраля 1783 года назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ, служившій прежде въ генеральномъ штабѣ, генералъ-поручикъ Михаилъ Васильевичъ Каховскій, остававшійся въ этой должности до 1789 года.

Будучи, по своему происхожденію изъ Смоленскихъ дворянъ, землякомъ Князя Г. А. Потемкина, Каховскій принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ его поклонниковъ и сотрудниковъ и взаимно пользовался полнымъ довѣріемъ и даже дружбою свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Если принять во вниманіе, что въ это время Потемкинъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи, а съ 1784 года и ея президентомъ, то можно было ожидать, что таковая обстановка новаго генералъ - квартирмейстера проявитъ благопріятное

вліяніе на судьбу русскаго генеральнаго штаба. Но на дѣлѣ оказалось, что напротивъ, близость Каховскаго съ Потемкинымъ отвлекла перваго отъ заботъ по ввѣренному ему учрежденію.

Съ принятіемъ Крыма въ русское подданство, Потемкинъ все вниманіе свое обратилъ на устройство этой богатой области; для командованія здѣсь войсками онъ вызвалъ Каховскаго, вскорѣ послѣ назначенія его генералъ-квартирмейстеромъ; завѣдываніе гражданскими дѣлами ввѣрилъ его брату, статскому совѣтнику Василію Васильевичу Каховскому, также служившему прежде въ генеральномъ штабѣ. Дѣятельностію своею по устройству Крыма, М. В. Каховскій заслужилъ въ 1784 г. чинъ генералъ-аншефа, а въ 1785 году орденъ Святаго Александра Невскаго; но нѣтъ никакихъ слѣдовъ относительно дѣятельности его собственно по генеральному штабу. За отъѣздомъ его въ Крымъ изъ С.-Петербурга, управленіе генеральнымъ штабомъ было возложено на генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта, генералъ-маіора Нефедьева, который фактически оставался во главѣ этого корпуса до назначенія своего въ 1787 году, Саратовскимъ намѣстникомъ.

Въ архивныхъ дѣлахъ этого времени не встрѣчается никакихъ указаній на дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба; нѣкоторые изъ нихъ находились при порученіяхъ данныхъ еще генераломъ Бауромъ; такъ въ Москвѣ, при устройствѣ водопроводовъ находились подполковники Медеръ (Ѳеодоръ) и Филиній, капитаны Ленъ и Штаудницъ, подпоручикъ Бехлій; при устройствѣ набережныхъ рѣки Фонтанки состоялъ капитанъ Дейбель-фонъ-Гаммерау; при постройкѣ частной петербургской верфи поручикъ Фердинандъ Герардъ; при устройствѣ купеческой гавани въ Ригѣ, капитанъ Логинъ Герардъ и одинъ вожатый колонъ. Другіе офицеры генеральнаго штаба находились при размежеваніи вновь открываемыхъ губерній, но наибольшее число ихъ было при войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи. Такъ, къ Январю 1786 года ([1]) при войскахъ занимавшихъ Крымъ и предгорія Кавказа, находилось изъ генеральнаго

штаба 3 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 10 человѣкъ вожатыхъ къ колонамъ. При другихъ дивизіяхъ находилось отъ одного до трехъ офицеровъ и только при 1-й дивизіи въ С.-Петербургѣ, имѣлось четыре офицера и 7 провожатыхъ колонъ.

Всего, въ это время, въ генеральномъ штабѣ, кромѣ генералъ-квартирмейстера состояло: 1 генералъ-маіоръ, 1 бригадиръ, 6 подполковниковъ, 4 преміеръ-маіора, 12 капитановъ, 6 поручиковъ, 7 подпоручиковъ, 4 провожатыхъ колонъ 1-го класса и 29 втораго (2).

Такимъ образомъ, уже въ 1786 году замѣчается сильный некомплектъ чиновъ генеральнаго штаба, особенно въ числѣ колоновожатыхъ, и нарушеніе штатнаго соотвѣтствія между разными чинами. Два эти явленія тѣсно между собою связаны и находятся въ полной между собою зависимости: нарушеніе численнаго отношенія между разными чинами происходило отъ зачисленія прямо въ генеральный штабъ капитановъ, маіоровъ и даже подполковниковъ, а отчасти конечно, и отъ того, что высшимъ чинамъ генеральнаго штаба не было даваемо дальнѣйшаго движенія по службѣ; отсюда являлась необходимость, вмѣсто двухъ штатныхъ подполковниковъ, имѣть ихъ шесть соотвѣтственно уменьшая число маіоровъ, а этимъ самымъ закрывать дорогу къ дальнѣйшему повышенію капитанамъ. Съ другой стороны, пополняя генеральный штабъ прямо штабъ-офицерскими чинами принимаемыми отъ войскъ, закрывалась дорога къ производству въ офицерскіе чины провожатымъ колонъ, что имѣло вліяніе на самое комплектованіе послѣднихъ. И дѣйствительно, изъ списковъ видно, что въ званіи провожатыхъ колонъ засиживаются гораздо долѣе противъ прежняго, по 10, даже по 15 лѣтъ, а въ то-же время замѣтно, что для принятія въ это званіе условія значительно смягчены: прежде у вожатыхъ означалось, что они, кромѣ россійской граматы, знаютъ непремѣнно одинъ изъ иностранныхъ языковъ, ариѳметику, геометрію; теперь-же столь обширныя знанія стали попадаться рѣже: не только между провожатыми, но даже и между произведенными изъ ихъ

среды дивизіонными квартирмейстерами попадаются лица, противъ которыхъ отмѣчено, что они знаютъ только русскій языкъ.

Все это можетъ служить доказательствомъ, что уже въ первые годы послѣ смерти Баура, составъ генеральнаго штаба видимо сталъ измѣняться къ худшему. Различныя обстоятельства, въ особенности войны второй половины царствованія Императрицы Екатерины II, еще болѣе ухудшили положеніе генеральнаго штаба.

Приготовленія ко второй турецкой войнѣ естественно должны были потребовать усиленія генеральнаго штаба, а вмѣстѣ съ тѣмъ привести и къ сосредоточенію офицеровъ этого корпуса по преимуществу къ двумъ арміямъ, предназначеннымъ для дѣйствія противъ турокъ. При главной изъ этихъ армій (Екатеринославской) ввѣренной начальству князя Г. А. Потемкина, находимъ почти весь тогдашній составъ генеральнаго штаба: армія, при числительности отъ 70—80,000 человѣкъ, имѣла при себѣ, кромѣ генералъ-квартирмейстера Каховскаго, командовавшаго войсками въ Крыму, изъ генеральнаго штаба: 9 штабъ-офицеровъ, 17 оберъ офицеровъ и 22 провожатыхъ колоннъ. Кромѣ того, въ подчиненномъ князю Потемкину корпусѣ генерала Текелли, дѣйствовавшемъ на Кубани, при числительности войскъ до 17,000, находились четыре офицера генеральнаго штаба и трое провожатыхъ колоннъ.

При другой-же дѣйствующей арміи (Украинской), ввѣренной начальству графа Румянцева-Задунайскаго, при числительности войскъ до 30,000, находились только одинъ генералъ-маіоръ (Бердяевъ), два штабъ-офицера, три оберъ-офицера и шесть провожатыхъ колоннъ.

Этого числа офицеровъ генеральнаго штаба, особенно по сравненію съ прежними турецкими войнами, казалось, было вполнѣ достаточно для дѣйствующихъ на югѣ армій, но тѣмъ не менѣе, во время самой войны, князь Потемкинъ, совершенно не дѣлая уже никакихъ сношеній съ генералъ-квартирмейстеромъ и съ военною коллегіею, переводитъ многихъ лицъ прямо въ оберъ-квартирмейстеры генеральнаго

штаба. Такъ, въ 1789 году, при немъ лично состояли въ должности оберъ-квартирмейстеровъ: маіоры Еммануилъ Дерибасъ и Павелъ Ситниковъ, дивизіонные квартирмейстеры капитаны Чорба и Булатовъ. Изъ нихъ о первомъ самъ генералъ-квартирмейстеръ неимѣлъ никакихъ свѣдѣній, что онъ и оговариваетъ въ вѣдомости чиновъ генеральнаго штаба; Ситниковъ же былъ зачисленъ Потемкинымъ въ генеральный штабъ въ 1788 году, подъ Очаковымъ, изъ капитановъ л. гв. Преображенскаго полка, но службы по генеральному штабу никогда не исполнялъ, а состоялъ при строеніи Николаева.

Вообще въ 1789 г. разстройство генеральнаго штаба видимо стало усиливаться: генералъ-квартирмейстеръ Каховскій, находясь въ Карасу-Базарѣ, вовсе не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній о чинахъ генеральнаго штаба: въ спискѣ о подвѣдомственныхъ ему чинахъ, представленномъ военной коллегіи 31-го Января 1789 г., изъ числа 83 этихъ чиновъ онъ не можетъ дать свѣдѣній о шестнадцати чинахъ, очевидно, попавшихъ въ генеральный штабъ безъ всякаго съ его стороны участія.

Лично при немъ, въ Крыму, находились въ это время изъ генеральнаго штаба только три штабъ-офицера, три оберъ-офицера и три провожатыхъ колонъ; они вѣроятно и составляли все его управленіе. Въ Петербургѣ-же, въ домѣ генеральнаго штаба, гдѣ Бауръ имѣлъ цѣлый департаментъ, оставался, въ это время, только для наблюденія за зданіемъ, дивизіонный квартирмейстеръ капитанъ Торсонъ съ однимъ провожатымъ колонъ.

А между тѣмъ, на сѣверѣ ополчилась противъ Россіи Швеція, наскоро формировалась Финляндская армія и при ней-то вовсе нѣтъ офицеровъ генеральнаго штаба: всѣ они, или по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, были привлечены на югъ и преимущественно подъ Очаковъ осаждаемый Потемкинымъ. Для формируемой въ Финляндіи арміи составляется генеральный штабъ помимо находящагося вдали отъ Петербурга генералъ-квартирмейстера; въ число офицеровъ этого корпуса принимаются: маіоры Муравьевъ (3)

и Штейнгель, вожатые колоннъ Поспѣловъ и Стуббе; генералъ-маіоръ Кнорингъ назначается временно-исправляющимъ здѣсь должность генералъ-квартирмейстера, къ нему изъ войскъ прикомандировываются офицеры для исправленія обязанностей генеральнаго штаба; въ числѣ послѣднихъ наиболѣе извѣстны: Великолуцкаго пѣхотнаго полка капитанъ Дудицкій и поручикъ Адеркасъ 2-й (Андрей), произведенный за отличіе въ дѣлахъ 1789 года въ капитаны, а впослѣдствіи (съ 1795 года) служившій въ генеральномъ штабѣ.

Хотя всѣ эти обстоятельства и кажутся имѣющими лишь второстепенную важность, однако и они, безъ сомнѣнія, занимали мѣсто въ ряду придворныхъ интригъ, направленныхъ противъ всесильнаго Потемкина. Усилившееся въ это время вліяніе Николая Ивановича Салтыкова, успѣвшаго выдвинуть соперника Потемкину въ лицѣ Платона Зубова, не оставалось безъ значенія даже для столь небольшаго вѣдомства, какимъ былъ генеральный штабъ, и выразилось въ снятіи съ Каховскаго генералъ-квартирмейстерскаго званія. При невозможности поколебать силу самаго Потемкина, по крайней мѣрѣ сдѣлали непріятность близкому къ нему человѣку.

14-го Апрѣля 1789 года, на мѣсто Каховскаго, былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, полковникъ Іоганъ Яковъ Писторъ, тогда-же произведенный въ генералъ-маіоры. Писторъ, конечно, стоялъ въ спискѣ генеральнаго штаба старшимъ полковникомъ, но въ это же время въ генеральномъ штабѣ былъ еще генералъ-маіоръ Бердяевъ, занимавшій должность генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта. Невольно является вопросъ: почему не назначили послѣдняго вмѣсто Каховскаго, тѣмъ болѣе, что Бердяевъ былъ старше Пистора собственно по службѣ въ генеральномъ штабѣ, находясь въ оной съ 1763 года, между тѣмъ какъ Писторъ былъ иностранецъ, принятый въ русскую службу лишь въ 1771 году. Отвѣтомъ на это можетъ служить то обстоятельство, что Бердяевъ считался приверженцемъ князя Потемкина.

Что касается до личности новаго генералъ-квартирмейстера, то характеръ ея очень мало извѣстенъ; уроженецъ Гессенъ-Касселя, Писторъ началъ службу въ гессенскихъ войскахъ въ артиллеріи, гдѣ въ чинѣ маіора получилъ званіе профессора собственно за занятія съ молодыми офицерами. Семилѣтнюю войну онъ дѣлалъ въ гессенъ-дармштадтскихъ войскахъ; здѣсь-то сблизился, какъ видно, съ Бауромъ, исправлялъ при немъ въ Пруссіи должность генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта и по окончаніи войны уволенъ отъ службы съ чиномъ подполковника. Въ Россію Писторъ вызванъ былъ по рекомендаціи Баура, въ 1771 году и тогда-же принятъ въ генеральный штабъ на должность оберъ-квартирмейстера чина маіорскаго.

Нельзя не замѣтить, что Бауръ во время управленія генеральнымъ штабомъ не давалъ никакихъ особыхъ порученій Пистору, который безотлучно находился при домѣ генеральнаго штаба; обстоятельство это наводитъ на мысль требующую однако подтвержденія что, быть можетъ, Бауръ употреблялъ этого бывшаго профессора для завѣдыванія занятіями колоновожатыхъ, собранныхъ въ Петербургѣ.

Генералу Пистору пришлось занять генералъ-квартирмейстерскую должность въ чрезвычайно трудное время: президентомъ военной коллегіи, попрежнему считался князь Потемкинъ, но фактически военнымъ управленіемъ завѣдывали соперники его по вліянію при дворѣ, генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Платонъ Зубовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возвышавшійся. Собственно центральное управленіе генеральнаго штаба, то, что при Баурѣ называли департаментомъ, въ дѣйствительности не существовало; находившіеся на службѣ офицеры генеральнаго штаба, были распредѣлены по арміямъ чрезвычайно неравномѣрно, но конечно, ни у кого недоставало еще силы, чтобы вмѣшиваться въ дѣла главной по численности арміи, ввѣренной могущественному князю Потемкину.

Самая численность офицеровъ генеральнаго штаба не соотвѣтствовала силѣ арміи, почти удвоенной противъ 1763 г. При недостаткѣ офицеровъ генеральнаго штаба, генералы,

командовавшіе въ арміяхъ, а особливо самъ князь Потемкинъ, по примѣру прежняго времени, брали прямо офицеровъ изъ полковъ и зачисляли ихъ въ генеральный штабъ, не сносясь съ генералъ-квартирмейстеромъ. Неудивительно, что въ генеральный штабъ стали попадать лица, неудовлетворявшія прежнимъ условіямъ этого рода службы и вслѣдствіе того снова стало проявляться стремленіе возлагать обязанности генеральнаго штаба на офицеровъ инженернаго корпуса. Послѣднее въ особенности выразилось въ шведскую войну въ Финляндіи, гдѣ прямо инженеръ-генералъ-маіору фонъ-Сухтелену, незадолго до того принятому въ русскую службу, поручено было составлять маршруты и дислокаціонныя карты, вести военно-историческій журналъ.

Самъ же генералъ Писторъ, подобно своему предшественнику, почти вовсе не остается въ Петербургѣ при военной коллегіи, а постоянно находится при дѣйствующей арміи, сперва у князя Потемкина на югѣ, противъ Турціи, а потомъ при войскахъ генералъ-аншефа Каховскаго и Игельстрома, въ Польшѣ. При чисто боевой жизни, ему некогда слѣдить за распредѣленіемъ и службою офицеровъ генеральнаго штаба, да къ тому же онъ многихъ изъ нихъ вовсе и не зналъ, такъ что въ годовыхъ вѣдомостяхъ представляемыхъ въ военную коллегію, не въ состояніи аттестовать большинства офицеровъ. Домъ генеральнаго штаба въ Петербургѣ, чертежная и архивъ во все это время состоятъ въ вѣдѣніи оберъ-квартирмейстера маіора Торсона, о дѣятельности котораго тоже не имѣется никакихъ свѣдѣній. Къ довершенію безпорядка, всѣ дѣла походной канцеляріи генерала Пистора захвачены были поляками во время варшавскаго возмущенія 6-го Апрѣля 1794 года, такъ что, для возстановленія послужныхъ списковъ офицеровъ генеральнаго штаба, генералъ-квартирмейстеръ долженъ былъ обращаться во всѣ части войскъ съ требованіемъ о доставленіи свѣдѣній на состоявшихъ при нихъ подвѣдомственныхъ ему офицеровъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что генералъ Писторъ принималъ съ своей стороны мѣры для улучшенія положенія генеральнаго штаба; на это есть положительныя указанія; но

надо полагать, что представленія его оставались безъ послѣдствій. Еще въ 1790 году генералъ Писторъ представлялъ князю Потемкину, что, въ виду увеличенной численности арміи, генеральный штабъ имѣетъ недостаточное число чиновъ, особенно же оберъ-офицерскихъ; тогда Потемкинъ разрѣшилъ ему представлять для зачисленія въ генеральный штабъ сверхкомплектныхъ подпоручиковъ съ тѣмъ, чтобы имъ отпускалось жалованіе изъ комисаріатскихъ коммисій по поручичьимъ окладамъ. Вслѣдствіе такого разрѣшенія, генералъ Писторъ сдѣлалъ въ Февралѣ 1791 года представленіе о подлежащихъ зачисленію въ генеральный штабъ подпоручикахъ и представленіе это Потемкинъ хотѣлъ утвердить въ Петербургѣ, но оставилъ безъ послѣдствій. Затѣмъ Писторъ просилъ о томъ же генералъ-аншефа Каховскаго, заступившаго мѣсто Потемкина въ командованіи Екатеринославскою арміею; просилъ въ 1792 году и самаго президента военной коллегіи, графа Николая Ивановича Салтыкова ([4]), но всѣ эти представленія оставались безъ послѣдствій. Въ томъ же донесеніи своемъ графу Салтыкову Писторъ указываетъ, что между чинами, числящимися въ генеральномъ штабѣ, есть лица которыя считаются при арміи, а находятся въ другихъ мѣстахъ. Такъ оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Ситниковъ показанъ находящимся при строеніи Николаева и объ немъ прямо сказано, что онъ службы генеральнаго штаба съ самаго опредѣленія въ оный штабъ не исправлялъ; оберъ-квартирмейстеръ, преміеръ-маіоръ баронъ Маркловскій показанъ въ командировкѣ для размежеванія графства Дубровскаго (пожалованнаго Потемкину); тотъ же Маркловскій разновременно былъ употребляемъ Потемкинымъ къ описанію и управленію лѣсами Екатеринославскаго намѣстничества, а также по Екатеринославской казенной фабрикѣ; о дивизіонномъ квартирмейстерѣ капитанѣ Полевѣ, въ донесеніи Пистора сказано, что онъ былъ прежде откомандированъ къ генералъ-маіору Давыдову (въ Херсонъ) для фейерверка и постоянно находился при Херсонскомъ адмиралтействѣ; о послѣднемъ изъ этихъ офицеровъ, а равно и о Ситниковѣ, генералъ Писторъ еще и въ

первыхъ числахъ 1796 года повторяетъ ту же аттестацію, что они *службы генеральнаго штаба никогда не чинили*, а между тѣмъ чины эти, по прежнему продолжали оставаться въ генеральномъ штабѣ, а Полевъ былъ произведенъ въ 1793 году даже и въ преміеръ-маіоры. Точно также остаются безъ всякихъ послѣдствій и другія аттестаціи генералъ-квартирмейстера Пистора; въ томъ же 1796 году, онъ, въ графѣ, къ повышенію достоинъ, или зачѣмъ не аттестуется, приписываетъ собственноручно оберъ-квартирмейстеру маіору Ивану Купчинову: «излишнее употребленіе напитковъ дѣлаетъ его со стороны сей замѣчательнымъ», и такая аттестація остается безъ послѣдствій. Изъ подобныхъ-же аттестацій за другіе годы находимъ, что, состоявшій при генералъ-фельдмаршалѣ, графѣ А. В. Суворовѣ, дивизіонный квартирмейстеръ капитанскаго чина Раисъ, только съ опредѣленія своего въ генеральный штабъ началъ учиться чертить и навыкать къ службѣ; что еще по представленію князя Потемкина опредѣленъ былъ въ генеральный штабъ, чиномъ капитана, французскій подданный граверъ Дютю, искусство котораго, какъ показываетъ аттестація генерала Пистора, состоитъ только въ гравированіи.

Точно также Потемкинымъ былъ опредѣленъ въ генеральный штабъ прямо преміеръ-маіоромъ академикъ Академіи Художествъ Михаилъ Ивановъ, который болѣе 12 лѣтъ непосредственно находился при свѣтлѣйшемъ князѣ Таврическомъ и занимался исключительно тѣмъ, что снималъ виды съ разныхъ мѣстъ ознаменованныхъ подвигами его патрона, или-же замѣчательныхъ по путешествію Императрицы, или по другимъ событіямъ. Потемкинъ намѣревался издать всѣ эти виды въ пользу Иванова и исходатайствовать ему пенсію, но за смертію, этого не сдѣлалъ и Ивановъ, лишившись своего покровителя, просилъ Императрицу объ опредѣленіи его, или въ званіе ректора Академіи Художествъ, или-же въ кабинетъ Ея Величества; вслѣдствіе этой просьбы онъ былъ опредѣленъ послѣ 1-го января 1794 года въ эрмитажъ ([5])

Трудно сказать, по чьей винѣ оставались подобныя лица въ спискахъ генеральнаго штаба, быть можетъ отъ того,

что генералъ Писторъ не былъ достаточно настойчивъ въ своихъ представленіяхъ объ ихъ исключеніи, или же что военная коллегія, точнѣе президентъ ея, графъ Салтыковъ, оставлялъ представленія безъ вниманія. Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ, судя по тѣмъ отрывочнымъ бумагамъ, какія найдены въ дѣлахъ бывшей военной коллегіи. Такъ напримѣръ, когда генералъ Писторъ командировалъ весною 1794 года изъ Варшавы въ Лабунь, къ формировавшемуся тамъ корпусу генералъ-аншефа князя Юрія Владиміровича Долгорукова (6), нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба, по приказанію полученному имъ отъ военной же коллегіи, то цѣлыхъ два года, до февраля 1796 года, приходилось ему переписываться съ графомъ Салтыковымъ о выдачѣ этимъ офицерамъ прогоновъ. Очень возможно, что въ настоящемъ случаѣ графъ Н. И. Салтыковъ дѣлалъ затрудненія единственно изъ нерасположенія къ князю Ю. В. Долгорукову, съ которымъ онъ и вообще приверженцы графовъ Зубовыхъ находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ; но, для генерала Пистора это должно было представлять непріятности, которыя онъ не стѣсняется высказывать даже въ своихъ рапортахъ Салтыкову. (7).

Къ началу 1796 года, генералъ Писторъ, видимо потерялъ всякую надежду на возможность возстановленія порядка въ генеральномъ штабѣ. Не только назначенія въ генеральный штабъ, но и перемѣщенія офицеровъ этого корпуса съ одного мѣста въ другое, дѣлались по мимо его вѣдома, непосредственно самою военною коллегіею, или генералами, командовавшими войсками. Прибывъ въ Петербургъ, генералъ Писторъ подалъ 17-го Января 1796 г. прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его отъ должности генералъ-квартирмейстера, съ причисленіемъ къ дѣйствующей арміи. Но и прошеніе его оставлено военною коллегіею безъ всякихъ послѣдствій, а между тѣмъ графъ Салтыковъ продолжалъ распоряжаться офицерами генеральнаго штаба, помимо генералъ-квартирмейстера. Въ это время готовилась экспедиція графа Валеріана Александровича Зубова въ Персію; назначеніе въ эту экспедицію офицеровъ генеральнаго шта-

ба сдѣлано помимо Пистора, прямо изъ военной коллегіи и при этомъ назначены были и тѣ немногіе офицеры, которые находились при генералъ-квартирмейстерѣ въ Петербургѣ, въ томъ числѣ и подпоручикъ Чуйко, завѣдывавшій дѣлами собственной канцеляріи генерала Пистора.

На предписаніе по этому предмету, генералъ Писторъ, рапортомъ отъ 22-го Февраля 1796 года, просилъ графа Салтыкова о временномъ покрайней мѣрѣ увольненіи его отъ исполненія должности генералъ-квартирмейстейской ([8]); онъ выставляетъ, что не имѣя адъютанта, пользовался правомъ предоставленнымъ генералъ-квартирмейстеру, избирать изъ своихъ подчиненныхъ одного офицера, для завѣдыванія канцеляріею, но что и этого офицера у него отнимаютъ; что, за смертію своего старшаго писаря, онъ имѣетъ только одного, съ которымъ не можетъ управиться по всѣмъ дѣламъ, проходящимъ черезъ его канцелярію. Впрочемъ, какъ бы соглашаясь еще остаться на время въ должности, онъ проситъ сношенія съ генераломъ Каховскимъ о высылкѣ въ Петербургъ находящагося въ Крыму генеральнаго штаба поручика Энкмана. Въ заключеніе своего рапорта генералъ Писторъ напоминаетъ о поданномъ имъ 17-го Января прошеніи объ увольненіи отъ должности и настойчиво проситъ, чтобы данъ былъ ходъ прошенію, и чтобы, даже до воспослѣдованія Высочайшаго разрѣшенія на оное, освободили его отъ должности. «Мнѣ невозможно теперь въ семъ корпусѣ достодолжный порядокъ соблюсти», заканчиваетъ генералъ Писторъ свой рапортъ; «сія послѣдняя командировка, коя подполковникомъ Леномъ ([9]) предложены, назначены и командированы, и я долженъ и послѣдняго подчиненнаго офицера, кои при канцеляріи моей мнѣ столь необходимо нуженъ, лишиться. Изъ сего ваше сіятельство сами узрѣть изволите, что надъ таковымъ корпусомъ начальства я болѣе имѣть не могу, и принужденъ до милостивѣйшаго отъ Ея Императорскаго Величества резолюціи оное спизложить».

Чѣмъ былъ удовлетворенъ послѣ этого рапорта генералъ Писторъ, неизвѣстно; но видно, что онъ продолжалъ оставаться въ должности генералъ-квартирмейстера до Ноября то-

го же года, т. е. до самаго уничтоженія генеральнаго штаба Императоромъ Павломъ. Изъ списковъ же генеральнаго штаба видно, что представленія его, объ оставленіи при немъ подпоручика Чуйко, и о вызовѣ въ замѣнъ его поручика Энкмана, тоже не были уважены: первый былъ отосланъ въ Кизляръ къ формировавшемуся тамъ персидскому корпусу, а поручикъ Энкманъ вовсе не пріѣзжалъ въ Петербургъ, а оставался до конца 1797 г. на югѣ Россіи, гдѣ состоялъ въ вѣдѣніи генерала Бердяева, при размежеваніи земель войска Донскаго.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе, можно будетъ вывести то окончательное, приблизительно вѣрное заключеніе о генеральномъ штабѣ конца царствованія Екатерины II, что князь Потемкинъ своимъ самовластіемъ, или вѣрнѣе, генералъ-квартирмейстеръ Каховскій, своей безпечностію о ввѣренномъ его управленію учрежденіи, подготовили разстройство генеральнаго штаба, уронивъ его значеніе. Затѣмъ уже генералъ Писторъ оказался безсильнымъ, чтобы поправить дѣло, тѣмъ болѣе, что ему приходилось бороться съ нерасположеніемъ къ генеральному штабу графа Салтыкова и вообще партіи противной князю Потемкину; къ тому же непрерывныя войны послѣдняго десятилѣтія царствованія Екатерины II отнимали всякую возможность къ какимъ бы то ни было улучшеніямъ или преобразованіямъ. Несмотря на столъ неблагопріятную обстановку для развитія дѣятельности генеральнаго штаба въ эпоху вышеупомянутыхъ двухъ генералъ-квартирмейстеровъ, событія показываютъ, что, и въ это тяжелое время, въ средѣ генеральнаго штаба не мало было достойныхъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Войны этого періода представляютъ намъ довольно примѣровъ блистательнаго исполненія офицерами генеральнаго штаба своихъ обязанностей; въ передовыхъ отрядахъ, при рекогносцировкахъ, въ головѣ штурмовыхъ колонъ подъ Очаковымъ, Измаиломъ, Мачинымъ, подъ Прагою, при проводѣ колонъ черезъ трудныя мѣста на поляхъ сраженій, вездѣ можно встрѣтить офицера генеральнаго штаба; въ минуты же замире-

нія, когда смолкаетъ громъ и гулъ битвъ, офицеры этого корпуса являются и на другомъ поприщѣ ихъ дѣятельности: при военно-топографическихъ съемкахъ и при составленіи картъ.

Для фактическаго подтвержденія сказаннаго достаточно привести имѣющіяся въ архивахъ данныя о дѣятельности генеральнаго штаба на южныхъ границахъ Россіи (въ Турціи и на Кавказѣ), на западѣ (въ Польшѣ и въ присоединенныхъ отъ нея областяхъ) и на сѣверѣ (въ Финляндіи) (10).

Съ открытіемъ второй турецкой войны, почти всѣ офицеры генеральнаго штаба, какъ выше замѣчено, были собраны при Украинской и преимущественно при Екатеринославской арміяхъ, но о дѣятельности ихъ мало свѣдѣній, въ особенности за нѣкоторые эпизоды войны. Наиболѣе скудныя свѣдѣнія представляются тѣми дѣйствіями, гдѣ непосредственно начальствовалъ самъ Потемкинъ, а отчасти и дѣйствія Суворова; напротивъ того, дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба болѣе крупно выступаетъ при дѣйствіяхъ на Кубани, гдѣ командовали постоянно второстепенные по значенію, но тѣмъ не менѣе весьма способные генералы, каковы: генералъ-поручики Текелій, Германъ, баронъ Розенъ, Гудовичъ, а также и при командованіи главною арміею, за отсутствіемъ Потемкина, генералъ-аншефа князя Николая Васильевича Репнина.

Такое явленіе понятно и вполнѣ можетъ служить къ характеристикѣ генеральнаго штаба. При блестящемъ князѣ Таврическомъ находились цѣлыя полчища разныхъ лицъ, непринадлежавшихъ къ постоянному составу арміи, а наѣзжавшихъ лишь для полученія отличій и наградъ; въ свитѣ главнокомандующаго подъ Очаковымъ встрѣчаемъ множество офицеровъ и даже сержантовъ гвардіи, толпу иностранныхъ офицеровъ, представителей разныхъ княжескихъ и аристократическихъ фамилій. Нисколько не умельшая похвальнаго рвенія этихъ пришельцевъ, являвшихся пожинать лавры, нельзя, однако, не замѣтить, что они отнимали лавры у болѣе скромныхъ дѣятелей, которые выполняли, такъ сказать, черную работу. Поэтому неудивительно, что въ блестя-

щей толпѣ терялся генеральный штабъ, въ средѣ котораго почти вовсе не было лицъ, отличавшихся знатностію рода, извѣстностію при Дворѣ. Отсюда происходитъ и то странное явленіе, что хотя при войскахъ, осаждавшихъ и взявшихъ Очаковъ въ 1788 году, находилось до десяти человѣкъ офицеровъ генеральнаго штаба, не считая колоновожатыхъ, но ни объ одномъ изъ нихъ не упоминается въ реляціяхъ и описаніяхъ военныхъ дѣйствій подъ этимъ городомъ; только въ послужныхъ спискахъ ихъ значится, что они участвовали въ дѣйствительныхъ дѣлахъ подъ Очаковымъ, да находимъ, что дивизіонный квартирмейстеръ, капитанъ Лаврентій Бостремъ, за ознобленіемъ ногъ подъ Очаковымъ, отправленъ для излеченія въ Елисаветградскій генеральный госпиталь, гдѣ и умеръ въ 1793 году. Изъ тѣхъ же списковъ извѣстно, что Астраханскаго драгунскаго полка капитанъ Булатовъ, поступившій волонтеромъ въ Екатеринославскую армію, исправлялъ подъ Очаковымъ должность оберъ-квартирмейстера, былъ употребляемъ княземъ Потемкинымъ въ разныя казачьи партіи къ Бендерамъ, Аккерману и Хаджибею, за что переведенъ въ Маѣ 1788 года въ генеральный штабъ, а того же года Іюня 25-го произведенъ въ маіоры.

Почти тоже явленіе встрѣчается и при дѣйствіяхъ А. В. Суворова, хотя въ меньшей степени. Точнымъ образомъ неизвѣстно, сколько было при немъ офицеровъ генеральнаго штаба во время дѣйствій въ 1789 году подъ Фокшанами и на Рымникѣ. Изъ реляціи извѣстно, что должность оберъ-квартирмейстера при немъ исполнялъ инженерный маіоръ Воеводскій, который строилъ мосты на Путнѣ и Рымнѣ, направлялъ къ нимъ войска; въ описаніи сраженія подъ Фокшанами упомянуто еще о дивизіонномъ квартирмейстерѣ капитанѣ Ракоцій, а на Рымникѣ, объ исправлявшемъ должность дивизіоннаго квартирмейстера секундъ-маіорѣ Рязанскаго карабинернаго полка Шультинѣ. Послѣдній вовсе не числился въ генеральномъ штабѣ, а первый принадлежалъ къ числу храбрыхъ офицеровъ, отличался лихимъ наѣздничествомъ, но, какъ аттестовалъ его въ 1796 году генералъ Писторъ, «хотя и достоинъ по службѣ, но былъ непорядо-

ченъ по нехорошему его характеру противъ подчиненныхъ». Происходя изъ венгерской княжеской фамиліи, Ракоцій вступилъ въ колоновожатые еще при Баурѣ, въ 1776 году, а черезъ два года былъ произведенъ въ поручики генеральнаго штаба и постоянно находился при дѣйствующихъ войскахъ, преимущественно съ передовыми казачьими партіями. Раненый саблей подъ Ченстоховомъ, контуженный подъ Рымникомъ, Ракоцій замѣчателенъ тѣмъ, что въ его послужномъ спискѣ записано множество возлагавшихся на него и исполненныхъ имъ порученій, но что онъ безпрестанно переходилъ изъ одной арміи въ другую; надо полагать, что это былъ живой, дѣятельный, но неуживчивый характеръ, не сдѣлавшій поэтому карьеры, но заслужившій право на память въ потомствѣ.

Подъ Измаиломъ въ 1790 году, при войскахъ Суворова, кромѣ нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба (дивизіонные квартирмейстеры Хоментовскій, Тихоновъ, Дренякинъ, Дьячковъ) находились еще оберъ-квартирмейстеры: маіоры Булатовъ, Ленъ и фонъ-Каленбергъ, а также генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ полковникъ Тизенгаузенъ. Въ реляціи о знаменитомъ измаильскомъ штурмѣ упомянуто, что Тизенгаузенъ былъ употребляемъ въ опаснѣйшія мѣста для снятія плановъ и замѣчанія движенія колоннъ. Сверхъ того, въ общемъ перечнѣ наиболѣе отличившихся, реляція упоминаетъ также о всѣхъ трехъ оберъ-квартирмейстерахъ, хотя болѣе подробно извѣстно только объ отличіи одного Булатова, а именно, въ послужномъ спискѣ его значится, что «онъ участвовалъ при рекогносцированіи и обложеніи Измаила, при коемъ, сверхъ должности генеральнаго штаба, по повелѣнію фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго, съ двухътысячною командою заготовилъ къ дѣланію батарей всѣ воинскіе припасы, былъ траншей-маіоромъ, строилъ первую отъ Дуная противъ каменнаго укрѣпленія батарею, а при штурмѣ и взятіи крѣпости при шестой колоннѣ, подъ командою генералъ-поручика Голенищева-Кутузова, въ дѣйствительномъ сраженіи находился, за что и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени». Наконецъ, изъ

послужныхъ же списковъ извѣстно, что маіоръ Ленъ за штурмъ Измаила получилъ золотую шпагу, а Ѳеодоръ Хоментовскій, бывшій при штурмѣ Измаила въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, за отличіе въ дѣлѣ съ непріятелемъ, удостоился получить похвальный листъ, уменьшавшій на три года срокъ выслуги къ полученію военнаго ордена. Въ тѣ времена, когда не существовало низшихъ степеней орденовъ для раздачи ихъ оберъ-офицерамъ, полученіе похвальнаго листа, замѣненнаго впослѣдствіи монаршимъ благоволеніемъ, составляло весьма значительную и почетную награду, встрѣчаемую довольно рѣдко.

Изъ этихъ отрывочныхъ и далеко неполныхъ свѣдѣній о дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба подъ командою фельдмаршала Суворова, можно, однако, видѣть, что хотя онъ и обращался къ пособію инженерныхъ офицеровъ для исполненія обязанностей генеральнаго штаба, но находилъ занятія и для офицеровъ этого штаба, цѣнилъ ихъ труды. Нелишне припомнить, что въ эту эпоху Суворовъ, стараясь угождать Потемкину, имѣлъ при своемъ штабѣ, особенно подъ Измаиломъ, цѣлую толпу лицъ, присланныхъ изъ главной квартиры свѣтлѣйшаго, а эти-то лица, являясь лишь на короткій срокъ къ дѣйствующимъ войскамъ, исключительно съ цѣлію отличиться, отнимаютъ обыкновенно у постоянно служащихъ въ арміи честь выполненія самыхъ блестящихъ порученій. Подъ Измаиломъ находилось при Суворовѣ волонтерами множество подобныхъ лицъ: тутъ были и иностранные офицеры, и дѣйствительные камергеры двора и служившіе при главной квартирѣ князя Потемкина.

Въ виду этого-то вліянія главной квартиры на дѣйствія второстепенныхъ генераловъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе дѣйствія генералъ-аншефа князя Н. В. Репнина въ Турціи въ 1791 году. Потемкинъ съ завистью смотрѣлъ на военную славу Репнина, почему еще въ 1789 г. не допустилъ его къ овладѣнію Измаиломъ, приказавъ отступить отъ этого города. Но весною 1791 года, когда Потемкинъ уѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ главное начальство на Дунаѣ Репнину, послѣдній воспользовался этимъ, чтобы совершить блиста-

тельный подвигъ разбитіемъ верховнаго визиря при Мачинѣ. При главной квартирѣ Репнина не было многочисленной свиты разныхъ временно-пребывавшихъ при арміи гостей; по крайней мѣрѣ объ нихъ мало упоминается въ реляціи; но за то въ ней не забыты чины близко стоявшіе у дѣла и непосредственно работавшіе надъ его успѣхомъ.

Реляція Мачинскаго дѣла, или, какъ его называли въ прошломъ вѣкѣ, сраженія у Кунцефана, представляетъ, сравнительно со всѣми тогдашняго времени реляціями, ту особенность, что въ ней обстоятельно указано участіе генеральнаго штаба передъ боемъ и во время самаго сраженія, названы всѣ офицеры участвовавшіе въ дѣлѣ, съ означеніемъ, при какой колоннѣ кто именно состоялъ.

Не вдаваясь въ подробности сраженія, представимъ лишь главныя черты его, на сколько это касается участія въ немъ генеральнаго штаба ([11]).

Верховный визирь Юсуфъ-паша расположился со стотысячною арміею на позиціи близь Мачина, намѣреваясь вторгнуться въ Молдавію. Князь Репнинъ, рѣшившись предупредить его нападеніе, собралъ къ Галацу всѣ войска, какими могъ располагать, и сталъ готовиться къ переправѣ черезъ Дунай; всего подъ его начальствомъ находилось менѣе 50,000, опытныхъ уже въ дѣлахъ съ турками войскъ, вполнѣ подготовленныхъ къ побѣдѣ предшествовавшими постоянными успѣхами. При князѣ Репнинѣ находился генералъ-квартирмейстеръ Писторъ и при немъ значительное число офицеровъ генеральнаго штаба, которые съ пользою были употреблены для осмотра мѣстности и къ проводу колоннъ до непріятельской позиціи.

Русскимъ войскамъ назначено было, переправясь черезъ Дунай, сосредоточиться на островѣ Кунцефанѣ и оттуда, перейдя небольшой протокъ того же имени, атаковать турокъ. Согласно съ этимъ, первымъ переправился черезъ Дунай, въ ночь съ 22-го на 23-е іюня, генералъ-поручикъ князь Голицынъ, имѣя впереди генералъ-квартирмейстера Пистора съ легкими войсками. Послѣдній же выслалъ небольшую партію съ оберъ-квартирмейстеромъ маіоромъ Леномъ, для

обрекогносцированія непріятельскаго положенія. Ленъ донесъ, что подъѣзжалъ верстъ за восемь къ непріятельскому лагерю, который онъ нашелъ очень сильнымъ и многочисленнымъ; онъ сообщилъ, что и островъ, и рѣчка Кунцефана такъ густо заросли высокими камышами, что нѣтъ вовсе никакихъ дорогъ, и что даже для прохода легкой партіи приходилось вездѣ пробивать новыя тропы. 25-го іюня самъ князь Реппинъ сдѣлалъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія и, утвердивъ порядокъ атаки, поручилъ генералъ-квартирмейстеру еще подробнѣе обрекогносцировать турецкій лагерь и прочистить дороги для слѣдованія къ нему войскъ; для этого въ распоряженіе Пистора даны были четыре баталіона пѣхоты, два гусарскіе и пять донскихъ полковъ. Къ вечеру 26-го числа, передовой этотъ отрядъ возвратился къ главнымъ силамъ, и генералъ-квартирмейстеръ какъ сказано въ реляціи, «совершенно исполнилъ все ему порученное, дороги для маршу войскъ осмотрѣлъ и искусно учредилъ, преодолѣвъ всѣ трудности отъ непрерывныхъ густыхъ и высокихъ камышей; переправы на двухъ болотистыхъ рѣчкахъ назначилъ и весь путь къ атакѣ черезъ то приготовилъ. Во время его рекогносцированія былъ онъ усмотрѣнъ непріятелемъ, который съ знатными силами къ нему приблизился, но былъ тотчасъ прогнанъ нашими казаками, подъ командою бригадира Орлова, съ подкрѣпленіемъ нѣсколькихъ эскадроновъ гусаровъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тормасова ([12]).»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при рекогносцировкѣ, Пистора сопровождалъ весь находившійся при войскахъ генеральный штабъ, такъ какъ ему надо было ознакомиться съ путями, ведущими къ непріятельскому расположенію, потому что по диспозиціи для боя офицеры генеральнаго штаба были распредѣлены по колонамъ, для ихъ сопровожденія. При этой же рекогносцировкѣ былъ раненъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ полковникъ Феодоръ Медеръ ([13]), который, какъ сказано въ реляціи, «по ревности и усердію къ службѣ и къ исправленію своей должности при рекогносцированіи генералъ-квартирмейстеромъ Писторомъ непріятельскаго лагеря,

дабы удобнѣе обозрѣть тамошнія мѣста, былъ съ самыми передними казаками, гдѣ и раненъ.»

Такою именно должна быть всегда дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба; пока войска отдыхаютъ въ ожиданіи предстоящаго боя, офицеры генеральнаго штаба уже изучаютъ мѣстность и непріятеля для подготовки успѣха, для доставленія главнокомандующему всѣхъ данныхъ, на которыхъ онъ могъ-бы прочно строить свои соображенія и распоряженія. Сколько при этомъ требуется труда, напряженнаго вниманія, добросовѣстной неутомимости, и сколько горечи примѣшивается, когда, по окончаніи дѣла, въ виду лишь заключительныхъ его результатовъ, увлекаясь ихъ блескомъ, забываютъ о всей подготовительной работѣ, когда войска, не видя генеральнаго штаба въ первыхъ рядахъ боя, позволяютъ себѣ даже выражать иногда мысль, что это не боевое учрежденіе.....

По диспозиціи для атаки непріятельскаго лагеря, русскіе войска были раздѣлены на три колонны, по которымъ и распредѣлены офицеры генеральнаго штаба. Правый флангъ, генералъ-поручика князя Голицына, состоялъ изъ 12 баталіоновъ, 3 полковъ кавалеріи, 3 донскихъ полковъ и 24 орудій; здѣсь находились: оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Ленъ, дивизіонные квартирмейстеры капитанъ Михаилъ Вистицкій, поручики Данило Тихановъ и Феодоръ Хоментовскій, подпоручикъ Ефимъ Шильдеръ и вожатые колоннъ, Юрій Гильдебрантъ и Иванъ Фливеркъ.

Среднюю колонну, подъ начальствомъ генералъ-поручика князя Волконскаго, составляли 10 баталіоновъ, 2 полка кавалеріи, 800 черноморскихъ казаковъ и 16 орудій; при колоннѣ находились: оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Яковъ Бостремъ ([14]), дивизіонный квартирмейстеръ капитанъ Зоринъ и вожатые Чулковъ и Синицынъ.

Обѣ колонны предназначались для атаки съ фронта непріятельскаго лагеря.

Лѣвую колонну, подъ начальствомъ генералъ-поручика Голенищева-Кутузова (впослѣдствіи князь Смоленскій), составляли 12 баталіоновъ, 4 полка кавалеріи, 6 казачьихъ

полковъ, 24 орудія и команда арнаутовъ; при ней, предназначенной слѣдовать отъ Кунцефана горами, для обхода праваго фланга турецкаго лагеря, находился генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, которому было поручено начальствовать надъ всей пѣхотой этой колонны; при начальникѣ же колонны состояли изъ генеральнаго штаба, дивизіонные квартирмейстеры: капитанъ Гарпе и поручикъ Дренякинъ.

Относительно участія всѣхъ этихъ офицеровъ въ бою можно судить по реляціи, гдѣ всѣ они помѣщены въ спискѣ особенно отличившихся, причемъ сказано, что находились при начальникахъ колоннъ, были посылаемы вездѣ въ опаснѣйшія мѣста, гдѣ необходимость того требовала и исполняли съ точностію приказанія.

Шестичасовой бой 28-го іюня увѣнчался полнымъ успѣхомъ, который имѣлъ столь рѣшительное вліяніе на турокъ, что Репнину удалось наконецъ, 31-го іюля, подписать въ Галацѣ съ турецкими уполномоченными, предварительныя условія мира. Но успѣхъ Репнина, какъ побѣдителя и миротворца, привелъ въ бѣшенство Потемкина, спѣшившаго къ войскамъ изъ Петербурга и опоздавшаго: онъ осыпалъ Репнина страшными упреками, присоединяя къ нимъ даже угрозы. Императрица Екатерина наградила, однако, Репнина орденомъ Св. Георгія первой степени; но всѣ прочія награды за Мачинское дѣло были задержаны Потемкинымъ, такъ что только послѣ его смерти, въ 1792 г., удостоились наградъ главные начальники колоннъ ([15]). О прочихъ же отличившихся, кажется, не послѣдовало никакого распоряженія; по крайней мѣрѣ мы не могли найдти, чтобы кто изъ генеральнаго штаба былъ награжденъ за Мачинское дѣло.

Заключеніе Ясскаго мира, окончившаго вторую турецкую войну, вызвало необходимость посылки въ Константинополь втораго чрезвычайнаго посольства ([16]), во главѣ котораго былъ поставленъ герой Измаила и Мачина—генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ. О посольствѣ этомъ упоминаемъ потому, что къ нему, въ числѣ разныхъ лицъ свиты, были назначены и офицеры генеральнаго штаба собственно для сочиненія плановъ и картъ. Въ свитѣ посольства находилось

всего 359 чиновъ, изъ которыхъ 19 составляли свиту посла, 12 были назначены для снятія и черченія плановъ и картъ, 45 составляли какъ-бы штабъ посла (переводчики, медики, священники, коммисары, пажи, разсыльные), 184 музыкантовъ и нижнихъ чиновъ изъ строевыхъ (отъ гвардіи, арміи, кавалеріи) и, наконецъ, 99 человѣкъ разной прислуги.

Собственно для съемочныхъ и картографическихъ занятій при посольствѣ состояли (17):

Оберъ-квартирмейстеры: подполковникъ баронъ Николай фонъ-Корфъ, маіоръ Феодоръ Ленъ, дивизіонные квартирмейстеры капитаны Попандопуло (18), Дренякинъ, флота-капитанъ 2-го ранга Шишковъ съ однимъ штурманомъ, по его выбору; для снятія видовъ прапорщикъ Сергѣевъ; для снятія плановъ и мѣры дорогъ инженеръ-подполковникъ Трузсонъ и, въ помощь ему, гребнаго флота лейтенантъ Дмитрій Курута (19); Кинбургскаго драгунскаго полка поручикъ Коломнинъ, инженеръ-поручикъ Игнатьевъ и адъютантъ адмирала Голенищева-Кутузова, Арсеньевъ.

Работы этихъ лицъ, состоявшихъ при посольствѣ, доставили многія свѣдѣнія о Балканскихъ проходахъ и маршруты, которые были принимаемы во вниманіе и служили съ пользою при составленіи предположеній для военныхъ дѣйствій въ Турціи, даже въ 1828—1829 годахъ.

На пространствѣ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, приведена къ окончательному устройству кавказская линія, и въ этомъ дѣлѣ также принималъ участіе генеральный штабъ, хотя и въ ограниченыхъ размѣрахъ, такъ какъ главныя силы его были оттягиваемы Потемкинымъ къ устраиваемому имъ Таврическому и Екатеринославскому краю. По большей части, на кавказской линіи офицеры генеральнаго штаба являются лишь временно, будучи тотчасъ-же отзываемы въ Крымъ. Отчасти это объясняется незначительностію силъ, употребляемыхъ здѣсь для дѣйствій противъ горцевъ и турокъ, занимавшихъ Тамань и Анапу, отчасти же и тѣмъ, что сами командующіе войсками здѣсь мѣнялись чрезвычайно часто.

Въ числѣ офицеровъ, служившихъ на кавказской линіи въ царствованіе Екатерины II, наибольшее вниманіе обращаетъ на себя Леонтій Леонтьевичъ фонъ-Штедеръ, родомъ изъ Пруссіи, приглашенный на службу еще Бауромъ. Въ 1772 году онъ вступилъ вожатымъ колоннъ въ генеральный штабъ, произведенъ въ прапорщики въ томъ же штабѣ въ 1774 году и до 1777 года находился при съемкѣ Краснаго Села и Петергофа, потомъ при строеніи водянаго канала въ Царскомъ Селѣ, а наконецъ при размѣжеваніи донскихъ земель. Въ 1777 году Штедеръ въ чинѣ поручика генеральнаго штаба, назначенъ на кавказскую линію къ строенію новыхъ крѣпостей и оставался тамъ болѣе пятнадцати лѣтъ; только въ 1782 году, послѣ своей поѣздки въ Имеретію, онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, но вскорѣ вернулся на Кавказъ, будучи посланъ въ 1783 году снова въ Имеретію и Грузію, для снятія дорогъ *до Анатоліи*, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ. Къ сожалѣнію, мы имѣли въ рукахъ только одинъ послужной списокъ этого представителя генеральнаго штаба въ дѣлѣ упроченія русскаго владычества на Кавказѣ; но и въ спискѣ этомъ, представленномъ отъ генералъ-квартирмейстера Пистора военной коллегіи къ 1 Января 1796 года, подробности службы Штедера означены только до 1792 года. Какая судьба постигла его впослѣдствіи, неизвѣстно: онъ вовсе не включенъ въ списокъ чинамъ генеральнаго штаба, состоявшимъ въ ономъ во время упраздненія этого учрежденія Императоромъ Павломъ.

Изъ послужнаго же списка ([20]) видно, что Штедеръ находился: въ 1777 и 1778 годахъ при строеніи крѣпостей на кавказской линіи: въ 1779 году въ сраженіяхъ противъ черкесовъ при Шавринской крѣпости и на рѣкахъ Малкѣ и Басканѣ; въ 1780 году въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ чеченцовъ и кубанцовъ и въ 1781 году командированъ для осмотра кавказскихъ горъ, а 18-го Іюля былъ въ дѣлѣ за Кубанью для наказанія ушедшихъ туда татаръ;

въ 1782 году, какъ сказано выше, ѣздилъ въ Имеретію, откуда потребованъ въ Петербургъ и вновь посланъ въ 1783 году въ Закавказье, для осмотра дорогъ въ Анатолію;

въ 1784 году—при строеніи крѣпости Прочный Окопъ;

въ 1785 году—въ сраженіи на верьховьяхъ рѣки Малки, противъ кабардинцевъ и абазинцевъ;

въ 1786 году—въ зимней экспедиціи противъ чеченцевъ;

въ 1787 году—въ Сентябрѣ, въ сраженіи съ кубанцами на верховьяхъ Зеленчука;

въ 1788 году—за Кубанью въ сраженію 26-го Сентября на рѣкѣ Убине и потомъ подъ Анапою:

въ 1789 году—въ сраженіяхъ противъ черкесовъ на рѣкѣ Лабѣ и Фазе;

въ 1790 году—съ Февраля по Май мѣсяцъ, въ зимней экспедиціи противъ закубанцевъ и турокъ, подъ командою генералъ-поручика Бибикова, причемъ участвовалъ въ сраженіяхъ: Марта 14-го на рѣкѣ Затазе (?), 16-го—на р. Атакумѣ; 20-го—въ Баканскомъ ущельи и 24-го—подъ Анапою; сверхъ того въ этомъ же году участвовалъ, 30-го Сентября, при разбитіи генераломъ Германомъ сераскира Балалъ-бея, на верховьяхъ Кубани;

въ 1791 году—подъ крѣпостью Анапою, при взятіи ея генераломъ Гудовичемъ.

въ 1792 году—при строеніи крѣпостей по Кубани.

Въ послужномъ спискѣ значится, что Штедеръ имѣлъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, неизвѣстно когда полученный, но составлявшій въ то время большую рѣдкость, и что въ 1791 году онъ произведенъ въ подполковники, прослуживъ, впрочемъ, въ маіорскомъ чинѣ пять лѣтъ. Чинъ подполковника Штедеръ видимо получилъ за взятіе Анапы, такъ какъ день производства его въ чинъ совпадаетъ съ днемъ штурма этой крѣпости (22-го Іюня), и къ тому же въ реляціи о штурмѣ упомянуто въ числѣ особенно отличившихся о Штедерѣ, что онъ рекогносцировалъ крѣпость и трудился во всю экспедицію, при которой былъ оберъ-квартирмейстеромъ.

Въ той же реляціи упомянуто съ похвалою о находившемся при Штедерѣ, въ званіи его помощника, подпоручикѣ Владимірскаго пѣхотнаго полка Шелевскомъ, и также и о

состоявшихъ при пятой колонѣ генералъ-маіора Шица, чинахъ генеральнаго штаба: дивизіонныхъ кватирмейстерахъ, поручикѣ Мухинѣ, подпоручикѣ Енгманѣ и коллоповожатомъ Емельяновѣ. Изъ числа этихъ чиновъ, Шелевскій, Мухинъ и Енгманъ произведены за взятіе Анапы въ слѣдующіе чины, причемъ Шелевскій зачисленъ въ генеральный штабъ; сверхъ того Мухинъ получилъ и похвальный листъ за отличіе подъ Анапою, въ дѣлѣ 22-го Іюня 1791 года.

Кромѣ поименованныхъ офицеровъ, при военныхъ дѣйствіяхъ на кавказской линіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, встрѣчаются еще имена многихъ другихъ, между прочимъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ: Виволина, Тюревникова, Купчинова, Клота-фонъ-Юргенсбурга, Енгельмана. Послѣдній, служа еще во Владимірскомъ пѣхотномъ полку аудиторомъ и субалтернъ-офицеромъ, былъ неоднократно употребляемъ къ разнымъ съемкамъ на кавказской линіи, и вообще въ должности офицера генеральнаго штаба, причемъ особенно рекомендованъ въ числѣ отличившихся при разбитіи, въ 1790 году, генералъ-маіоромъ Германомъ, сераскира Баталъ-бея. Нельзя не замѣтить, что самъ генералъ Германъ, стяжавшій славу этою побѣдой, служилъ еще при Баурѣ въ генеральномъ штабѣ и можетъ считаться его ученикомъ; а что онъ былъ вполнѣ достойнымъ ученикомъ Баура, въ томъ лучше всего свидѣтельствуетъ та смѣлость, съ которою онъ, несмотря на малочисленность командуемаго имъ отряда, бросился на превосходнаго въ силахъ непріятеля и нанесъ ему полное пораженіе. За эту побѣду генералъ Германъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й ст. и 500 душъ въ Полоцкой губерніи.

Дѣятели второй турецкой войны встрѣчаются и на западной границѣ Россіи во время военныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ паденію Польши. Весною 1792 года образовалась извѣстная Тарговицкая конфедерація, для поддержанія которой въ предѣлы Польши были двинуты двѣ русскія арміи: одна съ сѣвера, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Кречетникова, другая съ юга, отъ береговъ Днѣстра и Днѣпра, подъ командою генерала-аншефа Каховскаго. Первая изъ этихъ армій

имѣла 32,000, а вторая 64,000 человѣкъ. При арміи Каховскаго находился генералъ-квартирмейстеръ Писторъ съ многочисленнымъ составомъ офицеровъ генеральнаго штаба, такъ какъ къ этому именно времени относится производство весьма многихъ провожатыхъ колоннъ въ прапорщики. Къ арміи же Кречетникова назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-маіоръ Іоганъ Германъ, извѣстный своей побѣдой на Кубани. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на начинающій устанавливаться обычай назначенія въ каждую армію особыхъ генералъ-квартирмейстеровъ, что, какъ кажется, вполнѣ слѣдуетъ приписать графу Н. И. Салтыкову. Въ прежнее время, генеральный штабъ каждой арміи находился въ завѣдываніи старшаго изъ находившихся при ней офицеровъ этого штаба; обыкновенно это бывалъ, или одинъ изъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ, или же старшій изъ оберъ-квартирмейстеровъ. Отступленіе впервые было сдѣлано для арміи, дѣйствовавшей въ Финляндіи въ шведскую войну 1788—1790 года; тогда, по неимѣнію на лицо старшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, вслѣдствіе нахожденія ихъ при войскахъ дѣйствовавшихъ противъ Турціи, призванъ былъ къ отправленію должности генералъ-квартирмейстера при финляндской арміи генералъ-маіоръ Кнорингъ, служившій прежде въ генеральномъ штабѣ ([21]). Въ 1792 году опять на сѣверѣ встрѣтился недостатокъ въ офицерахъ генеральнаго штаба, что и побудило назначить въ армію Кречетникова, особаго генералъ-квартирмейстера въ лицѣ генералъ-маіора Германа, извѣстнаго генеральному штабу и знакомаго съ его занятіями по прежней службѣ въ этомъ корпусѣ. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, назначеніе начальника генеральнаго штаба въ отдѣльныя арміи, не изъ списковъ собственно генеральнаго штаба, было вызвано отчасти необходимостію, но какъ видно, все-таки при этомъ руководствовались соображеніемъ, чтобы назначать на подобныя мѣста людей, служившихъ прежде въ генеральномъ штабѣ, знающихъ службу и назначеніе этого корпуса офицеровъ, что обезпечивало и надлежащее употребленіе ихъ.

Въ описаніи дѣйствій русскихъ армій въ польскую войну 1792 года ([22]), историкъ этой войны, Фридрихъ фонъ-Смитъ, приводитъ, что планы дѣйствій для вторженія обѣихъ армій, назначенныхъ противъ Польши, были, кажется, составлены генералъ-квартирмейстерами этихъ армій, причемъ въ особенности превозноситъ планъ, начертанный Писторомъ для Украинской арміи, называя его истинно-геніальнымъ. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы вторгнуться четырьмя колоннами съ разныхъ сторонъ въ южную Польшу, и, угрожая постоянно флангамъ и тылу польскихъ отрядовъ, вынудить ихъ къ скорѣйшему очищенію страны. Имѣя превосходство въ силахъ, такъ что каждая изъ колоннъ, или равнялась, или же, что было чаще, превосходила своею числительностію силы непріятеля, можно было, конечно, безбоязненно выполнить такой планъ. И дѣйствительно, исполненіе его увѣнчалось успѣхомъ: 7-го Мая началось движеніе колоннъ отъ Василькова, Ольвіополя, Сорокъ и Могилева на Днѣстрѣ, а черезъ два мѣсяца, къ 7-му Іюля, русская армія стояла на западномъ Бугѣ, очистивъ всю Подолію отъ польскихъ войскъ; форсировавъ затѣмъ переправу черезъ Бугъ у Дубенки, Каховскій былъ 14-го Іюля въ Люблинѣ, и непріятель смирился.

Нельзя не замѣтить, что исполненію этого, все-таки сложнаго, плана, много способствовало обиліе офицеровъ генеральнаго штаба при арміи Каховскаго ([23]), что давало возможность имѣть впереди колоннъ постоянно сильныя легкія партіи, сопровождаемыя этими офицерами, которые доставляли всѣ нужныя свѣдѣнія какъ о непріятелѣ, такъ и о мѣстности. И, несмотря на всю благопріятность обстановки вторженія Каховскаго въ Польшу, хотя Смитъ и говоритъ, что принятый планъ дѣйствій былъ мастерски исполненъ, нельзя не замѣтить, что были и промахи, именно вслѣдствіи его сложности: такъ, колонна генерала Леванидова (слѣдовавшая отъ Василькова) не поспѣла заградить путь къ Полонному непріятелю, разбитому у деревни Деревичи; подъ Заславлемъ, у Зѣлинца, дробленіе силъ едва не было гибельнымъ для отряда генерала Маркова. Все это невольно наво-

дитъ на мысль, что планъ Пистора далеко не можетъ быть названъ геніальнымъ, хотя, конечно, нельзя назвать его и положительно дурнымъ; главное достоинство его заключалось въ томъ, что онъ позволялъ вторженіе въ Польшу прямо съ тѣхъ пунктовъ, гдѣ имѣлись уже сосредоточенныя войска, не требуя предварительныхъ передвиженій ихъ.

Планъ, составленный генераломъ Германомъ для дѣйствій арміи Кречетникова, былъ гораздо проще: это было прямое фронтальное вторженіе также четырьмя колоннами: двумя, отъ Двины на Вильну и Гродну, и другими двумя, со стороны Смоленска и Рославля, на Минскъ и Несвижъ. Смитъ находитъ, что этотъ планъ, въ отношеніи къ искусству, не можетъ быть сравниваемъ съ планомъ дѣйствій Украинской арміи; но надо принять во вниманіе, что онъ сообразенъ вполнѣ съ обстоятельствами; при этой арміи было менѣе офицеровъ генеральнаго штаба, чѣмъ въ Украинской; страна здѣсь лѣсистая, съ небольшимъ числомъ хорошихъ дорогъ; о непріятелѣ было извѣстно, что въ Литвѣ еще менѣе онъ приготовилъ средствъ къ оборонѣ, чѣмъ на Украйнѣ. Очевидно, что здѣсь нельзя было, да и не къ чему было маневрировать.

Гродненскій сеймъ и второй раздѣлъ Польши закончили эти дѣйствія, но русскія войска оставлены были въ областяхъ, сохранившихъ свою самостоятельность. Главное начальство надъ ними ввѣрено генералъ-маіору барону Игельстрому, который имѣлъ главную квартиру въ Варшавѣ; при немъ же находился и генералъ-квартирмейстеръ Писторъ съ 12 офицерами генеральнаго штаба и 15 колонновожатыми.

Возстаніе 1794 года въ Польшѣ застигло генерала Игельстрома врасплохъ; при первыхъ ударахъ набата, поднявшаго Варшаву въ день 5-го Апрѣля, генералъ Писторъ, жившій возлѣ Желѣзной Брамы у Саксонскаго Сада, успѣлъ прибыть къ дому главнокомандующаго на Медовую улицу однимъ изъ первыхъ и въ оба дня варшавскаго возстанія игралъ довольно видную роль ([24]). Онъ вполнѣ сохранилъ присутствіе духа въ эти тяжелыя минуты, между тѣмъ какъ баронъ Игельстромъ видимо растерялся, что и понятно, если

вспомнить ту отвѣтственность, какая лежала на немъ. Когда обозначилось, что къ Игельстрому не подходятъ русскія войска стоявшія въ Варшавѣ, что они, или уничтожены, или оставили городъ, то генералъ Писторъ сталъ упрашивать Игельстрома оставить городъ ночью, пока это было еще возможно, но встрѣтилъ полный отказъ. Онъ-же находилъ излишнимъ вступать въ переговоры съ поляками, но и это представленіе его не было уважено; наконецъ, когда уже рѣшено было 6-го числа пробиваться для того, чтобы выйти изъ города, то Писторъ составилъ планъ, по какимъ именно улицамъ легче будетъ пробиться. Планъ былъ утвержденъ Игельстромомъ и Писторъ распоряжался самымъ отступленіемъ, говоря въ своемъ донесеніи, что оно было исполнено блистательно и мастерски, съ потерею не болѣе 30-ти человѣкъ. Г. Костомаровъ совершенно справедливо полагаетъ, что число это, вѣроятно, нѣсколько уменьшено, тѣмъ болѣе, что честь устройства этой ретирады Писторъ приписываетъ себѣ, стараясь притомъ указать на неспособность природныхъ русскихъ начальниковъ. Во всякомъ случаѣ, отступленіе русскихъ изъ Варшавы можетъ быть названо вполнѣ доблестнымъ; они унесли съ собою и своихъ тяжело раненыхъ. Энергія, выказанная Писторомъ во время варшавскаго возстанія, какъ-бы заглаживаетъ ту нераспорядительность, которая выказывается во всѣхъ распоряженіяхъ предшествовавшихъ возстанію. Исторія, конечно, винитъ главнаго представителя власти, генерала Игельстрома, приписывая несчастія, испытанныя рускими въ эти два дня, тому, что войска были разбросаны по городу отдѣльными частями, что имъ не было дано надлежащихъ приказаній, какъ дѣйствовать въ случаѣ возстанія, что самое возстаніе не было своевременно предупреждено строгими мѣрами, что наконецъ, въ городѣ было мало войскъ.

Но изъ числа этихъ обвиненій многое можетъ быть отнесено и на долю Пистора, а именно все то, что относится до распредѣленія войскъ въ городѣ, снабженія ихъ надлежащими инструкціями. Быть можетъ, Писторъ и дѣлалъ генералу Игельстрому представленія по этому предмету, но они

не были уважены; однако объ этомъ ничего неизвѣстно, почему и приходится воздержаться отъ всякихъ заключительныхъ сужденій.

Въ числѣ взятыхъ поляками въ плѣнъ, находились конечно и офицеры генеральнаго штаба; положительныя свѣдѣнія имѣются только о маіорѣ Мухинѣ и капитанѣ Енгельманѣ; послѣдній былъ взятъ израненнымъ, получивъ раны въ голову и въ обѣ ноги. По освобожденіи изъ плѣна, оба они снова служили въ генеральномъ штабѣ.

Нѣсколько дней послѣ Варшавы, поднялась и Вильна, гдѣ немногочисленнымъ русскимъ отрядомъ командовалъ безпечный генералъ Арсеньевъ, находившійся къ тому-же подъ вліяніемъ польки. За оберъ-квартирмейстера при отрядѣ состоялъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ Феодоръ Хоментовскій, но за два дня до возстанія онъ былъ секретно командированъ Арсеньевымъ въ мѣстечко Шавли, для собранія свѣдѣній о готовившейся тамъ конфедераціи. На другой день послѣ своего отъѣзда, Хоментовскій былъ захваченъ поляками въ плѣнъ въ Яновѣ, недалеко отъ Вильны, но вслѣдъ затѣмъ отпущенъ, и такъ какъ русскія войска 11-го Апрѣля оставили уже Вильну, то онъ пробрался въ Гродну, гдѣ присоединился къ войскамъ генералъ-маіора Князя Циціанова ([25]). Въ самой Вильнѣ, какъ извѣстно, благодаря распорядительности начальствовавшаго артиллеріею маіора Тучкова, русскимъ войскамъ, хотя и не безъ потерь, удалось сосредоточиться внѣ города, и затѣмъ уже они соединились съ вышедшимъ изъ Гродны Циціановымъ.

Торжество поляковъ было непродолжительно: съ сѣвера многочисленные русскіе отряды, находившіеся подъ общимъ начальствомъ князя Н. В. Репнина, усмиряли возстаніе Литвы; съ запада дѣйствовали противъ Варшавы, хотя вяло и нерѣшительно, прусаки; съ юга собирались австрійцы; съ юго-востока спѣшилъ въ Польшу бичь враговъ Россіи—Суворовъ. Разбитіе Костюшки подъ Мацѣіовицами, штурмъ Праги и вступленіе Суворова въ Варшаву, кончили войну и прекратили существованіе Польши.

Участіе въ этихъ дѣйствіяхъ генеральнаго штаба мало извѣстно, да кажется, что оно и не было значительно. Извѣстно, что передъ сраженіемъ при Мацѣіовицахъ, послано было нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба на рекогносцировку, непріятельскаго расположенія; въ томъ числѣ маіоръ Купчиновъ и подпоручикъ Подчасскій; послѣдній былъ захваченъ въ плѣнъ польскими разъѣздами.

Поляки называютъ его маіоромъ (26). Очень можетъ быть, что онъ самъ назвалъ себя этимъ чиномъ; по польскимъ извѣстіямъ, его хотѣли повѣсить, какъ измѣнника, потому что онъ былъ родомъ изъ польской шляхты города Винницы, но пощадили будто-бы, въ уваженіе того, что онъ разсказалъ Костюшкѣ подробно о положеніи русской арміи и ея численности (27). Свѣдѣнія эти, если и были имъ даны, не принесли, однако полякамъ пользы.

Нельзя не замѣтить, что послѣ втораго раздѣла Польши, и даже до него, при нахожденіи русскихъ войскъ въ польской украйнѣ, въ провожатые колоннъ зачислено было очень много молодыхъ людей изъ польской шляхты тѣхъ мѣстностей: такимъ образомъ, въ 1794 году изъ 30-ти вожатыхъ 1-го класса было 13, а изъ 6-ти вожатыхъ 2-го класса, 4 польскихъ уроженца. Къ чести ихъ надо сказать, что хотя не было никакихъ распоряженій объ удаленіи ихъ съ театра войны, но и не слышно было, что-бы кто-нибудь изъ нихъ измѣнилъ тому знамени, подъ которое вступилъ.

Объ участіи генеральнаго штаба въ дѣйствіяхъ Суворова противъ поляковъ, въ 1794 году, также извѣстно очень немного, кромѣ того, что въ его корпусѣ главою генеральнаго штаба является лицо, вовсе не служившее въ генеральномъ штабѣ и тѣмъ не менѣе носящее титулъ генералъ-квартирмейстера: это былъ нѣкто Глуховъ, о службѣ котораго мы не могли собрать свѣдѣній, но о которомъ извѣстно, что онъ составлялъ диспозицію для штурма Праги. Надо полагать, что вообще въ корпусѣ Суворова генеральный штабъ составился по его собственному усмотрѣнію, потому что въ спискахъ современнаго генеральнаго штаба во-

все не имѣется отмѣтокъ, указывающихъ на присутствіе кого-либо изъ этого штаба при войскахъ Суворова. Сохранилось только одно донесеніе Пистора, что оберъ-квартирмейстеръ преміеръ-маіорскаго ранга Клейстъ, убитъ на штурмѣ Праги; вѣроятно онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ прямо изъ строевыхъ офицеровъ и о немъ генералъ-квартирмейстеръ Писторъ не имѣлъ до того никакихъ свѣдѣній. Есть также свѣдѣнія, что предварительную передъ штурмомъ рекогносцировку Прагскихъ укрѣпленій дѣлалъ маіоръ генеральнаго штаба Купчиновъ, который на самомъ штурмѣ велъ 5-ю колонну и награжденъ былъ за это дѣло чиномъ подполковника.

Переходя къ военнымъ дѣйствіямъ происходившимъ въ Финляндіи 1788—1790 г. замѣчаемъ, что здѣсь и число офицеровъ генеральнаго штаба, и самая ихъ дѣятельность были незначительны.

Такъ какъ силы Россіи были отвлечены въ это время на югъ, то составъ арміи предназначенной для дѣйствій въ Финляндіи былъ самый разнообразный, что отразилось и на генеральномъ штабѣ. Начальникомъ этого штаба съ званіемъ генералъ-квартирмейстера былъ назначенъ, какъ выше сказано, генералъ Кнорингъ; изъ генеральнаго штаба находимъ здѣсь только одного штабъ-офицера—маіора Торсона, да молодыхъ офицеровъ—капитана Бехліи, подпоручиковъ Стуббе и Берга. Для пополненія этого числа взято было прямо изъ строя нѣсколько офицеровъ,—а именно: подполковникъ Штейнгель, маіоръ Купфершмидтъ и поручикъ Адеркасъ; всѣ трое извѣстны были впослѣдствіи своею службою въ генеральномъ штабѣ, особенно по части съемокъ и картографіи.

Въ шведскую войну 1788—1790 годовъ, въ занятіяхъ генеральнаго штаба большое участіе принимаютъ инженерные офицеры, и такое соединеніе обоихъ вѣдомствъ за общими занятіями не осталось безъ послѣдствій. Въ эту войну выказалась отчасти недостаточность нашихъ оборонительныхъ средствъ въ Финляндіи, и, недостаточность хорошихъ картъ страны.

Поэтому-то тотчасъ по окончаніи войны принимаются мѣры для пополненія обнаружившихся недостатковъ. Попавшему въ это время въ немилость у двора Суворову, поручается наблюденіе за укрѣпленіями, возводимыми на шведской границѣ; для приведенія въ извѣстность и въ систему всѣхъ имѣвшихся плановъ, картъ и маршрутовъ, составляется коммисія, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генералъ-маіора фонъ-Сухтелена; въ коммисіи находились изъ генеральнаго штаба: маіоры Бехлій и Купфершмидтъ, прапорщикъ Кноббе и двое колоновожатыхъ, Карлъ и Фердинандъ Пейкеры, да сверхъ того отъ армейскихъ полковъ четыре оберъ-офицера. Плодомъ занятій этой коммисіи было установленіе въ Финляндіи, подъ руководствомъ генеральнаго штаба правильныхъ съемокъ, получившихъ полное развитіе—уже въ царствованіе Императора Павла. Вмѣстѣ съ тѣмъ сближеніе генерала фонъ-Сухтелена съ генеральнымъ штабомъ имѣло свои послѣдствія въ томъ, что указало ему на недостатки этого учрежденія, на ту пользу, какую можно извлечь изъ него, и такимъ образомъ служило какъ-бы подготовительнымъ шагомъ къ занятію со временемъ генераломъ Сухтеленомъ должности генералъ-квартирмейстера.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, генеральный штабъ съ особенною энергіею принимается за занятія, которыми было ознаменовано и начало царствованія, именно за военно-топографическія съемки.

Работы этого рода производились и во все время царствованія Великой Государыни, но вслѣдствіе частыхъ войнъ были безпрерывно прерываемы. Тѣмъ не менѣе имѣется очень много указаній, что вездѣ въ мѣстахъ расположенія войскъ, офицеры генеральнаго штаба были занимаемы съемочными работами, имѣвшими цѣлію составленіе военно топографическихъ картъ. Такъ въ Крыму этого рода работы велись непрерывно съ самаго присоединенія этой области къ Россіи; на югѣ-же составлялась карта, такъ называемыхъ Очаковскихъ степей, т. е. пространства между Бугомъ и Днѣстромъ; во вновь присоединенной къ Россіи Бѣлоруссіи

и Литвѣ составлялась военно-топографическая Литовская карта, дополняемыя рекогносцировками. Въ Финляндіи, какъ сказано выше, начата топографическая съемка. Наконецъ въ самой Польшѣ офицерами генеральнаго штаба производились рекогносцировки разныхъ участковъ занятыхъ нашими войсками. Что-бы дать понятіе о томъ какимъ требованіямъ должны были удовлетворять подобнаго рода рекогносцировки, приводимъ цѣликомъ ордеръ генерала Игельстрома, данный по этому предмету маіору генеральнаго штаба Ивану Купчинову въ 1793 году; вотъ его содержаніе:

«Возлагая на ваше высокоблагородіе снять и положить на планъ городъ Гродну, съ его мѣстоположеніемъ въ окружности на 10 верстъ, предлагаю вамъ для исполненія сего немедленно туда отправиться; по сочиненіи же топографическаго плана городу Гроднѣ, имѣете слѣдовать оттуда внизъ по теченію рѣки Мемеля до мѣстечка Олиты и до Ковны и снять планъ, какъ мѣстечка Олиты, такъ и всего пространства между Гродною и Ковною.

«При составленіи же всему оному пространству топографическаго плана главнѣйшими правилами предлежитъ вамъ слѣдующее:

«1) Ситуацію снимать па правую и лѣвую стороны рѣки Мемеля, разстояніемъ три версты на каждую сторону.

«2) На картѣ означить всѣ предметы, касающіеся топографіи, какъ-то: горы, поля, лѣса, рѣки, болота, знатные пески и селенія.

«3) Въ разсужденіи рѣкъ взять на примѣчаніе, въ какихъ мѣстахъ черезъ нихъ мосты или перевозы имѣются и въ какихъ мѣстахъ можно соорудить мосты для перехода войскъ.

«4) Особо означить мѣста, гдѣ могутъ быть лагери, удобные служить, по натуральному ихъ положенію, оборонительными или наступательными, съ показаніемъ разстояній одного мѣста отъ другаго. Каждому изъ сихъ лагерныхъ мѣстъ сочинить особый планъ, съ изъясненіемъ, по какимъ причинамъ могутъ оныя быть способными для обороны, или для наступленія.

«5) Вымѣрить и означить высоты береговъ рѣкъ, подходящихъ къ съемкѣ.

«6) Для уравнительной повсемѣстно мѣры, принять россійскій вершокъ, раздѣляя его на 250 саженъ. Наконецъ рекомендую вамъ сіе на васъ возложеніе совершить со всемѣрною точностію, правильностію и съ возможною поспѣшностію, въ наблюденіи чего со стороны вашей предувѣряю я себя». Подлинный подписалъ генералъ-аншефъ баронъ Игельстромъ. Варшава. Октября 10-го дня 1793 г., № 256».

Инструкція эта замѣчательна своимъ сжатымъ изложеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточною полнотою, конечно, для тогдашняго времени. Нельзя не замѣтить, что вообще подобнаго рода порученія давались очень часто офицерамъ генеральнаго штаба, о чемъ постоянно упоминается въ ихъ послужныхъ спискахъ; этимъ самымъ доставлялась офицерамъ прекрасная практика именно въ тѣхъ занятіяхъ, которыя на нихъ возлагаются во время войны.

Чтобы дополнить, по возможности, очеркъ дѣятельности генеральнаго штаба въ царствованіе Екатерины II, считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о появившихся въ это время первыхъ военно-ученыхъ трудахъ одного изъ офицеровъ этого корпуса, именно о картахъ и курсѣ Тактики, изданныхъ, оберъ-квартирмейстеромъ, преміеръ-маіоромъ Семеномъ Вистицкимъ. На сколько, по имѣющимся свѣдѣніямъ, можно составить себѣ понятіе объ этомъ лицѣ, онъ былъ труженикъ съ большими познаніями, не отличавшійся выдающимися дарованіями. Происходя изъ дворянъ Смоленской губерніи, Вистицкій началъ службу въ 1775 году сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, откуда въ 1785 году былъ выпущенъ капитаномъ въ Кіевскій гренадерскій полкъ; съ производствомъ же въ секундъ-маіоры, въ 1789 году зачисленъ въ генеральный штабъ, въ которомъ оставался до его упраздненія въ 1796 году. Время нахожденія Вистицкаго на службѣ въ генеральномъ штабѣ и ознаменовано многими трудами, которые, однако, сколько извѣстно, не имѣли особаго значенія у современниковъ и были забыты потомками. Тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ привести

здѣсь по крайней мѣрѣ перечень ихъ, какъ первыхъ трудовъ этого рода, принадлежавшихъ генеральному штабу. Собственно картографическія работы Вистицкаго слѣдующія:

Въ 1786 году, карта сосѣдственныхъ земель съ южною частію Россійской Имперіи.

Въ 1788 году, карта областей, въ которыхъ дѣйствуютъ союзныя императорскія арміи противъ Порты Отоманской.

Въ 1791 году, карта Пруссіи, съ означеніемъ всѣхъ важныхъ крѣпостей и съ вѣдомостію о числѣ всякаго рода прусскихъ войскъ; карта эта была составлена по поводу ожидавшагося тогда разрыва съ Пруссіею.

Въ 1796 году, новое изданіе такой же карты.

Въ 1792 году, поднесенное Императрицѣ описаніе подвиговъ, совершенныхъ въ турецкую войну «героями отечества», съ точнымъ на картѣ изображеніемъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ происходили соотвѣтственныя онымъ сраженія въ продолженіи четырехъ лѣтъ, съ 21-го Августа 1787 г. по 2-е Августа 1791 года.

Въ 1793 году, двѣ карты: одна представляющая часть полуденной границы, простирающейся отъ Чернаго до Каспійскаго моря, съ прилежащими владѣніями разныхъ горскихъ и кочующихъ народовъ, а другая: областямъ новоприсоединеннымъ отъ Турціи и Польши, съ кратчайшими путями отъ С.-Петербурга до Каменца и Дубосаръ.

Вистицкому-же принадлежитъ и изданная въ 1791 году: «Тактика, касающаяся до правильнаго устроенія всѣхъ движеній сухопутныхъ войскъ при сраженіяхъ и повсюду». Сочиненіе это посвящено: служащимъ въ главной военно-россійской императорской службѣ и, по плану автора, должно было состоять изъ пяти главъ, а именно: глава 1-я составляетъ нѣчто въ родѣ вступленія и заключаетъ въ себѣ общія свѣдѣнія о построеніи взвода, дивизіона, баталіона и полка; глава 2-я и 3-я заключаютъ въ себѣ описаніе эволюціи баталіона и полка для построенія колоннъ, ихъ развертыванія, перемѣнъ фронта и т. п. Эти три главы только и изданы авторомъ, съ присоединеніемъ 62-хъ объяснительныхъ чертежей. Послѣднія двѣ главы: о большихъ эволю-

ціяхъ многихъ полковъ и объ эволюціяхъ конныхъ войскъ, вовсе не появлялись въ печати.

Сочиненіе Вистицкаго есть собственно только перефразированный уставъ того времени, безъ всякаго прибавленія чего либо новаго отъ автора; отъ того въ немъ встрѣчаются положенія, совершенно не соотвѣтствующія тѣмъ началамъ, которыя были уже усвоены русскими войсками того времени, благодаря Румянцеву и Суворову; для автора видимо не существовали эти великіе примѣры, иначе онъ не могъ бы въ своемъ сочиненіи приводить подобныхъ положеній: «Опытъ научаетъ, что всякая чрезмѣрная скорость безполезна, когда движеніе должно производиться порядочно; ибо замѣшательство въ войскѣ гораздо вреднѣе, нежели коснительность въ поступки, и примѣчено вообще, что легче дѣлать большіе шаги тихо и порядочно, нежели малые, но спѣшно».

Такой разладъ сочиненія Вистицкаго съ дѣйствительностію и былъ, конечно, главною причиною, почему оно погибло безслѣдно; можно сказать даже, что успѣхъ его и заключался въ томъ, что оно не было замѣчено и не имѣло вліянія на жизнь арміи.

Въ заключеніе настоящаго очерка исторіи русскаго генеральнаго штаба въ царствованіе Императрицы Екатерины II, нельзя не замѣтить, что реформа Баура, повидимому, не оправдалась путемъ опыта: безъ малаго 25-ти лѣтнее существованіе созданнаго имъ положенія выказало какъ-бы несостоятельность его. Причина тому заключается въ самомъ этомъ положеніи, именно въ той замкнутости генеральнаго штаба, которая была установлена съ 1772 года.

Въ положеніи Баура о генеральномъ штабѣ было много прекраснаго: корпусу данъ особый начальникъ, который руководилъ занятіями офицеровъ, наблюдалъ за ними; опредѣлены занятія, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; обезпечено комплектованіе генеральнаго штаба учрежденіемъ колоновожатыхъ, которые должны были готовиться къ предстоящимъ имъ служебнымъ занятіямъ. Но рядомъ съ тѣмъ выходъ изъ корпуса ранѣе достиженія полковничьяго чина былъ воспрещенъ, и допускался лишь по особому ходатай-

ству, въ видѣ исключенія. Если принять во вниманіе, что генеральный штабъ комплектовался лучшими по образованію офицерами, и что на этихъ офицеровъ нерѣдко возлагались самыя разнообразныя, но не имѣвшія отношенія къ войскамъ порученія, то станетъ понятнымъ, къ какимъ важнымъ неудобствамъ вела такая замкнутость генеральнаго штаба. Офицеръ 10, 20 лѣтъ оставался при какой нибудь работѣ, въ родѣ постройки водопровода или гавани, и все это время занималъ вакансію генеральнаго штаба, а тамъ, гдѣ нужна была прямая служба этихъ офицеровъ, въ нихъ-то и былъ недостатокъ, особенно, когда числительность арміи была значительно увеличена, почти вдвое противъ прежняго, безъ всякаго измѣненія штата генеральнаго штаба. Послѣдствіемъ являются со стороны главнокомадующихъ арміями самопроизвольныя зачисленія въ генеральный штабъ офицеровъ, хотя и не удовлетворявшихъ условіямъ службы въ этомъ корпусѣ, но необходимыхъ при арміи. Если присоединить къ тому, что изъ преемниковъ Баура, по званію генералъ-квартирмейстера, одинъ вовсе не занимался генеральнымъ штабомъ, потому что его болѣе интересовали другія дѣла, а другой, хотя и желалъ быть полезнымъ, но не могъ, по недостатку значенія и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, то станетъ понятнымъ то разстроенное положеніе, въ которомъ оказался генеральный штабъ къ концу царствованія Екатерины II. Выйдти изъ этого положенія можно было только полнымъ переустройствомъ всего учрежденія, что и совершено Императоромъ Павломъ.

ГЛАВА VI.

1796—1801.

Упраздненіе Императоромъ Павломъ генеральнаго штаба и учрежденіе Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и Собственнаго Его Величества Депо картъ. Генералъ-квартирмейстеръ Баронъ Аракчеевъ. Занятія офицеровъ Свиты. Съемки Финляндіи и Литвы; картографическія работы. Генералъ-квартирмейстеръ Германъ. Форма обмундированія Свиты. Участіе офицеровъ квартирмейстерской части въ войнѣ 1799 года. Положеніе Свиты въ концѣ царствованія Императора Павла.

Вступленіе на престолъ Императора Павла Петровича было ознаменовано многими реформами по военной части, быстрота исполненія которыхъ показывала, что онѣ давно уже занимали государя, еще до вступленія его на престолъ.

Такое заключеніе можно сдѣлать и изъ того, что вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ Императора Павла I, не было учреждено, какъ въ началѣ другихъ царствованій, особой воинской коммисіи для разсмотрѣнія состоянія войскъ и введенія необходимыхъ реформъ, а прямо начались преобразованія по личной инціативѣ государя. Реформы эти клонились главнѣйше къ уменьшенію численности арміи, доведенной въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II до 500,000, а также къ искорененію разныхъ злоупотребленій въ войскахъ.

Многія реформы были уже заблаговременно подготовлены бесѣдами Павла Петровича съ тогдашнимъ президентомъ коллегіи Н. И. Салтыковымъ и, конечно, не безъ участія послѣдняго состоялась одна изъ первыхъ реформъ новаго царствованія, именно уничтоженіе генеральнаго штаба въ томъ видѣ, какъ онъ учрежденъ былъ Бауромъ. Причины побудившія Императора на эту мѣру неизвѣстны, но надо полагать, что болѣе всего имѣло здѣсь вліяніе, то полное неустройство генеральнаго штаба, до котораго корпусъ этотъ достигъ во время управленія имъ генералъ-квартирмейстера Пистора, который незналъ даже, гдѣ находятся ввѣренные ему офицеры. Упраздненіе генеральнаго штаба состоялось по именному Высочайшему указу объявленному 13-го Ноября 1796 года, въ слѣдующемъ содержаніи ([1]): «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: Департаментъ генеральнаго штаба упразднить, чиновъ онаго распредѣлить въ армію, домъ передать въ вѣдомство корпуса Кавалергардовъ, а карты, планы и всѣ вообще дѣла отдать Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанту Кушелеву. О чемъ Государственной Воинской Коммисіи предлагаю учинить подлежащее опредѣленіе и кому слѣдуетъ передать».

Генеральный штабъ въ это время состоялъ, кромѣ генералъ-квартирмейстера Пистора, изъ 1 бригадира, 1 полковника, 10 подполковниковъ, 22 маіоровъ, 15 капитановъ, 14 поручиковъ, 10 подпоручиковъ, 8 прапорщиковъ, 34 вожатыхъ 1-го класса и 6—вожатыхъ 2-го класса. Всѣ эти чины и были переведены въ армейскіе полки по ихъ желанію, но самое дѣло объ ихъ переводѣ тянулось очень долго, потому что отъ многихъ долго не могли получить извѣстія, по неизвѣстности ихъ мѣстонахожденія. Самъ же генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, просился было въ отпускъ къ теплымъ водамъ для излеченія болѣзни, но былъ отставленъ отъ службы 15-го Февраля 1797 года ([2]) и тогда же уѣхалъ въ Кассель, гдѣ и провелъ остатокъ дней своихъ. Замѣчательно, что уѣзжая изъ Россіи онъ забралъ съ собою всѣ лучшія карты и планы, какія имѣлись въ то время въ управленіи генеральнаго штаба, такъ что генералъ-адъю-

тантъ Кушелевъ доносилъ Государю, что ему сданы были только старые брульоны и черновые планы. Только уже въ 1813 году, при занятіи Касселя княземъ Чернышевымъ, наслѣдники Пистора возвратили часть вывезенныхъ имъ изъ Россіи плановъ, которые и были переданы на храненіе въ Военно-Топографическое Депо (3).

Какъ ни страненъ этотъ поступокъ Пистора, но онъ былъ совершенно въ духѣ тогдашняго вѣка, когда каждый частный начальникъ считалъ себя полнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ ввѣреннаго ему управленія и всего къ нему принадлежащаго.

Упраздняя генеральный штабъ, Императоръ Павелъ, видимо имѣлъ уже готовое предположеніе о замѣнѣ его новымъ учрежденіемъ, которое не было однако вполнѣ еще разработано, а вводилось постепенно, безъ опредѣлительныхъ положеній. На сколько можно предугадать по слѣдующимъ дѣйствіямъ основную мысль этого новаго учрежденія, то она заключалась въ образованіи корпуса офицеровъ находящагося въ непосредственномъ распоряженіи самаго Императора, подъ названіемъ Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, съ тѣмъ, чтобы на этихъ офицеровъ возлагать всякаго рода порученія, а въ томъ числѣ и порученія по квартирмейстерской части.

Первымъ въ этотъ корпусъ былъ зачисленъ 16-го Ноября, подполковникъ бывшаго генеральнаго штаба, Фердинандъ Герардъ (4), но не имѣется никакихъ свѣдѣній о томъ, было ли ему дано какое либо назначеніе, или нѣтъ. Затѣмъ, 29 Ноября Императоръ, посѣтивъ классы 1-го кадетскаго корпуса, обратилъ особое вниманіе на занятія кадетъ черченіемъ и въ особенности на работу сержанта Дмитрія Кочетова, чертившаго планъ Полтавскаго сраженія (5). Тутъ же Императоръ отобралъ лучшихъ чертежниковъ: означеннаго Кочетова, Толя (6), Порпура, Шефлера и Ридингера и приказавъ зачислить поручиками въ Свиту по квартирмейстерской части, велѣлъ отослать ихъ въ распоряженіе генерала Кушелева.

Молодые люди эти помѣщены были въ домѣ Брюсса (7)

и поручены инженеръ-подполковнику Опперману; они образовали особую чертежную собственно для Особы Его Императорскаго Величества, помѣщавшуюся въ тѣхъ комнатахъ Зимняго дворца, которыя прежде занималъ графъ Зубовъ. Чертежная эта вскорѣ перешла въ завѣдываніе подполковника Герарда. Первоначально они обязаны были выходить ежедневно на разводъ, гдѣ ставились для означенія линіи церемоніальнаго марша, а потомъ, когда по приказанію Императора имъ поручено было составленіе и черченіе ко времени коронаціи плана Москвы, то ихъ освободили отъ этой обязанности, обязавъ заниматься въ чертежной ежедневно съ 9 часовъ утра до 2 пополудни. На Толя, имѣвшаго хорошій почеркъ, возлагалось сверхъ того, переписываніе бумагъ собственно для Императора. Постепенно Свита по квартирмейстерской части стала пополняться, частію вызовомъ служившихъ въ прежнемъ генеральномъ штабѣ, частію же лицами взятыми изъ армейскихъ полковъ, а даже и изъ другихъ вѣдомствъ. Наибольшее число зачисляемыхъ было въ концѣ 1796 и особенно въ первой половинѣ 1797 года, причемъ принимаемы были лица всѣхъ чиновъ, но болѣе всего оберъ-офицерскихъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что зачисляемые въ Свиту по преимуществу поступали изъ числа офицеровъ находившихся на Финляндской съемкѣ, на работахъ по устройству водопроводовъ и мостовыхъ, подъ вѣдѣніемъ инженеръ-генералъ-маіора Герарда 1-го, а также и изъ бывшихъ въ распоряженіи фельдмаршала князя Н. В. Репнина; въ числѣ же этихъ офицеровъ положительно не встрѣчается ни одного изъ числа состоявшихъ прежде при фельдмаршалахъ Румянцевѣ и Суворовѣ, что и заставляетъ предполагать, что императоръ, вѣроятно по указаніямъ Н. И. Салтыкова, наиболѣе былъ недоволенъ дѣятельностію офицеровъ генеральнаго штаба состоявшихъ при этихъ двухъ фельдмаршалахъ. Возможно впрочемъ и то предположеніе, что императоръ дѣлалъ это въ угоду графа Румянцева, который, какъ извѣстно, пользуясь полнымъ расположеніемъ императора, вообще несочувственно относился къ прежнему устройству генеральнаго штаба.

Къ Апрѣлю мѣсяцу 1797 года въ Свиту по квартирмейстерской части оказалось зачисленныхъ 33 офицера и 4 колоновожатыхъ, изъ числа которыхъ только 9 человѣкъ не служили въ прежнемъ генеральномъ штабѣ. Большинство этихъ чиновъ, за исключеніемъ находившихся на Финляндской и Литовской съемкахъ, состояли въ Петербургѣ и жили на частныхъ квартирахъ, являясь ежедневно для работъ въ чертежную Зимняго дворца.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ послѣдовало наконецъ назначеніе и главнаго начальника этому вновь формируемому корпусу. 19-го Апрѣля 1797 года генералъ-маіоръ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ.

Сынъ отставного маіора, изъ старинныхъ, но бѣдныхъ дворянъ Тверской губерніи, А. А. Аракчеевъ родился 23-го Сентября 1769 года. Получивъ самое скромное домашнее воспитаніе, на 14 году отъ роду былъ опредѣленъ въ артиллерійскій и инженерный, что нынѣ 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе воспитателей своими успѣхами въ математическихъ и военныхъ наукахъ. Выпущенный 12-го Сентября 1787 года въ подпоручики арміи съ оставленіемъ при корпусѣ, Аракчеевъ черезъ два года былъ переименованъ въ поручики артиллеріи. Неутомимость въ занятіяхъ, чрезвычайное усердіе къ службѣ, строгая исполнительность отличали Аракчеева съ первыхъ дней его служебнаго поприща и вмѣстѣ съ поддержкою оказываемою ему генераломъ Мелиссино, составили основаніе его карьеры Какъ отличный офицеръ, онъ былъ временно командированъ въ 1792 году въ распоряженіе Наслѣдника престола Великаго князя Павла Петровича въ Гатчино, для обученія тамошнихъ артиллеристовъ и здѣсь своею дѣятельностію снискалъ полное благорасположеніе будущаго Императора. Въ четыре года своего пребыванія въ Гатчинѣ, Аракчеевъ былъ повышенъ изъ поручиковъ въ полковники, а на другой день по вступленіи Императора Павла на престолъ (7-го Ноября 1796 года) произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ комендантомъ С.-Петербурга. Въ самый день коронаціи, 5-го Апрѣля 1797 года, Аракчеевъ пожалованъ баронскимъ дос-

тоинствомъ, а вскорѣ послѣ того и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. (8)

Вступивъ въ эту новую должность, онъ немедленно принялъ мѣры къ усиленному укомплектованію Свиты по квартирмейстерской части бывшими офицерами генеральнаго штаба; и дѣйствительно въ теченіи одного Апрѣля мѣсяца зачислено въ свиту 12 таковыхъ офицеровъ, причемъ въ особенности обращено вниманіе на принятіе вновь штабъ-офицеровъ служившихъ прежде въ генеральномъ штабѣ и даже употребляемы были строгія мѣры противъ тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣливались не желать этого зачисленія: ихъ прямо исключали изъ службы; такъ были исключены между прочими Дренякинъ и Ракоцци, извѣстные по прежней службѣ за отличныхъ офицеровъ.

Стараніями барона Аракчеева Свита Его Величества по квартирмейстерской части, къ концу 1797 года, доведена до 66 всѣхъ чиновъ, между которыми было 13 штабъ-офицеровъ, 39 оберъ-офицеровъ и 14 колоновожатыхъ унтеръ-офицерскаго званія. (9) Судя по сохранившимся послужнымъ спискамъ, между этими чинами имѣлось очень много такихъ, которые получили самое ограниченное образованіе; весьма многіе между ними не знали иностранныхъ языковъ и имѣли самыя скудныя свѣдѣнія по математикѣ.

Дѣятельность новаго генералъ-квартирмейстера обратилась на распредѣленіе офицеровъ Свиты Его Величества по инспекціямъ войскъ и на усиленіе работъ въ чертежной Его Величества. Къ сожалѣнію самое распредѣленіе этихъ офицеровъ по инспекціямъ не сохранилось въ архивахъ и только изъ послужныхъ списковъ видно, что оно дѣйствительно имѣло мѣсто. Изъ этихъ же списковъ можно видѣть, что съ назначеніемъ Аракчеева на должность генералъ-квартирмейстера, возстановлены были и прежнія званія: оберъ-квартирмейстеровъ для штабъ-офицеровъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ для оберъ-офицеровъ; усилился также и пріемъ колоновожатыхъ унтеръ-офицерскаго званія въ Свиту, однакожъ число ихъ далеко не доходило до прежде установленной нормы.

Найбольшее вниманіе барона Аракчеева было обращено на занятія офицеровъ въ чертежной Зимняго Дворца и здѣсь въ особенности была чувствительна тяжелая рука новаго генералъ-квартирмейстера. Офицеры числившіеся при чертежной обязаны были находиться въ сборѣ ежедневно, для занятіи съ 7 часовъ утра до полудня и затѣмъ послѣ полудня съ 2 до 7 часовъ ([10]). Нерѣдко не имѣлось въ чертежной ровно никакихъ занятій, но тѣмъ не менѣе всѣ должны были находиться въ сборѣ, что постоянно повѣрялъ самъ Аракчеевъ, внезапно появляясь въ чертежной въ разные часы дня. Занятія офицеровъ заключались въ перечерчиваніи плановъ, нерѣдко не имѣвшихъ никакого значенія, причемъ требовалась только самая щепетильная точность и аккуратность исполненія данной работы. Малѣйшая неисправность вызывала со стороны Аракчеева самыя рѣзкія замѣчанія, и даже грубую брань. Ни чинъ, ни прежнія заслуги, не гарантировали личности офицера: колоновожатому барону Фитингофу, Аракчеевъ въ гнѣвѣ далъ однажды даже пощечину; въ другой разъ, заслуженному маіору Лену, имѣвшему за штурмъ Измаила золотую шпагу, а за дѣйствія на Дунаѣ орденъ Св. Владиміра 4 ст., наговорилъ столько непріятностей и выбранилъ такими площадными ругательствами, что Ленъ воротясь домой не могъ пережить этого пострамленія и застрѣлился ([11]).

Требовательность Аракчеева доведенная до крайней строгости, имѣла однако вліяніе, не только па пріученіе офицеровъ занимавшихся въ чертежной къ черченію, но также и на усовершенствованіе производившихся въ то время съемокъ.

Въ двухъ мѣстностяхъ шли въ это время усиленныя съемочныя работы, начатыя еще въ 1796 году офицерами бывшаго генеральнаго штаба и продолжаемыя по большей части тѣми же офицерами, переименованными Императоромъ Павломъ въ Свиту, это именно, въ Финляндіи и въ Литвѣ.

Съемка старой Финляндіи т. е. нынѣшней Выборгской губерніи, начата была весною 1796 года, подъ руководствомъ подполковника Штейнгеля, при которомъ состояло первоначально пять офицеровъ генеральнаго штаба

и одинъ колоновожатый. Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ были зачислены въ Свиту по квартирмейстерской части, другіе же переведены въ армію и замѣнены на съемкѣ новыми офицерами Свиты. Тогда же ближайшій надзоръ за ходомъ этой съемки возложенъ на командовавшаго войсками Финляндской дивизіи, генерала отъ инфантеріи Каменскаго, которому предписано ежемѣсячно доносить въ военную коллегію объ успѣхѣ работъ. Одно изъ дошедшихъ до насъ донесеній Каменскаго ([12]) показываетъ, что первоначально Штейнгель единовременно готовилъ карту Финляндіи въ двухъ масштабахъ,—одну верста въ дюймѣ, а другую въ масштабѣ версты въ $2^{1}/_{2}$ дюймахъ; послѣдней карты было сдѣлано къ Марту мѣсяцу 1797 года только одинадцать квадратовъ или листовъ, и послѣдовало приказаніе пріостановить ея исполненіе, пока не будетъ кончена первая карта. Верстовая же карта состояла вся изъ 244 квадратовъ (въ каждомъ 10 квадр. верстъ); изъ этого числа къ 7 Марта 1797 года, т. е. въ теченіе года работъ, было снято уже на мѣстности инструментомъ 152 квадрата, а вполнѣ вычерчено 65.

Съемка эта производилась мензулою, горы отмывались на планахъ тушью и надо полагать, что вся работа Штейнгеля отличалась въ то время большими достоинствами; по крайней мѣрѣ такъ можно судить изъ того, что Штейнгель, въ первые же два года съемки былъ произведенъ за эту работу сперва въ полковники, а потомъ въ генералъ-маіоры и получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени. Съемка эта, признается первою у насъ произведенною на основаніи болѣе или менѣе опредѣленной системы и имѣла значеніе особенно въ томъ смыслѣ, что образовала хорошихъ съемщиковъ для работъ предпринятыхъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

О Литовской съемкѣ имѣется менѣе извѣстій; она начата была вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россіи Литвы и Курляндіи. Основаніемъ для нея служили польскія межевыя карты, которыя были пополняемы нашими съемщиками. Вычерчена она перомъ и хотя нынѣ кажется очень плохою,

но въ свое время вполнѣ удовлетворяла тогдашнимъ требованіямъ; по крайней мѣрѣ за ея исполненіе даны щедрыя награды главнымъ ея исполнителямъ: капитанамъ Хоментовскому, Пенскому и Емельянову слѣдующіе чины, а первымъ двумъ и командорскіе кресты Іоанна Іерусалимскаго ([13]).

Съемки эти были драгоцѣннымъ матеріаломъ для нашей картографіи, на которую въ царствованіе Павла Петровича обращено значительное вниманіе.

Вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ, Императоръ Павелъ поручилъ генералъ-адъютанту Кушелеву образовать собственное Его Величества депо картъ, которое имѣло назначеніемъ быть архивомъ картъ и плановъ, нетолько военныхъ, но и обще-государственныхъ; въ этихъ видахъ въ депо поступили: собственное Его Величества собраніе картъ и плановъ, карты и планы бывшіе въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера Пистора, генералъ-фельдцейхмейстера князя Зубова и выбранные изъ собраній эрмитажа. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, чтобы всѣ начальственныя лица впредь представляли въ депо оригиналы всѣхъ сочиняемыхъ въ ихъ вѣдѣніи картъ, плановъ, чертежей. Съ другой стороны на депо было возложено не только быть хранилищемъ картъ, но также сочинять и издавать подробныя карты и планы для общественнаго употребленія, составлять и описанія къ онымъ необходимыя для особыхъ соображеній. Впослѣдствіи времени установлено даже, чтобы вообще «всѣ карты и планы географическія и обыкновенныя, къ печатанію и изданію предполагаемыя, предварительно вносить на разсмотрѣніе Географическаго Департамента при Сенатѣ состоящаго; топографическія же, крѣпостныя и всякаго рода карты съ показаніями относящимися до военныхъ операцій, какъ-то: дорогами, разстояніями и прочими подробностями, представлять на разсмотрѣніе въ собственное Его Величества депо картъ и не прежде приступать къ напечатанію и изданію оныхъ, какъ получивъ дозволеніе отъ названныхъ мѣстъ» ([14]).

Непосредственное управленіе депо было возложено въ 1796 году на инженеръ-подполковника Оппермана, который

3-го Октября 1797 года былъ замѣненъ артиллеріи генералъ-маіоромъ Толстовымъ. Особаго штата депо неимѣло, но къ нему, смотря по надобности, причислялись штабъ и оберъ-офицеры, преимущественно изъ инженернаго корпуса и квартирмейстерской части; чины эти имѣли мундиръ, жалованіе и производство по своимъ командамъ.

Въ 1798 году при депо картъ учреждена особая гравировальная часть, въ которой положено имѣть восемь художниковъ.

Средства предоставленныя депо были самыя ничтожныя: на чертежные и письменные расходы пожаловано единовременно 665 руб. ас., а гравировальной части на обзаведеніе 1036 руб. ас., а затѣмъ ежегодно производилось первому учрежденію по 1060, а второму по 800 р. ас., не считая расходовъ на жалованіе чинамъ. Средства эти нѣсколько увеличились съ 1800 года, когда Географическій департаментъ былъ присоединенъ къ депо картъ ([15]).

Не смотря на новизну занятій и ограниченность средствъ, депо картъ въ первые же годы своего существованія сдѣлало очень много: собрало и привело въ извѣстность много весьма важныхъ чертежей, картъ и плановъ и издало нѣсколько картъ, которыя долго и въ нынѣшнемъ столѣтіи, пользовались вполнѣ заслуженною репутаціей; конечно карты эти по нынѣшнемъ понятіямъ, были ниже посредственности, въ особенности по гравировкѣ, но въ то время и во всей Европѣ, эта часть была еще въ младенчествѣ.

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ изданій депо картъ въ царствованіе Императора Павла, слѣдуетъ отнести:

1) Генеральную карту части Россіи раздѣленной на губерніи и уѣзды, съ изображеніемъ почтовыхъ и другихъ главныхъ дорогъ; карта эта долгое время была употребляема въ военномъ вѣдомствѣ, какъ квартирная.

2) Подробныя милитерныя карты, въ масштабѣ 10 вер. въ дюймѣ: пространства по границѣ Россіи съ Пруссіею на 14 листахъ и по границѣ Россіи съ Турціею на 12 листахъ.

3) Подробная карта Россійской Имперіи и близь лежа-

щихъ заграничныхъ владѣній, въ масштабѣ 20 вер. въ дюймѣ, на 114 листахъ ([16]).

Всѣ эти карты служили для всякаго рода военныхъ соображеній еще въ первые годы царствованія Императора Александра I; самое появленіе ихъ достаточно свидѣтельствуетъ о значительности тѣхъ матеріаловъ, которые оказались въ распоряженіи депо картъ, когда за это дѣло принялись надлежащимъ образомъ. Матеріалы же безспорно доставлены были дѣятельностію генеральнаго штаба временъ Екатерины и первыхъ офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Финляндская и Литовская съемки въ особенности занимали почетное мѣсто въ ряду этихъ матеріаловъ.

Къ нимъ вскорѣ присоединились и другія съемки произведенныя уже при преемникѣ барона Аракчеева, управленіе котораго Свитою по квартирмейстерской части было непродолжительно.

Отрѣшенный 12-го Февраля 1798 года отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, Аракчеевъ былъ лишенъ и званія генералъ-квартирмейстера, которое тогда же возложено на генералъ-лейтенанта Германа, пользовавшагося въ то время блистательною военною репутаціей ([17]).

Родомъ саксонецъ, Германъ началъ свою службу кондукторомъ 2-го класса въ инженерномъ корпусѣ въ 1770 году, и въ томъ же году принятъ генераломъ Бауромъ въ генеральный штабъ колоножнымъ офицеромъ поручичьяго чина, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны. Очевидно, что при самомъ началѣ своей службы онъ обратилъ на себя вниманіе своими многосторонними познаніями; въ послужномъ спискѣ его значится, что онъ умѣлъ говорить на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ и англійскомъ, зналъ: математику, инженерную науку, философію, исторію, натуральные права и политику. Къ тому же на первыхъ порахъ служебнаго поприща, ему довелось быть въ турецкой кампаніи, гдѣ онъ постоянно находился при Баурѣ и съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ. Не кончилась еще война турец-

кая, какъ Германъ въ чинѣ маіора, является въ Башкиріи, гдѣ, находясь въ отрядѣ князя Петра Михайловича Голицына, принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Татищевой Крѣпостцой, у Сакмарскаго городка и во многихъ другихъ. Испытанныя въ эти кампаніи военныя способности и усердіе Германа служили ему дальнѣйшею рекомендаціей для выполненія различныхъ порученій въ Польшѣ, на Шведской границѣ, въ Оренбургѣ, на границѣ Персидской, на Кавказѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ устроеніи Кавказской линіи; затѣмъ находился при строеніи Херсона, но вообще подробностей о службѣ его за это время не имѣется и даже можно предполагать, что около 1778 года онъ вышелъ изъ генеральнаго штаба ([18]). Въ 1783 году, въ чинѣ полковника, Германъ назначенъ командиромъ Владимірскаго пѣхотнаго полка и въ этомъ званіи дѣйствовалъ на Кавказѣ, до производства въ 1790 году въ генералъ-маіоры.

Производство Германа въ этотъ чинъ было ознаменовано блестящимъ подвигомъ, окончательно упрочившимъ его извѣстность. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1790 года турки, ободренные неудачною экспедиціей русскихъ войскъ противъ Анапы, собрали въ верховьяхъ Кубани до 30,000 войскъ, которымъ предназначалось, подъ начальствомъ Баталъ-паши, прорвать Кавказскую линію. Генералу Герману удалось сосредоточить подъ своимъ начальствомъ нѣсколько мелкихъ отрядовъ и, не смотря на превосходство силъ непріятеля, онъ бросился ему на встрѣчу, нанесъ сильное пораженіе и прогналъ за Кубань. Побѣда эта пріобрѣла особенно важное значеніе потому, что поправила положеніе русскихъ войскъ на Кубани, почему Германъ и получилъ за нее высокую награду, орденъ Св. Георгія 2-й степени.

Въ 1792 году Германъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ въ арміи генералъ-аншефа Кречетникова, предназначенной для занятія Литвы и командовалъ правымъ крыломъ этой арміи, а затѣмъ въ 1794 году особымъ корпусомъ въ Польшѣ. Здѣсь Германъ сдѣлался ближе извѣстенъ фельдмаршалу князю Н. В. Репнину, имѣлъ вліяніе на про-

изводившіяся вслѣдъ за тѣмъ съемочныя и картографическія работы въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и этимъ окончательно обратилъ на себя вниманіе Императора Павла, который уважалъ его, какъ человѣка основательнаго и полезнаго для службы ([19]). Ниже мы еще увидимъ, какъ велико было довѣріе Императора къ генералу Герману.

Со вступленіемъ Германа въ должность генералъ-квартирмейстера, занятія Свиты Его Величества по квартирмейстерской части получаютъ иной характеръ, болѣе соотвѣтственный прямому назначенію этого учрежденія; усиливаются съемки пограничныхъ пространствъ, разсылаются офицеры Свиты въ разныя стороны для снятія плановъ мѣстностей, предназначенныхъ для сборовъ и маневровъ войскъ. Такъ съемка окрестностей Краснаго села близь Петербурга была возложена на генералъ-маіора Медера, которому въ помощь приданы поручики: Эйхенъ, Танкъ и Толь; поручикъ Гоббе командированъ на съемку Смоленской губерніи, поручикъ Матушевичъ въ Минскъ, капитанъ Андрей Адеркасъ для снятія окрестностей Харькова и Чернигова, маіоръ Гарпе— окрестностей Ольвіополя.

Наконецъ, самъ Германъ выѣхалъ лѣтомъ 1798 года, по повелѣнію Императора, для рекогносцировокъ въ южной Россіи и составленія соображеній объ укрѣпленіи Севастополя и вообще береговъ Чернаго моря; вмѣстѣ съ нимъ было назначено въ эту командировку нѣсколько инженерныхъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ; въ числѣ послѣднихъ находились маіоръ Энгельманъ, поручикъ Толь, колоновожатые Кратцъ и Гіортъ.

За время отсутствія генералъ-квартирмейстера Германа изъ Петербурга, имѣется очень мало оффиціальныхъ свѣдѣній о жизни квартирмейстерской части.

Когда въ концѣ 1798 года Германъ былъ назначенъ командующимъ корпусомъ войскъ, собиравшимся у Каменецъ-Подольска для заграничнаго похода, а потомъ, будучи замѣненъ въ этой должности генераломъ Ребиндеромъ, былъ отозванъ къ командованію десантнымъ отрядомъ, посылаемымъ въ Голландію, то хотя онъ не былъ отчисленъ отъ должно-

сти генералъ-квартирмейстера, но званіе это было передано снова генералъ-лейтенанту барону Аракчееву (22-го Декабря 1798 года). Вторичное управленіе Свитою по квартирмейстерской части барона Аракчеева ничѣмъ особеннымъ не ознаменовано и было непродолжительно. 1-го Апрѣля 1799 года Аракчеевъ снова отставленъ отъ службы, а завѣдываніе оставшимся во время войны 1799 года въ Петербургѣ, депо квартирмейстерской части, возложено на управлявшаго депо картъ, генералъ-адъютанта, адмирала, графа Кушелева. Непосредственное же управленіе дѣлами депо квартирмейстерской части за это время было поручаемо многимъ лицамъ, а именно: съ 3-го Октября 1799 г. по 24-е Января 1800 г. имъ управлялъ артиллеріи генералъ-маіоръ Толстовъ, завѣдывавшій въ тоже время и депо картъ; съ 24-го Января 1800 года по 29-е Февраля того же года, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Булатовъ; съ 29-го Февраля по 18-е Октября, той же свиты генералъ-маіоръ Штейнгель, которому даже было присвоено званіе генералъ-квартирмейстера и наконецъ, съ 18-го Октября 1800 года по 31-е Іюля 1801 года, свиты же Его Величества по квартирмейстерской части генералъ-маіоръ Герардъ 1-й.

Естественно, что вновь учрежденная Свита Его Величества по квартирмейстерской части не могла надлежащимъ образомъ организоваться и окрѣпнуть при столь частыхъ перемѣнахъ ея главныхъ начальниковъ. Особыхъ положеній для нея не существовало, правилъ для чинопроизводства также небыло; только нѣкоторыя указанія имѣются относительно обмундированія и окладовъ содержанія чиновъ квартирмейстерской части. — Такъ при самомъ учрежденіи Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, въ концѣ 1796 года, ей дана была форма обмундированія почти одинаковая съ л. гв. Преображенскимъ полкомъ, а именно: мундиръ темнозеленый съ такими же обшлагами и краснымъ триповымъ воротникомъ, подбой зеленый стамедный, фалды застегнутыя на крючкахъ, небольшія желтыя, дутыя пуговицы въ два ряда; камзолъ бѣлый суконный и бѣлый же канифасный галстухъ; панталоны бѣлые

лосинные; большіе крѣпкіе сапоги съ стальными шпорами и штибельманжетами на колѣнахъ; шарфъ серебрянный съ шелкомъ чернымъ и оранжевымъ; шляпа обшитая узкимъ золотымъ галуномъ съ бантомъ изъ черной шелковой ленты съ оранжевою каймою; перчатки бѣлыя лосинныя съ крагенами.

Колоновожатые получили мундиръ одинаковый съ офицерскимъ, кромѣ галуна и банта на шляпѣ. Они считались наравнѣ съ портупей-прапорщиками, почему имѣли офицерскія шпаги съ серебрянымъ темлякомъ, которыя носили сверхъ мундира, на лосинной, выбѣленной портупеѣ, съ большою мѣдною пряжкою.

Обмундированіе это подверглось нѣкоторому измѣненію въ концѣ 1798 года, когда послѣдовала перемѣна въ обмундированіи гвардейскихъ пѣшихъ полковъ, но и при этомъ оставлено было сходство съ мундиромъ л. гв. Преображенскаго полка. Такъ мундиръ оставленъ почти прежній, но только ему данъ красный суконный воротникъ и таковые же обшлага, да прибавленъ золотой аксельбантъ. На шляпѣ узкій галунъ замѣненъ широкимъ позументомъ съ городками, а къ банту прибавлена большая золотая петлица въ видѣ звѣзды. Колоновожатымъ оставленъ одинаковый мундиръ съ офицерскимъ, но безъ аксельбанта ([20]).

Хотя по мундиру Свита по квартирмейстерской части была какъ-бы приравнена къ гвардіи, но оклады жалованія ея чинамъ производились, по Высочайшему указу 22-го Января 1797 г., на равнѣ съ офицерами армейскихъ пѣхотныхъ полковъ и только 17-го Октября того же года, Высочайше повелѣно офицерамъ Свиты производить жалованіе противу тѣхъ полковъ, кто откуда поступилъ. Мѣра эта очевидно была вызвана тѣмъ, что въ Свиту стали усиливаться переводы изъ другихъ вѣдомствъ, имѣвшихъ оклады жалованія болѣе высокіе противъ армейской пѣхоты. Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ 17-го Октября 1797 года, опредѣлено, чтобы въ случаѣ командированія чиновъ квартирмейстерской части въ пограничныя губерніи, жалованіе имъ было отпускаемо серебряною монетою. Наконецъ по указу военной коллегіи 26 Августа 1798 года, генералитету-квар-

тирмейстерской части определено жалованіе противъ армейскаго генералитета, а штабъ и оберъ офицерамъ по сравненію съ бывшими чинами генеральнаго штаба, да фуражные деньги положено отпускать не на 8, а на полные 12 мѣсяцевъ (21).

Политическія событія конца прошлаго столѣтія и война противъ Франціи отвлекли совершенно вниманіе правительства отъ устройства Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но они же открыли и новое поприще, на которомъ могла выказаться дѣятельность офицеровъ этого корпуса.

Въ началѣ лѣта 1798 года, на западныхъ границахъ Имперіи стали формировать нѣсколько отдѣльныхъ корпусовъ, предназначенныхъ для дѣйствіи противъ Франціи.

Во всѣхъ этихъ корпусахъ было до 70,000 чел.; при нихъ состоялъ весьма немногочисленный составъ офицеровъ квартирмейстерской части, который однако былъ неменѣе того, какой встрѣчаемъ въ войнахъ временъ Екатерины II. Къ тому же, при этомъ вѣроятно принято было во вниманіе, что такъ какъ война имѣла происходить внѣ предѣловъ Россіи, въ союзѣ съ Австріею, то со стороны послѣдней и будутъ назначены офицеры генеральнаго штаба, для сопровожденія русскихъ войскъ. И дѣйствительно во все время кампаніи 1799 г., особенно въ Италіи, главную роль при русскихъ войскахъ играетъ австрійскій генеральный штабъ.

Въ собранныхъ на западной границѣ Имперіи корпусахъ были нижеслѣдующіе офицеры Свиты Его Величества по квартирмейстерской части:

1) Въ корпусѣ Розенберга (при численномъ составѣ около 20,000 человѣкъ), маіоры: Емельяновъ и Густавъ Адеркасъ, капитанъ Танкъ, поручики Матушевичъ, Коноваловъ и Эбергартъ, подпоручикъ Садовниковъ и прапорщикъ Купчиновъ; всего 8 человѣкъ.

2) Въ корпусѣ Ребиндера (силою до 12,000 чел.) генералъ маіоръ Герардъ 1, полковники Зоммеръ и Герардъ 4, (послѣдній заболѣвъ во время похода въ Италію, вернулся въ Россію), подполковникъ Энгельманъ, поручикъ Толь, прапорщикъ Бухартъ и колоповожатый Кратцъ; всего 7 человѣкъ.

3) Въ корпусѣ Римскаго-Корсакова (силою въ 37,000 чел.), полковникъ Михаилъ Вистицкій, поручикъ Марино, подпоручикъ баронъ Фитингофъ и прапорщикъ Пейкеръ; всего 4 человѣка.

Старшій изъ офицеровъ въ каждомъ корпусѣ, принималъ нерѣдко званіе генералъ-квартирмейстера, чему въ особенности встрѣчаются подтвержденія въ бумагахъ генералъ-маіора Герарда и полковника Вистицкаго.

Въ главномъ штабѣ союзныхъ армій при фельдмаршалѣ Суворовѣ находились въ должности генералъ-квартирмейстера, австрійскіе генералы, сперва маркизъ Шателеръ, а потомъ Цахъ.

Чтобы дать понятіе о составѣ тогдашнихъ штабовъ и соотвѣтственности въ нихъ чиновъ квартирмейстерской части съ другими отдѣлами штабнаго управленія, приведемъ, что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда въ Италіи былъ изъ русскихъ войскъ только одинъ корпусъ Розенберга, состоявшій изъ двухъ дивизій, силою всего до 22,421 всѣхъ чиновъ, то при особѣ фельдмаршала Суворова состояли [22]:

Полковникъ Лавровъ, маіоръ Румянцевъ, штабсъ-капитанъ Ставраковъ и 2 фельдъегеря; да при войскахъ волонтерами: генералъ-маіоръ князь Горчаковъ (Андрей Ивановичъ) и Седморацкаго мушкетерскаго полка маіоръ баронъ Розенъ. Собственно же при корпусѣ генерала Розенберга находились:

Корпусный бригадъ-маріоръ — 1; провіантскихъ чиновъ— 12; коммисаріатскихъ—7, медицинскихъ — 11, фельдъегерей—4, инженерныхъ чиновъ—4, квартирмейстерской части—15, а именно: маіоровъ 2, поручиковъ 3, подпоручиковъ 8, прапорщикъ 1 и колоновожатый 1 [23].

Въ Маѣ же мѣсяцѣ главная квартира дополнилась еще дежурнымъ генераломъ, въ лицѣ генералъ-лейтенанта Ферстера.

Кромѣ того при русскихъ войскахъ, какъ видно изъ диспозицій, постоянно состояли еще и офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, смотря по обстоятельствамъ.

При переходѣ Суворова изъ Италіи въ Швейцарію, когда русскія войска, числительностію въ 24,286 челов., состав-

ляли два корпуса, главная квартира, или штабъ русской арміи, состоялъ изъ слѣдующаго числа чиновъ (24): При особѣ фельдмаршала: генералъ-маіоръ князь Горчаковъ, полковникъ Лавровъ и 4 адъютанта. Иностранной коллегіи—4 чиновъ. Волонтерами разныхъ лицъ—3; при корпусахъ: бригадъ-маіоровъ—2.

Квартирмейстерской части 13 чиновъ: Герардъ, Зоммеръ, Энгельманъ, Адеркасъ, Емельяновъ, Танкъ, Матушевичъ, Толь, Эбергардъ, Коноваловъ, Садовниковъ, Купчиновъ и колоновожатый Кратцъ. Австрійскаго генеральнаго штаба 9 чиновъ: подполковникъ Вейротеръ; маіоръ Рихтеръ; капитаны: Габерманъ и Бабель; поручики: Бѣлицкій, Эрбенъ, Готтербургъ, Журчакъ и Обринъ.

Инженерной части: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3; провіантской части 10 чиновъ, коммисаріатской 3, медицинской части 3.

Здѣсь число чиновъ квартирмейстерской части болѣе значительно, именно 13 русскихъ и 9 австрійскихъ, что конечно было особенно необходимо въ виду предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ горахъ, гдѣ войска приходилось разбивать па большее число самостоятельныхъ отрядовъ, при которыхъ офицеры квартирмейстерской части могутъ оказать наиболѣе значительныя услуги.

Изъ вышеприведеннаго распредѣленія офицеровъ квартирмейстерской части по русскимъ корпусамъ видно, что вообще въ кампанію 1799 года, при главной квартирѣ фельдмаршала Суворова вовсе не имѣлось русскихъ офицеровъ этого вѣдомства. Всѣ распоряженія по русскимъ войскамъ дѣлались прямо отъ Суворова, простыми записками, часто писанными даже карандашемъ, полковникомъ Лавровымъ, иногда Кушниковымъ, княземъ Горчаковымъ, или дежурнымъ генераломъ. Общія же диспозиціи или приказанія, относившіяся ко всѣмъ войскамъ, составлялись австрійскимъ генералъ-квартирмейстеромъ маркизомъ Шателеромъ, на нѣмецкомъ языкѣ и переводились на русскій, большею частію, какъ замѣчаетъ историкъ кампаніи 1799 года, весьма неясно, даже иногда не совсѣмъ вѣрно. Не-

смотря на то, недоразумѣнія въ русскихъ войскахъ случались не такъ часто, какъ въ австрійскихъ(25).

Обстоятельство это, безспорно можно приписать дѣятельности русской квартирмейстерской части, на обязанности которой лежало примѣнять къ обстоятельствамъ приказанія получаемыя изъ главной квартиры. Впрочемъ было бы слишкомъ рискованно дѣлать изъ этого выводъ о преимуществѣ русскаго генеральнаго штаба надъ австрійскимъ; послѣдній и по образованію своихъ офицеровъ и по ихъ боевой опытности въ Италіи, безспорно долженъ былъ стоять выше перваго. Австрійскій генеральный штабъ считалъ въ Италіи въ своихъ рядахъ Шателера, Цаха, Вейротера, о которыхъ самъ Суворовъ отзывался очень хорошо, въ особенности о первомъ, который умѣлъ вполнѣ цѣнить русскаго полководца, сблизился съ нимъ и открыто показывалъ къ нему свое уваженіе, чѣмъ заслужилъ даже немилость австрійскаго министерства. О Цахѣ же Суворовъ отзывался, что онъ «добръ, тихъ, ученъ, но истинный проектный унтеркунфтеръ».

Въ числѣ офицеровъ русской квартирмейстерской части находившихся въ Италіи, не было ни одной особо выдающейся личности по своимъ познаніямъ и по опытности: генералъ Герардъ никогда до того не служилъ въ войскахъ, началъ службу архитекторскимъ подпоручикомъ и постоянно состоялъ при гидравлическихъ постройкахъ; точно также это была первая кампанія для подполковника Зоммера и для всѣхъ младшихъ офицеровъ квартирмейстерской части; только Энгелманъ, Адеркасъ и Емельяновъ могли называться болѣе опытными офицерами, такъ какъ они участвовали въ прежнихъ войнахъ, но и то не въ славныхъ подвигахъ на Дунаѣ, а лишь въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ на кавказской линіи, да противъ польскихъ конфедератовъ. По образованію своему, русскіе офицеры того времени, конечно, стояли ниже австрійскаго генеральнаго штаба.

Но если русскимъ офицерамъ недоставало чего въ познаніяхъ и въ опытности, то эти недостатки они воспол-

няли усердіемъ и исполнительностію, къ чему ихъ должны были сильно возбуждать и соревнованіе къ сотоварищамъ австрійцамъ и гордое сознаніе, что ихъ труды будутъ замѣчены великимъ полководцемъ. Работы офицерамъ квартирмейстерской части въ Италіи было не мало, на что указываетъ самый характеръ военныхъ дѣйствій, а отчасти и воспоминанія графа Толя, находившагося при корпусѣ Розенберга въ чинѣ поручика ([26]). Войска дѣйствовали въ мѣстностяхъ совершенно имъ неизвѣстныхъ, гдѣ къ тому же незнаніе языка затрудняло распросы, а между тѣмъ приходилось дѣлать частыя и продолжительныя передвиженія. Карты имѣвшіяся для руководства были крайне малаго масштаба, почему постоянно надо было дополнять ихъ рекогносцировками и обозрѣніями; на каждомъ шагу надлежало указывать войскамъ дороги, мѣста расположенія, снабжать ихъ отчетными карточками всей окружающей мѣстности для того, чтобы они могли представлять себѣ вполнѣ ясно все происходящее. На послѣдній предметъ обращено было вниманіе и самаго Суворова въ приказахъ отданныхъ при началѣ кампаніи, въ Валеджіо. Вотъ приказъ Суворова прямо относящійся до круга дѣятельности квартирмейстерскихъ чиновъ.

«Планъ операціонный; въ главную армію, въ корпусъ, въ колонну. Ясное распредѣленіе полковъ. Вездѣ расчетъ времени. Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ; будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое. Недовольно, чтобы одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войско согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ, болѣе вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ».

«Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ небольшой чертежъ, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ сколько можетъ быть нужно для простаго воина; при томъ нужно дать нѣкоторое понятіе о возвышеніяхъ (горахъ).

Приказъ этотъ можетъ служить указаніемъ, что Суворовъ имѣлъ очень вѣрный взглядъ на квартирмейстерскую часть; въ воспоминаніяхъ графа Толя находимъ свидѣтельство, что онъ же вполнѣ цѣнилъ находчивость и знаніе мѣстности квартирмейстерскихъ офицеровъ.

Въ день сраженія при Нови, (4 Августа) поручикъ Толь былъ присланъ къ фельдмаршалу за приказаніями отъ Розенберга изъ подъ Тортоны, и на вопросъ Суворова о ходѣ минныхъ работъ подъ крѣпостію, имѣлъ неосторожность отозваться незнаніемъ, что какъ и всегда возбудило гнѣвъ фельдмаршала, назвавшаго Толя «немогузнайкой, опаснымъ человѣкомъ». Обстоятельство это показываетъ, что и Суворовъ, подобно многимъ другимъ замѣчательнымъ воинскимъ начальникамъ позднѣйшаго времени, требовалъ чтобы офицеръ квартирмейстерской части былъ близко знакомъ со всѣмъ, что относится до войскъ, при которыхъ онъ состоитъ. Неудачу этой первой встрѣчи своей съ великимъ полководцемъ, Толю удалось однако вскорѣ загладить. Черезъ два дня послѣ сраженія при Нови (6-го Августа), выбирая мѣсто для расположенія корпуса Розенберга въ долинѣ Скривіи, вблизи отъ Серавале, Толь былъ встрѣченъ Суворовымъ, который долго и подробно, какъ бы испытывая, распрашивалъ его обо всей окрестной мѣстности, о выбранномъ бивакѣ, о томъ какъ войска будутъ расположены на немъ, гдѣ выставятъ аванпосты, куда будутъ высылать патрули. На этотъ разъ всѣ отвѣты Толя были вполнѣ удовлетворительны и Суворовъ оставшись доволенъ ими, тутъ же приказалъ сдѣлать представленіе, что онъ производится въ капитаны, что и было утверждено Императоромъ 3-го Ноября того-же года ([27]).

Кромѣ прямыхъ обязанностей по квартирмейстерской части, офицеры Свиты Его Величества во время Итальянской кам-

паніи 1799 года были употребляемы и въ качествѣ инженерныхъ офицеровъ, что вообще въ прошломъ столѣтіи встрѣчалось весьма часто. Такъ положительно извѣстно, что при осадахъ Турина и Александріи, были употребляемы въ должностяхъ инженерныхъ офицеровъ—поручики: Матушевичъ, Коноваловъ, Ебергартъ и Садовниковъ ([28]).

Однакожъ за осадныя работы никто изъ этихъ офицеровъ не получилъ особой награды, не поименованъ въ реляціяхъ, между тѣмъ какъ за участіе въ сраженіяхъ награждены были очень многіе; такъ за сраженіе при Требіи, маіоръ Емельяновъ получилъ орденъ Св Анны 2 степени, поручикъ Коноваловъ и подпоручикъ Садовниковъ Св. Анны 3 ст. ([29]), за сраженіе при Нови, маіоръ Емельяновъ—орденъ Іоанна Іерусалимскаго, капитанъ Танкъ и поручикъ Матушевичъ,—Св. Анны 3 ст.

Если припомнить какъ скупо въ тѣ времена давались награды даже за боевыя отличія, то нельзя не признать, что служба русскаго генеральнаго штаба въ Италіи обращала на себя вниманіе, хотя объ ней и сохранилось крайне мало извѣстій. Что въ эту кампанію офицеры квартирмейстерской части бывали въ огнѣ и кромѣ названныхъ сраженій, за которыя даны имъ перечисленныя выше награды, можетъ свидѣтельствовать и то, что капитанъ Танкъ былъ раненъ пулей въ ногу въ дѣлѣ у Бассиньяно, гдѣ онъ находился въ передовыхъ войскахъ у деревни Печетто; подъ поручикомъ Матушевичемъ, въ дѣлѣ при Вердеріо, убита лошадь ([30]). За эти дѣла они однако не получили никакой награды и только при вторичномъ отличіи въ сраженіи при Нови, имъ пожалованы ордена. Находясь постоянно при войскахъ, офицерамъ квартирмейстерской части въ особенности пришлось перенести много трудностей во время перехода черезъ Альпы. Объ участіи ихъ въ этомъ походѣ мы имѣемъ только указанія въ воспоминаніяхъ графа Толя, который все время находился въ корпусѣ Розенберга, при Милорадовичѣ и особенно отличался въ двухдневнемъ боѣ въ долинѣ Муттенталь (19 и 20 сентября), за что получилъ орденъ Св. Анны 3 ст.; за это-же дѣло колоновожатый Кратцъ произведенъ

за особое отличіе, прямо въ подпоручики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.

Всѣ тяжкія лишенія, голодъ, непогоду, изнуреніе, какимъ подвергались русскія войска въ продолженіи шестнадцати дневнаго похода черезъ Альпы, вынесли и офицеры квартирмейстерской части, находившіеся при этихъ войскахъ. Картину этихъ бѣдствій краснорѣчиво описываетъ историкъ войны 1799 года: «Сколько разъ случалось русскимъ войскамъ взбираться на снѣговые хребты! Сколько разъ дрожа отъ стужи, перебирались они въ бродъ, выше колѣнъ въ водѣ, черезъ быстрые горные потоки. Промоченные до костей страшнымъ ливнемъ, они вдругъ были застигаемы снѣгомъ, вьюгой, мятелью; мокрая одежда покрывалась ледяною корой. Съ трудомъ добравшись наконецъ до вершины горъ, солдаты ночевали на снѣгѣ или на голыхъ скалахъ и не имѣли ни одного прута, чтобы отогрѣть окоченѣлые члены. По нѣскольку дней оставаясь безъ провіанта, братски дѣлились они между собою ничтожными крохами, которыя находили въ ранцахъ убитыхъ французовъ и даже приносили добродушно начальникамъ часть добычи своей. Офицеры и генералы сами были въ нелучшемъ положеніи; лишившись своихъ вьюковъ, они не имѣли ни пищи, ни обуви, ни теплой одежды; солдаты кое какъ на ночлегахъ чинили своимъ офицерамъ остатки сапоговъ (31)».

Что положеніе квартирмейстерскихъ офицеровъ нисколько не выдѣлялось отъ прочихъ, свидѣтельствуетъ Толь, который на переходѣ отъ Глариса до Иланца, потерялъ свой вьюкъ и послѣднюю верховую лошадь, такъ что остался въ одномъ мундирѣ, почти безъ сапогъ, безъ вещей, да къ тому и безъ денегъ; только помощь сослуживца, полковника Зоммера, вывела его изъ этого трудного положенія (32).

На этотъ разъ щедрыя награды были розданы участникамъ Швейцарской кампаніи, причемъ не забыты и офицеры квартирмейстерской части, хотя большею частію они были награждены уже по возвращеніи въ Россію. Такъ Герардъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст., полковникъ Зоммеръ и подполковникъ Енгельманъ, ордена Св. Анны 2 ст., капитанъ

Танкъ произведенъ въ маіоры; поручикъ Матушевичъ—Св. Анны 2 ст. и Кавалерскій орденъ Іоанна Іерусалимскаго, поручикъ Ебергартъ, — орденъ Св. Анны 3 ст. Только о наградахъ полученныхъ за итальянскую кампанію подполковникомъ Адеркасомъ 1, мы не могли найти никакихъ извѣстій, но надо полагать, что и онъ не былъ обойденъ, такъ какъ начавъ кампанію въ чинѣ маіора, онъ по окончаніи оной, подписывался уже подполковникомъ, кавалеромъ и командоромъ.

Офицеры квартирмейстерской части участвовавшіе въ Итальянской кампаніи оставили по себѣ прекрасный памятникъ, свидѣтельствующій объ ихъ дѣятельности; это два атласа картъ и плановъ, одинъ Итальянской, а другой—Швейцарской кампаніи. Къ составленію ихъ было приступлено еще до возвращенія нашихъ войскъ въ Россію, именно во время стоянки ихъ на зимнихъ квартирахъ въ Богеміи.

Первый изъ этихъ атласовъ составленъ подъ вѣдѣніемъ подполковника Адеркаса, фамилія котораго и выставлена на заглавномъ листѣ. Первое мѣсто въ атласѣ занимаетъ общая карта всего театра войны въ сѣверной Италіи, съ обозначеніемъ пути арміи Суворова; карта составлена маіоромъ Толемъ; затѣмъ въ этомъ же атласѣ заключается 34 плана сраженій, осадъ и лагерей; работа ихъ не очень отчетлива; большею частію мѣстность выражена худо, а войска нанесены часто ошибочно (33). Подъ планами имѣется только въ одномъ мѣстѣ подпись подполковника Энгельмана, да на заглавномъ листѣ подпись копировавшаго планы Степана Ямпольскаго, о которомъ неизвѣстно, какой онъ имѣлъ чинъ и принадлежалъ ли къ Свитѣ по квартирмейстерской части.

Атласъ Швейцарской кампаніи составленъ и вычерченъ былъ уже въ Петербургѣ; на заглавномъ листѣ выставлены имена слѣдующихъ, трудившихся надъ нимъ офицеровъ: подполковникъ Энгельманъ, маіоры: Ренни, Пенской, Эйхенъ 1, Толь 1, капитанъ Хатовъ и колоновожатый Толь 2-й. Атласъ этотъ отдѣланъ превосходно: вся часть Швейцаріи, черезъ которую проходилъ Суворовъ, изображена на 4-хъ большихъ картахъ, красками, въ перспективномъ видѣ, какъ бы

на картинѣ; гористая мѣстность выражена весьма живо и натурально; войска нанесены со всѣми подробностями. Карта сѣверной Швейцаріи, на которой изображены дѣйствія Корсакова при Цюрихѣ и Готце на Линтѣ, уже значительно уступаетъ прочимъ въ отдѣлкѣ. Въ этомъ же атласѣ находится картина, неизвѣстно кѣмъ сдѣланная масляными красками на бумагѣ, изображающая переходъ русскихъ войскъ черезъ Чертовъ мостъ ([34]).

Что касается до дѣятельности офицеровъ квартирмейстерской части въ корпусѣ Римскаго Корсакова, то по этому предмету имѣется еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ объ офицерахъ состоящихъ при войскахъ въ Италіи; это тѣмъ болѣе странно, что одинъ изъ этихъ офицеровъ, именно полковникъ Михаилъ Вистицкій 2, находившійся при корпусѣ Римскаго Корсакова въ должности оберъ квартирмейстера, составилъ описаніе дѣйствій этого корпуса, ([35]) въ которомъ указывая поденно, съ полною обстоятельностію всѣ движенія корпуса и полное распредѣленіе войскъ, нигдѣ не говоритъ о дѣятельности офицеровъ квартирмейстерской части и даже не упоминаетъ были-ли они при корпусѣ, или нѣтъ.

Впрочемъ извѣстно, что въ штабѣ Римскаго Корсакова не было никакого порядка. Гордый, самонадѣянный, съ высокимъ мнѣніемъ о своихъ собственныхъ достоинствахъ Римскій Корсаковъ пренебрегалъ всякими чужими мнѣніями и совѣтами; въ главной квартирѣ его не было ни одного человѣка, который бы пользовался его довѣріемъ. Ближайшимъ помощникомъ его былъ полковникъ Вистицкій, человѣкъ безъ образованія, знавшій лишь россійскую грамоту и часть математическихъ наукъ, служившій 10 лѣтъ сержантомъ и капраломъ въ гвардіи, а затѣмъ выпущенный въ армію ротмистромъ и вскорѣ переведенный тѣмъ же чиномъ въ генеральный штабъ (въ 1791 г.). Всѣ его прежнія отличія заключались въ личной храбрости выказанной на Дунаѣ, но для европейской войны онъ не имѣлъ ни достаточно свѣдѣній, ни опытности; помощниками же его были все молодые офицеры, впервые дѣлавшіе кампанію. Поэтому неудивительно, что по квартирмейстерской части въ корпусѣ

Римскаго Корсакова не было никакого порядка: войска сами располагались лагеремъ и шли въ походѣ, безъ всякой заботы со стороны корпуснаго штаба. Вотъ какъ между прочимъ одинъ изъ участниковъ этого похода, генералъ Сакенъ, (впослѣдствіи фельдмаршалъ), описываетъ прибытіе войскъ къ Іунаху (13 Августа):

«Народу было столько, что негдѣ было его помѣстить. Сверхъ того неопытность генерала Корсакова и его генеральнаго штаба въ воинскихъ движеніяхъ была столь велика, что даже не былъ означенъ лагерь. Полки и баталіоны, какъ они мало по малу приходили, располагались между садами и домами по собственному произволу и возможности, въ величайшемъ безпорядкѣ. Кой гдѣ была раскинута палатка, не было ни цѣпи, ни карауловъ».

Понятно, что при такомъ положеніи генеральнаго штаба нельзя было ожидать и распорядительности въ трудное время, когда корпусъ Римскаго-Курсакова былъ покинутъ одинъ, противъ превосходныхъ силъ непріятеля, въ Швейцаріи. Цюрихская катастрофа вполнѣ показала всю нераспорядительность корпуснаго штаба. Не говоря уже о томъ, что самое расположеніе на р. Лиматъ было крайне ошибочно, генеральный штабъ Римскаго-Корсакова, можно упрекнуть и въ томъ, что находясь въ виду непріятеля, онъ ничего не зналъ объ его силахъ и предположеніяхъ, а во время самаго боя не заявилъ себя никакими распоряженіями относительно отступленія войскъ, очистки Цюриха отъ обозовъ. Хотя конечно главная отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ на главнокомандующаго, но никакъ нельзя выгородить изъ нея и ближайшихъ его помощниковъ, офицеровъ квартирмейстерской части.

О мѣрѣ участія этихъ офицеровъ въ Цюрихскомъ сраженіи, положительно неимѣется ни какихъ свѣдѣній; извѣстно только, что никто изъ нихъ не получилъ за всю кампанію никакихъ наградъ и что въ этомъ же сраженіи, поручикъ Марино пропалъ безъ вѣсти, почему и исключенъ былъ изъ списковъ въ числѣ убитыхъ; но съ окончаніемъ войны онъ оказался въ числѣ плѣнныхъ и при общемъ размѣнѣ, возвра-

тился въ Россію въ началѣ 1801 года и тогда-же снова зачисленъ въ Свиту по квартирмейстерской части.

Независимо отъ войскъ посланныхъ въ 1799 году, на помощь Австріи, въ Италію и Швейцарію, снаряженъ былъ въ томъ-же году еще и особый экспедиціонный корпусъ, посланный для дѣйствій вмѣстѣ съ англійскими войсками въ Голландіи. Корпусъ этотъ численностію въ 17,000 чел., распредѣленныхъ на двѣ дивизіи, былъ порученъ генералъ-квартирмейстеру Герману, который, какъ выше сказано, пользовался полнымъ расположеніемъ Императора Павла и считался за весьма способнаго и основательнаго военачальника. Увѣренность въ немъ Государя была столь велика, что одно время, отправляя Суворова въ Италію, Императоръ Павелъ поручалъ Герману наблюдать за дѣйствіями стараго фельдмаршала, чтобы въ случаѣ нужды «умѣрять порывы пылкаго его воображенія (36).

Но посылка Германа въ Италію не состоялась, такъ какъ онъ былъ назначенъ командующимъ русскимъ корпусомъ, долженствовавшимъ вмѣстѣ съ 30,000 англійскихъ войскъ, подъ общимъ начальствомъ герцога Іоркскаго, высадиться въ Голландіи.

Посаженные на суда въ Ревелѣ, русскія войска, послѣ долгаго плаванія, высаживались частями въ странѣ совершенно имъ неизвѣстной и гдѣ ихъ ожидали всякаго рода невзгоды. При Германѣ находилось всего четыре офицера квартирмейстерской части: маіоры Струковъ и Ренни, капитанъ Ѳеодоръ Эйхенъ 2-й, и прапорщикъ Гіортъ, изъ нихъ первый исправлялъ при командующемъ корпусомъ должность бригадъ-маіора. Русскій штабъ не имѣлъ впрочемъ никакой самостоятельности, такъ какъ всѣ приказанія онъ получалъ изъ англійской главной квартиры. На дѣлѣ оказалось, что и получаемыхъ диспозицій онъ строго не держался.

Имѣя приказаніе на 8 Сентября тронуться съ сборныхъ пунктовъ для атаки непріятеля на разсвѣтѣ, русскія войска, подъ начальствомъ самаго Германа, двумя часами раньше начала наступленія, въ темнотѣ бросились впередъ, почти на угадъ, безъ проводниковъ, безъ офицеровъ генеральнаго

штаба. Хотя начало этого движенія и сопровождалось успѣхомъ, но рядомъ съ нимъ проявился сильнѣйшій безпорядокъ: баталіоны и линіи перемѣшались въ одну нестройную толпу, которая стремясь все впередъ заняла городокъ Бергенъ, гдѣ и наткнулась на превосходныя въ числѣ французскія войска. Англичане оставались далеко назади, а между тѣмъ непріятель перешелъ въ рѣшительное наступленіе, котораго не могли уже остановить никакія распоряженія. Въ общемъ разстройствѣ, когда войска наши и непріятельскія перемѣшались, самъ Германъ, одинъ изъ начальниковъ дивизіи (генералъ Жеребцовъ), маіоръ Струковъ и большое число офицеровъ,—остались въ рукахъ французовъ. Только благодаря тому, что непріятель не могъ преслѣдовать по узкимъ плотинамъ, удалось спастись остальнымъ русскимъ войскамъ, надъ которыми принялъ главное начальство генералъ Эссенъ ([37]).

Хотя послѣ того экспедиціонный корпусъ и имѣлъ несколько дѣлъ, въ которыхъ русскія войска дѣйствовали съ полнымъ отличіемъ, но окончательный исходъ экспедиціи былъ неудаченъ: вслѣдствіе особой конвенціи, союзные войска очистили Голландію и отвезены въ Англію, откуда русскій корпусъ вернулся на родину только въ 1800 году.

Германъ, хотя былъ произведенъ 24-го Сентября, прежде чѣмъ вѣсть объ его пораженіи достигла до Петербурга, въ генералъ отъ инфантеріи, былъ исключенъ Императоромъ Павломъ изъ службы ([38]); таже участь постигла и маіора Струкова. По возвращеніи въ Россію, оба снова приняты на службу и Струковъ произведенъ даже въ подполковники, съ возвращеніемъ ему прежняго старшинства. Германъ же не получалъ уже никакого назначенія до самой смерти, послѣдовавшей въ первыхъ годахъ царствованія Императора Александра I.

Судьба Германа имѣла свою долю поучительности для его современниковъ; она показала, что опрометчивость и самонадѣянная отвага вѣнчающіяся блистательными успѣхами противъ турокъ, могутъ быть крайне опасны въ войнѣ съ европейскими, хорошо устроенными войсками.

Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода, жизнь и занятія Свиты Его Величества по квартирмейстерской части опять подверглись новымъ измѣненіямъ, которыя вполнѣ разрушили это вѣдомство, уничтоживъ отдѣльность его существованія.

23-го Марта 1800 года Высочайше повелѣно, чинамъ Свиты носить мундиры тѣхъ полковъ и командъ, откуда кто поступилъ, а тѣмъ, коихъ полки или команды упразднены, то служившимъ въ кавалеріи общій кавалерійскій, а въ пѣхотѣ—общій армейскій мундиръ. Какъ бы въ дополненіе къ тому вскорѣ послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе (20-го Апрѣля 1800 года), по которому чины Свиты должны были впредь именоваться по роду службы, то есть, кто числился въ кавалеріи, то кавалерійскими, а кто въ пѣхотѣ, то пѣхотными чинами. Тогда же повелѣно было всѣхъ состоящихъ на лицо колоновожатыхъ, въ числѣ 20 человѣкъ, переименовать въ кондукторы Инженернаго корпуса ([39]).

Не имѣя во главѣ своей генералъ-квартирмейстера, лишенное особаго мундира и своей линіи чинопроизводства, потерявъ чиновъ, которые бы могли идти на его укомплектованіе, безъ всякаго опредѣленнаго штата и положенія, квартирмейстерское вѣдомство къ концу царствованія Императора Павла находилось въ болѣе разстроенномъ положеніи, чѣмъ генеральный штабъ конца Екатерининскаго времени. Это просто было собраніе небольшаго числа хорошихъ чертежниковъ, занимаемыхъ по временамъ разными работами по указанію лично самаго Императора, или же изъ Собственнаго Его Величества Депо картъ.

Такъ капитанъ Толь, произведенный 30-го Апрѣля 1800 года въ маіоры, былъ занимаемъ вслѣдствіе своего хорошаго почерка переписываніемъ бумагъ для Императора; ему же вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами поручено было составить для Императора большую модель Петербурга ([40]).

Около того же времени (лѣтомъ 1800 года) чинами квартирмейстерской части произведена съемка приморской части С.-Петербургской губерніи, отъ Стрѣльны до устья р. Невы;

на эту съемку было назначено 24 офицера подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ Мухина и Булатова и, надо полагать, что работы были исполнены удовлетворительно, такъ какъ оба эти генерала удостоились получить за нее командорскіе кресты Мальтійскаго ордена ([41]).

Занятые исключительно чертежными работами при Депо картъ, квартирмейстерскіе офицеры въ послѣдніе годы царствованія Императора Павла вовсе не назначались къ войскамъ; по крайней мѣрѣ о томъ не имѣется никакихъ указаній. Въ такомъ то безотрадномъ положеніи квартирмейстерское вѣдомство встрѣтило восшествіе на престолъ Императора Александра I, которому суждено было вызвать къ новой жизни это Петровско-Екатерининское учрежденіе.

ГЛАВА VII.

1801—1810.

Генералъ-квартирмейстеръ П. К. фонъ-Сухтеленъ 1-й. Мѣры его для комплектованія Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Положеніе колоновожатыхъ. Составъ и численность чиновъ квартирмейстерской части; ихъ занятія по геодезической и топографической части; маневры.—Участіе офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ войнахъ первыхъ годовъ царствованія Императора Александра. Первыя попытки къ назначенію чиновъ квартирмейстерской части на должности по дежурству.

Въ первые мѣсяцы царствованія Императора Александра I выказалось, что квартирмейстерскому вѣдомству готовится возрожденіе изъ того невыгоднаго положенія, въ какое оно было приведено въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія. Черезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ, 20-го Мая 1801 г., Императоръ Высочайше пожаловалъ Свитѣ по квартирмейстерской части блестящій мундиръ, съ особымъ золотымъ шитьемъ по черному бархату, рисунокъ котораго сохранился и до нынѣ на мундирѣ нашего генеральнаго штаба. Новый мундиръ былъ совершенно сходенъ съ прежнимъ по покрою: тоже темнозеленаго сукна съ красною стамедовою подкладкой, но съ черными бархатными обшлагами и воротникомъ, на которыхъ, кромѣ красной суконной выпушки, имѣлись вы-

шитыя битью и блестками золотыя петлицы; на фалдахъ мундира суконныя красныя полки, съ черною бархатною выпушкою; пуговицы въ два ряда, желтыя; аксельбантъ золотой; камзолъ, лосинные панталоны, большіе сапоги, оставлены по-прежнему; прежній бѣлый галстухъ замѣненъ чернымъ шелковымъ, да на шляпѣ отмѣненъ позументъ, оставленъ лишь черный бантъ, и шляпѣ приданъ султанъ изъ перьевъ (¹).

Измѣненіе обмундированія было лишь началомъ выдѣленія квартирмейстерскаго вѣдомста въ совершенно отдѣльное, самостоятельное учрежденіе. Наиболѣе важно было пріискать человѣка, который организовалъ бы это возрождающееся учрежденіе такимъ образомъ, чтобы оно дѣйствительно приносило ожидаемую отъ него пользу. Выборъ правительства въ этомъ случаѣ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ: онъ палъ на иностранца, который вызванъ былъ въ Россію еще Екатериною, какъ бы для замѣны Баура, для развитія и руководства его начинаній по инженерной части, именно: на Петра Корниловича фонъ-Сухтелена.

Родившись, въ 1759 году, въ Голландіи, фонъ-Сухтеленъ служилъ на родинѣ въ инженерахъ и принятъ былъ въ русскую службу инженеръ-подполковникомъ въ Іюлѣ 1783 г., въ самый годъ смерти Баура (²).

Неизвѣстно было ли такое совпаденіе случайностью, или же имѣлось въ виду, вслѣдствіе недостатка въ нашемъ инженерномъ корпусѣ того времени хорошихъ офицеровъ, замѣнить Баура свѣдущимъ и ученымъ инженеромъ, но, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтеніе Россіею фонъ-Сухтелена было дѣломъ замѣчательнымъ, особенно по тѣмъ важнымъ заслугамъ, которыя этотъ человѣкъ оказалъ своему новому отечеству.

П. К. Сухтеленъ принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени; онъ хорошо зналъ языки: греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, голландскій и русскій, имѣлъ обширныя познанія въ военныхъ и математическихъ наукахъ, въ нумизматикѣ и исторіи литературы, поддерживалъ постоянныя сношенія со многими учеными и съ извѣст-

ными библіографами Европы. У него былъ рѣдкій мюнцъ-кабинетъ (который онъ уступилъ Академіи Наукъ), отличное собраніе картинъ и библіотека, принадлежавшая къ числу наиболѣе значительныхъ частныхъ библіотекъ въ Россіи и состоявшая изъ дорогихъ и рѣдкихъ книгъ и рукописей.

Переселившись въ Россію, Сухтеленъ исполнялъ разныя порученія по инженерной части, участвовалъ въ Финляндской войнѣ противъ Швеціи, съ 1788 по 1790 годъ, и за оказанныя отличія произведенъ въ генералъ-маіоры, а послѣ войны на него возложенъ былъ осмотръ и исправленіе всѣхъ существовавшихъ на шведской границѣ укрѣпленій, составленіе проектовъ для новыхъ сооруженій въ этихъ мѣстностяхъ, а также и предсѣдательство въ особой коммисіи, которой было поручено приведеніе въ извѣстность всѣхъ имѣвшихся послѣ финляндской кампаніи плановъ, картъ и маршрутовъ. При этихъ занятіяхъ Сухтеленъ имѣлъ возможность познакомиться съ тогдашнимъ генеральнымъ штабомъ, съ его недостатками и нуждами. Награжденный за эти труды чиномъ генералъ-лейтенанта (въ 1797 году) и инженеръ-генерала (въ 1799 году), онъ, въ концѣ царствованія Императора Павла, сперва управлялъ инженернымъ департаментомъ въ Кіевѣ, а потомъ былъ назначенъ членомъ «департамента водяныхъ комуникацій»; въ 1800 году, когда Россія готовилась къ войнѣ съ Англіею, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ корпуса, долженствовавшаго охранять берега Бѣлаго моря, объѣхалъ все прибрежье и составилъ нѣсколько проектовъ для обороны значительнѣйшихъ пунктовъ. Вызванный въ 1801 году въ Петербургъ, Сухтеленъ назначенъ, 31-го Іюля этого года, генералъ-квартирмейстеромъ, и съ этого времени начинается новая его дѣятельность по устройству Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.

На сколько можно судить по результатамъ, дѣятельность П. К. Сухтелена въ должности генералъ-квартирмейстера, главнѣйшимъ образомъ была направлена къ тому, чтобы привлечь въ Свиту по квартирмейстерской части наиболѣе образованныхъ и способныхъ людей, и создать изъ нихъ хорошихъ съемщиковъ и картографовъ, въ которыхъ дѣй-

ствительно представлялась настоятельная надобность. Въ то время вовсе не сознавалась еще необходимость участія офицеровъ квартирмейстерской части въ занятіяхъ войскъ мирнаго времени, а между тѣмъ знакомство съ мѣстностью должно было составлять ихъ главную спеціальность; подготовить же ихъ къ тому возможно было лучше всего съемками мирнаго времени, которыя являлись тѣмъ болѣе цѣлесообразными, что давали обильный матеріалъ для зарождавшейся нашей картографіи.

Задавшись цѣлію сдѣлать изъ офицеровъ квартирмейстерской части съемщиковъ и картографовъ, Сухтеленъ, прежде всего, почелъ необходимымъ усилить личный составъ этого учрежденія, соотвѣтственно представлявшейся потребности, не стѣсняясь никакимъ ограниченнымъ штатомъ, а затѣмъ обезпечить надлежащее постоянное комплектованіе этого корпуса офицеровъ вполнѣ подготовленными молодыми людьми. Въ послѣднемъ особенно представлялась надобность, такъ какъ болѣе всего въ квартирмейстерской части не доставало младшихъ чиновъ, поручиковъ и подпоручиковъ, и въ случаѣ надобностей военнаго времени приходилось замѣщать ихъ офицерами изъ строевыхъ частей, вовсе не подготовленными къ спеціальности службы генеральнаго штаба.

Въ первые годы своего управленія квартирмейстерскою частью, Сухтеленъ пополнялъ ее, хотя въ незначительной степени, офицерами, прежде служившими въ генеральномъ штабѣ, а также служащими въ разныхъ другихъ вѣдомствахъ; сдѣлалъ было попытку, въ 1802 году, выбирать въ квартирмейстерскую часть офицеровъ прямо изъ числа подпоручиковъ, выпускаемыхъ изъ 1-го кадетскаго корпуса, что оказалось, однако, неудобнымъ по малой подготовкѣ этихъ офицеровъ; наконецъ, остановился на томъ, чтобы сдѣлать единственнымъ источникомъ комплектованія Свиты по квартирмейстерской части—колоновожатыхъ.

Пополняя ввѣренное его управленію вѣдомство офицерами со стороны, П. К. Сухтеленъ руководствовался тѣмъ, чтобы принимаемые въ Свиту обладали достаточными мате-

матическими познаніями для производства съемокъ, почему, по преимуществу, останавливался въ своемъ выборѣ на инженерныхъ офицерахъ, какъ русскаго, такъ и иностраннаго происхожденія; послѣднимъ особенно было даваемо преимущество. Многіе иностранцы, эмигрировавшіе изъ западной Европы, были приняты въ это время въ Свиту по квартирмейстерской части, такъ что между современниками сложилось даже оригинальное понятіе, что одно незнаніе русскаго языка считалось вполнѣ достаточнымъ мотивомъ для зачисленія всякаго иностранца въ Свиту; понятіе, конечно, не вѣрное, но не лишенное значенія въ общемъ перечнѣ всѣхъ причинъ, содѣйствовавшихъ замѣчавшейся тогда непопулярности генеральнаго штаба въ нашихъ войскахъ. Заключеніе это, въ особенности, должно было упрочиться во время Отечественной войны, когда, какъ увидимъ ниже, число иностранцевъ въ квартирмейстерской части увеличилось, а затѣмъ, мнѣніе, разъ упроченное въ войскахъ, передавалось уже послѣдующимъ поколѣніямъ, содѣйствуя закрѣпленію за генеральнымъ штабомъ положенія, какъ бы чуждаго нашей арміи.

Что касается до мѣръ Сухтелена относительно созданія въ учрежденіи колоновожатыхъ постояннаго источника, предназначаемаго для комплектованія Свиты по квартирмейстерской части, то по этому предмету ему удалось достигнуть достаточно удовлетворительныхъ результатовъ. Основная мысль его заключалась въ томъ, чтобы принимать на службу въ Свиту молодыхъ людей съ хорошимъ общимъ образованіемъ, давать имъ спеціальное образованіе, и затѣмъ повышать въ офицерскіе чины за успѣхи въ занятіяхъ ранѣе, чѣмъ они могли бы быть произведены гдѣ либо въ другомъ вѣдомствѣ. Большинство поступающихъ въ колоновожатые зачислялись на службу въ возрастѣ отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ, но были 15-ти, 13-ти и даже 12-ти лѣтніе, какъ напримѣръ, принятые въ 1804 году, Балкъ и двое братьевъ Фридрихсъ. Только въ 1809 году ([3]) повелѣно, чтобы въ колоновожатые не опредѣлять моложе 16-ти лѣтняго возраста.

Принимаемые на службу колоновожатые отчасти назначались на съемки, но преимущественно были собираемы въ Петербургѣ, при «депо» Свиты по квартирмейстерской части, гдѣ руководство ихъ запятіями было возложено на подполковника фонъ-Фицтума. Этотъ штабъ-офицеръ принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, и, что всего важнѣе, умѣлъ оказывать весьма полезное вліяніе на ввѣренную ему молодожь. Уроженецъ Саксоніи, Фицтумъ воспитывался въ Россіи, гдѣ и началъ службу въ 1786 году рядовымъ лейбъ-гвардіи въ Конномъ полку, изъ котораго, 1-го Января слѣдующаго 1787 года, былъ отставленъ съ чиномъ поручика; поступивъ вновь на службу осенью того же года въ 1-й кадетскій корпусъ, фонъ-Фицтумъ былъ зачисленъ, въ слѣдующемъ году, въ инженерный корпусъ подпоручикомъ, а затѣмъ дальнѣйшую службу проходилъ въ должности преподавателя фортификаціи и артиллеріи въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ корпусахъ чужестранныхъ единовѣрцевъ и въ морскомъ кадетскомъ. Изъ послѣдняго, въ Августѣ 1801 года, Фицтумъ зачисленъ маіоромъ въ Свиту по квартирмейстерской части, гдѣ и оставался постоянно при депо, занимаясь съ колоновожатыми (4).

Съ назначеніемъ Сухтелена генералъ-квартирмейстеромъ, управленіе квартирмейстерскою частію было помѣщено въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ самъ Сухтеленъ занималъ обширную квартиру въ бель-этажѣ, въ фасадѣ, обращенномъ на Фонтанку; въ нижнемъ этажѣ подъ нимъ помѣщался комендантъ замка, генералъ Дибичъ; это были, въ началѣ царствованія Императора Александра, единственные жильцы этого обширнаго зданія. Въ остальныхъ затѣмъ залахъ собирались ежедневно, съ девяти до двухъ часовъ по-полудни, всѣ колоновожатые для слушанія лекцій и занятій черченіемъ, а также и всѣ находившіеся въ Петербургѣ на лицо офицеры квартирмейстерской части. Доступъ къ Сухтелену и право пользованія его обширною библіотекою былъ открытъ для всѣхъ. Къ тому же Сухтеленъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ: ежедневно у него обѣдало двадцать, тридцать гостей, въ числѣ которыхъ бывали раз-

ныя знаменитости того времени и приглашаемые офицеры квартирмейстерской части; къ обѣду же, за общимъ столомъ, приглашался всегда и дежурный колоновожатый. Послѣ обѣда все общество переходило въ библіотеку, гдѣ велась оживленная и умная бесѣда, поддерживаемая радушнымъ хозяиномъ. На этихъ собраніяхъ, офицеры квартирмейстерской части болѣе научались, чѣмъ изъ книгъ; здѣсь они пріобрѣтали связи и знакомства для будущей службы; да и самъ Сухтеленъ узнавалъ здѣсь лучше своихъ подчиненныхъ, чѣмъ на службѣ (5).

Въ чемъ заключались собственно учебныя занятія колоновожатыхъ, положительно не имѣется никакихъ свѣдѣній, но извѣстно что маіоръ Фицтумъ преподавалъ колоновожатымъ геометрію, полевую фортификацію и черченіе плановъ; что, время отъ времени, періодически, изъ этихъ предметовъ производились колоновожатымъ испытанія въ присутствіи самого генералъ-квартирмейстера и, на основаніи этихъ испытаній, наиболѣе успѣвавшихъ производили въ офицеры, не стѣсняясь ни возрастомъ, ни сроками службы; такъ, поступившій въ колоновожатые, изъ подпрапорщиковъ Преображенскаго полка, Лютинскій, былъ произведенъ въ подпоручики Свиты, всего послѣ двухъ мѣсяцевъ службы колоновожатымъ; графъ Апраксинъ (Василій Ивановичъ), Павелъ Сухтеленъ (сынъ генералъ-квартирмейстера), Федоръ Шубертъ, были произведены въ офицеры Свиты, пробывъ лишь восемь мѣсяцевъ колоновожатыми и имѣя всего шестнадцать лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, большинство колоновожатыхъ было производимо въ офицеры послѣ двухъ лѣтъ занятій; мало успѣвавшихъ производили въ армію прапорщиками и даже выпускали унтеръ-офицерами (6).

Надо отдать полную справедливость П. К. Сухтелену, что онъ умѣлъ пріискивать способныхъ людей и давать имъ ходъ; имъ, такъ сказать, были привлечены къ службѣ въ генеральномъ штабѣ его собственный сынъ, Павелъ Сухтеленъ, Шубертъ, Гартингъ и много другихъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи извѣстными, лицъ; имъ же, изъ полной неизвѣстности, выведенъ былъ и Теннеръ, пріобрѣвшій впо-

слѣдствіи столь громкую извѣстность своими геодезическими трудами.

Отецъ Теннера былъ управляющимъ въ небольшомъ имѣніи Амферъ, близъ Нарвы, гдѣ у него, 22-го Іюля 1783 г., родился сынъ Карлъ. По недостаточности родителей, молодой Карлъ Теннеръ не могъ получить съ ранняго возраста полнаго образованія, пользовался лишь урывчатыми уроками, передаваемыми ему странствующими учителями и землемѣрами, бывшими на работахъ въ мѣстахъ его родины. Къ счастію, способности Теннера обратили на себя вниманіе богатаго и ученаго графа Готгарда Андрея Мантейфеля, который принялъ его въ свой домъ для совмѣстнаго обученія съ своими дѣтьми; здѣсь Теннеръ сталъ оказывать быстрые успѣхи въ латинскомъ языкѣ, въ математикѣ, въ рисованіи, такъ что когда ему было всего пятнадцать лѣтъ (въ 1798 году), графъ Мантейфель счелъ возможнымъ поручить ему составленіе карты для приготовляемаго имъ къ изданію на французскомъ языкѣ описанія путешествія по Сибири. Для подготовки матеріаловъ къ этой работѣ, Мантейфель взялъ Теннера въ Петербургъ, гдѣ онъ и привлекъ на себя вниманіе П. К. Сухтелена; послѣдній не замедлилъ зачислить его на службу въ колоновожатые, но, не ограничиваясь этимъ, принялъ его къ себѣ въ домъ и доставлялъ ему всѣ средства къ усовершенствованію его образованія. Подъ руководствомъ такого покровителя, сблизившись дружбою съ молодымъ Павломъ Сухтеленомъ и его двоюроднымъ братомъ Гартингомъ, Карлъ Ивановичъ Теннеръ пріобрѣлъ прочное и обширное образованіе, сдѣлавшее его впослѣдствіи отличнымъ боевымъ офицеромъ генеральнаго штаба и европейскимъ ученымъ ([7]).

Своею неутомимою дѣятельностію по укомплектованію Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, генералу Сухтелену удалось подготовить значительное число свѣдущихъ людей для геодезическихъ и топографическихъ работъ и, въ тоже время, достичь того, что къ началу первыхъ столкновеній Россіи съ императорскою Франціею, наша армія была обезпечена достаточно многочисленнымъ корпусомъ офицеровъ квартирмейстерской части.

Къ началу 1804 года корпусъ этотъ заключалъ въ себѣ:

Генераловъ			5
Полковниковъ	9	штабъ офицеровъ	39
Подполковниковъ	10		
Маіоровъ	20		
Капитановъ	17	оберъ-офицеровъ	62
Поручиковъ	16		
Подпоручиковъ	29		
Колоновожатыхъ			45

Въ послѣдующіе года число колоновожатыхъ возрасло до 60, и можно предполагать, что число это, установленное еще штатами 1772 года, было принято Сухтеленомъ за нормальное, выше котораго число колоновожатыхъ не увеличивалось. Что же касается до прочихъ чиновъ Свиты, то число ихъ не было опредѣлено никакимъ штатомъ и измѣнялось, сообразно съ обстоятельствами; однако, при этихъ измѣненіяхъ, постоянно поддерживалось преобладаніе численности оберъ-офицерскихъ чиновъ надъ штабъ-офицерскими, что объясняется понятнымъ желаніемъ имѣть болѣе рабочихъ рукъ на всякаго рода топографическія работы.

Повышеніе въ чины дѣлалось за отличіе, по линіи, но безъ всякихъ опредѣленныхъ на этотъ предметъ правилъ. Градація чиновъ оставалась прежняя, т. е. безъ чина штабсъ-капитана, который, съ царствованія Императора Павла, введенъ былъ во всѣхъ войскахъ. Неимѣніе въ Свитѣ по квартирмейстерской части этого чина, а также и то, что колоновожатые производились прямо въ подпоручики, составляло самое существенное преимущество службы въ квартирмейстерской части; преимущество это особенно привлекало въ Свиту по квартирмейстерской части честолюбивую и знатную молодежь, для которой эта служба, до капитанскаго чина, представляла даже большія выгоды, чѣмъ служба въ гвардіи; этимъ объясняется, что многіе начинали службу въ колоновожатыхъ, а дослужившись по квартирмейстерской части до поручика или капитана, переходили за отличіе въ гвардію. Эти разсчеты, вѣроятно и побудили отмѣнить, въ 1811 году, сказанное преимущество, приравнявъ, какъ о томъ бу-

детъ сказано ниже, квартирмейстерскіе чины къ артиллерійскимъ.

Вглядываясь въ составъ корпуса офицеровъ по квартирмейстерской части въ 1803 году ([8]), нельзя не обратить вниманія на разнохарактерность этого состава, которую можно, однако, подвести подъ слѣдующія главныя категоріи: офицеры бывшаго екатерининскаго генеральнаго штаба, принятые въ Свиту въ царствованіе Императора Павла, иностранцы и молодые питомцы Сухтелена, будущая надежда квартирмейстерской части.

Къ числу первыхъ двухъ категорій относились почти исключительно всѣ генералы и штабъ-офицеры, причемъ отъ прошлаго царствованія оставалось всего только 15 штабъ-офицеровъ, преимущественно въ маіорскихъ и полковничьихъ чинахъ; высшіе же чины исключительно были заняты людьми, начавшими службу при Екатеринѣ, воспитанными въ военномъ отношеніи на войнахъ турецкихъ; немногіе изъ нихъ принимали участіе въ Италіянскомъ походѣ 1799 года, гдѣ впервые пришлось ознакомиться русскимъ войскамъ съ новымъ образомъ веденія войны; нѣкоторые же изъ этихъ чиновъ провели все царствованіе Императора Павла въ отставкѣ; а между тѣмъ, всѣ они были еще въ полной силѣ здоровья и свѣжести силъ: старшему изъ генераловъ—Герарду 1-му было 50 лѣтъ, старшему изъ полковниковъ—Бергу (Бурхарду) было 45 лѣтъ; возрастъ подполковниковъ былъ относительно наиболѣе старый; въ маіорскомъ чинѣ было нѣсколько лицъ моложе 30-ти лѣтъ, но большинство отъ 35 до 42 лѣтъ. Обстоятельство это не лишено значенія въ виду безпрерывныхъ войнъ, наполнявшихъ все десятилѣтіе, съ 1805 по 1815 годъ, въ теченіе которыхъ обнаружилась несостоятельность прежнихъ екатерининскихъ служакъ генеральнаго штаба, что и привело къ необходимости, не стѣсняясь въ старшинствѣ чиновъ, назначать по квартирмейстерской части нерѣдко младшихъ въ чинѣ на высшія мѣста, помимо старшихъ чиновъ.

Что касается оберъ-офицеровъ, то между ними хотя и было нѣсколько человѣкъ, начавшихъ службу въ прошломъ

столѣтіи, но таковые составляли меньшинство, которое исчезало передъ наплывомъ молодаго поколѣнія, отличавшагося прекрасною солидною подготовкой, если не въ военномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ общеобразовательномъ отношеніи; между ними были люди высокообразованные, но имъ не доставало знакомства съ войсками и боеваго опыта; всѣ занятія ихъ во время мира имѣли нѣсколько односторонній характеръ, что проистекало, главнѣйшимъ образомъ, отъ того направленія, какое дано было чинамъ квартирмейстерской части генераломъ Сухтеленомъ.

Генералу П. К. Сухтелену принадлежитъ честь быть первымъ основателемъ у насъ правильныхъ съемокъ. Оцѣнивъ важное государственное значеніе съемокъ и хорошо понимая, что онѣ могутъ принести надлежащую пользу только въ томъ случаѣ, если будутъ производиться правильно и въ систематическомъ порядкѣ, онъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы придать имъ такой характеръ.

Вскорѣ послѣ назначенія генералъ-квартирмейстеромъ, Сухтелену поручено было главное управленіе и Собственнымъ Его Величества депо картъ, а въ Октябрѣ 1802 года, онъ былъ назначенъ инспекторомъ всего инженернаго вѣдомства. Такое соединеніе въ рукахъ одного лица трехъ учрежденій, занимавшихся до того съемочными и картографическими работами, очевидно, должно было имѣть первостепенную важность для успѣха этихъ работъ. Дѣйствительно, съ первыхъ же годовъ текущаго столѣтія, работы эти принимаютъ замѣтно успѣшное развитіе, хотя онѣ временно и были прерываемы войнами, но за то съ новою энергіей возобновлялись каждый разъ, какъ только обстоятельства тому благопріятствовали. Только въ 1811 г., въ виду готовившейся борьбы съ Наполеономъ, прекращены были вовсе большія, такъ называемыя государственныя съемки и вновь возобновлены на другихъ основаніяхъ послѣ окончанія этой борьбы.

Къ началу текущаго столѣтія депо картъ успѣло подготовить уже нѣсколько большихъ и по тому времени очень хорошихъ картъ; оно же предприняло и обширную работу составленія такъ называемой столистовой карты, на ско-

рѣйшее окончаніе которой обращено было полное вниманіе генерала Сухтелена. Составленіе этой карты было окончено въ 1805 году (9), за что тогда же всѣмъ служащимъ въ депо картъ даны на воротники петлицы, оставленныя впослѣдствіи всему инженерному вѣдомству.

При самомъ составленіи этой карты, Сухтеленъ встрѣтилъ весьма важные недостатки въ ней, вслѣдствіе малаго числа вѣрно-опредѣленныхъ пунктовъ, а также, вслѣдствіе недостаточности матеріаловъ для ея составленія. Отсюда проистекаетъ стремленіе его къ распространенію астрономическихъ познаній, какъ между офицерами квартирмейстерской части, такъ и между чинами, служившими въ депо картъ, а также и усиленіе съемочныхъ работъ.

Въ первомъ отношеніи, чрезвычайно дѣятельнымъ и полезнымъ пособникомъ Сухтелена является академикъ Федоръ Ивановичъ Шубертъ (10).

На него Сухтеленъ возложилъ подготовку офицеровъ квартирмейстерской части къ геодезическимъ работамъ. Для этого, съ 1802 года назначаемы были офицеры обучаться астрономіи у академика Шуберта, и съ 1802 по 1805 г. перебывали въ этомъ курсѣ: полковникъ Довре, маіоръ Фридерици, капитанъ Нейдгартъ 2-й, поручики: Теслевъ 1-й и 2-й, подпоручики: Теннеръ, Ивановъ, Гартингъ. Независимо отъ этихъ лицъ, астрономъ Шубертъ подготовилъ въ своемъ сынѣ отличнаго математика и геодезиста. Молодой Шубертъ (Федоръ Федоровичъ), служившій потомъ съ отличіемъ въ генеральномъ штабѣ, получилъ прочное домашнее образованіе, основанное исключительно на изученіи языковъ и математики. На одиннадцатомъ году жизни (въ 1800 году), онъ отданъ былъ въ школу св. Петра, но бойкость его и пылкая воспріимчивость плохо уживались со школьнымъ педантствомъ, тѣмъ болѣе, что по своимъ познаніямъ и особенно по развитію онъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы своихъ сотоварищей. Вслѣдствіе того, отецъ предпочелъ взять его, въ 1803 году, изъ четвертаго класа школы и опредѣлить на службу въ колоновожатые; жизнь, собственные труды и частыя командировки докончили затѣмъ его образованіе.

Въ командировкахъ же и въ служебныхъ занятіяхъ не было недостатка; въ зиму 1803—1804 г., колоновожатый Шубертъ посланъ былъ съ поручикомъ Теслевымъ 2-мъ въ Полоцкъ, для наблюденія тамъ солнечнаго затмѣнія и опредѣленія долготы и широты Полоцка. Это была первая астрономическая экспедиція предпринятая по новой методѣ, предложенной астрономомъ Шубертомъ (11). За эту экспедицію молодой Шубертъ произведенъ въ подпоручики Свиты по квартирмейстерской части, на 15-мъ году отъ роду, и вслѣдъ затѣмъ, опять командированъ съ тѣмъ же Теслевымъ для опредѣленія астрономическаго положенія пунктовъ на восточномъ и южномъ берегахъ Бѣлаго моря, Онежскаго и Ладожскаго озеръ, въ мѣстностяхъ, вовсе неизвѣстныхъ до того времени Это были первыя пріобрѣтенія, сдѣланныя Ф. Ф. Шубертомъ для географіи Россіи и служившія къ пополненію столистовой карты, такъ какъ при этомъ опредѣлены долготы и широты городовъ: Сердоболя, Онеги, Архангельска, Вытегры, Кеми и монастырей: Сердобольскаго и Никольскаго. Въ послѣдующіе затѣмъ три года, еще нѣсколько офицеровъ (Теслевъ 1-й, 2-й и 3-й, Шубертъ, колоновожатый Вейраухъ) сдѣлали опредѣленія пунктовъ по берегамъ Финскаго и Рижскаго заливовъ; тогда же состоялась обильная своими результатами астрономическая экспедиція, сопровождавшая посольство Головкина въ Китай. На этой экспедиціи, служащей какъ бы практическимъ продолженіемъ астрономическихъ чтеній Ф. И. Шуберта, мы и остановимся.

Подготовку всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ для ученой экспедиціи, долженствовавшей сопровождать посольство Головкина, Сухтеленъ возложилъ на подпоручика Теннера, знакомаго уже съ Азіятскою Россіею по своимъ занятіямъ съ графомъ Мантейфелемъ; въ помощь ему былъ приданъ колоновожатый Шильдеръ (12). За отличное исполненіе этого порученія, Теннеръ былъ назначенъ также въ посольство.

Собственно астрономическая часть посольства состояла въ вѣдѣніи професора Ф. И. Шуберта, изъ слѣдующихъ офицеровъ квартирмейстерской части: полковника Довре, капитана Теслева 1-го, поручиковъ: Иванова и Богдановича, под-

поручиковъ: Теннера и Шуберта, и колоновожатаго Мошинскаго.

Выѣхавъ, весною 1805 г., изъ Петербурга, посольство достигло Кяхты въ Октябрѣ мѣсяцѣ, сдѣлавъ всего 6,228 вер. Занятія квартирмейстерскихъ офицеровъ начались только отъ Перми, и заключались въ томъ, что астрономъ Шубертъ и капитанъ Теслевъ опредѣляли широты и долготы всѣхъ попутныхъ городовъ, подпоручикъ Шубертъ велъ астрономическій дневникъ, а остальные офицеры сняли глазомѣрно весь путь отъ Перми до Кяхты, въ масштабѣ двухъ верстъ въ дюймѣ, употребляя для того ручной планшетъ, безъ штатива съ бусолью. Всего на этомъ пути было опредѣлено 10 астрономическихъ пунктовъ. Затѣмъ, при возвращеніи посольства изъ Китая, Теслеву, Иванову, Богдановичу и Теннеру было поручено снять глазомѣрно Нерчинскій округъ и всю китайскую границу, на востокъ до Амура, а на западъ до Омска. При этомъ пройдено маршрутами до 6,022 вер., сняты планы многихъ городовъ и горныхъ заводовъ, а капитанъ Теслевъ опредѣлилъ положеніе еще десяти пунктовъ въ Забайкальѣ.

Вся эта работа, продолжавшаяся два года (до Января 1807 г.), дала обильный матеріалъ для знакомства съ южной частью Сибири.

Такимъ образомъ, астрономическія занятія офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, доставили матеріалъ для нашей картографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и подготовили опытныхъ геодезистовъ для послѣдующихъ работъ, установившихся у насъ по окончаніи войнъ съ Наполеономъ.

Что же касается до съемокъ, то во время вступленія Сухтелена въ должность генералъ-квартирмейстера производилась, начатая, еще въ 1796 году, съемка Старой Финляндіи, т. е нынѣшней Выборгской губерніи. Съемка эта кончена въ 1804 году; произведена она исключительно трудами офицеровъ квартирмейстерской части, подъ руководствомъ полковника Штейнгеля, произведеннаго въ генералъ-маіоры въ 1798 году. Всего было снято 36,000 квадрат-

ныхъ верстъ, большею частію мензулою, въ одноверстномъ масштабѣ; горы оттушеваны кистью. На этой съемкѣ почти исключительно участвовали офицеры екатерининскаго генеральнаго штаба ([13]), и работы ихъ отличаются точностью и особо тщательною отдѣлкою.

По примѣру этой съемки, Сухтеленомъ предпринятъ рядъ другихъ подобныхъ работъ, подъ общимъ названіемъ топографическихъ съемокъ, которыя, однако, производились безъ заранѣе опредѣленныхъ тригометрическихъ пунктовъ. Всего въ періодъ съ 1802 по 1810 годъ, произведены слѣдующія съемки:

	Квадр. верстъ.
Эстляндіи съ прилежащими островами, съ 1802 по 1804 годъ	15,900
Волынской губерніи, съ 1802 по 1806 годъ .	40,000
Подоліи съ Очаковскою степью, съ 1803 по 1810 г.	59,900
Частей губерній Петербургской, Новгородской и Олонецкой, съ 1805 по 1810 годъ	36,400
Лифляндіи, съ 1806 по 1811 годъ . . .	40,000
Итого . . .	192,200

Независимо отъ того, въ концѣ 1801 года командированы на Кавказскую линію, для изслѣдованія Кавказскихъ горъ, полковникъ Дренякинъ и подпоручикъ Розье; а въ 1803 г., по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, отправлено еще десять офицеровъ квартирмейстерской части для составленія карты Грузіи, причемъ на нихъ было возложено и камеральное описаніе края. Послѣ же Абоскаго мира, въ 1809 году, приступлено къ обширной съемкѣ вновь пріобрѣтенной Финляндіи.

На всѣ эти работы, разновременно, по представленіямъ Сухтелена, выдано до 172,000 рублей, причемъ отпускъ суммъ на съемки постоянно возрасталъ; такъ, на 1802 г. асигновано только 2,267 руб. 40 коп., но съ 1805 г. отпускъ этотъ ежегодно простирался уже до $4^1/_2$, а съ 1808 г. до 38,000.

Рабочими и руководителями на этихъ съемкахъ исключительно были офицеры квартирмейстерской части, встрѣчавшіе однако въ своихъ занятіяхъ громадныя затрудненія. Всего, въ теченіи разсматриваемаго десятилѣтняго періода, перебывало на означенныхъ съемкахъ до 450 съемщиковъ, но въ отдѣльные годы число ихъ не превышало 65. Какъ начальствующія лица, такъ и производители съемокъ безпрерывно мѣнялись, будучи отвлекаемы другими занятіями, особенно послѣ 1805 года, когда войны, въ которыхъ участвовала Россія, почти не прерывались. Не считая съемки Старой Финляндіи, которая вся была произведена, подъ руководствомъ Штейнгеля, изъ остальныхъ только одна лифляндская съемка была начата и кончена подъ вѣдѣніемъ одного и того же лица, полковника Гарпе, которому принадлежитъ и честь окончанія съемки Эстляндіи; всѣ же прочіе руководители отдѣльныхъ съемокъ безпрерывно мѣнялись.

Такъ, волынская съемка начата генераломъ Вистицкимъ 2-мъ (Михаиломъ), а кончена генераломъ Мухинымъ; подольскою завѣдывали, поочередно, полковникъ Хоментовскій и баронъ Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ, а кончилъ ее также Мухинъ. На петербургской съемкѣ было, послѣдовательно, также три начальника, генералы: Штейнгель и Медеръ и полковникъ Штегеманъ. На съемкѣ Грузіи, начальники мѣнялись пять разъ; ею завѣдывали попеременно: полковники Дренякинъ и Тихановъ, маіоръ Матушевичъ, потомъ опять Дренякинъ, и наконецъ генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулучи, при которомъ Дренякинъ былъ простымъ съемщикомъ. На съемкѣ Новой Финляндіи, разными отдѣлами ея, поперемѣнно завѣдывали до 1811 г. слѣдующія лица: генералъ-маіоры Бергъ и Адеркасъ, полковники Штегеманъ, Фридерици и баронъ Тейль, маіоры: Эбергардъ и Нейдгартъ.

Производители работъ тоже долго не засиживались на мѣстахъ; ни одинъ изъ нихъ не пробылъ цѣлаго десятилѣтія; наибольшая часть оставалась на съемкахъ годъ и менѣе, и только двое пробыли по восьми лѣтъ; то были: подпоручикъ Розье, находившійся съ 1803 года на съемкѣ Грузіи и дослужившійся тамъ до чина капитана, и колоно-

вожатый Геннеманъ, поступившій въ 1803 году на Волынскую съемку и выбывшій въ 1810 г. съ Подольской, въ чинѣ капитана.

При недостаточности числа съемщиковъ, при ихъ постоянныхъ перемѣщеніяхъ, работы должны были еще не мало страдать отъ недостатка инструментовъ и прислуги. Болѣе другихъ были снабжены ими Петербургская и Финляндская съемки, но на остальныхъ существовала полнѣйшая бѣдность инструментами; астролябія была наиболѣе употребительнымъ инструментомъ, но и она имѣлась не вездѣ въ достаточномъ по числу съемщиковъ количествѣ экземпляровъ; мензулы были въ самомъ ограниченномъ числѣ, а на нѣкоторыхъ съемкахъ ихъ вовсе не было. Для примѣра можно указать, что на близкой къ столицѣ Лифляндской съемкѣ, въ 1805 году, при 15 съемщикахъ было: астролябій восемь, мензулъ двѣ, цѣпей 10, готоваленъ двѣ и магнитъ одинъ; послѣ того неудивительно, что въ отдаленной Грузіи было всего на съемкѣ въ 1803 году, при 14 съемщикахъ: двѣ астролябіи, одна мензула, одна бусоль, одна готовальня и пять цѣпей. Нижними чинами для прислуги также не щедро снабжались тогдашніе съемщики: рѣдко бывало по два человѣка на съемщика, чаще же менѣе, чѣмъ по одному рядовому на каждаго съемщика; бывали годы, на съемкѣ въ Грузіи, когда вовсе не назначалось нижнихъ чиновъ.

При такомъ положеніи съемочныхъ работъ, нельзя не удивляться тому, что было сдѣлано, такъ какъ все-таки исполнено очень многое и, не смотря на многія неточности въ работахъ, нельзя не признать, что нѣкоторыя съемки, принимая во вниманіе тогдашнее состояніе этого дѣла и у насъ, и въ западной Европѣ, произведены вполнѣ удовлетворительно. Съемки эти дали обильный матеріалъ для, такъ называемой, Столистовой карты, которая была у насъ въ употребленіи почти до сороковыхъ годовъ, а что еще важнѣе, эти съемки послужили практическою школою, въ которой выработался правильный взглядъ на этого рода занятія, образовались руководители обширныхъ топографическихъ работъ, предпринятыхъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, послѣ возвращенія нашихъ войскъ изъ Франціи.

Независимо отъ большихъ, такъ называемыхъ государственныхъ съемокъ, производились въ разсматриваемомъ нами періодѣ и многія другія, по иниціативѣ отдѣльныхъ учрежденій, безъ внутренней между собою связи и назначаемыя къ удовлетворенію потребностей минуты.

Такъ, многіе офицеры были командируемы по временамъ для съемки мѣстъ, гдѣ производились сборы войскъ, а именно: въ окрестностяхъ Москвы, Харькова, Ольвіополя, Чернигова; въ окрестностяхъ Петергофа и Ораніенбаума дѣлались съемки для маневровъ; были, наконецъ, снимаемы маршруты при разныхъ командировкахъ. Изъ числа этого рода работъ, кромѣ съемокъ, произведенныхъ экспедиціей, сопровождавшей посольство графа Головкина въ Китай, можно указать еще на слѣдующія:

1) Съемка Киргизъ-кайсацкихъ степей, произведенная въ 1803 и 1804 г. командированнымъ по особому порученію поручикомъ Гавердовскимъ, въ сопровожденіи колоповожатыхъ Богдановича и Иванова; имѣя всего конвой изъ 27 казаковъ, съемщики эти не дошли перехода на два до Сыръ-дарьи, и не смотря на то, что имъ приходилось отбиваться отъ многочисленныхъ партій кочевниковъ, они, тѣмъ не менѣе, изслѣдовали значительное пространство степи. Представленное Гавердовскимъ описаніе степи, съ картою въ масштабѣ $\frac{1}{1,340,000}$ и съ пятнадцатью видами, предполагалось было издать въ 1811 году, но предпріятіе это было остановлено ходомъ политическихъ событій.

2) Съемка Петербургской губерніи, произведенная въ 1800—1802 году подполковникомъ Хоментовскимъ и полковникомъ Адеркасомъ.

3) Въ 1809 году, первый опытъ тригонометрической съемки города Петербурга, въ которой участвовали поручикъ Теннеръ, подпоручикъ Дистъ и чиновникъ Панснеръ.

4) Въ концѣ же 1809 года, полковникъ Гаюсъ, находившійся въ Корфу, представилъ ситуаціонный планъ этого острова и планы крѣпостей Корфу, св. Мавра и Гаэты; работа эта была начата еще въ 1803 году полковникомъ квартирмейстерской же части Попандопуло.

5) Въ 1810 году, снята граница Тарнопольскаго округа съ Австріею.

6) Полковнику Буцковскому поручено было сдѣлать военно-топографическое описаніе Кавказской губерніи и линіи.

Весною 1809 года, семь офицеровъ квартирмейстерской части ([14]) командированы для осмотра военныхъ дорогъ въ нашемъ западномъ пограничномъ пространствѣ, причемъ на нихъ было возложено осмотрѣть дороги и особенно деревни, для ночлеговъ и растаговъ, и для назначенія сборныхъ мѣстъ при каждой станціи, въ раіонѣ 30 верстъ. Изъ предписанія военнаго министра, графа Аракчеева, относительно этой командировки видно ([15]), что назначеннымъ семи офицерамъ указано сдѣлать всего 25,328 верстъ, причемъ на разъѣзды имъ опредѣлено выдать полуторныя прогонныя деньги, всего въ размѣрѣ 2,600 руб. Командировка эта, очевидно имѣла связь съ составлявшеюся въ то время маршрутною картою, исполненіе которой возложено, въ 1806 году, на маіора Хатова и вызвано совершеннымъ недостаткомъ дорожныхъ картъ, проявившимся особенно ощутительно при движеніи нашихъ войскъ за границу въ 1805 году.

Такимъ образомъ, съемки и черченіе картъ и плановъ составляли преимущественныя и, можно сказать, почти исключительныя занятія офицеровъ квартирмейстерской части, въ особенности въ первые четыре года управленія генерала Сухтелена; къ войскамъ же они вовсе не были назначаемы, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ. Такъ, къ 1-му Іюля 1805 года, офицеры Свиты были распредѣлены по нижеслѣдующему ([16]):

	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Колоновожатыхъ.
При депо	3	18	19	36
На съемкахъ.	2	15	34	17
При Кавказской инспекціи и въ Грузіи	—	5	3	—
Въ Оренбургѣ	—	1	2	—
При посольствахъ въ Китай и Японію	—	2	5	1

	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Колоновожатыхъ.
Въ Корфу.	—	—	2	1
Въ разныхъ командировкахъ, внѣ прямой службы квартирмейстерской части .	—	3	1	5
Итого. . .	5	44	66	60

При депо офицеры занимались почти исключительно картографическими работами и только изрѣдка были командируемы въ мѣста, гдѣ предполагались сборы войскъ; но и при этихъ командировкахъ роль чиновъ квартирмейстерской части ограничивалась однѣми съемками; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы они принимали непосредственное участіе въ занятіяхъ войскъ. За это время, даже составленіе при войскахъ дислокаціи возлагалось непосредственно на самыя части войскъ, а отчетность въ ихъ квартирномъ расположеніи сосредоточивалась, не въ управленіи генералъ-квартирмейстера, а въ инспекторской экспедиціи военной коллегіи. Такъ, въ 1804 году предписывалось, чтобы командиры полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ доставляли въ эту экспедицію, къ 1-му Января и къ 1-му Іюля, подробныя вѣдомости о квартирномъ расположеніи, съ показаніемъ штабъ-квартиръ, а также селеній, въ которыхъ расположены роты и эскадроны, съ обозначеніемъ разстоянія этихъ пунктовъ отъ штабъ-квартиръ. Всѣ этого рода свѣдѣнія, только въ случаѣ надобности, передавались изъ инспекторской экспедиціи въ вѣдѣніе генералъ-квартирмейстера.

Объ участіи офицеровъ квартирмейстерской части въ маневрахъ, сохранилось только одно извѣстіе, именно относительно маневровъ, происходившихъ въ 1803 и 1804 годахъ, въ окрестностяхъ Петербурга ([17]).

Въ 1803 году, маневры эти происходили въ окрестностяхъ Краснаго Села, причемъ одною стороною командовалъ генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ, а другою—престарѣлый фельдмаршалъ графъ Каменскій, считавшійся въ то время прекраснымъ тактикомъ; у послѣдняго въ должности генералъ-квартирмейстера состоялъ молодой маіоръ

Толь, назначенный къ этому дѣлу, какъ человѣкъ боевой, участвовавшій въ кампаніи, знавшій войска, между тѣмъ какъ многіе старшіе офицеры отказывались отъ участія въ маневрахъ, отговариваясь прямо незнаніемъ этого дѣла.

Въ 1804 году маневры были повторены въ окрестностяхъ Петергофа, причемъ главнымъ руководителемъ ихъ назначенъ 29-ти лѣтній любимецъ Имератора Александра, генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, которому суждено было играть современемъ столь важную роль въ судьбѣ генеральнаго штаба. Помощникомъ себѣ въ новомъ для него дѣлѣ князь Волконскій избралъ маіора Толя; послѣдній пригласилъ къ участію въ маневрахъ двухъ капитановъ квартирмейстерской части, Хатова и Селявина. Это было первое знакомство князя Волконскаго съ этими офицерами, которые впослѣдствіи служили ему дѣятельными помощниками въ дѣлѣ преобразованія квартирмейстерской части.

По словамъ Бернгарди, князь Волконскій во всемъ полагался на Толя, предоставивъ ему полную свободу въ распоряженіяхъ относительно маневровъ и, какъ видно, распоряженія эти удостоились Высочайшаго одобренія Государя Императора, такъ какъ Толю за участіе его въ маневрахъ былъ пожалованъ бриліантовый перстень.

Полное разъединеніе въ мирное время офицеровъ квартирмейстеркой части съ войсками должно было неизбѣжно отразиться крайне неблагопріятно въ военное время. Война 1805 года не замедлила это выказать. При движеніи Кутузова съ 46,000-мъ корпусомъ на помощь Австріи, при немъ назначенъ былъ въ должность генералъ-квартирмейстера генералъ-маіоръ Герардъ, а въ его распоряженіе семь штабъ и оберъ-офицеровъ Свиты по квартирмейстерской части и три колоновожатыхъ ([18]). Почти всѣ назначенные въ этотъ корпусъ квартирмейстерскіе офицеры дѣлали уже кампанію 1799 года, хотя самъ начальникъ ихъ былъ болѣе извѣстенъ своими гидротехническими, чѣмъ боевыми заслугами. Начавъ службу еще при Баурѣ и будучи принятъ прямо подпоручикомъ въ генеральный штабъ (въ 1776 году) изъ

архитекторовъ адмиралтейской колегіи, Логинъ Ивановичъ Герардъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ Царскосельскаго парка, старорусскихъ государственныхъ соляныхъ заводовъ, мытищенскаго водопровода въ Москвѣ, наконецъ, въ постройкѣ рижской гавани, но до 1799 года вовсе не находился при войскахъ, съ которыми впервые познакомился въ Итальянско-швейцарскомъ походѣ Суворова, во время котораго онъ состоялъ при корпусѣ Ребиндера.

Человѣкъ, безспорно, высокообразованный, Герардъ далеко не былъ военнымъ. Впрочемъ, со вступленіемъ нашихъ войскъ въ Австрію, его значеніе должно было неизбѣжно изгладиться, такъ какъ къ Кутузову назначенъ былъ австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Шмитъ, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ въ Австріи, и облеченный неограниченною довѣренностію императора Франца. Къ сожалѣнію, служба Шмита при русскихъ войскахъ была непродолжительна, такъ какъ онъ палъ отъ непріятельскихъ пуль, ведя русскую колонну подъ Кремсомъ (30-го Октября). Его мѣсто занялъ ученый математикъ Вейротеръ, который былъ извѣстенъ уже русскимъ по кампаніи 1799 года, когда состоялъ при Суворовѣ. Послѣднее обстоятельство усиливало, конечно, его авторитетъ и возвысило его въ глазахъ Императора Александра, прибывшаго къ арміи вскорѣ послѣ дѣла при Кремсѣ. Это было тѣмъ опаснѣе, что Вейротеръ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ русско-австрійскихъ армій, соединенныхъ подъ начальствомъ Кутузова. Хотя при русскихъ войскахъ, собиравшихся у Ольмюца, кромѣ Герарда, находился еще квартирмейстерской части генералъ-маіоръ Штейнгель, и даже начальникъ этой части, Сухтеленъ, но предпочтеніе отдано было австрійскому генералъ-квартирмейстеру, отчасти вслѣдствіе надежды на знаніе имъ мѣстности и на его способности, а быть можетъ и для того, чтобы ввести австрійца въ составъ главной квартиры Кутузова, при которомъ первенствующую должность дежурнаго генерала занялъ генералъ-адъютантъ князь Волконскій, взявшій къ себѣ начальникомъ канцеляріи извѣстнаго уже ему квартирмейстерской части маіора Толя.

Слѣдуетъ припомнить, что кампанія 1805 года была первою войною, въ которой русскимъ войскамъ предстояло встрѣтиться съ военнымъ геніемъ Наполеона, и приходилось дѣйствовать въ большихъ массахъ, какихъ до тѣхъ поръ Россія никогда не выставляла ни на одномъ театрѣ войны. Наши штабы непривычны были къ управленію столь большими силами, каковыми представлялись союзныя войска, собранныя у Ольмюца (82,000 человѣкъ).

Управленіе этой массой тѣмъ болѣе было затруднительно, что она не распредѣлялась на корпуса и дивизіи, а смотря по надобности, дѣлилась или на колонны, или же для нея устанавливался особый «ordre de bataille», въ которомъ назначались: авангардъ, первая, вторая линія и резервъ. Австрійцы имѣли уже практику въ дѣлѣ управленія подобными массами, и ихъ генеральный штабъ какъ бы щеголялъ именно тѣмъ, чтобы систематически распредѣлять войска по разнымъ отдѣламъ арміи.

Въ противоположность тому основному принципу, что всѣ военныя операціи должны, прежде всего, отличаться простотою, офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, напротивъ считали главнымъ достоинствомъ военныхъ соображеній ихъ сложность: смѣшивать и разводить войска, подобно тому, какъ хорошій игрокъ тасуетъ карты и затѣмъ выводитъ изъ нихъ игру, считалось верхомъ военной мудрости. Наши квартирмейстерскіе офицеры считали себя въ этомъ профанами и удивлялись искусству австрійцевъ въ дѣлѣ распредѣленія войскъ ([19]).

Но вскорѣ наступило разочарованіе: вслѣдствіе сложности распоряженій, замедлялась отдача приказаній и еще болѣе затруднялось ихъ исполненіе. При движеніи отъ Ольмюца къ Аустерлицу, распоряженія Вейротера выказались во всей ихъ непрактичности. Переходы были невелики, но, по словамъ Ермолова, распредѣлены такимъ непонятнымъ образомъ, что рѣдко войска оканчивали ихъ скорѣе 10-ти или 12-ти часовъ; всѣ колонны непремѣнно пересѣкали другъ друга, и то по нѣсколько даже разъ, что вызывало только напрасную трату времени ([20]).

Теоретическое направленіе австрійскаго генеральнаго штаба болѣе всего выказалось подъ Аустерлицомъ, гдѣ и пришлось за это сильно поплатиться. Оказалось, что штабъ нашей арміи не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, и уже по этому самому впалъ въ ошибку. Вейротеръ, хвалившійся тѣмъ, что, маневрировавъ въ минувшемъ году, между Брюнномъ и Аустерлицемъ, знаетъ подробно мѣстность, гдѣ предположено было дать сраженіе, составилъ диспозицію, которая, по выраженію Ермолова, «болѣе похожа была на топографическое описаніе Брюнскаго округа, нежели на начертаніе порядка, пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою». Къ тому же диспозиція составлена была на нѣмецкомъ языкѣ и передана князю Волконскому очень поздно; цѣлую ночь маіоръ Толь занимался переводомъ ея на русскій языкъ, и лишь къ шести часамъ утра она была доставлена въ войска, а между тѣмъ, движеніе должно было начаться въ семь часовъ. Диспозиція была на нѣсколькихъ листахъ, наполнена трудными названіями озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышенностей; все въ ней было такъ запутано, что ни запомнить, ни понять не было никакой возможности. Списывать же ее въ войскахъ, по свидѣтельству Ермолова, не позволялось, потому, что надобно было успѣть прочитать ее многимъ начальникамъ, а между тѣмъ, диспозиція имѣлась лишь въ маломъ числѣ экземпляровъ ([21]).

Послѣдствія этихъ распоряженій слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Неудачи войны 1805 года вызвали со стороны нашего правительства рядъ реформъ въ организаціи русской арміи, не затронувшихъ, однако, квартирмейстерской и вообще штабной службы. А между тѣмъ въ реформахъ по этой части особенно чувствовалась надобность. Безпорядки, происходившіе на театрѣ войны, не рѣдко повторялись и при передвиженіяхъ мирнаго времени, внутри Имперіи; люди свѣдующіе приписывали ихъ прямо генеральному штабу, и жаловались на его неустройство. Такъ, въ дневникѣ генералъ-маіора Барклая-де-Толли, бывшаго, въ то время, командиромъ 3-го егерскаго полка, находимъ жалобы, что вновь послѣдовавшая дислокація (въ августѣ 1805 го-

да), составленная съ цѣлью доставить войскамъ болѣе удобствъ и облегчить постойную повинность, влекла за собою большіе безпорядки: во многія мѣстности вступали войска двухъ и трехъ разныхъ частей, что порождало излишнія хлопоты и переписку. Конечно, это было слѣдствіемъ невѣрности картъ и небрежности работы штабныхъ чиновъ. При этомъ Барклай-де-Толли высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «желалъ бы, чтобы Государь не пожалѣлъ издержекъ на приведеніе генеральнаго штаба, этой важной отрасли арміи, въ болѣе цвѣтущее состояніе, и для пополненія его способными и дѣятельными людьми. Можно бы найти ихъ въ нашей арміи въ достаточномъ числѣ, стоитъ только дать себѣ трудъ поискать ихъ: истинное достоинство не навязывается» ([22]).

Слова замѣчательныя, какъ вышедшія изъ подъ пера будущаго военнаго министра, которому и удалось сдѣлать очень многое для правильнаго устройства штабовъ и, вообще, для службы генеральнаго штаба.

Аустерлицъ, возбудилъ въ нашемъ обществѣ и въ арміи, непривычной къ пораженіямъ, патріотическое воодушевленіе и желаніе загладить понесенныя неудачи.

Подъ впечатлѣніемъ этого воодушевленія зародилось первое стремленіе между нашими офицерами къ развитію и расширенію своего образованія. Появленіе около того же времени ученаго сочиненія Жомини, въ которомъ не только изучались дѣйствія Фридриха Великаго, но и сравнивались съ таковыми же Наполеона I ([23]), не мало способствовало удовлетворенію этого стрмленія. Мастерское изложеніе военныхъ операцій, ясность и привлекательность слога сдѣлали у насъ изъ Жомини моднаго военнаго писателя, съ самыхъ первыхъ шаговъ его на военнолитературномъ поприщѣ. Изученію его отдались съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ вообще у насъ набрасываются на каждую новинку; конечно это увлеченіе не могло оставаться безъ послѣдствій, если не для массы нашего военнаго общества того времени, то, по крайней мѣрѣ, для отдѣльныхъ личностей. Не входя въ гадательныя изслѣдованія того, на сколько изученіе Жомини

повліяло на личное развитіе офицеровъ квартирмейстерской части, можемъ смѣло указать, что оно возбудило въ ихъ средѣ стремленіе къ критической оцѣнкѣ военныхъ дѣйствій, дало образцы для военныхъ писателей, образовавшихся впослѣдствіи ([24]).

Указывая на начало вліянія на наше общество сочиненій Жомини, надо, однако, сознаться, что вліяніе это могло вполнѣ выказаться лишь современемъ, а никакъ не на первыхъ же порахъ. Этому наиболѣе препятствовали непрерывныя войны, слѣдовавшія за 1805 годомъ: не говоря уже о Закавказьи, гдѣ военныя дѣйствія не прерывались съ 1803 г., Россія вела на Дунаѣ борьбу съ Турціею съ 1806 по 1812 г., съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ, съ Швеціею въ 1808—1809 годахъ. Всѣ эти войны, хотя и доставляли нашей арміи, а въ томъ числѣ и Свитѣ по квартирмейстерской части, обильную боевую практику, но вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняли служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ научныя занятія.

Къ началу кампаніи 1806—1807 годовъ, русская армія является уже въ болѣе устроенномъ видѣ, чѣмъ въ 1805 г.: она раздѣлена на дивизіи, которыя, впрочемъ, правильнѣе было бы называть корпусами, такъ какъ въ каждой изъ нихъ было отъ 6—8 полковъ пѣхоты и по три полка кавалеріи, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи и казаковъ.

Однако, въ дѣлѣ устройства штабовъ встрѣчаемъ прежнюю неопредѣлительность; штабы остаются не управленіями частей войскъ, а полною собственностію командующихъ начальниковъ; поэтому-то въ этихъ штабахъ главную роль играютъ чины дежурства и адъютанты, какъ лица, избираемыя самими начальниками войскъ и вполнѣ отъ нихъ зависящія; квартирмейстерскіе же чины, назначенные распоряженіемъ генералъ-квартирмейстера, являются какими-то временными чиновниками штабныхъ учрежденій, лицами, какъ бы навязанными частнымъ начальникамъ, или приставленными къ нимъ; отсюда естественный поводъ къ разрозненности между штабными чинами, между дежурствомъ и квартирмейстерской частію, причемъ, разумѣется располо-

женіе высшихъ начальниковъ должно было клониться на сторону первыхъ.

О томъ, какъ именно были распредѣлены офицеры квартирмейстерской части по дивизіямъ, въ арміяхъ Буксгевдена и Беннигсена, не осталось никакихъ извѣстій; изъ отдѣльныхъ указаній видно только, что съ назначеніемъ фельдмаршала Каменскаго главнокомандующимъ, такъ называемою, *заграничною* арміею, генералъ-квартирмейстеромъ этой арміи былъ назначенъ генералъ-маіоръ Штейнгель, столь извѣстный по своей финляндской съемкѣ; онъ же сохранилъ это званіе и при Беннигсенѣ, до самаго конца кампаніи, или вѣрнѣе говоря, до сраженія подъ Фридландомъ, гдѣ, вслѣдствіе контузіи, ему пришлось передать свою должность старшему въ чинѣ офицеру квартирмейстерской части, полковнику Адеркасу.

По отзывамъ современниковъ, Штейнгель, будучи хорошимъ съемщикомъ и чертежникомъ, въ то же время былъ и чисто боевымъ офицеромъ: хладнокровный подъ огнемъ, дѣятельный, рѣшительный, чуждый всякихъ интригъ, вполнѣ честный, правдивый человѣкъ, онъ былъ любимъ подчиненными, уважаемъ начальниками. Сближенію его съ подчиненными не мало способствовала тогдашняя простота всего административнаго организма арміи: всѣ офицеры квартирмейстерской части, состоявшіе при главной квартирѣ, обыкновенно располагались вмѣстѣ съ своимъ генералъ-квартирмейстеромъ, постоянно находились при немъ, получая непосредственно отъ него, словесно, всѣ приказанія; сложныя переписки тогда еще не существовали и во всей штабной дѣятельности господствовала поразительная простота ([25]).

Въ вѣдѣніи Штейнгеля встрѣчаемъ, по большей части, бывшихъ его сотрудниковъ по финляндской съемкѣ, какъ-то, полковниковъ: Берга (Бурхарда), Адеркаса, Вистицкаго 3-го, подполковниковъ: Эйхена 1-го и 2-го, Фредерици, Корниловича, Кочетова, Соснина, капитана Эбергарда, а также многихъ молодыхъ офицеровъ: поручика Фитингофа, подпоручиковъ: Теннера, Шуберта, Бурнашева 1-го, Гельфрейха, Насакина, Бартоломея, и др.

Кампанія 1806—1807 годовъ, испорченная, такъ сказать, съ самыхъ первыхъ дней ея, двоеначаліемъ, слабостію и неспособностію Каменскаго къ управленію большими силами, тѣмъ не менѣе должна была послужить не безполезною школою для молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части, особенно въ томъ отношеніи, что выказала имъ значеніе мѣстности въ военныхъ дѣйствіяхъ. Наша армія и ея офицеры того времени, по преимуществу, были воспитаны на турецкихъ войнахъ, въ которыхъ мѣстность играла вообще самую ничтожную роль.

На придунайскихъ и новороссійскихъ равнинахъ не думали объ оборонительныхъ позиціяхъ, а главное старались отыскать непріятеля и, сойдясь съ нимъ, разбивали его, на какой бы онъ мѣстности ни находился. Въ войнахъ же съ французами приходилось отыскивать, по возможности, лучшія позиціи, и отъ выбора ихъ во многомъ зависѣлъ успѣхъ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи выборъ генералъ-квартирмейстеромъ Штейнгеля былъ какъ нельзя болѣе умѣстнымъ, такъ какъ онъ, по своей прежней дѣятельности, являлся очень хорошимъ судьею въ дѣлѣ оцѣнки мѣстности; объ этой способности его выбирать удачно позиціи заявилъ Беннигсенъ въ самомъ началѣ кампаніи, въ своемъ донесеніи о сраженіи при Пултускѣ (14-го декабря 1806 г.) ([26]), а затѣмъ въ теченіи цѣлой кампаніи войска наши занимали неоднократно весьма хорошія позиціи, на которыхъ удавалось, если не вполнѣ отражать, то, по крайней мѣрѣ, энергически сдерживать превосходство непріятельскихъ силъ. Исключеніе изъ этого составляетъ, конечно, несчастная Фридландская позиція, сдѣлавшаяся образцовою, только по своимъ отрицательнымъ качествамъ. Но позиція эта не была избрана заблаговременно для встрѣчи на ней непріятеля; это была позиція случайная, на которой нашимъ войскамъ пришлось столкнуться съ непріятелемъ, вслѣдствіе болѣзненности и бездѣйствія главнокомандующаго Беннигсена, и пришлось сражаться безъ надлежащаго единства, отчасти потому, что уже передъ самымъ началомъ дѣла, при рекогносцировкѣ, были ранены оба главные помощника главно-

командующаго, дежурный генералъ Эссенъ 1-й и генералъ-квартиртейстеръ Штейнгель. Неудивительно, что при столь неблагопріятной обстановкѣ, съ больнымъ главнокомандующимъ, безъ ближайшихъ его помощниковъ, армія наша, выдержавъ сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, отступила въ страшномъ безпорядкѣ за Нѣманъ: многія части вовсе не получали приказанія объ отступленіи и, узнавъ только отъ жителей о проигранномъ нашими войсками сраженіи, направлялись по собственному усмотрѣнію къ предѣламъ Имперіи, встрѣчаясь нерѣдко съ непріятелемъ, отбиваясь отъ него, забирая у него плѣнныхъ. Описывая эти безпорядки, Ермоловъ спрашиваетъ: ([27]) «Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій? Кажется полковнику Адеркасу. И кто же осмѣлился бы оспаривать ее у нѣмца, ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найти русскаго въ генералъ-квартирмейстеры».

Это злое замѣчаніе, проникнутое сарказмомъ, которымъ отличаются всѣ приговоры остроумнаго героя, въ настоящемъ случаѣ показываетъ только, что и самые свѣтлые умы бываютъ несправедливы, когда увлекаются пристрастіемъ и смотрятъ на дѣло односторонне. Андрей Антоновичъ Адеркасъ 2-й считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ квартирмейстерской части своего времени, но вступивъ въ исправленіе должности генералъ-квартирмейстера послѣ Штейнгеля, въ самый разгаръ Фридландскаго боя, онъ, конечно, былъ безсиленъ для возстановленія порядка, тѣмъ болѣе, что самый штабъ совершенно разстроился, потерпѣвъ также нѣкоторую убыль въ своихъ чинахъ. Такъ, почти рядомъ съ Штейнгелемъ былъ раненъ подпоручикъ Шубертъ; при отступленіи, переплывая, подъ выстрѣлами, рѣку Алле, былъ слегка раненъ поручикъ Теннеръ.

Что Адеркасъ былъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, это онъ доказалъ въ слѣдующемъ году, въ Финляндскую войну гдѣ, состоя при князѣ Багратіонѣ, особенно отличился при отраженіи шведской высадки, у Гельзинга (14-го сентября 1808 года). Но такова уже постоянная участь офицеровъ генеральнаго штаба: дѣятельность ихъ содѣйствующая ус-

пѣху, не замѣчается, ея плодами нерѣдко пользуются другіе; но случись неудача, вся вина безотговорочно сваливается на ихъ головы.

Эпоха Тильзитскаго мира, закончившаго войну 1806—1807 годовъ, знаменательна въ исторіи генеральнаго штаба въ томъ отношеніи, что въ это время правительство наше сознало, наконецъ, необходимость надлежащаго образованія штабныхъ учрежденій. За образецъ при этомъ были, естественно приняты французскія военныя учрежденія, а для изученія ихъ отправленъ въ 1807 году, по Высочайшему повелѣнію, заграницу генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій. Къ сожалѣнію, мы ничего не могли найти относящагося до этой командировки, но біографы князя Волконскаго сообщаютъ, что имъ посвящено было два года на заграничную поѣздку, изъ которой онъ доставилъ обстоятельныя записки и свѣдѣнія о французскихъ учрежденіяхъ того времени; собранныя имъ свѣдѣнія имѣли, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, дѣйствительное вліяніе на наше военное законодательство 1811 и 1812 годовъ.

Между тѣмъ, какъ подготовлялись такимъ образомъ научныя основанія для будущихъ преобразованій нашихъ штабовъ, войны наши съ турками и шведами способствовали усиленію и нашей боевой подготовки. Въ этомъ отношеніи особенно полезна была Шведская война 1808—1809 годовъ, которая представила обширную боевую практику, не только для нашихъ генераловъ, но и для строевыхъ офицеровъ, а въ особенности для офицеровъ квартирмейстерской части. Своеобразность финляндскаго театра войны требовала обстоятельнаго изученія мѣстности; раздробленіе войскъ на мелкіе, по большей части, вполнѣ самостоятельные отряды, развивало находчивость и сообразительность начальниковъ мелкихъ частей, требовало чрезвычайной точности во всѣхъ распоряженіяхъ. Въ этой-то школѣ подготовлялись будущіе дѣятели квартирмейстерской части, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ своихъ сослуживцевъ по мундиру.

Въ этой войнѣ сдѣланъ былъ и первый опытъ новаго устройства штаба арміи: при главнокомандующемъ, графѣ

Буксгевденѣ, является ближайшимъ его сотрудникомъ и помощникомъ, въ должности начальника штаба и въ то же время начальника инженеровъ, генералъ-квартирмейстеръ Сухтеленъ, которому Финляндія была уже извѣстна по войнѣ 1789 года. Непосредственными его сотрудниками поставлены: въ должности генералъ-квартирмейстера, генералъ-маіоръ Бурхардъ Бергъ, а въ званіи дежурнаго генерала, генералъ-лейтенантъ Коновницынъ. Но устройство частныхъ штабовъ остается все-таки прежнее и вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія частныхъ начальниковъ; штабы, по старому, составляютъ принадлежность начальниковъ, а не отрядовъ. Такъ, напримѣръ, въ сѣверномъ корпусѣ, когда имъ командовалъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, весь штабъ состоялъ изъ собственнаго секретаря графа, надворнаго совѣтника Ренитадова, да по квартирмейстерской части,—подполковника барона Тейль-фонъ-Сераскеркена и подпоручика Липранди, не задолго до того произведеннаго въ этотъ чинъ изъ колоновожатыхъ, за отличіе при Инденсальми; въ другихъ случаяхъ, кромѣ офицеровъ квартирмейстерской части, ближайшимъ сотрудникомъ главноначальствующаго бывалъ бригадъ-маіоръ, выбираемый по собственному усмотрѣнію начальника изъ строевыхъ офицеровъ. Особыхъ канцелярій также еще не было, а всѣ распоряженія дѣлались непосредственно изъ кабинета начальниковъ, гдѣ сами же офицеры переписывали отдаваемыя приказанія и диспозиціи. Отъ такой простоты дѣлопроизводства, конечно, выигрывало дѣло, особенно при мелкихъ отрядахъ, на которые была разбита наша армія въ Финляндіи ([28]).

Требовалось, пожалуй, большое число квартирмейстерскихъ офицеровъ, чтобы имѣть ихъ при каждомъ отрядѣ, такъ какъ въ эту кампанію квартирмейстерскую службу безразлично несли офицеры какъ этой части, такъ и инженерные, какъ двухъ вѣдомствъ, вполнѣ подчиненныхъ Сухтелену. Число же ихъ было весьма значительно, сравнительно съ численностію дѣйствовавшей въ Финляндіи арміи. Сила послѣдней, во всю кампанію, не превосходила 50,000 человѣкъ, а при ней имѣлось не менѣе 40 инже-

нерныхъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, не считая нѣсколькихъ колоновожатыхъ; по преимуществу это были оберъ-офицеры, для которыхъ особенно была полезна эта школа. Всего считалось: инженерныхъ и квартирмейстерскихъ штабъ-офицеровъ — 14, оберъ-офицеровъ—27, колоновожатыхъ—5 ([29]).

Въ числѣ штабъ-офицеровъ встрѣчаемъ здѣсь имена: полковниковъ: Енгельмана, Адеркаса, Муромцова, подполковника Кочетова, маіоровъ: Гавердовскаго, Хатова, Селявина, Нейдгарта, Тейль-фонъ-Сераскеркена; въ спискахъ оберъ-офицеровъ—капитановъ: Теслева 1-го, Сосшина, Паравицына, Брозина, поручиковъ и подпоручиковъ: Шуберта, Теслева 2-го, Сухтелена 2-го, Гартинга, Сулима, Коханова, Бруна, Липранди, Маркевича, Вунселя. Въ эту же кампанію заслуживаютъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ первый офицерскій чинъ колоновожатые: Вейраухъ, Орловъ, князь Вадбольскій, Дребушъ, Липранди.

Во время Шведской войны 1808—1809 годовъ представлялось обширное поприще для дѣятельности офицеровъ квартирмейстерской части, чему, конечно, не мало способствовало то, что во главѣ ея стояли самъ Сухтеленъ и генералъ Бергъ, человѣкъ замѣчательный по своимъ военнымъ дарованіямъ и еще болѣе по разнообразію пройденной имъ служебной карьеры. Начавъ службу, въ 1774 году, сержантомъ въ Воронежскомъ пѣхотномъ полку, Бурхардъ Максимовичъ Бергъ почти вовсе не служилъ въ строю, а первые годы своей службы провелъ въ должности адъютанта, сперва у генерала Игельстрома, а потомъ у своего отца, генералъ-аншефа Максима Васильевича (Магнуса Іоанна) Берга. Переведенный, послѣ смерти отца въ Несвижскій карабинерный полкъ, онъ участвовалъ во второй Турецкой войнѣ и, между прочими дѣлами, въ штурмѣ Измаила (1790 года), но будучи недоволенъ медленнымъ производствомъ въ чины, перешелъ изъ кавалеріи въ 3-й Эстляндскій егерскій баталіонъ, женился на дѣвицѣ фонъ-Дункеръ, кузинѣ генералъ-лейтенанта фонъ-Бока, по протекціи котораго зачислился въ провіантскій штатъ. Въ качествѣ военнаго совѣтника провіант-

скаго вѣдомства, Бергъ участвовалъ въ Голландской экспедиціи 1799 года, и съ корпусомъ Эссена перевезенъ въ Англію, откуда возвращенъ въ концѣ 1800 года, вскорѣ послѣ чего переведенъ полковникомъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ кампанію 1806 года Бергъ, состоя при графѣ Остерманѣ, особенно отличился въ дѣлѣ при дер. Черновѣ (11 Декабря), а въ слѣдующемъ году получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ былъ тяжело раненъ въ правую руку ([30]). Произведенный, 1-го Января 1808 года, въ генералъ-маіоры, Бергъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ финляндской арміи, и за участіе свое въ Шведской войнѣ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. Надо полагать, что присутствіе при дѣйствующей арміи самаго Сухтелена отодвигало Берга на второй планъ; въ особенности это подтверждается тѣмъ, что имя Берга вовсе не встрѣчается въ реляціяхъ и въ офиціальной перепискѣ; о немъ извѣстно только, что онъ находился при войскахъ Барклая-де-Толли, во время перехода черезъ Кваркенъ, велъ второе отдѣленіе этого отряда и выказалъ при этомъ случаѣ полную распорядительность, энергію и знаніе своего дѣла ([31]).

Къ сожалѣнію, Шведская война 1808—1809 г. почти вовсе еще не разработана въ нашей литературѣ, почему весьма мало имѣется свѣдѣній о дѣятельности офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но поприще для этой дѣятельности было обширно; по этому, не смотря на скудность извѣстій, можно видѣть, что служба этихъ офицеровъ и въ Финляндіи проходила съ полнымъ отличіемъ. Изъ особо выдающихся отличій, можно, между прочимъ, указать на слѣдующія ([32]): 30-го Марта 1808 г., состоявшій при начальникѣ 21-й пѣхотной дивизіи, князѣ Багратіонѣ, квартирмейстерской части подполковникъ Нейдгартъ ([33]) получилъ приказаніе отправиться на Аландскіе острова, съ цѣлію уничтоженія тамъ всѣхъ судовъ и вообще для недопущенія шведовъ къ высадкѣ на острова и для воспрепятствованія формированію мѣстной милиціи, которой предполагалось собрать до 3,000 человѣкъ.

Для исполненія этого сложнаго дѣла, ему даны были слишкомъ ничтожныя средства: всего 120 егерей 25-го полка, большею частію малообученныхъ рекрутовъ, и 22 казака, да въ видѣ поддержки, на островѣ Кумлингѣ, выставленъ былъ баталіонъ пѣхоты полковника Вуича. Тѣмъ не менѣе, Нейдгартъ блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе: скрытнымъ и быстрымъ движеніемъ, онъ занялъ неожиданно для жителей островъ Большой Аландъ, отыскалъ и истребилъ скрытые въ лощинахъ подъ снѣгомъ склады оружія, уничтожилъ телеграфъ, содержавшій сообщеніе съ шведскимъ берегомъ, обезоружилъ жителей, отобралъ у нихъ перевозочныя средства, и когда ледъ уже вскрылся, уничтожилъ на островахъ и въ фарватерахъ, на протяженіи слишкомъ 150 верстъ, всѣ сигнальные знаки. Исполненіе послѣдняго ставило его въ крайне опасное положеніе, тѣмъ болѣе, что наша флотилія не являлась, а къ островамъ скрытно прибыли шведскія суда съ десантомъ, который при помощи жителей, захватилъ наши разсѣянные и слабые посты. Послѣ трехдневной обороны, Нейдгартъ долженъ былъ уступить численному превосходству непріятеля и, послѣ упорной защиты въ домѣ одного пастора, совершенно изнуренымъ захваченъ въ плѣнъ.

Плѣнъ этотъ нисколько не запятналъ оказанной имъ услуги, за которую онъ удостоился получить бриліантовый перстень, награда, дававшаяся въ то время очень часто за военные подвиги.

Маіоръ Гавердовскій, удачнымъ расположеніемъ стрѣлковъ и артиллеріи, содѣйствовалъ отраженію десантнаго шведскаго отряда, напавшаго невзначай, послѣ сраженія при островѣ Сандо (20-го Іюля 1808 года), на нашу главную квартиру, находившуюся на мызѣ Вестанскіеръ. Вообще офицеръ этотъ составилъ себѣ во время Шведской войны громкую репутацію своими военными способностями, и пользовался особымъ расположеніемъ графа Буксгевдена, при которомъ лично и состоялъ. Въ чинѣ маіора, онъ за эту кампанію получилъ, между прочимъ, аренду въ 600 руб., награду весьма цѣнную въ то время.

Генералъ-маiоръ Адеркасъ 2-й былъ командированъ, въ Апрѣлѣ 1808 года, для рекогносцировки береговъ Ботническаго залива и для постройки береговыхъ батарей; затѣмъ, постоянно завѣдывая передовыми постами по этому прибрежью, онъ особенно отличился при отраженiи, въ Iюнѣ мѣсяцѣ, нападенiя шведовъ на Або.

Но, независимо отъ дѣятельности чиновъ квартирмейстерской части, прямо относящейся къ ихъ обязанностямъ, въ реляцiяхъ и сочиненiяхъ о Шведской войнѣ 1808—1809 годовъ мы встрѣчаемъ очень много указанiй на такiе подвиги этихъ чиновъ, которые выходятъ изъ обыкновеннаго круга ихъ дѣятельности. Такъ, самому П. К. Сухтелену, его дипломатической ловкости, Россiя обязана прiобрѣтенiемъ Свеаборга, этой неприступной твердыни, доставшейся намъ почти безъ жертвъ и, притомъ, безъ продолжительной осады; главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ является у Сухтелена сынъ его, Павелъ Петровичъ, служившiй въ то время поручикомъ квартирмейстерской части и употребленный для переговоровъ съ Свеаборгскимъ комендантомъ, адмираломъ Кронштедтомъ. Орденъ св. Владимiра 1-й степени былъ наградою за это дѣло старику Сухтелену, а тотъ же орденъ 4-й степени и званiе флигель-адъютанта Его Величества,— сыну его.

Вообще, въ эту войну, обильную и сраженiями и разнаго рода конвенцiями, офицеры квартирмейстерской части употреблялись не рѣдко съ полнымъ успѣхомъ для веденiя переговоровъ съ непрiятелемъ. Такъ состоявшiй при войскахъ Кульнева, во время движенiя на Гриссельгамъ, капитанъ Гартингъ успѣлъ склонить шведовъ къ уступкѣ намъ этого городка съ двухверстнымъ раiономъ; находившiйся при графѣ Шуваловѣ полковникъ баронъ Тейль-фонъ-Сераскеркенъ заключилъ съ шведскимъ генераломъ Грипенбергомъ извѣстную конвенцiю въ Каликсѣ (13-го Марта 1809 года), по которой финляндскiя войска окончательно были исключены изъ шведской армiи ([34]). Наконецъ капитанъ Теслевъ 1-й былъ посылаемъ парламентеромъ на Аландскiе острова и, презирая опасности, достигъ почти до самаго Стокгольма,

собравъ множество полезныхъ для насъ свѣдѣній; какъ велика была его заслуга въ этомъ случаѣ, можно судить изъ того, что за этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ, бриліантовымъ перстнемъ и удостоился получить особое Высочайшее благоволеніе.

Вообще нельзя не замѣтить, что за Шведскую войну 1808—1809 годовъ, продолжавшуюся всего десять мѣсяцевъ, квартирмейстерскіе офицеры были щедро осыпаны Высочайшими наградами; такъ, молодой Сухтеленъ былъ произведенъ въ поручики, назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества, получилъ перстень и ордена: св. Владиміра 4-й ст., св. Анны 3-й и 2-й ст.; И. П. Липранди, начавъ кампанію колоновожатымъ, кончилъ ее поручикомъ квартирмейстерской части, пріобрѣвъ два чина боевыми отличіями, да сверхъ того: Высочайшее благоволеніе, серебряный (солдатскій) Георгіевскій крестъ, орденъ св. Анны 3-й ст. и золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Другіе офицеры также получили по нѣсколько наградъ и весьма немногіе только по одной наградѣ ([35]).

Очень мало имѣется свѣдѣній объ участіи квартирмейстерскихъ офицеровъ въ турецкихъ войнахъ царствованія Императора Александра I (1801—1812). Впрочемъ, и самыя эти войны не имѣли большаго значенія въ виду событій, происходившихъ на западныхъ предѣлахъ Имперіи, почему арміи наши на Дунаѣ были немногочисленны, да не велико было и число состоявшихъ при нихъ квартирмейстерскихъ офицеровъ. Но и здѣсь надо полагать, квартирмейстерская служба велась съ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ не слышится жалобъ противъ нея, а, напротивъ, встрѣчаются награды за боевыя отличія. Здѣсь, между прочимъ, К. Ф. Толь получилъ чинъ подполковника и орденъ св. Анны 2-й ст., Ф. Ф. Шубертъ чинъ капитана, а за дѣло при Батинѣ, гдѣ былъ раненъ пулей въ ногу,—золотую шпагу за храбрость.

На этомъ же театрѣ войны заслужили орденъ св. Георгія 4-й ст. подполковникъ Мишо, за взятіе Туртукая, въ 1810 году, и маіоръ Хоментовскій (Михаилъ Яковлевичъ)

за особое отличіе и храбрость въ томъ же году подъ Шумлою; послѣдній въ этомъ же году удостоился получить и золотое оружіе, за храбрость въ дѣлѣ при Батинѣ.

Говоря о войнахъ этого періода, нельзя не упомянуть о двухъ дѣятеляхъ этихъ войнъ, которые хотя уже и не числились въ то время въ спискахъ генеральнаго штаба, но по своему прошедшему вполнѣ принадлежали ему, это именно генералы: Богданъ Федоровичъ Кноррингъ и Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ.

Первый изъ нихъ, по справедливости, могъ быть названъ ученикомъ Баура. Происходя отъ виртембергской дворянской фамиліи, переселившейся въ Эстляндію, Кноррингъ кончилъ курсъ наукъ въ 1764 году, въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, и произведенный въ поручики Нижегородскаго пѣхотнаго полка, началъ службу подъ начальствомъ извѣстнаго своими воинскими доблестями Вейсмана. Съ началомъ первой Турецкой войны, перейдя въ генеральный штабъ, ему довелось рѣдкое счастіе участвовать въ дѣйствіяхъ: князя Голицына подъ Хотинымъ, Румянцева подъ Ларгою и Кагуломъ, гдѣ онъ непосредственно состоялъ при Баурѣ, Панина противъ Бендеръ, Текелли подъ Журжею, Потемкина подъ Силистріею. Посланный затѣмъ съ Фокшанскаго конгреса (1773 г.), отъ полномочнаго нашего посла, князя Григорія Орлова, къ брату его, Алексѣю, прославившемуся Чесменскою побѣдою, Кноррингъ проѣхалъ всю Европейскую Турцію и успѣлъ снять мѣстность отъ Рущука до Константинополя и Дарданелъ. Возвратясь послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ строй, Кноррингъ командовалъ нѣсколько лѣтъ полкомъ, а въ Шведскую войну 1788 года былъ генералъ-квартирмейстеромъ финляндской арміи и послѣ того, командуя особымъ корпусомъ, способствовалъ усмиренію Литвы, разбивъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ польскихъ конфедератовъ и взявъ, въ 1794 году, упорно защищаемую Вильну. Орденъ св. Георгія 2-й ст. и чинъ генералъ-лейтенанта были наградою за эти послѣдніе его боевые подвиги; вскорѣ послѣ того, онъ удалился отъ дѣлъ и до начала нынѣшняго столѣтія жилъ въ отставкѣ въ лифляндскомъ своемъ имѣніи.

Въ 1806 году, Императоръ Александръ принялъ Кнорринга на службу съ чиномъ генерала отъ инфантеріи и, пожаловавъ ему орденъ св. Александра Невскаго, назначилъ помощникомъ къ престарѣлому фельдмаршалу графу Каменскому; послѣ же отъѣзда послѣдняго изъ арміи, Кноррингъ оставался въ видѣ совѣтчика при Беннигсенѣ, но по разномыслію съ нимъ былъ отозванъ послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Надо полагать, что лѣта и утомленіе боевою службою ослабили уже силы Кнорринга и лишили его прежней твердости воли, почему ему и не удалось играть видной роли въ борьбѣ съ Наполеономъ, не достало такта, чтобы руководить Каменскимъ и Беннигсеномъ и сдѣлаться для нихъ необходимымъ. Быть можетъ, именно отсутствію самостоятельности онъ и обязанъ былъ назначеніемъ, въ декабрѣ 1808 года, главнокомандующимъ финляндскою арміею, вмѣсто Буксгевдена. Въ этомъ званіи ему пришлось осуществлять планъ кампаніи, которому онъ не сочувствовалъ, который считалъ неисполнимымъ, но который, тѣмъ не менѣе, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, благодаря настойчивости Императора Александра и неутомимой заботливости тогдашняго военнаго министра, графа Аракчеева. Поэтому-то, хотя Кноррингъ и былъ главнокомандующимъ арміи, совершившей единственный по своей смѣлости переходъ по льдамъ Ботническаго залива, хотя онъ самъ и слѣдовалъ съ своей главной квартирой при одной изъ колоннъ, но имя его не сохранило въ исторіи тѣсной связи съ этими подвигами, а вскорѣ по окончаніи Шведской войны, Кноррингъ сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и окончательно удалился отъ дѣлъ, поселившись въ Дерптѣ. Тамъ онъ и скончался 17-го декабря 1825 года, на 79 году жизни.

М. Л. Булатовъ былъ типомъ боеваго служаки конца прошедшаго и начала нынѣшнаго столѣтій. Происходя изъ рязанскихъ дворянъ, онъ, тѣмъ не менѣе, отслужилъ пять лѣтъ (съ 1776 по 1781 г.) нижнимъ чиномъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку, откуда былъ выпущенъ въ армейскую пѣхоту поручикомъ и съ полкомъ попалъ на Кубань. Участвуя во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ за

Кубанью и Лабою, онъ выслужилъ чинъ капитана и къ началу второй Турецкой войны перешелъ волонтеромъ въ екатеринославскую армію князя Потемкина; послѣдній, за отличіе подъ Очаковымъ, перевелъ его, въ 1788 году, маіоромъ въ генеральный штабъ, въ которомъ Булатовъ оставался до упраздненія его въ 1797 году, служа постоянно въ передовыхъ войскахъ на Дунаѣ и въ Польшѣ. Съ образованіемъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, Булатовъ былъ зачисленъ въ оную, произведенъ, въ 1799 году, въ генералъ-маіоры, а въ 1807 году снова обращенъ къ войскамъ. Служба его въ генеральномъ штабѣ не представляла ничего особеннаго, кромѣ того, что имъ произведены нѣкоторыя съемки на Волыни и около Петербурга, и что онъ, въ отсутствіе генерала Германа, кратковременно управлялъ депо квартирмейстерской части. Въ концѣ 1807 года, Булатовъ назначенъ шефомъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ и вступилъ, въ 1808 году, въ шведскую Финляндію. Находясь въ авангардѣ корпуса Тучкова, онъ быстрымъ наступленіемъ очистилъ почти всю восточную Финляндію отъ шведовъ, но окруженный при Револаксѣ превосходными силами непріятеля, потерпѣлъ сильное пораженіе, израненный взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стокгольмъ. Возвратясь черезъ годъ изъ плѣна, Булатовъ поспѣшилъ загладить свою неудачу на Дунаѣ и здѣсь, находясь постоянно въ передовыхъ отрядахъ, выказалъ блистательное мужество, распорядительность и энергію. Обильныя награды, полученныя имъ за это время, достаточно о томъ свидѣтельствуютъ: за три года (съ половины 1809 до 1812 года) онъ получилъ: личное Высочайшее благоволеніе, ордена: ст. Анны 1-й ст. и алмазные знаки на оный, св. Владиміра 3-й и 2-й ст., св. Георгія 3-й ст. (за сраженіе при Батинѣ) и золотую шпагу съ алмазами и надписью «за храбрость». Не смотря на всѣ эти отличія, Булатову не пришлось играть видной роли въ войну 1813 и 1814 годовъ; состоя въ резервной арміи, онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ подъ Дрезденомъ, а потомъ въ осадѣ Гамбурга, гдѣ и былъ сильно контуженъ съ поврежденіемъ глазъ; раны и

лѣта (въ 1814 году ему было 53 года) видимо ослабили прежнюю его энергію; тѣмъ не менѣе въ теченіе 10 лѣтъ онъ командовалъ дивизіями, сперва 16, а потомъ 27 пѣхотною, а въ 1824 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири и умеръ въ Омскѣ въ 1825 году ([36]).

Участіе Сухтелена въ Шведской войнѣ 1809 года было послѣднимъ боевымъ его дѣломъ въ службѣ по квартирмейстерской части. Съ заключеніемъ мира въ Фридрихсгамѣ, онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Стокгольмъ, откуда болѣе не возвращался къ прежнимъ должностямъ, хотя до самой смерти своей сохранилъ какъ бы почетное званіе генералъ-квартирмейстера. Еще при отъѣздѣ его въ 1808 году къ финляндской арміи, управленіе квартирмейстерскою частію на время его отсутствія было возложено на генералъ-маіора Вистицкаго 2-го (Михаилъ Степановичъ), который и оставался въ этой должности до назначенія, въ 1810 году, князя П. М. Волконскаго.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ Сухтелена въ Стокгольмъ, депо картъ осталось въ непосредственномъ завѣдываніи инженеръ-генералъ-маіора Оппермана, назначеннаго управлять также инженернымъ департаментомъ. Съ этого времени, депо картъ надолго отдѣлилось отъ квартирмейстерской части, поступивъ въ Сентябрѣ 1810 года, въ непосредственное вѣдѣніе военнаго министра.

Кратковременное управленіе квартирмейстерскою частію генераломъ Вистицкимъ ознаменовано двумя весьма важными распоряженіями по этой части: одно, по которому офицеры, желающіе поступать въ это вѣдомство, должны были подвергаться экзамену въ знаніяхъ, по квартирмейстерской части потребныхъ ([37]), а другое, чтобы впредь въ должностяхъ дежурныхъ штабъ-офицеровъ всѣ дивизіонные и корпусные командиры имѣли штабъ-офицеровъ, или капитановъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, почему тогда же повелѣно было: «военной коллегіи предписать всѣмъ дивизіоннымъ и корпуснымъ командирамъ, дабы они о назначеніи въ оныя званія вышеписанныхъ чиновниковъ сносились съ генераломъ-квартирмейстеромъ генераломъ

Сухтеленомъ, къ коему и впредь въ такихъ случаяхъ относиться, а уже генералъ-квартирмейстеръ, сдѣлавъ оное по тому распоряженіе, долженъ о таковыхъ избранныхъ квартирмейстерской части чиновникахъ представлять всегда на Высочайшее утвержденіе; коль же скоро будутъ утверждены въ оное званіе чиновники квартирмейстерской части, то находящихся нынѣ въ сихъ должностяхъ армейскихъ полковъ чиновниковъ отослать въ полки» ([38]).

Оба эти распоряженія весьма многознаменательны для нашихъ штабныхъ учрежденій; они показываютъ, что правительство наше признало уже въ то время численность квартирмейстерскихъ чиновъ столь достаточною, что съ одной стороны, сочло возможнымъ затруднить ихъ комплектованіе, установленіемъ выбора на основаніи экзамена, съ другой—признало полезнымъ и возможнымъ расширить кругъ дѣятельности этихъ чиновъ, выводя ихъ изъ прежней тѣсной рамки ихъ спеціальности, и открывая имъ доступъ къ новымъ должностямъ при войскахъ. Однако, вторая изъ этихъ мѣръ привела на практикѣ къ неудовольствіямъ и была по многимъ причинамъ трудно исполнима, чѣмъ и объясняется ея неуспѣхъ.

Постановленіе о томъ, чтобы чины дежурства, по крайней мѣрѣ высшіе, комплектовались людьми съ высшимъ общимъ и военнымъ образованіемъ, безспорно, само по себѣ хорошо и полезно, но оно являлось слишкомъ рѣзко противорѣчащимъ установившимся взглядамъ на штабныхъ чиновъ. Генералы первыхъ годовъ царствованія Императора Александра были воспитаны въ другихъ понятіяхъ, по которымъ каждый начальникъ части былъ полнымъ хозяиномъ своего штаба, избирая самъ всѣхъ чиновъ, смѣняя и награждая ихъ по своему произволу; многіе изъ нихъ сами прошли черезъ школу адъютанства и чистосердечно признавали, что школа эта есть наилучшая для военнаго образованія молодаго человѣка.

Теперь же вводился порядокъ, нарушавшій такое преимущество ихъ, и идущій въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями: ближайшихъ помощниковъ своихъ они должны были полу-

чать по назначенію генералъ-квартирмейстера изъ лицъ, которыхъ они сами по большей части вовсе до того не знали, и которыя, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не знали войскъ. Въ тогдашней Свитѣ по квартирмейстерской части много было офицеровъ изъ иностранцевъ, изъ инженеровъ, наконецъ изъ колоновожатыхъ, которые не служили въ строю, а слѣдовательно, не были знакомы съ войсками, проведя наиболѣе значительную часть своей службы при депо или на съемкахъ; на нихъ строевые начальники смотрѣли подозрительно, какъ на незнающихъ всѣхъ тонкостей войсковаго механизма, и въ этомъ они, конечно, были правы.

Какъ бы то ни было, непосредственное управленіе П. К. Сухтелена квартирмейстерскимъ вѣдомствомъ имѣло весьма важное значеніе для этого учрежденія. Задавшись мыслію, чтобы Свита Его Величества по квартирмейстерской части состояла изъ людей, дѣйствительно выдающихся по своему образованію и способностямъ, Сухтелену удалось не только достигнуть этого, но и открыть для чиновъ этого вѣдомства обширное поприще для отличій, гдѣ вполнѣ могли выказаться ихъ способности. Офицеры Свиты, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, болѣе чѣмъ когда либо получали весьма частыя и важныя порученія. Кавказъ, Киргизскія степи, Сибирь, Китай служили поприщемъ для трудовъ весьма многихъ офицеровъ квартирмейстерской части; независимо отъ участія этихъ офицеровъ въ посольствѣ графа Головкина, былъ командированъ и при посольствѣ дѣйствительнаго камергера Резанова въ Японію (въ 1803 году) квартирмейстерской части маіоръ Фридерици, совершившій съ Крузенштерномъ кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ «Надежда». На Іоническихъ островахъ офицеры квартирмейстерской части также играли нѣкоторую роль при образованіи тамъ республики Семи Соединенныхъ Острововъ. Сопровождая Сухтелена, маіоръ Хатовъ и капитанъ Гартингъ съ нѣсколькими офицерами обозрѣли, въ 1807 году, наше тогдашнее западное пограничное пространство и учавствовали въ составленіи проектовъ обороны западной границы Имперіи.

Всѣ эти порученія имѣли, по преимуществу, научныя цѣли и вмѣстѣ съ производившимися квартирмейстерскою частію, въ тоже время, съемочными и картографическими работами, конечно, отвлекали офицеровъ этого вѣдомства отъ прямаго ихъ назначенія по службѣ при войскахъ, что отчасти и не замедлило выказаться въ первыхъ войнахъ съ императорскою Франціею. Но и этотъ недостатокъ былъ устраненъ вскорѣ боевой практикой послѣ 1805 года. Кампаніи 1806 и 1807 годовъ, войны съ Турціею, а особенно Шведская война 1808—1809 годовъ, сблизили квартирмейстерскихъ чиновъ съ войсками, способствовали возрожденію къ нимъ довѣрія со стороны войскъ и начальниковъ.

Не менѣе важная заслуга Сухтелена заключается въ томъ, что онъ установилъ на прочныхъ основаніяхъ нашу военную картографію, положивъ начало двумъ весьма важнымъ для штабовъ войскъ картамъ: спеціальной, такъ называемой столистовой, и маршрутной; наконецъ онъ же, при содѣйствіи академика Шуберта, положилъ начало и нашимъ геодезическимъ работамъ, подготовивъ для послѣдующей эпохи нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей.

ГЛАВА VIII.

1810—1812.

Назначеніе генералъ-адъютанта князя Волконскаго управляющимъ квартирмейстерской частію. Образованіе его канцеляріи. Ближайшіе его помощники. Современное устройство военно-топографическаго депо. Распредѣленіе офицеровъ квартирмейстерской части и ихъ служба по «руководству для дивизіоннаго генералъ-штаба» и по «учрежденію для управленія большою дѣйствующею арміею». Комплектованіе Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Колоновожатые. Общество математиковъ. Н. Н. Муравьевъ (отецъ). Составъ квартирмейстерской части къ началу 1812 года. Наиболѣе выдающіяся въ ней личности.

Какъ ни было замѣчательно управленіе генерала Сухтелена квартирмейстерскою частію въ дѣлѣ комплектованія этого корпуса офицерами и по развитію, данному при немъ нашимъ съемочнымъ и картографическимъ работамъ, но по отношенію къ организаціи и управленію Свитою Его Величества по квартирмейстерской части, сдѣлано было за это время очень немного. Непрерывныя войны съ 1805 по 1810 годъ, а еще болѣе участіе графа Сухтелена въ инженерныхъ работахъ, а въ послѣднее время и въ дипломатическихъ переговорахъ со Швеціею, отвлекали его отъ прямыхъ обязанностей по званію генералъ-квартирмейстера. Временно управлявшій этой частію, генералъ Вистицкій, и по лич-

ному характеру, и по служебному положенію, не могъ конечно, ничего предпринять, если бы даже и желалъ, пока во главѣ военнаго управленія находился графъ Аракчеевъ.

Съ 1810 года положеніе измѣняется. 20-го Января этого года генералъ Барклай-де-Толли назначенъ военнымъ министромъ, а 23-го Мая управленіе квартирмейстерскою частію ввѣрено, незадолго передъ тѣмъ вернувшемуся изъ-за границы, генералъ-адъютанту князю П. М. Волконскому, причемъ, однако, званіе генералъ-квартирмейстера было оставлено инженеръ-генералу П. К. Сухтелену.

Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что Барклай-де-Толли сознавалъ необходимость и пользу надлежащаго устройства квартирмейстерской части. Достигнувъ теперь власти, онъ имѣлъ полную возможность осуществить это дѣло тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что въ новомъ управляющемъ квартирмейстерской частію нашелъ вполнѣ подготовленнаго къ тому человѣка.

Князь Петръ Михайловичъ происходилъ изъ знаменитаго княжескаго рода, считавшаго свое начало отъ дома черниговскихъ удѣльныхъ князей. Родился онъ 26-го Апрѣля 1776 года, и хотя отецъ его былъ только бригадиромъ въ отставкѣ, тѣмъ не менѣе, новорожденный Волконскій, по тогдашнему обычаю, въ самый день крещенія своего, былъ зачисленъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ. Оставаясь въ родительскомъ домѣ на рукахъ гувернантокъ и домашнихъ учителей, князь Петръ Михайловичъ подвигался въ то же время и по службѣ: съ чиномъ унтеръ-офицера перечисленъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, гдѣ и произведенъ былъ постепенно въ вице-вахмистры и вахмистры.

Съ пятнадцатилѣтняго возраста начинаетъ онъ дѣйствительную службу, и въ 1792 году снова переведенъ въ пѣхоту, но уже лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, въ которомъ, на слѣдующій же годъ, произведенъ въ прапорщики, а въ 1794 году въ подпоручики. Въ этомъ же году онъ сопровождалъ дядю своего въ Берлинъ, для поздравленія съ бракосочетаніемъ наслѣдника прусскаго престола, впослѣдствіи короля Фридриха-Вильгельма III.

Настоящая служебная карьера князя Волконскаго начинается съ первыхъ дней царствованія Императора Павла Петровича. Обративъ на себя вниманіе Государя усердіемъ и точностью въ исполненіи должности полковаго адъютанта лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Волконскій былъ произведенъ, въ 1796 году, въ поручики, причемъ Императоръ, поцѣловавъ его, сказалъ: «Продолжай такъ служить, а служба твоя за Мною не пропадетъ». И, дѣйствительно, менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ царствованія Императора Павла, князь Волконскій получилъ чины штабсъ-капитана, капитана и полковника гвардіи; ордена: Св. Анны 3-й (что нынѣ 4-я) степени и командорскаго креста Св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ это же время положено было начало сближенію его съ Наслѣдникомъ Престола, Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, который, будучи шефомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, имѣлъ ежедневныя служебныя отношенія съ княземъ Волконскимъ, близко узналъ его и взялъ къ себѣ въ адъютанты. Съ этого времени, князь Петръ Михайловичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Императору Александру Павловичу людей, неразлучнымъ спутникомъ всѣхъ событій его жизни, пользовавшимся полнымъ расположеніемъ, даже дружбою Благословеннаго.

Въ день коронаціи Императора Александра, Волконскій, на двадцать шестомъ году отъ роду, пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и званіемъ генералъ-адъютанта, когда въ этомъ званіи состояло всего только восемь человѣкъ.

Вступивъ, вскорѣ послѣ того, въ должность товарища начальника военно-походной канцеляріи, князь получилъ возможность ознакомиться подробно со всѣми частями многосложнаго и въ то время довольно запутаннаго военнаго управленія. Необыкновенная память, отличавшая князя Волконскаго до послѣднихъ дней его жизни, рѣдкая наблюдательность и способность быстро и ясно схватывать самыя сложныя соображенія, послужили ему драгоцѣнными качествами для усвоенія себѣ всѣхъ военно-административныхъ операцій. Если присоединить къ тому, что князь Петръ Михайловичъ, съ первыхъ дней своей службы, отличался и,

такъ сказать, сроднился съ самою педантическою акуратностію въ дѣлѣ изученія каждаго поручаемаго ему предмета, то станетъ понятнымъ, что пятилѣтнее нахожденіе его при дѣлахъ военно-походной канцеляріи, въ которой сосредоточивалось въ то время почти все управленіе военною частью, должно было подготовить въ немъ государственнаго человѣка, широко и вѣрно смотрѣвшаго на организацію сухопутныхъ военныхъ силъ Имперіи. Боевая опытность и продолжительное пребываніе, съ 1807 по 1810 годъ, за границею, съ цѣлью изученія иностранныхъ военныхъ учрежденій, еще болѣе усилили ему подготовку.

Боевое поприще князя Волконскаго начинается съ кампаніи 1805 года, во время которой онъ былъ дежурнымъ генераломъ, сперва въ корпусѣ Буксгевдена, а потомъ, по соединеніи послѣдняго съ войсками Кутузова, и при главнокомандующемъ.

Въ тѣ времена, когда не существовало еще должности начальника штаба, вся штабная служба распредѣлялась между двумя главными помощниками главнокомандующаго: дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстеромъ. Этого достаточно, чтобы понять, какія трудныя и многосложныя обязанности лежали въ эту кампанію на князѣ Волконскомъ. Собственно подъ непріятельскимъ огнемъ онъ выказалъ вполнѣ то хладнокровное мужество и спокойствіе, которое его постоянно отличало. «Въ Аустерлицкомъ сраженіи», говоритъ Кутузовъ въ своемъ донесеніи Государю, отъ 30-го Ноября, «князь Волконскій оказалъ достоинства, кои при несчастіи болѣе видны, нежели при счастливомъ сраженіи. Онъ не только отличался храбростію, но благоразуміемъ и сохраненіемъ всего нужнаго при подобныхъ случаяхъ хладнокровія, способствуя подъ самымъ огнемъ непріятельскимъ троекратно къ собранію людей Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ, съ которыми и могъ я въ нѣкоторомъ порядкѣ ретироваться».

Наградою князю Волконскому за отличіе въ Аустерлицкомъ сраженіи былъ орденъ Св. Георгія 3-й степени.

Не принимая непосредственнаго участія въ войнѣ 1806—

1807 годовъ, Волконскій находился при Императорѣ Александрѣ въ Тильзитѣ, гдѣ и былъ представленъ Наполеону, а по заключеніи мира отправленъ во Францію, чтобы изучить ея военныя учрежденія и особенно устройство генеральнаго штаба.

Два года, проведенные въ этой командировкѣ, были употреблены имъ съ полнымъ успѣхомъ, такъ что, когда по возвращеніи, въ началѣ 1810 года, князя Волконскаго въ Петербургъ, имъ представленъ отчетъ о внутреннемъ устройствѣ французской арміи и особенно о генеральномъ штабѣ, то Государь, оставшись вполнѣ доволенъ собранными свѣдѣніями, тогда же назначилъ князя управляющимъ всею квартирмейстерскою частью ([1]).

Квартирмейстерская часть того времени не имѣла въ основѣ своего устройства никакихъ положительныхъ узаконеній; все зависѣло отъ произвола и усмотрѣнія лица, стоявшаго въ ея главѣ. Поэтому-то это важное учрежденіе являлось чѣмъ-то случайнымъ, непонятнымъ не только для войскъ, но даже и для высшихъ начальниковъ. Въ немъ былъ главный начальникъ, но не было около него правильно организованнаго управленія, были чины, служащіе въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ, но не было никакихъ опредѣлительныхъ указаній къ ихъ комплектованію, прохожденію ими службы, къ распредѣленію ихъ занятій. На восполненіе этихъ-то недостатковъ новый управляющій квартирмейстерскою частію прежде всего и обратилъ свое вниманіе, избравъ себѣ главными помощниками въ этомъ дѣлѣ тѣхъ именно лицъ, съ которыми онъ имѣлъ уже случай познакомиться на маневрахъ 1802 года, а именно Толя, Хатова и Селявина.

Три эти подполковника по лѣтамъ были почти ровесники князю Волконскому, молоды, полны энергіи, самолюбія и жажды дѣятельности. Толь, служившій до того съ 1806—1809 годъ въ дунайской арміи, вслѣдствіе какого-то неудовольствія противъ него со стороны князя Прозоровскаго, былъ назначенъ командиромъ 20 егерскаго баталіона, стоявшаго на Литвѣ; оттуда онъ былъ вызванъ въ Петер-

бургъ и 1-го Іюля 1810 г. снова принятъ въ Свиту; Хатовъ и Селявинъ находились при депо квартирмейстерской части; первый изъ нихъ, т. е. Хатовъ, наиболѣе былъ полезенъ въ дѣлѣ образованія колоновожатыхъ.

Въ дѣлахъ административныхъ, правою рукою князя Волконскаго является съ перваго же разу и затѣмъ постоянно, въ теченіе всей жизни, пользуется его полнѣйшимъ довѣріемъ, —Николай Ивановичъ Селявинъ.

Происходя изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей ([2]), Селявинъ родился въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, получилъ дома очень хорошее образованіе, и, во время второй Турецкой войны, шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1790 году принятъ былъ сержантомъ въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ, съ которымъ и сдѣлалъ кампанію въ Молдавію. Произведенный сперва въ полковые адъютанты, а затѣмъ, въ 1794 году, въ адъютанты генералъ-маіора князя Волконскаго (дяди князя Петра Михайловича), Селявинъ постоянно отличался исполнительностію и усердіемъ. Возвратясь во фронтъ, въ 1797 году, въ Азовскій мушкетерскій полкъ, онъ дѣлалъ съ нимъ, командуя уже ротою, походъ въ Италію и Швейцарію, гдѣ, за отличіе, при проходѣ черезъ Альпійскія горы, награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени (нынѣ 4-й степени, на шпагѣ). Будучи оставленъ генераломъ Розенбергомъ въ долинѣ Мутенъ, для передачи французамъ нашихъ больныхъ и раненыхъ, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, въ которомъ находился 9-ть мѣсяцевъ. По возвращеніи изъ плѣна не только снова принятъ на службу, но даже произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Въ 1803 году, будучи уже въ чинѣ капитана, онъ принятъ генераломъ Сухтеленомъ, какъ боевой, опытный и образованный офицеръ, въ Свиту по квартирмейстерской части тѣмъ же чиномъ и постояно состоялъ при генералъ-квартирмейстерѣ адъютантомъ по инспекторской части. При всѣхъ прочихъ достоинствахъ, Селявинъ имѣлъ красивый почеркъ, въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ языкомъ, любилъ словесность и даже писалъ стихи и комедіи ([3]).

Первымъ плодомъ дѣятельности князя Волконскаго было устройство центральнаго управленія квартирмейстерскою частію, того именно, которое до сихъ поръ, безъ опредѣленнаго положенія, называлось обыкновенно депо, или департаментомъ квартирмейстерской части. Штатъ этого учрежденія, названнаго канцеляріею управляющаго квартирмейстерскою частію, Высочайше утвержденъ въ ноябрѣ 1810 года и составленъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Всего въ канцеляріи положено четыре отдѣленія, изъ нихъ первое—текущихъ дѣлъ, ввѣренное подполковнику Селявину, при которомъ назначено имѣть аудитора, одного унтеръ-офицера и двухъ писцовъ. Второе отдѣленіе—топографическое и третье—маршрутное, были подчинены подполковнику Толю, въ распоряженіи котораго въ этихъ отдѣленіяхъ состояло три оберъ-офицера квартирмейстерской части и три писца. Ко второму отдѣленію относилось производство военныхъ съемокъ и черченіе плановъ, почему при немъ состояла чертежная, которая, однако, имѣла своего самостоятельнаго начальника въ лицѣ сперва полковника Вистицкаго 4-го, потомъ Довре и, наконецъ, Пенскаго, отличнаго чертежника, который оставался въ этой должности даже въ чинѣ генералъ-маіора, до самой отставки своей въ 1829 году. Третье отдѣленіе вѣдало все относящееся до военныхъ дорогъ и расположенія войскъ по квартирамъ и лагерями, а четвертое, ввѣренное подполковнику Пейкеру, частью казначейскою и архивомъ; при немъ полагалось имѣть всего одного унтеръ-офицера и одного писца.

Вслѣдъ за сформированіемъ этой канцеляріи установлены впервые, съ 10-го Декабря 1810 года, приказы по квартирмейстерской части, въ которыхъ, за подписью управляющаго оною, вносились всѣ распоряженія по личному составу служащихъ въ этой части. Приказы эти составлялись въ первомъ отдѣленіи и разсылались всѣмъ старшимъ начальникамъ квартирмейстерской части при войскахъ, и офицерамъ, состоящимъ въ Петербургѣ. Хотя приказы эти, въ первое время послѣ ихъ установленія, и велись крайне неполно, но, тѣмъ не менѣе, они составляютъ самый драгоцѣнный матеріалъ для исторіи ([4]).

Для помѣщенія канцеляріи квартирмейстерской части, по ходатайству князя Волконскаго, пріобрѣтенъ, въ Мартѣ 1814 года, домъ статсъ-секретаря Молчанова (что нынѣ зданіе главнаго штаба), перестроенъ и меблированъ соотвѣтственно его новому назначенію; опредѣлена постоянная ремонтная сумма для него, установленъ штатъ смотрителя этого дома (5). Сюда-то, въ Августѣ 1811 года, перешла квартирмейстерская часть изъ тѣснаго и неудобнаго помѣщенія въ Михайловскомъ замкѣ, и этимъ на дѣлѣ совершилось окончательное отдѣленіе ея отъ инженернаго вѣдомства.

Въ новомъ помѣщеніи квартирмейстерской части положено было начало учрежденію библіотеки, колекціи картъ и инструментовъ. Князь Волконскій лично пожертвовалъ для этой библіотеки до 500 книгъ военнаго содержанія, вывезенныхъ имъ изъ-за границы, пригласивъ въ то же время и другихъ офицеровъ къ таковымъ пожертвованіямъ. Слѣдуя примѣру начальника, каждый старался по возможности содѣйствовать этому благому начинанію, и въ короткое время собрано около 2,000 хорошихъ математическихъ, историческихъ и военныхъ сочиненій на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которыя и послужили началомъ нынѣшней библіотеки генеральнаго штаба. Тогда же княземъ Волконскимъ исходатайствовано ежегодное асигнованіе по 2,500 руб. асигнаціями, на пріобрѣтеніе книгъ и картъ изъ заграницы, чѣмъ положено прочное основаніе библіотекѣ и депо картъ квартирмейстерской части.

Впервые это собраніе картъ и плановъ было приведено въ порядокъ поручикомъ Сахновскимъ, который составилъ и каталогъ всего наличнаго имущества депо, за что получилъ, 30-го Мая 1811 года, благодарность князя Волконскаго. Къ сожалѣнію, самый каталогъ не сохранился въ архивныхъ дѣлахъ.

Въ виду тѣхъ трудностей, какія представляло въ то время вообще пріобрѣтеніе всякаго рода инструментовъ, въ 1811 году положено начало собственной механической мастерской для изготовленія таковыхъ; по этому предмету заключено было условіе съ выписаннымъ изъ Касселя докторомъ фило-

софіи и професоромъ физики и астрономіи Корнеліемъ Рейсихомъ; по его проекту утвержденъ, 23-го Января 1812 года, полный штатъ мастерской, состоявшей изъ завѣдующаго мастерскою професора, четырехъ вольныхъ подмастерьевъ и четырнадцати казенныхъ мастеровыхъ; на содержаніе этихъ чиновъ опредѣлено въ годъ по 7,600 руб., да на матеріалъ по 3,000 руб. асигнаціями, независимо отъ прежде назначенныхъ на покупку машинъ 300 червонцевъ. Такимъ образомъ, положено начало учрежденію, которое принесло большую пользу, и впослѣдствіи дало возможность сообщить нашимъ государственнымъ съемкамъ надлежащее развитіе.

Всѣ эти мѣры создавали изъ квартирмейстерской части совершенно отдѣльное вѣдомство, вполнѣ независимое отъ депо картъ, которое, еще въ октябрѣ 1810 года, было выдѣлено изъ вѣдѣнія генералъ-квартирмейстера, поступивъ въ полное распоряженіе военнаго министра. Такое раздѣленіе этихъ двухъ учрежденій имѣло то основаніе, что на депо картъ лежала обязанность производства большихъ государственныхъ съемокъ, для чего военный министръ могъ имѣть всегда болѣе обширныя средства, между тѣмъ, какъ квартирмейстерская часть должна была заботиться исключительно о военныхъ картахъ и военныхъ съемкахъ. Основанія эти выяснились, когда депо картъ, переименованное въ военно-топографическое депо, получило новое положеніе и штатъ 28-го Февраля 1812 года. По этому положенію, на обязанность депо было возложено: составленіе, собираніе и храненіе картъ, плановъ, чертежей, топографическихъ и статистическихъ описаній, журналовъ и донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ, проектовъ и диспозицій оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ, а въ особенности составленіе изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ записокъ и военно-историческихъ таблицъ. Для занятій въ депо, а также для съемокъ должны были назначаться, по указаніямъ военнаго министра, чины квартирмейстерскаго и инженернаго вѣдомствъ, а также и лица, служащія по гражданской части.

Директоромъ депо назначенъ инженеръ-генералъ Опперманъ, которому подчинены начальники шести отдѣленій, со-

ставлявшихъ депо. Предметы занятій отдѣленій были слѣдующіе:

Перваго,—занятія по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ на директора; втораго—астрономическія наблюденія и тригонометрическія съемки, необходимыя для составленія картъ большаго пространства; третьяго,—составленіе и черченіе картъ, какъ топографическихъ, такъ и географическихъ; четвертаго,—надзоръ надъ архивомъ плановъ, картъ и надъ библіотекою; содержаніе ихъ въ порядкѣ, сочиненіе выписокъ для составленія военной исторіи Русской Имперіи и работъ по составленію вообще исторіи, географіи и топографіи Россіи; пятаго,—гравированіе и печатаніе картъ и плановъ; шестаго,—письмоводство, распорядительная и казначейская часть.

Изъ перечня занятій отдѣленій видно, что на нихъ возлагались всякаго рода астрономическія, историческія и географическія работы, въ которыхъ могли принимать участіе офицеры квартирмейстерской части лишь въ видѣ дополненія къ своимъ прямымъ обязанностямъ; вообще, работы эти не составляли вовсе постояннаго предмета занятій квартирмейстерской части, а къ нимъ привлекали изъ оной лишь отдѣльныя личности, подобно тому, какъ это было допускаемо и изъ другихъ вѣдомствъ.

Щедрыя денежныя средства, исходатайствованныя военнымъ министромъ для депо, заставляли предполагать, что дѣятельность его получитъ обширное развитіе (°), но Отечественная война помѣшала тому, а послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, депо снова вошло въ ближайшую связь съ квартирмейстерскою частію.

Устроивъ центральное управленіе квартирмейстерскою частію, князь Волконскій дѣятельно занялся опредѣленіемъ круга обязанностей офицеровъ этого вѣдомства, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Уже Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го Сентября 1809 года, по которому было опредѣлено, чтобы впредь мѣста дежурныхъ штабъ офицеровъ были занимаемы квартирмейстерскими чинами, до нѣкоторой степени устанавливался кругъ ихъ дѣятельности, по все-

таки не было еще никакихъ опредѣленныхъ инструкцій или положеній по этому предмету; вся штабная служба исполнялась преимущественно по преданіямъ и по личному усмотрѣнію частныхъ начальниковъ, такъ какъ даже въ уставахъ и законоположеніяхъ Императора Павла имѣлись лишь отрывочныя о томъ указанія. Этотъ-то недостатокъ и былъ пополненъ княземъ Волконскимъ.

Въ 1811 году, въ канцеляріи управлявшаго квартирмейстерскою частію, подъ непосредственною редакціею Толя, составлено: «Руководство къ отправленію службы чиновникамъ дивизіоннаго генералъ-штаба». Руководство это, тогда же отпечатанное и разосланное княземъ Волконскимъ въ войска, служило нашему генеральному штабу постояннымъ пособіемъ въ дѣлѣ отправленія службы во время всѣхъ войнъ александровской эпохи; къ сожалѣнію, оно было впослѣдствіи забыто, отчасти утратило свое значеніе, вслѣдствіе измѣнившихся разныхъ условій военнаго дѣла; но даже и въ настоящее время нѣкоторые его отдѣлы сохранили вполнѣ живой, современный интересъ. Достаточно остановить вниманіе на вступленіи къ этому руководству, въ которомъ указывается на назначеніе офицера квартирмейстерской части и на размѣръ тѣхъ свѣдѣній, какими онъ долженъ владѣть. Нельзя не сознаться, что болѣе полнаго изложенія этого предмета, въ крайне сжатой формѣ, не представляетъ ни одно изъ сочиненій о генеральномъ штабѣ. По важности вопросовъ, затронутыхъ въ этомъ вступленіи, мы считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь подлинный текстъ его.

«Свѣдѣнія офицера квартирмейстерской части», такъ начинается вступленіе, «заключаются въ двухъ правилахъ: 1) умѣть оградить себя безопасностію и противупоставить непріятелю преграды, трудныя къ преодолѣнію, 2) знать, съ которой стороны и въ чемъ состоитъ чувствительнѣйшій и рѣшительнѣйшій вредъ, какой только можно нанести непріятелю. Офицеръ квартирмейстерской части, имѣющій познанія, службѣ сей необходимыя, по своей должности есть истинный помощникъ командующему генералу. Руководимый свѣдѣніями своими, ревностію къ службѣ и расторопностію,

онъ облегчаетъ генералу всѣ затрудненія и приготовляетъ ему начальныя основанія для его предпріятій и успѣховъ.

«Сколько бы ни были обширны свѣдѣнія квартирмейстерскаго офицера, но къ нимъ онъ долженъ присоединять добрую нравственность, скромность и удаленіе отъ всѣхъ партій: ибо не столько первыми, сколько послѣдними можетъ пріобрѣсть онъ полную довѣренность командующаго генерала, который, будучи не въ состояніи всего самъ собою видѣть, не можетъ дѣлать великихъ успѣховъ, ежели сей офицеръ не имѣетъ къ нему искренняго расположенія.

«Искусство избирать позиціи и укрѣплять оныя можетъ при несчастіи поддерживать неудачи и продолжать войну; но искусныя общія и частныя движенія войскъ и приличное размѣщеніе каждаго роду оружія, есть главныя орудія побѣдъ и рѣшительности кампаніи цѣлой войны.

«Ежели обширныя свѣдѣнія топографіи и статистики нужны офицеру квартирмейстейской части, не менѣе необходимо ему знать: образъ устройства войскъ, ихъ эволюціи и порядокъ отправленія службы, какъ по фронтовой, такъ и внутренней части.

«Изъ сего изложеннаго понятія о званіи офицера квартирмейстерской части можно усмотрѣть, что познаніе устройства, вожденія, расположенія и размѣщенія войскъ, или тактика, есть главнѣйшая его должность.

«Познанія сіи пріобрѣсть только можно, находясь безотлучно посреди самыхъ войскъ, на какой конецъ необходимо нужно, дабы всѣ чиновники квартирмейстерской части, не счисляющіеся при депо, были раздѣлены по дивизіямъ, руководствуясь въ отправленіи службы излагаемыми здѣсь правилами».

Руководство это чрезвычайно важно, какъ первый офиціальный документъ, который точно и опредѣлительно очерчиваетъ кругъ обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба, ихъ занятія и отношенія къ высшимъ начальникамъ, при которыхъ эти офицеры состоятъ. Руководство состоитъ изъ трехъ частей: 1-я—о должности дивизіоннаго генералъ-штаба вообще, 2-я—о должности дивизіоннаго генералъ-штаба

во время движенія войскъ, 3-я—посвящена правиламъ письмоводства.

Изъ первой части узнаемъ, что при каждой пѣхотной дивизіи положено имѣть одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ, изъ чиновъ квартирмейстерской части, причемъ первый изъ нихъ назывался начальникомъ генеральнаго штаба дивизіи и завѣдывалъ всѣмъ, относящимся до движенія, расположенія и дѣйствія войскъ. Инспекторская и хозяйственная части не входили въ кругъ его занятій, но, во избѣжаніе упущеній, онъ долженъ былъ всегда имѣть свѣдѣнія относительно собранія войскъ дивизіи, оружія, снарядовъ, продовольствія, снабженія амуничными вещами, лазаретовъ и проч., а равно и подробныя топографическія и статистическія свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ войска расположены, или же гдѣ имъ придется дѣйствовать. Начальникъ же дивизіоннаго штаба завѣдывалъ всей перепиской начальника дивизіи съ военнымъ министромъ, главнокомандующимъ и генералъ-квартирмейстеромъ, относительно движенія войскъ. Въ то же время, по всѣмъ дѣламъ службы, касающимся квартирмейстерской части, онъ обязанъ былъ доносить генералъ-квартирмейстеру, съ доклада дивизіонному начальнику; посылать также ему черезъ каждые полгода формуляры и кондуитные списки о себѣ и прочихъ чинахъ генеральнаго штаба за подписаніемъ дивизіоннаго начальника. Здѣсь впервые устанавливается ясно та двойственность зависимости квартирмейстерскихъ чиновъ отъ строевыхъ начальниковъ, при которыхъ они состоятъ, и отъ генералъ-квартирмейстера, которая, не только до этого времени, но и впослѣдствіи, чаще всего служила поводомъ къ разнаго рода столкновеніямъ и неудовольствіямъ.

Вторая часть руководства имѣетъ видъ справочной книжки и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много практическихъ указаній, не только относительно дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба при движеніи, расположеніи и дѣйствіи войскъ, но также и при производствѣ рекогносцировокъ, военныхъ съемокъ и обозрѣній, фуражировокъ, выбора позиціи и т. под. Указанія эти составлены, человѣкомъ очевидно,

опытнымъ въ этомъ дѣлѣ; въ приложеніи имѣются условные знаки для съемокъ, которые впервые появляются здѣсь офиціально; до этого времени никакихъ указаній по этому предмету не было.

Замѣчательно, что объ участіи офицеровъ квартирмейстерской части въ сторожевой службѣ почти не упоминается въ «Руководствѣ». Служба эта, прямо относившаяся къ обязанностямъ войскъ, обходилась, повидимому, безъ всякаго участія въ ней квартирмейстерскихъ чиновъ.

Въ третьей части излагаются правила составленія диспозиціи, историческаго журнала, веденія секретной переписки, разнаго рода донесеній и т. под. Въ приложеніи, кромѣ вышеуказанныхъ условныхъ знаковъ, имѣются еще формы: вѣдомости о мѣстныхъ средствахъ страны (статистическая таблица о числѣ жителей, домовъ, повозокъ, скота, полей, засѣва и сбора на нихъ, лѣсовъ и т. под.), маршрутовъ для войскъ, квартирныхъ росписаній, таблицъ пройденнаго при осмотрѣ дорогъ пространства.

Учрежденіе дивизіонныхъ генералъ-штабовъ, согласно съ сказаннымъ «Руководствомъ», было, однако, не болѣе какъ временною мѣрою, потому что въ появившемся въ слѣдующемъ же 1812 году «Учрежденіи для управленія большой дѣйствующей арміей» объ нихъ уже не упоминается, и штабамъ придана другая форма. Въ составленіи этого важнаго и обширнаго законоположенія принималъ дѣятельное участіе князь П. М. Волконскій (7) и, благодаря этому, все относящееся до чиновъ квартирмейстерской части вошло въ «Учрежденіе о большой дѣйствующей арміи» съ надлежащею полнотою и опредѣлительностію. Положеніемъ этимъ впервые устанавливается должность начальниковъ штабовъ, вводится правильное раздѣленіе между дежурствомъ и квартирмейстерскою частію, опредѣляется составъ и кругъ занятій той и другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названіе «генеральный штабъ» употребляется въ этомъ Положеніи неоднократно въ смыслѣ главнаго штаба арміи, и утверждается закономъ, чтобы дежурные штабъ-офицеры въ корпусныхъ штабахъ были избираемы изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ. Послѣдняя

мѣра имѣла значеніе въ томъ смыслѣ, что открывала болѣе широкое поприще для штабъ-офицеровъ квартирмейстерской части, а вмѣстѣ съ тѣмъ, указывала на сознаваемую уже необходимость замѣщенія высшихъ штабныхъ должностей людьми съ научнымъ образованіемъ и лучшею военною подготовкою противъ той, какую имѣли тогдашніе адъютанты.

«Учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи» опредѣлено, что квартирмейстерская часть въ арміи вѣдаетъ всѣ пріуготовительныя соображенія къ военнымъ операціямъ, приводитъ ихъ въ дѣйствіе и производитъ всѣ дѣла подлежащія тайнѣ; на дежурство же арміи возложено: веденіе счета войскамъ и отданіе приказовъ (инспекторская часть), завѣдываніе полиціей, судами и госпиталями. Во главѣ первой поставленъ генералъ-квартирмейстеръ, а втораго—дежурный генералъ; объ обоихъ сказано, что они избираются изъ генералитета, безъ оговорки, чтобы первый былъ непремѣнно изъ служившихъ по квартирмейстерской части, но съ требованіемъ, чтобы генералъ-квартирмейстеръ былъ отличныхъ познаній. Обстоятельство, повидимому, ничтожное, но имѣющее большое значеніе для службы квартирмейстерскихъ чиновъ. Если въ дѣлѣ начальствованія войсками признается лучшимъ тотъ начальникъ, который непосредственно служилъ въ войскахъ, то тѣмъ болѣе къ завѣдыванію столь сложною частію, какъ квартирмейстерская, слѣдовало бы призывать лишь такія личности, которыя, независимо отъ своихъ познаній и способностей, знали бы по личному опыту всю службу ввѣряемаго имъ вѣдомства; этимъ въ значительной степени обезпечивался бы успѣхъ ихъ дѣятельности по управленію и руководству ввѣренными имъ чинами.

Состоящее въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера арміи управленіе, согласно сущности лежащихъ на немъ обязанностей, раздѣлялось на два отдѣленія: къ первому принадлежало собираніе всѣхъ свѣдѣній о театрѣ войны, т. е. картъ, описаній, разнаго рода таблицъ, историческихъ записокъ объ опытѣ прежнихъ войнъ, производство обозрѣній и съемокъ въ тылу арміи; при этомъ отдѣленіи состояла чертежная и походное тисненіе картъ. Ко второму же отдѣленію принад-

лежало: составленіе диспозицій и наставленій начальникамъ отрядовъ, производство рекогносцировокъ, движеніе войскъ и расположеніе ихъ лагеремъ, или же по квартирамъ, выборъ позицій и предположенія къ ихъ укрѣпленію, ежедневныя записки и реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, сводъ общихъ представленій къ наградамъ за военныя отличія и, наконецъ, секретная переписка по военнымъ операціямъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ занимались офицеры квартирмейстерской части; изъ числа послѣднихъ назначались еще при каждой арміи капитанъ надъ вожатыми, имѣвшій при себѣ двухъ колоновожатыхъ, и одинъ офицеръ при генералъ-вагенмейстерѣ, для указанія путей къ движенію вагенбурга арміи и мѣстъ къ его расположенію; капитанъ надъ вожатыми завѣдывалъ всѣми проводниками потребными для войскъ. Наконецъ, смотря по надобности, предоставлялось главнокомандующему назначать для осмотра мѣстъ въ тылу арміи, выбора позицій и укрѣпленія ихъ, особаго опытнаго офицера квартирмейстерской части, которому придавалось нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ этой части, а также инженерныхъ и піонерныхъ.

Представителями квартирмейстерской части въ корпусахъ назначены оберъ, а въ дивизіяхъ дивизіонные квартирмейстеры, кругъ обязанностей которыхъ соотвѣтствовалъ тому, что было установлено для арміи. Вообще, корпусные и дивизіонные штабы были снимками съ главнаго штаба, но только въ корпусахъ они раздѣлялись на отдѣленія: два по части дежурнаго штабъ-офицера, который замѣнялъ здѣсь дежурнаго генерала, и одно по части квартирмейстерской; дивизіонные же штабы на отдѣленія не раздѣлялись, а въ нихъ дивизіонный квартирмейстеръ, старшій адъютантъ и прочіе чины были совершенно самостоятельны другъ отъ друга. Въ случаѣ, когда дивизія предназначалась для отдѣльныхъ дѣйствій, въ ней устанавливалась должность начальника штаба.

Рядомъ съ выясненіемъ обязанностей квартирмейстерскихъ офицеровъ, князь Волконскій приложилъ свои административныя способности и къ тому, чтобы организовать комплектованіе этого вѣдомства и прохожденіе службы его

чинами. До него не было никакихъ точныхъ правилъ по этимъ предметамъ; все зависѣло отъ усмотрѣнія генералъ-квартирмейстера или лица его замѣняющаго. Князь Волконскій, съ первыхъ же дней своего управленія квартирмейстерскою частію, приступилъ къ пополненію и этого пробѣла.

18-го Февраля 1811 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, весьма важное въ жизни квартирмейстерской части, именно о сравненіи чиновъ офицеровъ этого вѣдомства съ чинами служащихъ при кадетскихъ корпусахъ ([8]). До этого времени о градаціи чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства не было установлено ничего положительнаго: она считалась приравненною къ арміи, потому что имѣла чинъ маіора, но въ дѣйствительности пользовалась болѣе благопріятной линіей чиновъ, такъ какъ въ ней не было чиновъ штабсъ-капитана и прапорщика. Съ приравненіемъ же къ кадетскимъ корпусамъ, инженерному и артиллерійскому вѣдомствамъ, чины квартирмейстерской части получили ту послѣдовательность, которую нашъ генеральный штабъ сохраняетъ по настоящее время. Вслѣдствіе такой Высочайшей милости, тогда же 22 маіора Свиты Его Величества по квартирмейстерской части были единовременно произведены въ подполковники, а колоновожатыхъ стали производить въ прапорщики съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее повышеніе въ подпоручики было производимо имъ уже по испытаніи ихъ въ знаніи службы.

Относительно самаго чинопроизводства, какъ равно по обмундированію и содержанію чиновъ квартирмейстерской части, на первыхъ порахъ не было еще установлено никакихъ опредѣленныхъ узаконеній. Было обращено лишь усиленное вниманіе на то, чтобы офицеры, а особенно колоновожатые не позволяли себѣ отступленій отъ формы одежды, установленной въ 1801 году. Обязательное присутствіе всѣхъ чиновъ квартирмейстерской части въ праздничные дни на разводахъ, а офицеровъ въ высокоторжественные дни и на Высочайшихъ выходахъ во дворцѣ, давало возможность постоянно слѣдить за точнымъ соблюденіемъ формы. На всѣхъ парадахъ и Высочайшихъ смотрахъ точно также должны были постоянно находиться всѣ квартирмейстерскіе офицеры,

на лошадяхъ, на которыхъ однако никакого содержанія не получали. Въ видахъ же однообразія, лѣтомъ 1811 года, впервые установленъ форменный сѣдельный приборъ для квартирмейстерской части, а именно: черное англійское сѣдло съ ольстредями желтой кожи, обитое желтой бронзой; подпруги и трокъ съ бѣлыми и красными полосами; мундштукъ стальной; стремена желѣзныя; всѣ металическія части полированныя; ремни черной кожи. Чапракъ и чушка англійскіе, по примѣру тогдашнихъ гвардейскихъ, темнозеленаго сукна, обшитые по борту чернымъ бархатомъ и по краямъ обложены двумя узкими золотыми галунами, опушенными съ обѣихъ сторонъ краснымъ сукномъ. На чушкахъ въ заднемъ углу чапрака шитыя звѣзды на подобіе ордена Андрея Первозваннаго, но безъ надписей (9).

Обратимся къ мѣрамъ князя Волконскаго по части комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства.

7-го Іюля 1810 года впервые были объявлены опредѣленныя указанія, какія именно свѣдѣнія требуются для того, чтобы быть принятымъ въ колоновожатые. Въ числѣ этихъ свѣдѣній на первомъ планѣ поставлено знаніе русскаго языка и одного изъ иностранныхъ на столько, чтобы умѣть свободно переводить и написать сочиненіе на данную тему; затѣмъ требовалось знаніе ариѳметики, алгебры, геометріи, географіи и исторіи, въ размѣрахъ тогдашнихъ гимназическихъ курсовъ; наконецъ, умѣнье рисовать или чертить планы. Для производства испытаній желающимъ поступить въ колоновожатые, образованъ постоянный комитетъ изъ офицеровъ квартирмейстерской части, подъ предсѣдательствомъ полковника Фуцтума, изъ подполковниковъ: Хатова и Шефлера и капитана графа Фалкланда. Впослѣдствіи въ этотъ комитетъ были назначены и другіе офицеры.

Съ Декабря 1810 года общее завѣдываніе всѣми колоновожатыми ввѣрено подполковнику Хатову, а въ слѣдующемъ году, съ переводомъ колоновожатыхъ въ казенное помѣщеніе дома Молчанова, придано этому импровизированному училищу болѣе правильное устройство. Директоромъ его назначенъ Хатовъ, а помощникомъ къ нему подполковникъ

Шефлеръ; колоновожатые раздѣлены по успѣхамъ на два класса, и поставлены въ прямую зависимость отъ смотрителей, которые назначались изъ молодыхъ офицеровъ Свиты, имѣвшихъ квартиры въ одномъ помѣщеніи съ колоновожатыми, (въ верхнемъ этажѣ Молчановскаго дома). Первыми смотрителями были назначены въ 1811 году: поручикъ Окуневъ, подпоручикъ Муравьевъ 1-й (Александръ Николаевичъ) и прапорщикъ Муравьевъ 2-й (Николай Николаевичъ). Ежедневно одинъ изъ смотрителей дежурилъ по заведенію, а всѣ они служили репетиторами для учащихся. Собственно преподаваніемъ занимались: самъ Хатовъ (тактика и фортификація), полковникъ Пенскій (рисованіе и черченіе), а математику преподавали, гвардіи капитанъ Рахмановъ, квартирмейстерской части подполковникъ Шефлеръ, капитанъ графъ Фалкландъ, а съ Января 1812 года, прапорщикъ Муравьевъ 5-й (Михаилъ Николаевичъ). Русскую словесность преподавалъ ординарный профессоръ Петербургскаго университета Бутырскій. Для чтенія лекцій посвящалось время съ 8-ми до 12-ти часовъ, причемъ болѣе всего времени было употребляемо на математику (три дня въ недѣлю), затѣмъ на черченіе (два дня), и, наконецъ, менѣе всего на военныя науки (одинъ день). Послѣ классныхъ занятій, колоновожатые ходили обыкновенно всѣ вмѣстѣ, подъ командою Шефлера, на Царицынъ лугъ, гдѣ обязаны были присутствовать на производившихся тамъ ученьяхъ войскъ. Въ праздничные дни они, вмѣстѣ со всѣми квартирмейстерскими офицерами, присутствовали на разводахъ.

Помѣщаясь въ домѣ Молчанова, колоновожатые состояли на полномъ собственномъ содержаніи, имѣя въ камерахъ даже свою мебель; отъ нихъ требовалось только исправное посѣщеніе лекцій, да чтобы непремѣнно ночевали въ училище, являясь не позже одинадцати часовъ ([9]). Форма одежды оставалась прежняя, но для однообразія ея постройки, князь Волконскій установилъ, чтобы всѣ вновь поступающіе колоновожатые обмундировывались непремѣнно лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, въ вѣдѣніи тамошняго полковаго адъютанта, штабсъ-капитана Сипягина. За несоблюденіе фор-

мы, неотданіе чести, а равно за неуспѣхи въ занятіяхъ, колоновожатые назначались на дежурство по училищу и по канцеляріи управляющаго квартирмейстерскою частію, переводились въ армію унтеръ-офицерами и даже рядовыми.

Число колоновожатыхъ въ училищѣ не должно было превышать 60, но обыкновенно ихъ бывало отъ 45 до 55, причемъ составъ былъ самый разнообразный. Между ними были молодые люди, дѣлавшіе уже кампаніи и шестнадцатилѣтніе юноши, не кончившіе общаго образованія; въ 1810 году было даже двое колоновожатыхъ моложе шестнадцати лѣтъ (Юреневъ и Титовъ), которыхъ князь Волконскій откомандировалъ ко 2-му кадетскому корпусу, для окончанія тамъ обученія. Рядомъ съ этимъ въ училищѣ были молодые люди, кончившіе уже университетскій курсъ, служившіе въ гражданской службѣ, воспитывавшіеся за границею; въ числѣ послѣднихъ особенно обращали на себя вниманіе двое князей Голицыныхъ (Андрей и Михаилъ Михайловичи) и двое Перовскихъ (Левъ и Василій Алексѣевичи), кончившіе полный курсъ политехнической школы въ Парижѣ. Естественно, что при такомъ составѣ училища не могло быть правильнаго преподаванія и выпусковъ; каждый посѣщалъ лекціи, наиболѣе ему необходимыя, и затѣмъ былъ подвергаемъ испытаніямъ, которыя, по нѣсколько разъ въ годъ, производились въ присутствіи князя Волконскаго и особой коммисіи изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ. Въ Декабрѣ 1811 года установлены были правила для этихъ испытаній, по которымъ положено, въ назначенные дни, ежедневно экзаменовать по нѣсколько человѣкъ, провѣряя каждаго сразу изъ всего имъ пройденнаго. Вопросы по всѣмъ предметамъ составлялись самимъ княземъ Волконскимъ, который и ставилъ отмѣтки. Для полученія права на производство въ офицеры надо было сдать экзаменъ изъ слѣдующихъ предметовъ: по математикѣ—ариѳметика, планиметрія, стереометрія, тригонометрія плоская и сферическая, сколько нужно для вычисленія градусной сѣти, алгебра до уравненія второй степени, примѣненіе алгебры къ геометріи; по военнымъ наукамъ—тактика и фортификація,

причемъ болѣе строго экзаменовали изъ полевой фортификаціи; сверхъ того, требовалось основательное знаніе русскаго языка, французскаго и нѣмецкаго. Выдержавшіе это несложное испытаніе производились прямо въ поручики Свиты по квартирмейстерской части, но съ 27-го Января 1812 года установлено было производить ихъ въ прапорщики съ тѣмъ, чтобы только послѣ нѣкотораго уже испытанія по службѣ, повышать въ чинъ подпоручика.

На содержаніе этого первоначальнаго училища колоновожатыхъ не отпускалось никакихъ особенныхъ суммъ; штабъ и оберъ-офицеры находившіеся при училищѣ, какъ по административной, такъ и по учебной части, исполняли свои обязанности безъ всякаго вознагражденія, единственно по долгу службу и изъ усердія къ общей пользѣ. Колоновожатые получали въ годъ 100 рублей жалованья, 50 рублей на обмундированіе и указную дачу провіанта, а затѣмъ обязаны были сами содержать себя и покупать всѣ необходимыя для занятій книги; только чертежныя и письменныя принадлежности отпускались колоновожатымъ на счетъ экономической суммы квартирмейстерской части.

При пестромъ до крайности составѣ колоновожатыхъ, какъ по лѣтамъ и образованію, такъ и по происхожденію, при безцвѣтной, хотя и очень почтенной, личности самаго Хатова, училище колоновожатыхъ, въ короткій срокъ существованія своего до Отечественной войны, не могло пріобрѣсти никакого опредѣленного характера; между колоновожатыми не было общаго духа товарищества; не смотря на общее жительство, въ ихъ средѣ преобладали разныя партіи; да и серьезнаго взгляда на науку не могло быть, въ виду соблазновъ столицы и благодаря полной свободѣ, предоставленной колоновожатымъ. Но тутъ же, въ небольшой квартиркѣ, занимаемой тремя братьями Муравьевыми (Александромъ, Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами), зарождались новыя начала, долженствовавшія вскорѣ оказать вліяніе на нашъ генеральный штабъ. Сюда, почти ежедневно, по вечерамъ, собирались колоновожатые, не прельщавшіеся свѣтскими развлеченіями, но искавшіе образованія

и науки; здѣсь занимались чтеніемъ и разборомъ прочитаннаго; здѣсь зарождался духъ товарищества и стремленіе къ самообразованію, долженствовавшее служить новымъ плодотворнымъ началомъ въ будущей службѣ этой молодежи. Это новое направленіе зародилось и получило впослѣдствіи свое развитіе внѣ училища колоновожатыхъ, въ Москвѣ, подъ вліяніемъ человѣка, заслуги котораго тѣсно связаны съ судьбою нашаго генеральнаго штаба и даютъ ему полное право на глубокую признательность потомства.

Въ исходѣ 1810 года студентъ Московскаго университета, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, имѣя всего четырнадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, будучи страстно преданъ изученію математическихъ наукъ, и не довольствуясь университетскими лекціями, собралъ около себя кружокъ сочувствовавшихъ ему товарищей, составилъ съ ними «Общество математиковъ», и написалъ для него уставъ. Общество это имѣло цѣлію распространеніе познанія математическихъ наукъ посредствомъ сочиненій, переводовъ и преподаванія; но такъ какъ изъ прикладныхъ частей математики признавались въ то время наиболѣе полезными механика и военное искусство, то на нихъ общество обратило особое свое вниманіе и устремило всѣ труды къ пріуготовленію молодыхъ людей особенно къ военной службѣ ([10]).

Президентомъ общества избранъ былъ отецъ М. Н. Муравьева, Николай Николаевичъ Муравьевъ, который, исправивъ уставъ, представилъ его, черезъ попечителя Московскаго университета, на Высочайшее одобреніе, и своимъ личнымъ вліяніемъ далъ дѣятельности общества исключительно учебное направленіе.

Личность Н. Н. Муравьева слишкомъ замѣчательна и близка генеральному штабу, чтобы можно было умолчать о ней. Сынъ генералъ-поручика Николая Ерофеича Муравьева, извѣстнаго своими математическими познаніями ([11]), онъ родился въ Ригѣ, 15-го Сентября 1768 года; рано лишившись отца, онъ своимъ образованіемъ, службою и состояніемъ обязанъ былъ своему отчиму, генералъ-маіору князю Александру Васильевичу Урусову, который очень любилъ своего пасынка

и, замѣтивъ его способности, не щадилъ на его воспитаніе никакихъ издержекъ. Записанный на шестилѣтнемъ возрастѣ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, молодой Муравьевъ, десяти лѣтъ отъ роду, былъ переведенъ во флотъ мичманомъ, а въ 1784 году отправленъ, въ сопровожденіи особаго наставника, во Францію, гдѣ провелъ четыре года въ знаменитомъ въ то время Страсбургскомъ университетѣ, занимаясь, преимущественно, математическими и военными науками, въ которыхъ и пріобрѣлъ основательныя познанія. Возвратясь въ 1788 году въ отечество, Муравьевъ блистательно выдержалъ экзаменъ для поступленія во флотъ, куда и зачисленъ лейтенантомъ. Въ войну со шведами, онъ уже командовалъ гребнымъ флотомъ въ сраженіи подъ Роченсальмомъ; выказавъ здѣсь пылкую отважность и рѣшительность, Муравьевъ попалъ въ плѣнъ, когда раненый, спасался вплавь съ затонувшаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ судна. По возвращеніи изъ плѣна, онъ командовалъ такъ называемою «золотою яхтою» Императрицы Екатерины.

По восшествіе на престолъ Императора Павла, Муравьевъ былъ переведенъ подполковникомъ въ гусарскій Дунина полкъ, что нынѣ Елисаветградскій, но оставался въ полку всего годъ, а затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи въ Петербургской губерніи, и служилъ по выборамъ, предводителемъ дворянства Лугскаго уѣзда.

Съ 1801 года Николай Николаевичъ Муравьевъ дѣлается постояннымъ жителемъ Москвы, завѣдуя всѣми дѣлами и имѣніями своего отчима, и посвящая все время воспитанію дѣтей. Еще въ 1791 году онъ женился на дочери инженеръ-генерала Михаила Ивановича Мордвинова, Александрѣ Михайловнѣ ([12]), отъ которой имѣлъ пять сыновей и одну дочь. Изъ числа сыновей трое, Александръ, Николай и Михаилъ, служили по квартирмейстерской части, причемъ двое послѣднихъ пріобрѣли историческую извѣстность своею послѣдующею службою. Въ эпоху основанія «общества математиковъ», двое старшихъ, Александръ и Николай, находились уже на службѣ по квартирмейстерской части.

Возвращаемся къ «обществу».

По уставу, «общество математиковъ» взялось безвозмездно преподавать ариѳметику съ алгеброю, геометрію съ тригонометріею, плоской и сферической, начертательную и аналитическую геометрію, диференціальное и интегральное исчисленіе; изъ прикладной математики,—механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; затѣмъ, тактику во всемъ ея объемѣ, фортификацію полевую и долговременную, теорію и практику всякаго рода съемокъ. Сверхъ того, предполагалось со временемъ ввести преподованіе физики, артиллеріи и другихъ прикладныхъ математическихъ наукъ. Общество состояло изъ президента, директора, почетныхъ и ординарныхъ членовъ и сотрудниковъ. Президентомъ, какъ сказано, избранъ былъ Н. Н. Муравьевъ, директоромъ сынъ его Михаилъ, почетными членами разныя извѣстныя лица, между которыми были князь Волконскій, академикъ Гурьевъ, полковникъ Рахмановъ, основавшій въ 1810 году «Военный Журналъ». Въ ординарные члены и сотрудники зачислялись всѣ желающіе, по экзаменамъ изъ разныхъ отдѣловъ математическихъ знаній; самые же экзамены производились ежемѣсячно въ общихъ собраніяхъ общества.

Чтенія лекцій съ самаго начала распредѣлились слѣдующимъ образомъ ([13]): ариѳметику съ алгеброй преподавалъ студентъ Терюхинъ, по Эйлеру; геометрію—студентъ Щепкинъ, по Лежандру; аналитическую геометрію, которая въ то время не входила еще и въ университетскій курсъ, читалъ Михаилъ Муравьевъ, по руководству Гарніе, Біота и Лакруа; диференціальное и интегральное исчисленіе—студентъ Андреевъ, по Безу; механику, кандидатъ Афонасьевъ, по Боссю. Чтеніе же военныхъ наукъ принялъ на себя самъ Н. Н. Муравьевъ, по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ, а именно: низшую тактику по Гиберту, высшую по Жомини, фортификацію по сочиненіямъ Наузе-де-Сентъ-Поль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые ординарные члены общества приступили къ переводу на русскій языкъ нѣсколькихъ математическихъ сочиненій.

Н. Н. Муравьевъ предоставилъ свой домъ для собраній «общества» и для лекцій, а также уступилъ въ его пользу

свою библіотеку, колекцію разнаго рода инструментовъ и изъявилъ согласіе руководить занятіями, съемками, рекогносцировками и вообще показать «въ теоріи и практикѣ все, что до военнаго искусства по квартирмейстерской части принадлежитъ, и притомъ съ раченіемъ, свойственнымъ человѣку, осмѣливающемуся мыслить, что военное искуство и устройство въ войскѣ составляютъ одну изъ главнѣйшихъ частей, споспѣшествующихъ государственному благу». (14)

Такимъ образомъ, въ Москвѣ, въ домѣ Н. Н. Муравьева, устроились публичныя безплатныя лекціи изъ математическихъ и военныхъ наукъ. Лекціи эти имѣли большой успѣхъ: ихъ слушали съ жадностію; на первыхъ же собраніяхъ бывало до 16 слушателей, а затѣмъ, число посѣтителей безпрестанно возрастало. Успѣху этого дѣла не мало способствовало увлеченіе тогдашняго молодаго поколѣнія математикою, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря трудамъ Лагранжа, Лапласа, Монжа, Лежандра и другихъ, достигла значительнаго развитія и пріобрѣла первостепенное значеніе въ ряду предметовъ преподаванія. Въ то же время повсемѣстно была признана необходимость и польза математики для всякаго образованнаго военнаго человѣка, а большинство молодыхъ людей готовилось у насъ именно къ военной службѣ.

Вотъ причина, почему всѣ бросились на изученіе математики, которая сдѣлалась, такъ сказать, модною наукою.

Князь Волконскій, дѣятельно заботившійся о пополненіи квартирмейстерской части молодыми людьми, имѣвшими основательныя познанія въ математическихъ и военныхъ наукахъ, обратилъ свое вниманіе на «общество математиковъ». Будучи почетнымъ членомъ общества, онъ принялъ его подъ своего покровительство, сблизился съ Н. Н. Муравьевымъ и всячески старался возбуждать и поощрять его учебную дѣятельность.

Нѣсколько молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ «обществу математиковъ», а въ томъ числѣ его директоръ, М. Н. Муравьевъ, были приняты на службу въ колоновожатые, и вслѣдъ за тѣмъ, къ началу 1812 года, произведены по экза-

мену въ прапорщики Свиты по квартирмейстерской части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ Н. Н. Муравьевъ за успѣшное подготовленіе молодыхъ людей къ поступленію въ колоновожатые, Высочайше пожалованъ, по ходатайству князя Волконскаго, орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами.

Дальнѣйшее развитіе этихъ начатковъ было временно прекращено Отечественною войною. Наступили времена, не допускавшія мысли объ ученыхъ занятіяхъ: все стремилось на защиту отечества. Н. Н. Муравьевъ получилъ вызовъ на службу, былъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба ополченій третьяго округа, формировавшихся въ Нижнемъ-Новгородѣ; за нимъ послѣдовали многіе молодые люди изъ «общества математиковъ»; они были приняты въ службу прапорщиками, съ назначеніемъ состоять при полковникѣ Муравьевѣ въ качествѣ офицеровъ квартирмейстерской части, въ которую и были переведены 6-го февраля 1813 года. Въ то же время прекратило свое существованіе и училище колоновожатыхъ; Хатовъ былъ назначенъ начальникомъ Финляндской съемки и къ нему были отправлены всѣ оставшіеся непроизведенными колоновожатые. Затѣмъ, пріемъ новыхъ колоновожатыхъ во время войны съ Наполеономъ былъ крайне незначителенъ (въ 1812 году—15, а въ 1813—8 человѣкъ), и вновь принимаемые по большей части поступали прямо въ войска, или же были отправляемы на съемку въ Финляндію.

Озабочиваясь устройствомъ надежнаго комплектованія квартирмейстерской части, князь Волконскій, въ то же время, видимо старался очистить ввѣренное ему вѣдомство отъ лицъ не удовлетворявшихъ своему назначенію: въ теченіе 1811 г. 27 офицеровъ было уволено въ отставку или переведено въ армію, причемъ нѣкоторые изъ нихъ тѣми же чинами, съ оговоркою въ приказѣ, что переводятся за неспособностію. Результатомъ этихъ мѣръ было то, что квартирмейстерская часть, считавшая въ своемъ составѣ, къ 1-му января 1811 г., 172 человѣка всѣхъ офицерскихъ чиновъ, имѣла къ началу 1812 года только 167 человѣкъ, изъ числа которыхъ было: генераловъ 10, штабъ-офицеровъ 58 и оберъ-офицеровъ 99.

Численность эта получила значительное усиленіе уже въ 1812 году, именно на 52 человѣка, изъ которыхъ 30 зачислены въ Свиту по квартирмейстерской части, въ первую же половину этого года.

Составъ этого корпуса офицеровъ по прежнему былъ еще довольно пестръ, но въ немъ замѣтенъ уже переходъ къ новому положенію. Екатерининскіе служаки устарѣли, ихъ было немного, но по своимъ чинамъ они стояли во главѣ квартирмейстерской части; привыкать къ новому образу веденія войны и дѣйствій, имъ было конечно, тяжело и, какъ увидимъ, они скоро сошли почти совсѣмъ со сцены, за исключеніемъ весьма немногихъ, выдѣлившихся изъ общей среды по своимъ способностямъ и боевымъ отличіямъ.

Другимъ элементомъ въ составѣ квартирмейстерской части, болѣе значительнымъ и сильнымъ, представляются иностранцы, число которыхъ усилилось особенно послѣ Тильзитскаго мира. До этого времени къ намъ преимущественно поступали въ службу французскіе эмигранты и голландцы, по вызову Сухтелена. Передъ войною же 1812 года, являются выходцы изъ Пруссіи и Австріи, которыхъ охотно переводятъ въ наши войска высокими чинами, надѣясь извлечь большую пользу изъ ихъ учености и опытности. Между этими иностранцами встрѣчаемъ имена, пріобрѣвшія впослѣдствіи извѣстность, правда болѣе какъ теоретики, чѣмъ практики военнаго дѣла, именно имена Валентини, Пфуля, Вольцогена, Гофмана, Клаузевица.

Первый вступилъ изъ прусскаго генеральнаго штаба въ квартирмейстерскую часть, еще въ 1810 году, маіоромъ, съ цѣлію спеціальнаго изученія нашихъ войнъ съ Турціею. Прибывъ на Дунай къ дѣйствующей арміи графа Каменскаго, на другой день послѣ неудачнаго штурма Рущука, Валентини своимъ педантически ученымъ видомъ, а еще болѣе новымъ плацпараднымъ обмундированіемъ, непригоднымъ для войны въ Турціи, успѣлъ возбудить противъ себя общія насмѣшки, вслѣдствіе которыхъ вскорѣ исчезъ изъ арміи ([15]), а въ началѣ 1812 года и совсѣмъ оставилъ нашу службу. Двухлѣтнее пребываніе его въ Россіи, тѣмъ не менѣе, дало

ему возможность собрать разные матеріалы, которые онъ и употребилъ впослѣдствіи для составленія описанія турецкихъ войнъ.

Что касается Пфуля, то онъ родился въ Пруссіи, воспитывался въ виртембергскомъ военномъ институтѣ и считался въ прусскомъ генеральномъ штабѣ, по свидѣтельству своего земляка, Клаузевица, геніальнымъ человѣкомъ; послѣ Тильзитскаго мира служилъ въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ, а въ 1811 году перешелъ въ русскую службу, въ Свиту по квартирмейстерской части, заслужилъ особую довѣренность Императора Александра и, какъ извѣстно, имѣлъ большое вліяніе на первоначальный планъ нашихъ дѣйствій въ Отечественную войну.

Это былъ типъ односторонняго теоретика, не умѣвшаго примѣняться къ настоящему, пренебрегавшаго всей современной обстановкой военнаго дѣла. Изучивъ съ увлеченіемъ Семилѣтнюю войну, онъ строилъ свои планы на выводахъ изъ нея; служа въ Россіи, не только не узналъ русскаго языка, но не ознакомился съ нашими военными учрежденіями и съ лицами, стоявшими въ ихъ главѣ ([16]). Мюфлингъ отлично характеризуетъ Пфуля, говоря о немъ, что этотъ человѣкъ «многимъ импонировалъ, не многимъ довѣрялъ, ничьей любви не могъ возбудить къ себѣ ([17]).

Гораздо выше по способностямъ, и даже по разносторонности своихъ свѣдѣній, стоялъ Вольцогенъ, принятый въ Свиту по квартирмейстерской части маіоромъ, еще въ 1807 г., изъ подполковниковъ виртембергской службы. Удостоенный званія флигель-адъютанта въ 1810 году, онъ пользовался расположеніемъ Барклая-де-Толли, и въ своихъ запискахъ выдаетъ себя за руководителя русскихъ войскъ въ войну 1812 года. Но кажется, вѣрнѣе будетъ признать, и на это имѣются основанія, что Барклай пользовался начитанностію, необыкновенною памятью и топографическими свѣдѣніями Вольцогена, употребляя его для справокъ, въ видѣ живаго лексикона, а отнюдь не въ качествѣ совѣтника ([18]).

Гофманъ и Клаузевицъ болѣе извѣстны, какъ военные писатели, чѣмъ какъ дѣятели на военномъ поприщѣ въ ря-

дахъ русской арміи. Оба они вступили въ русскую службу изъ прусскаго генеральнаго штаба, первый въ 1809, а второй въ 1812 году, и оставались въ ней до 1814 года, не ознаменовавъ себя ничѣмъ особеннымъ, кромѣ развѣ того, что Клаузевицъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ, веденныхъ въ концѣ 1812 года прусскимъ генераломъ Іоркомъ.

Въ ряду другихъ иностранцевъ, числившихся въ 1812 г. въ квартирмейстерской части, особое вниманіе обращали на себя: италіанецъ Мишо, австрійской службы баронъ Кроссаръ и капитанъ Коцебу (Василій Августовичъ), испанской службы капитанъ Люцо, саксонской—подполковникъ Бозе, шведской—полковникъ Спальдингъ, капитанъ Хекъ, и, кромѣ того, нѣсколько французскихъ эмигрантовъ, изъ аристократическихъ фамилій. Изъ поименованныхъ здѣсь наиболѣе продолжительно оставался въ русской службѣ Александръ Францовичъ Мишо, вступившій въ 1805 году въ инженерный корпусъ капитаномъ изъ маіоровъ сардинскихъ войскъ. Впервые онъ обратилъ на себя вниманіе при дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Адріатическомъ морѣ. Переведенный, въ 1806 году, по собственному желанію въ квартирмейстерскую часть, онъ, по возвращеніи съ Іоаническихъ островов, находился, съ 1808 по 1811 годъ, при молдавской арміи, будучи употребляемъ, смотря по обстоятельствамъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба или же инженера. Здѣсь имъ пріобрѣтены за боевыя отличія чины подполковника и полковника, орденъ Св. Владиміра 4-й степени и, наконецъ, за молодецкую ночную переправу черезъ Дунай и овладѣніе Туртукаемъ, орденъ Св. Георгія 4-й степени. Наиболѣе видная служба Мишо началась съ 1812 года, когда онъ имѣлъ счастіе удостоиться особаго вниманія Императора Александра.

Хотя иностранный элементъ и занималъ видное мѣсто въ рядахъ квартирмейстерской части, но, собственно для дѣла, онъ не могъ быть особенно полезнымъ, какъ по незнанію большинствомъ иностранныхъ офицеровъ русскаго языка и нашихъ учрежденій, такъ еще болѣе потому, что, благодаря стараніямъ Сухтелена и князя Волконскаго, положено было

уже достаточно прочное начало развитію въ средѣ квартирмейстерскихъ чиновъ собственно русскаго элемента. Характеръ войны 1812 года, патріотическое воодушевленіе ею возбужденное, еще болѣе должны были способствовать усиленію этого элемента.

Считаемъ необходимымъ оговориться, что собственно къ русскому составу квартирмейстерской части мы, не стѣсняясь происхожденіемъ, причисляемъ тѣхъ, которые начали службу въ русскихъ войскахъ съ низшихъ чиновъ, сроднились съ нашею арміею и хотя бы носили иностранныя фамиліи, но посвятили себя всецѣло службѣ Россіи.

Въ этой категоріи чиновъ квартирмейстерской части мы встрѣчаемъ, въ началѣ 1812 года, большое число лицъ, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность своею службою; достаточно указать на болѣе выдающіяся въ этой категоріи личности: Дибича, Толя, Гартинга, Гавердовскаго, Теслевыхъ, Шуберта, Теннера, трехъ братьевъ Муравьевыхъ, двухъ Нейдгартовъ, двухъ князей Голицыныхъ, двухъ Перовскихъ, графа Строганова, Данненберга, Липранди, Иванова, Щербинина, Федора Берга (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и многихъ другихъ. Какая дѣйствительно богатая плеяда разнаго рода знаменитостей, только что начинавшихъ въ то время свою карьеру. Все это была молодежь, въ возрастѣ отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ, усердно стремившаяся къ самообразованію, искавшая обогатить себя теоріею и опытомъ, старавшаяся заимствовать все полезное отъ стоявшихъ въ ея средѣ ученыхъ иностранцевъ, съ тѣмъ чтобы современемъ отстранить ихъ отъ дѣла и самой занять ихъ мѣсто.

Въ ряду всѣхъ этихъ будущихъ знаменитостей, двѣ личности уже тогда обращали на себя вниманіе и особенно быстро возвысились въ Отечественную войну: это Толь и Дибичъ.

Съ К. Ф. Толемъ мы уже знакомы; сближеніе его съ княземъ Волконскимъ доставило ему возможность выдвинуться быстро изъ толпы и занять видное мѣсто. Уроженецъ прибалтійскаго края, лютеранинъ по религіи, онъ въ душѣ былъ вполнѣ русскимъ и въ Отечественную войну стоялъ совершенно внѣ нѣмецкой партіи; по крайней мѣрѣ, нѣтъ ника-

кихъ указаній, чтобы онъ былъ близокъ къ ней; напротивъ того, Вольцогенъ считалъ его своимъ личнымъ врагомъ; баронъ Кроссаръ также не могъ съ нимъ ужиться. Отчасти это и понятно: начавъ боевую службу подъ командою Суворова и Милорадовича, Толь хорошо зналъ нашего солдата и всѣ подробности нашей военной системы; будучи одаренъ свѣтлымъ умомъ и быстрою сообразительностію, онъ умѣлъ хорошо понимать и оцѣнивать всю окружавшую обстановку и примѣняться къ ней.

Другой его сослуживецъ, моложе лѣтами, но обогнавшій его на служебномъ поприщѣ, Дибичъ ([19]), по происхожденію прусакъ, воспитывался въ Берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, но 16 лѣтъ отъ роду вступилъ въ русскую службу, прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ (въ 1801 году). Съ этимъ полкомъ онъ сдѣлалъ кампаніи 1805, 1806 и 1807 годовъ, участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ наиболѣе значительныхъ сраженіяхъ этихъ войнъ, за что, кромѣ повышенія чинами до капитана, удостоился получить золотую шпагу съ надписью «за храбрость» (за Аустерлицъ, гдѣ былъ раненъ въ руку) и орденами св. Георгія 4-й степени и прусскимъ «за заслуги», за кампанію 1807 года. Какъ бывшій семеновецъ, князь Волконскій зналъ Дибича, цѣнилъ его способности и высокое военное образованіе, почему принялъ его въ 1810 году подполковникомъ въ Свиту по квартирмейстерской части, доставивъ ему, вслѣдъ затѣмъ мѣсто дежурнаго штабъ-офицера въ корпусѣ графа Витгенштейна.

Такимъ образомъ, непосредственно князю Волконскому обязанъ генеральный штабъ тѣмъ, что въ его рядахъ составили себѣ карьеру двѣ столь крупныя знаменитости, каковыми были Дибичъ и Толь.

ГЛАВА IX.

1812—1815.

Приготовленія по квартирмейстерской части къ войнѣ 1812 года. Распредѣленіе чиновъ этого вѣдомства по дѣйствующимъ арміямъ; служба ихъ и матеріальное положеніе. Служба квартирмейстерскихъ чиновъ въ войну 1813—1814 годовъ. Князь П. М. Волконскій, генералы: Довре, Дибичъ, Толь, Рудзевичъ, П. И. Нейдгартъ, графъ Штейнгель, Понсетъ и друг. Награды по квартирмейстерской части. Учрежденіе гвардейскаго генеральнаго штаба. Убыль въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ за это время.

Переходя къ распредѣленію офицеровъ квартирмейстерской части по войскамъ и къ занятіямъ ихъ передъ великою борьбою 1812 года, находимъ, что распредѣленіе этихъ чиновъ по корпусамъ и дивизіямъ было проектировано и Высочайше утверждено еще въ началѣ 1811 года, причемъ на каждую пѣхотную дивизію назначено по три, а на кавалерійскую по одному квартирмейстерскому офицеру (1). Однако росписаніе это не было осуществлено, такъ какъ въ это же время понадобилась повѣрка имѣющихся у насъ картъ, производство рекогносцировокъ въ западно-пограничномъ пространствѣ, и на эти-то работы были обращены всѣ силы квартирмейстерскаго вѣдомства.

Еще въ 1809 году командированы были въ разныя части западной Россіи квартирмейстерскіе офицеры для осмотра

дорогъ и назначенія по нимъ ночлежныхъ пунктовъ, съ указаніемъ всѣхъ деревень, лежащихъ въ тридцативерстномъ раіонѣ около этихъ пунктовъ. Офицерами этими осмотрѣно протяженіе дорогъ болѣе чѣмъ на 25,000 верстъ, и доставленныя ими свѣдѣнія послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ для составлявшейся, подъ редакціею подполковника Хатова, военно-дорожной карты.

Въ 1810 году предпринято въ большихъ размѣрахъ военное обозрѣніе западной границы; къ сожалѣнію, объ этой работѣ сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно, однако, видѣть, что всей работой завѣдывалъ полковникъ Довре, служившій по квартирмейстерской части съ 1801 года, и что подъ его руководствомъ производилось обозрѣніе пятью отдѣльными партіями. Въ Сентябрѣ 1811 года имъ представленъ князю Волконскому результатъ этой работы: военная карта западно-пограничнаго пространства, на 55-ти листахъ, 37 отдѣльныхъ плановъ позицій и описаніе всей осмотрѣнной мѣстности, за что тогда же Довре произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Весною же 1811 года военный министръ Барклай-де-Толли указалъ князю Волконскому, что вниманіе офицеровъ, производящихъ рекогносцировки, должно быть въ особенности обращено на окрестности Вильны, Свенцянъ, Колтынянъ, и на пути оттуда къ Деснѣ, а на южномъ театрѣ войны, на пространство между Луцкомъ, Дубно, Пинскомъ, до Березины и Днѣпра; вслѣдствіе того, новыя партіи офицеровъ были командированы въ эти мѣстности (2).

Надо полагать, что всѣ съемочныя работы при этомъ производились глазомѣрно, но въ различныхъ масштабахъ, потому что къ концу 1811 года относится распоряженіе по всей квартирмейстерской части, чтобы впредь постоянно были принимаемы слѣдующіе масштабы (3) въ дюймѣ: для плановъ городовъ, селъ, крѣпостей, съ показаніемъ ихъ атаки, 50 сажень; для военныхъ позицій, съ окружающей ихъ мѣстностію, на пять верстъ кругомъ, 250 сажень; для топографическихъ картъ края, съ изображеніемъ деревень и числа дворовъ въ нихъ, дорогъ между ними, болотъ, лѣсовъ, 3

версты; наконецъ, для генеральныхъ картъ края или государства, съ показаніемъ дорогъ лишь между городами, 15 верстъ.

Положительно неизвѣстно, какое употребленіе было сдѣлано изъ всѣхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ въ нашемъ западно-пограничномъ пространствѣ передъ Отечественною войною; сохранились лишь указанія, что общая сводка ихъ была возложена на завѣдывавшаго военно-топографическимъ депо, инженеръ-генерала Оппермана, и на состоящаго при немъ флигель-адъютанта, инженеръ-полковника Барклая-де-Толли ([4]). Кромѣ того, въ чертежной квартирмейстерской части составлялись изъ этихъ рекогносцировокъ атласы, вѣроятно для Высочайшихъ особъ и для главной квартиры; надъ этимъ трудилось до пятнадцати офицеровъ квартирмейстерской части, работая ежедневно въ чертежной, съ восьми до трехъ часовъ по полудни; за эти труды имъ уже въ 1812 году объявлена была въ приказѣ князя Волконскаго особая благодарность.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что много труда было потрачено квартирмейстерскою частію на подготовительныя къ войнѣ 1812 года работы, но какъ это часто бываетъ съ работами генеральнаго штаба, трудъ этотъ пропалъ непроизводительно: вслѣдствіе быстраго отступленія нашихъ армій отъ границъ, вовсе не пришлось пользоваться выбранными и осмотрѣнными позиціями; менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ открытія кампаніи, наши арміи были за Днѣпромъ, очиствъ мѣстность разслѣдованную и вступая въ пространства, для которыхъ почти вовсе не имѣлось картъ. Впрочемъ, и къ началу кампаніи штабы войскъ были снабжены картами крайне скупо. Есть свѣдѣнія, что при формированіи штаба 2-й западной арміи, генералъ-квартирмейстеру ея, генералъ-маіору Адеркасу, послано было отъ князя Волконскаго, въ Сентябрѣ 1811 года: семитопографическая карта части Волынской губерніи, вѣдомость военнымъ позиціямъ въ раіонѣ расположенія 2-й арміи, экземпляръ квартирной карты, да два экземпляра старой почтовой карты Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, доставлена была одна мензула, бусоль,

промѣрная цѣпь и десть александрійской бумаги ([5]). На отсутствіе картъ жалуется и генералъ-маіоръ Бергъ (командовавшій 5-ю пѣхотною дивизіею), указывающій, что въ цѣломъ 1-мъ корпусѣ (графа Витгенштейна) имѣлся лишь одинъ экземпляръ столистовой карты въ корпусномъ штабѣ, чѣмъ и объясняетъ спутанность движеній, происшедшую при отступленіи 5-й дивизіи отъ границъ къ Вилькоміру ([6]).

Независимо отъ картографическихъ занятій, передъ Отечественной войной нѣкоторые офицеры квартирмейстерской части обратили на себя вниманіе особыми записками, представленными по поводу предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Такъ, еще весною 1810 года, подполковникъ Дибичъ представилъ военному министру проектъ реквизиціонной системы на случай войны ([7]); подполковникъ Чуйкевичъ, уже въ Апрѣлѣ 1812 года, подалъ записку съ кудреватымъ заглавіемъ: «Патріотическія мысли или политическія и военныя разсужденія о предстоящей войнѣ между Россіею и Франціею», въ которой выставляетъ необходимость оборонительныхъ дѣйствій противъ Наполеона, связанныхъ съ посылкою казачьихъ партій въ тылъ французамъ для производства народнаго возстанія ([8]). Наконецъ, полковникомъ Толемъ составленъ былъ особый мемуаръ о дѣйствіяхъ противъ Наполеона, представленный княземъ Волконскимъ Государю; мемуаръ этотъ замѣчателенъ особенно тѣмъ, что всѣ его выводы основаны на невѣрныхъ предположеніяхъ, доказывающихъ, что въ самомъ центральномъ управленіи квартирмейстерской части вовсе не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о силахъ и расположеніи непріятеля ([9]).

Усиленныя командировки по рекогносцировкамъ сильно разстроивали не установившееся еще распредѣленіе чиновъ квартирмейстерской части по войскамъ. Распредѣленіе это, въ теченіе 1811 и началѣ 1812 годовъ, безпрерывно мѣнялось: сперва оно было сдѣлано на основаніи «Руководства къ отправленію службы чинами дивизіоннаго генералъ-штаба»; затѣмъ, измѣнено согласно съ «Учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи» и наконецъ, по необходимости, снова было измѣнено въ Мартѣ и Апрѣлѣ 1812 года, вслѣдствіе значительнаго увеличенія числа пѣхотныхъ и кавалерійскихъ ди-

визій. Къ тому же, новая организація на арміи и корпуса еще не вполнѣ привилась къ войскамъ, почему вообще вся строевая отчетность, а въ особенности относительно чиновъ квартирмейстерской части, находилась въ полнѣйшемъ неустройствѣ. Приказы князя Волконскаго по ввѣренному ему вѣдомству переполнены, за 1811 и 1812 годы, напоминаніями, внушеніями и требованіями, чтобы старшіе начальники квартирмейстерской части въ арміяхъ и корпусахъ доставляли неупустительно и точно, два раза въ годъ, списки всѣхъ подчиненныхъ имъ чиновъ, а также доносили о всѣхъ служебныхъ перемѣнахъ въ ихъ положеніи. Но надо полагать, что все это не исполнялось въ точности, особенно среди треволненій Отечественной войны; по крайней мѣрѣ, въ архивахъ не сохранилось ничего систематически полнаго по этой части, а имѣются лишь самыя отрывочныя, сбивчивыя и нерѣдко противорѣчивыя свѣдѣнія. Очень часто одинъ и тотъ же офицеръ показывается почти одновременно въ двухъ и даже въ трехъ мѣстахъ служенія: по приказамъ онъ показывается въ одномъ мѣстѣ, по какому либо частному распоряженію въ другомъ, а въ дѣйствительности онъ остается на старой должности, или въ пути слѣдованія къ новой.

Сопоставляя между собою всѣ эти свѣдѣнія, сличая разные списки, можно видѣть, что, въ то время, оставляя въ депо по квартирмейстерской части, да на съемкѣ Финляндіи, старыхъ служакъ, полковниковъ и подполковниковъ, начавшихъ службу еще при Екатеринѣ, съ молодыми офицерами вовсе не церемонились, безпрестанно перебрасывая ихъ, не только изъ одной дивизіи въ другую, но даже изъ одной арміи въ другую. Старые полковники: Струковъ, Штегеманъ, Вистицкій 3-й оставляются въ Финляндіи; Фицтумъ (офицеромъ съ 1787 г.), Пенскій (съ 1793 г.), Эйхенъ 1-й (съ 1793 г.)—въ депо, и ихъ уже не тревожатъ во все время кампаніи; нѣкоторые высшіе чины сами уволились передъ Отечественной войной; такъ, генералъ-маіоръ Хоментовскій 1-й, генералъ-маіоръ Адеркасъ, полковники: Гаіюсъ, Медеръ Гарпе, Вистицкій 4-й, Пейкеръ, вышли въ отставку; гене-

ралъ-маіоръ Фридерици уволенъ сперва въ отпускъ за болѣзнію, а потомъ (въ 1813 г.) и вовсе въ отставку. Наконецъ, нѣкоторые изъ старшихъ чиновъ квартирмейстерской части были выдвинуты передъ войной 1812 года на высшія мѣста при войскахъ, и одни изъ нихъ вскорѣ сошли со сцены по несоотвѣтственности своей этимъ должностямъ, другіе же продолжали службу съ отличіемъ и заслужили себѣ память въ потомствѣ.

Припомнимъ, что къ началу 1812 года русскія войска составляли на западной границѣ Имперіи три отдѣльныя арміи: 1-ю западную, генерала отъ инфантеріи Барклая-де Толли; 2-ю западную, генерала отъ инфантеріи князя Багратіона, и 3-ю резервную обсерваціонную, генерала отъ кавалеріи графа Тормасова. Сверхъ того, были отдѣльныя части: молдавская армія, генерала отъ инфантеріи Кутузова, войска въ Финляндіи (генералъ-лейтенанта Штейнгеля), въ Новороссійскомъ краѣ (герцога Ришелье) на кавказской линіи и въ Грузіи (генералъ-лейтенантовъ Ртищева и маркиза Паулучи), не считая войскъ на болѣе отдаленныхъ окраинахъ и формируемыхъ резервовъ.

Наибольшее число офицеровъ квартирмейстерской части, къ началу 1812 года, было собрано, какъ и слѣдовало предполагать, въ трехъ арміяхъ, расположенныхъ на западныхъ границахъ Имперіи. Сохранился документъ, показывающій, что въ Февралѣ 1812 года во 2-ю западную армію было назначено 38 офицеровъ квартирмейстерской части, а именно: 1 генералъ, 7 штабъ и 30 оберъ-офицеровъ, да еще 3 колоновожатыхъ ([10]). Если принять во вниманіе, что въ это время 2-я армія имѣла всего до 37,000 человѣкъ (безъ 27-й пѣхотной дивизіи), то нельзя не признать, что соразмѣрность чиновъ квартирмейстерской части была въ ней весьма значительна. Но нельзя не замѣтить, что такое назначеніе этихъ чиновъ было сдѣлано до введенія корпусной организаціи и до учрежденія новыхъ дивизій; послѣднія двѣ мѣры совершенно разстроили первоначальныя предположенія о распредѣленіи квартирмейстерскихъ чиновъ, почему, съ первыхъ же дней Отечественной войны, многія

личности, считавшіяся во 2-й арміи, являются совершенно въ другихъ арміяхъ.

Не имѣя возможности вполнѣ возстановить распредѣленіе квартирмейстерскихъ чиновъ по войскамъ въ кампанію 1812 года, мы на основаніи приказовъ и нѣкоторыхъ отрывочныхъ свѣдѣній, можемъ лишь указать, что, въ теченіе этого года, къ дѣйствующимъ противъ французовъ арміямъ было разновременно назначено до 140 штабъ и оберъ-офицеровъ квартирмейстерской части; постоянно же находилось не болѣе двухъ, трехъ офицеровъ при каждомъ пѣхотномъ корпусѣ; по одному, и рѣдко по два офицера на пѣхотную дивизію, и около 10-ти, 15-ти офицеровъ при штабѣ арміи; исключеніе изъ этого составляли кавалерійскіе корпуса, при которыхъ состояло по одному колоновожатому. Колоновожатыхъ вообще встрѣчается очень мало при войскахъ; большинство ихъ было оставлено, или въ Петербургѣ, въ вѣдѣніи полковника Эйхена 1-го, или же на съемкѣ Финляндіи, въ распоряженіи полковника Хатова. Отсутствіе колоновожатыхъ въ нѣкоторыхъ корпусахъ было замѣнено квартирьерами отъ полковъ, которымъ были даны верховыя лошади; они носили ружье на ремнѣ, за плечами, и состояли при квартирмейстерскихъ офицерахъ для посылокъ и занятія позицій.

Съ образованіемъ, весною 1812 года, штабовъ армій и корпусовъ на западныхъ границахъ Имперіи, въ этихъ штабахъ являются управленія генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ, составленныя на основаніи не задолго до того объявленнаго «Учрежденія о большой дѣйствующей арміи», или, какъ оно въ то время называлось, на основаніи «Желтой книги», по цвѣту переплета, въ которомъ оно было разослано въ войска. Первыми генералъ-квартирмейстерами по этому новому положенію были назначены: въ 1-ю армію—генералъ-маіоръ Мухинъ, во 2-ю—генералъ-маіоръ Адеркасъ, вскорѣ замѣненный генералъ-маіоромъ Вистицкимъ 2-мъ, въ 3-ю—полковникъ Ренни. Изъ всѣхъ этихъ назначеній самымъ удачнымъ можно назвать послѣднее. Романъ Егоровичъ Ренни записанъ былъ на службу еще малолѣтнимъ, но дѣйствительно сталъ служить только съ 1794 года. Обладая от-

личнымъ образованіемъ, онъ былъ употребленъ для работъ на литовской съемкѣ и, обративъ здѣсь на себя вниманіе, переведенъ Аракчеевымъ, въ 1796 году, въ Свиту по квартирмейстерской части капитаномъ. Участвовавъ съ отличіемъ въ Голландской экспедиціи 1799 года, а потомъ въ кампаніи 1807 года, исполняя многія разнообразныя порученія, Ренни пріобрѣлъ извѣстность опытнаго и полезнаго офицера, что и послужило основаніемъ къ его назначенію въ генералъ-квартирмейстеры 3-й арміи. Замѣчательно, что здѣсь собрались во главѣ арміи: графъ Тормасовъ, его начальникъ штаба, генералъ Инзовъ, и генералъ-квартирмейстеръ Ренни, всѣ трое служившіе нѣкогда, хотя и въ разныхъ мѣстностяхъ, подъ начальствомъ фельдмаршала князя Н. В. Репнина, этой свѣтлой, прекрасной личности. Полное согласіе и единомысліе этихъ трехъ высшихъ начальственныхъ лицъ 3-й арміи, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовало тому, что этой именно арміи удалось одержать первую побѣду надъ войсками Наполеона (при Кобринѣ, 15-го Іюля) и пріобрѣсти первые трофеи Отечественной войны ([11]).

Менѣе удачно было назначеніе Мухина и Вистицкаго. Первый изъ нихъ отличный съемщикъ, но человѣкъ безъ образованія и самостоятельности, только и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ конца прошлаго столѣтія противъ турокъ и польскихъ конфедератовъ. Вистицкій (Михаилъ Степановичъ) выказалъ уже однажды свою малоспособность въ 1799 году, состоя генералъ-квартирмейстеромъ у Римскаго Корсакова въ Швейцаріи; впрочемъ, въ арміи Багратіона незначительность Вистицкаго выкупалась личностію ловкаго и образованнаго начальника штаба 2-й арміи, генералъ-маіора графа Сенъ-При, который, передъ войною, участвовалъ въ обсужденіи плановъ предстоявшей кампаніи противъ Наполеона и въ составленіи «Учрежденія о большой дѣйствующей арміи». Участіе его въ послѣдней работѣ должно было значительно облегчить все устройство штабной службы при 2-й арміи. Мухинъ же находился въ совершенно другой обстановкѣ при 1-й арміи. Начальникомъ штаба ея былъ генералъ-лейтенантъ Лавровъ, человѣкъ пожилой, по преиму-

ществу способный къ канцелярской письменной работѣ. При этой же арміи находился самъ Императоръ съ княземъ Волконскимъ и съ многочисленною свитою, въ которой было не мало претендентовъ на генералъ-квартирмейстерскую должность. Пфуль, Вольцогенъ, Мишо, Толь, не стѣсняясь, критиковали всѣ распоряженія, представляли свои собственные планы и соображенія; не знавшему ни одного изъ иностранныхъ языковъ, Мухину невозможно было ихъ оспаривать, тѣмъ менѣе онъ въ состояніи былъ устоять противъ начавшихся уже въ главной квартирѣ интригъ. Отсутствіе всякой самостоятельности въ Мухинѣ особенно выказалось со вступленіемъ 1-й арміи въ Дрисскій лагерь. Квартирмейстерской части полковникъ Мишо, сардинецъ родомъ, но въ семилѣтнюю свою службу въ рядахъ русскихъ войскъ пріобрѣвшій уже извѣстность свѣдущаго и боеваго офицера, указываетъ на всѣ очевидныя невыгоды этого лагеря; князь Волконскій доставляетъ ему возможность лично доложить о томъ Государю и судьба Дрисскаго лагеря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Мухина рѣшена: Мухинъ назначается помощникомъ Оппермана въ депо картъ (12), а войскамъ рѣшено покинуть лагерь; вмѣстѣ съ тѣмъ, отдано было приказаніе, чтобы полковники Мишо и Эйхенъ 2-й отправились въ окрестности Москвы для выбора тамъ новаго мѣста подъ укрѣпленный лагерь. На мѣсто же Мухина къ исправленію должности генералъ-квартирмейстера былъ призванъ, конечно не безъ участія въ этомъ дѣлѣ князя Волконскаго, Толь, менѣе чѣмъ за годъ до того произведенный въ полковники (15-го Сентября 1811 года). Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало назначеніе и новаго начальника штаба, въ лицѣ генералъ-маіора А. П. Ермолова.

Въ Дрисскомъ же лагерѣ состоялось распоряженіе объ отдѣленіи отъ 1-й арміи корпуса генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна, при которомъ составленъ особый штабъ, какъ при отдѣльно дѣйствующемъ корпусѣ; въ штабъ этотъ вошли три офицера квартирмейстерской части: начальникомъ штаба генералъ-маіоръ Довре, оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Ренне и дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ баронъ Дибичъ. Первый и послѣдній рѣзко выдѣлялись изъ всего штаба

своими способностями и боевой опытностью и имѣли у графа Витгенштейна преобладающее вліяніе на всѣ военныя дѣйствія.

Казалось бы, что назначеніе въ ближайшіе помощники главнокомандующаго 1-й арміи, генерала Барклая-де-Толли, двухъ молодыхъ ([13]), безспорно талантливыхъ и весьма способныхъ людей, какими были Ермоловъ и Толь, должно было имѣть весьма благопріятныя послѣдствія на ходъ дѣлъ; однако, въ дѣйствительности этого не оказалось, такъ какъ чрезмѣрное самолюбіе обоихъ этихъ лицъ дѣлало невозможнымъ между ними полное соглашеніе. Хотя А. П. Ермоловъ и отзывается въ своихъ запискахъ ([14]), что онъ не сомнѣвался въ дружбѣ къ нему Толя, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока Коновницынъ, во-второй уже половинѣ кампаніи, не успѣлъ разстроить будто бы это доброе согласіе, но есть основанія предполагать, что въ дѣйствительности этого согласія между ними не могло быть. Самъ Ермоловъ говоритъ о себѣ ([15]): «едва ли кому могъ я нравиться; бывши точнымъ исполнителемъ воли взыскательнаго начальника (Барклая), я не видѣлъ доброжелательствующихъ мнѣ, но завидующихъ многихъ».

Лично о Толѣ онъ отзывается въ своихъ запискахъ, что это «офицеръ отличныхъ дарованій, способный со временемъ оказать большія заслуги; но смирять надобно чрезмѣрное его самолюбіе, и начальникъ его не долженъ быть слабымъ, дабы онъ не сдѣлался излишне сильнымъ. Онъ, при полезныхъ способностяхъ, по роду служебныхъ его занятій, соображеніе имѣетъ быстрое, трудолюбивъ и дѣятеленъ, но столько привязанъ къ своему мнѣнію, что иногда, вопреки здравому смыслу, не признаетъ самыхъ здравыхъ возраженій, отвергая возможность имѣть не только превосходныя способности, ниже допускаетъ равныя».

Въ этой характеристикѣ высказывается упрекъ слишкомъ часто падающій на офицеровъ генеральнаго штаба, именно упрекъ въ избыткѣ самолюбія, въ упрямой устойчивости въ своихъ мнѣніяхъ, въ самоувѣренности. Въ противоположность съ этими дурными качествами, ставятъ недостатокъ самостоятельности, прочности убѣжденій и взглядовъ, что дѣйствительно не должно быть терпимо. Найти надлежащую

середину между этими двумя крайностями и составляетъ самую трудную задачу, не только для всякаго офицера генеральнаго штаба, но и вообще для каждаго лица, близко поставленнаго къ высшему начальству и раздѣляющаго съ нимъ его занятія. Если же принять во вниманіе, что недостатокъ самостоятельности и слабость убѣжденій болѣе присущи посредственности и малой образованности, между тѣмъ, какъ самолюбіе и твердость убѣжденій, даже доходящая до упрямства, обличаютъ по большей части талантливость и дѣйствительныя способности, то не трудно рѣшить, которыя изъ этихъ противоположныхъ качествъ скорѣе могутъ быть допускаемы и терпимы въ офицерѣ генеральнаго штаба.

Вступленіе Толя въ должность генералъ-квартирмейстера 1-й арміи ознаменовано было новымъ распредѣленіемъ квартирмейстерскихъ чиновъ въ этой арміи. При каждомъ изъ пѣхотныхъ корпусовъ оставлено не болѣе трехъ офицеровъ, при кавалерійскихъ по одному офицеру и одному колоновожатому. Въ пѣхотныхъ корпусахъ, какъ сказано выше, колоновожатые были замѣнены квартирьерами отъ полковъ. Особые офицеры были назначены въ авангардъ и вагенбургъ. Затѣмъ, наибольшая часть офицеровъ, именно 6 штабъ и 11 оберъ-офицеровъ находились въ распоряженіи главной квартиры, а двое, непосредственно при командующемъ арміею Барклаѣ-де-Толли.

Для передачи приказаній въ войска былъ установленъ такой порядокъ ([16]), чтобы всѣ оберъ-квартирмейстеры (старшіе въ корпусѣ офицеры) собирались ежедневно въ главную квартиру къ опредѣленному часу, гдѣ полковникъ Габбе, а нерѣдко и самъ Толь, диктовалъ имъ диспозицію на слѣдующій день со всѣми предосторожностями, чтобы проходящіе не могли слышать; для этого, нерѣдко домъ, гдѣ писали диспозицію, оцѣплялся даже часовыми. Когда диспозиціи были написаны, самъ Толь подписывалъ ихъ и запечатывалъ печатью главнокомандующаго въ конверты, съ надписью: распечатать во столько-то часовъ. Оберъ-квартирмейстеръ долженъ былъ хранить глубочайшую тайну и не иначе отдать пакетъ корпусному командиру, какъ въ назначенный часъ.

Нарушеніе этого порядка взыскивалось очень строго. Такъ былъ случай, что капитанъ Брозинъ 1-й имѣлъ неосторожность нарушить этотъ порядокъ, исполняя должность оберъ-квартирмейстера 5-го корпуса; вдругъ диспозиція измѣнилась, потребовали конверты обратно, а пакетъ, предназначенный для 5-го корпуса, оказался распечатаннымъ. Виновному грозило преданіе суду, и только заступничеству командовавшаго корпусомъ Великаго Князя Константина Павловича, онъ обязанъ смягченіемъ наложеннаго на него взысканія.

При движеніяхъ арміи часть квартирмейстерскихъ офицеровъ постоянно высылалась для осмотра дорогъ и выбора биваковъ и позицій. Такъ, начиная отъ Смоленска, диспозиціей по 1-й арміи было объявлено, что впредь занятіе лагерей для арміи возлагается на подполковника Нейдгарта (Павелъ Ивановичъ), почему всѣмъ чинамъ квартирмейстерской части и фурьерамъ отъ войскъ предписано было собираться ежедневно къ его квартирѣ и слѣдовать подъ его командою въ авангардѣ. Мѣста биваковъ обыкновенно снимались глазомѣрно, а чаще наносились на бумагу главные пункты со столистовой карты и подробности уже наносились на глазъ. Такихъ кроки, по преимуществу вычерченныхъ довольно грубо карандашомъ, а иногда перомъ, чернилами, сохранилось довольно много въ нашемъ военно-ученомъ Архивѣ. Не всегда однакожъ всѣ дороги бывали своевременно осмотрѣны, что при встрѣчавшихся невѣрностяхъ столистовой карты приводило не рѣдко къ недоразумѣніямъ и къ безпорядкамъ въ слѣдованіи войскъ. Стоитъ вспомнить только отступленіе 1-й арміи отъ Смоленска, когда недостаточно изслѣдованные пути чуть было не привели къ погибели наши войска. Странное дѣло, что наши историки Отечественной войны вовсе не изслѣдовали, на комъ лежитъ вина всѣхъ замѣшательствъ, происходившихъ при отступленіи 1-й арміи отъ Смоленска. Только въ одномъ изъ писемъ князя Багратіона къ А. П. Ермолову есть желчная выходка противъ того офицера квартирмейстерской части, который велъ Тучкова, и требованіе, чтобы его строго наказали. Вѣроятнѣе всего, что здѣсь при колоннахъ 1-й арміи вовсе не было офице-

ровъ квартирмейстерской части, такъ какъ часть ихъ отправилась для занятія ночлежныхъ биваковъ на ночь съ 7-го на 8-е августа, а другіе были посланы еще изъ Смоленска къ сторонѣ Дорогобужа для выбора позиціи. Впрочемъ, если недостаточность распорядительности по квартирмейстерской части была причиною, что колонны 1-й арміи блуждали около Горбунова и были замедлены въ слѣдованіи съ петербургской на московскую дорогу, то, по крайней мѣрѣ, начальникъ этой части, Толь, выказалъ въ день 7-го августа дѣятельность, которая, безспорно, имѣла вліяніе на рѣшимость Тучкова удерживать непріятеля за рѣчкою Колоднею. Не уменьшая нисколько заслуги Тучкова, нельзя не признать, что Толь, своей способностію быстро и вѣрно оцѣнивать мѣстность, былъ весьма полезнымъ ему помощникомъ при выборѣ позиціи у Валутиной горы.

По свидѣтельству Барклая-де-Толли, отступленіе нашихъ войскъ послѣ Бородина, а также и движеніе черезъ Москву были совершены въ безпорядкѣ, что, конечно, падаетъ также обвиненіемъ въ нѣкоторой степени на квартирмейстерскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, именно прапорщикъ Перовскій ([18]), состоявшій при аріергардѣ 2-й арміи, былъ даже захваченъ французами въ Москвѣ и оставался военно-плѣннымъ до 1814 года. Хотя случай этотъ скорѣе можетъ быть приписанъ недоразумѣнію, вслѣдствіе неопредѣлительности заключеннаго между передовыми войсками перемирія, но, тѣмъ не менѣе, нельзя кстати при этомъ не замѣтить, что вообще сторожевая служба на нашихъ передовыхъ постахъ въ 1812 году не исполнялась вполнѣ надлежащимъ образомъ, почему свѣдѣнія наши о непріятелѣ не бывали точны. Главнѣйше это было слѣдствіемъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ нашими войсками въ войнахъ съ турками, наиболѣе частыми до того времени нашими противниками; отчасти же происходило это вслѣдствіе малаго числа квартирмейстерскихъ офицеровъ при передовыхъ войскахъ. Короче сказать, въ войну 1812 года изъ всѣхъ отдѣловъ боевой дѣятельности квартирмейстерскихъ чиновъ по охраненію, движенію, расположенію и дѣйствію войскъ, наибольшее развитіе получило

ихъ участіе въ расположеніи войскъ бивакам и на позиціяхъ. Посмотримъ, какъ именно исполнялась этого рода служба.

Для занятія биваковъ, какъ выше сказано, высылались постоянно квартирмейстерскіе офицеры съ фурьерами, подъ командою подполковника Нейдгарта. Выборъ же позицій поручался кому либо изъ оберъ-квартирмейстеровъ, а чаще всего полковнику Габбе, или подполковнику Гартингу, которымъ въ помощь придавалось еще нѣсколько офицеровъ; встрѣтивъ удобное мѣсто, осматривали его и поручали кому нибудь одному снять его глазомѣрно въ нѣсколько часовъ; другіе же продолжали слѣдовать далѣе для осмотра. Затѣмъ, кроки всѣхъ осмотрѣнныхъ мѣстъ представлялись на предварительное утвержденіе генералъ-квартирмейстеровъ обѣихъ армій (послѣ соединенія ихъ), а чаще одному Толю, или же Бенигсену, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба при Кутузовѣ. Окончательное утвержденіе позиціи зависѣло уже отъ главнокомандующихъ, которые обыкновенно сами выѣзжали для ихъ осмотра. Такъ, были избраны позиціи: впереди Витебска, при Усвятьѣ, у Дорогобужа, Вязьмы, Царево-Займища, наконецъ у Бородина. Изъ нихъ только на послѣдней происходилъ бой, а всѣ прочія были признаны неудобными, причемъ сужденіе о нихъ возбуждало немалые споры. Самолюбивый и пылкій Толь обыкновенно горячо отстаивалъ одобренныя имъ позиціи и при одномъ изъ такихъ случаевъ едва не испортилъ своей карьеры. На позиціи при Усвятьѣ, неумѣстно горячо защищая ее отъ замѣчаній Барклая-де-Толли, своими неприличными отвѣтами Толь вызвалъ противъ себя рѣзкое замѣчаніе князя Багратіона, назвавшаго его при всѣхъ мальчишкою и пригрозившаго ему разжалованіемъ въ солдаты ([19]). Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующими раскритикована была позиція, избранная Толемъ у Дорогобужа, причемъ ему сдѣланъ строжайшій выговоръ, а ошибки, допущенныя имъ въ распредѣленіи войскъ, поручено исправить другому. Самолюбію Толя былъ нанесенъ страшный ударъ, и онъ подалъ рапортъ объ увольненіи отъ должности генералъ-квар-

тирмейстера. Ермоловъ свидѣтельствовалъ объ его усердіи, дѣятельности, предусмотрительности въ сраженіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, главнокомандующимъ дано было приказаніе Толю выѣхать изъ арміи ([20]).

Исторія еще не разъяснила намъ всѣхъ интригъ, происходившихъ въ штабахъ нашихъ армій въ 1812 году, но безспорно, что эти интриги были, и къ тому же имъ поддавались лица, занимавшія высшія должности въ войскахъ. Возвышеніе Толя многимъ не нравилось; это обычное явленіе въ службѣ генеральнаго штаба, которая по самой своей сущности дѣлаетъ нерѣдко необходимыми подобныя возвышенія, не стѣсняясь старшинствомъ чиновъ. Поэтому неудивительно, что съ одной стороны противъ Толя былъ вооруженъ князь Багратіонъ, не безъ участія, быть можетъ, въ томъ генераловъ Сенъ-При и Вистицкаго, а съ другой, удалось возстановить противъ него и Барклая-де-Толли, причемъ не обошлось безъ вліянія Вольцогена.

Но Толь видимо родился подъ счастливою звѣздою: судьба наказала его за неумѣстную горячность и безтактность, напомнивъ ему, какъ осмотрителенъ и остороженъ долженъ быть офицеръ генеральнаго штаба, а вслѣдъ за этимъ урокомъ пощадила его: черезъ нѣсколько дней послѣ его увольненія отъ должности, главнокомандующимъ западныхъ армій назначенъ князь Кутузовъ, давнишній, со школьной скамьи, покровитель Толя, гордившійся тѣмъ, что онъ еще въ дѣтствѣ предугадалъ его военныя способности. Обстановка главной квартиры мѣняется: новый главнокомандующій дѣлаетъ своимъ начальникомъ штаба Бенигсена, незадолго передъ тѣмъ также удаленнаго изъ арміи; генералъ квартирмейстеромъ всѣхъ армій назначается генералъ Вистицкій, какъ бы въ видѣ временной уступки Барклаю, а Толь остается при Кутузовѣ для особыхъ порученій, но въ дѣйствительности распоряжается вполнѣ квартирмейстерскими офицерами 1-й арміи, въ которую уже не назначается новаго генералъ-квартирмейстера. Во 2-ю же армію назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ подполковникъ Хоментовскій (Михаилъ Яковлевичъ), одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ, какъ по об-

разованію, такъ и по боевой опытности, пріобрѣвшій въ Турціи, подъ командою Каменскаго, Георгіевскій крестъ 4-й степени за отличіе подъ Шумлою и золотую шпагу за сраженіе при Батинѣ. Лично извѣстный съ того времени Толю, онъ, очевидно, благодаря его вліянію, получилъ мѣсто генералъ-квартирмейстера 2-й арміи въ подполковничьемъ чинѣ.

Назначеніе Вистицкаго генералъ-квартирмейстеромъ обѣихъ армій было лишь формальностію, потому что въ то же время всѣ инженерные и квартирмейстерскіе офицеры, вмѣстѣ съ понтонными ротами, были непосредственно подчинены Бенигсену и получали обыкновенно всѣ приказанія или прямо отъ него, или же отъ Толя. Вистицкій же совершенно стушевывается, его участія не видно даже подъ Бородинымъ, такъ какъ на него возложенъ былъ осмотръ и выборъ дорогъ на случай отступленія арміи отъ этой позиціи.

Уже въ періодъ великой Бородинской битвы первенствующимъ лицомъ по квартирмейстерской части является при арміи Толь, благодаря полному довѣрію къ нему Кутузова. Собственно Бородинская позиція избрана и распредѣленіе на ней войскъ было сдѣлано подполковникомъ Нейдгартомъ (Павломъ Ивановичемъ) ([21]), не безъ участія въ томъ Толя, котораго служащіе въ 1-й арміи не переставали считать генералъ-квартирмейстеромъ. Въ дѣйствительности онъ и исправлялъ эту должность, но не занималъ ея только оффиціально передъ Барклаемъ. Такъ, 23-го и 24-го Августа, Толь поручаетъ исправляющему должность оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса, поручику Липранди, постройку батарей у Горокъ, и руководитъ этой работой. 24-го числа онъ, окруженный квартирмейстерскими офицерами, слѣдитъ за движеніемъ и развертываніемъ непріятельскихъ колоннъ, выстраивавшихся противъ Шевардина. 25-го августа, при объѣздѣ Кутузовымъ позиціи, онъ выдерживаетъ продолжительный споръ съ Бенигсеномъ по вопросу о томъ, какой видъ слѣдуетъ придать центральному укрѣпленію. По свидѣтельству Липранди, бывшаго при этомъ очевидцемъ, Кутузовъ согласился съ мнѣніемъ Толя, который тутъ же сдѣлалъ всѣ распоряженія къ постройкѣ укрѣпленія, возложивъ

это на Липранди и на штабсъ-капитана фонъ-Визина, исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера 7-го корпуса. Наконецъ, въ самый день Бородинской битвы Толь находился при главнокомандующемъ и былъ посылаемъ отъ него, уже послѣ того какъ Багратіонъ былъ раненъ, на лѣвый флангъ для личнаго удостовѣренія, на сколько тамъ необходимы подкрѣпленія, а вечеромъ того же дня онъ, по порученію Кутузова, объѣзжалъ вмѣстѣ съ Хоментовскимъ войска и поле битвы; представленное имъ въ этомъ случаѣ донесеніе убѣдило Кутузова въ невозможности возобновленія боя и въ необходимости отступленія (22).

Постепенно возрастая, значеніе Толя достигло высшей степени съ того времени, какъ послѣдовало новое преобразованіе главной квартиры (16-го Сентября), по которому Вистицкій, за болѣзнію, удаленъ изъ арміи, Толь назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба, генералъ Коновницынъ—дежурнымъ генераломъ, а другъ Толя, подполковникъ Эйхенъ 2-й—начальникомъ тайной канцеляріи фельдмаршала по военнымъ дѣламъ; въ канцелярію эту тогда же назначено нѣсколько квартирмейстерскихъ офицеровъ по выбору Толя, а также и офицеръ с.-петербургскаго ополченія Михайловскій-Данилевскій, человѣкъ вовсе не военный, котораго князь Кутузовъ еще въ Петербургѣ взялъ къ себѣ въ адъютанты и привезъ затѣмъ въ армію. Зная отлично языки, обогащенный научными познаніями, вынесенными изъ Геттингенскаго университета и изъ путешествій своихъ по Европѣ въ 1807—1811 годахъ, Михайловскій-Данилевскій (23) съ Бородинскаго сраженія вступаетъ на военное поприще, которое, однако, для него временно закрылось, вслѣдствіе раны, полученной подъ Тарутинымъ. Награжденный за эти два сраженія орденами св. Анны 4-й степени и св. Владиміра также 4-й степени съ бантомъ, Михайловскій-Данилевскій, по излеченіи отъ раны, возвратился снова къ арміи и былъ принятъ, въ началѣ 1813 года, въ Свиту по квартирмейстерской части, съ переименованіемъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ штабсъ-капитаны. Такъ началась карьера военнаго писателя, столь долго пользовавшагося у насъ громкою извѣстностію и популярностію.

На новыя назначенія, по всей вѣроятности, остался не безъ вліянія пріѣздъ въ главную квартиру Кутузова, въ сел. Красную Пахру, генералъ-адъютанта князя Волконскаго, пробывшаго при арміи лишь нѣсколько дней. Вскорѣ отбылъ изъ арміи и Барклай-де-Толли, а Коновницынъ и Толь пріобрѣли полное вліяніе на удрученнаго лѣтами и болѣзнями главнокомандующаго. При арміи оставались еще два начальника штаба: одинъ Бенигсенъ, начальникъ главнаго штаба, бывшій какъ бы номинальнымъ помощникомъ главнокомандующаго, а другой—генералъ Ермоловъ, считавшійся начальникомъ штаба 1-й арміи, но въ дѣйствительности совсѣмъ оттертый отъ дѣлъ и предпочитавшій нахожденіе при авангардѣ и передовыхъ отрядахъ состоянію при главной квартирѣ, гдѣ по его словамъ, происходили безконечныя интриги, пронырства и происки. . . . . .

Безспорно, что въ этихъ интригахъ участвовалъ и Толь, который пользовался и Коновницынымъ для удовлетворенія своему громадному самолюбію. Отношенія же его къ Кутузову напоминали собою отношенія сына къ отцу. Привыкнувъ съ дѣтства глубоко уважать фельдмаршала, Толь, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, находился въ близкихъ и короткихъ съ нимъ отношеніяхъ; онъ былъ неразлученъ съ главнокомандующимъ, помѣщался обыкновенно съ нимъ въ одномъ домѣ, работалъ въ его присутствіи. При такихъ отношеніяхъ трудно сказать, да и безполезно было бы доискиваться, кому принадлежатъ вполнѣ соображенія объ отступленіи на рязанскую дорогу, о переходѣ на калужскую, о дѣлахъ подъ Малоярославцемъ, Тарутиномъ, Вязьмою и подъ Краснымъ, о паралельномъ преслѣдованіи непріятеля. Кутузову, конечно, принадлежитъ вся честь какъ одержанныхъ успѣховъ, такъ и того, что онъ съумѣлъ оцѣнить въ Толѣ человѣка способнаго и дѣятельнаго, и сдѣлать изъ него вполнѣ преданнаго себѣ помощника.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на отношеніяхъ между собою разныхъ лицъ главной квартиры нашихъ армій въ 1812 году съ тѣмъ, чтобы точнѣе очертить выдающуюся въ службѣ генеральнаго штаба личность Толя. Обратимся

теперь къ положенію и службѣ офицеровъ квартирмейстерской части въ эту достопамятную войну, которая при томъ же представляетъ тотъ важный интересъ, что это была первая кампанія, которой предшествовало опредѣлительное и точное указаніе обязанностей офицеровъ этого корпуса. Выше сказано какъ исполнялись нѣкоторые отдѣлы этой службы; къ сказанному можно прибавить, что реставрируя, такъ сказать, эту дѣятельность въ настоящее время, по скуднымъ дошедшимъ до насъ матеріаламъ, приходится вывести то заключеніе, что квартирмейстерскіе офицеры вовсе не были занимаемы канцелярскими, письменными дѣлами, но много оставили послѣ себя чертежей и кроки мѣстности, сдѣланныхъ, очевидно, въ полѣ. Отчасти это объясняется недостаткомъ картъ, сдѣлавшемся особенно ощутительнымъ послѣ отступленія за Днѣпръ, когда при каждомъ движеніи требовался осмотръ дорогъ, выборъ на самой мѣстности биваковъ и позицій; отчасти же это было слѣдствіемъ привычки къ прежнему устройству нашихъ штабовъ, или вѣрнѣе войсковыхъ дежурствъ, на которыхъ лежала вся письменная часть. Привычка эта такъ сильно привилась, что въ 1812 году даже диспозиціи, не только для движенія, но даже и для боя, составлялись въ дежурствахъ, и особенно со времени назначенія Коновницына дежурнымъ генераломъ имъ же и подписывались. Наконецъ, вообще въ тѣ времена письменная часть, со всѣми ея усложненными формами, была еще мало развита. Сообщенія, приказанія, даже донесенія, дѣлались отдѣльными записками, по большей части на клочкахъ бумаги, и то крайне неаккуратно. Даже съ передовыхъ отрядовъ главная квартира получала мало донесеній, на что встрѣчаемъ многія жалобы въ запискахъ Ермолова. Одинъ только военно-историческій журналъ веденъ былъ офицерами квартирмейстерской части довольно акуратно, и тотъ сохранился не отъ всѣхъ корпусовъ, а при главной квартирѣ веденъ былъ очень кратко.

Такимъ образомъ, служба квартирмейстерскихъ офицеровъ въ 1812 году исключительно была въ полѣ, на конѣ; это вполнѣ согласовалось съ тѣмъ идеаломъ, какой соста-

вилъ себѣ Толь объ офицерѣ генеральнаго штаба, что онъ долженъ быть способенъ сдѣлать безъ отдыха 100 верстъ на конѣ и заучить всю видѣнную имъ мѣстность. И дѣйствительно, вся служба квартирмейстерскихъ офицеровъ заключалась по преимуществу, въ обозрѣніяхъ мѣстности на конѣ.

Пока войска стояли на мѣстѣ, офицеры эти посылались для осмотра дорогъ; начиналось передвиженіе, отправлялись впередъ для выбора биваковъ, отысканія позиціи; объѣзжалъ ли позицію или бивакъ главнокомандующій, или кто либо изъ высшихъ начальниковъ, оберъ-квартирмейстеры должны были сопровождать ихъ верхомъ. Въ сраженіяхъ, они преимущественно были употребляемы для передачи приказаній и для разныхъ порученій. Относительно же назначенія ихъ для вожденія колоннъ, то это встрѣчается только въ одной диспозиціи для нападенія на Мюрата на рѣкѣ Чернишнѣ (5-го октября), гдѣ было назначено, что при начальникѣ 2-го пѣхотнаго корпуса будетъ находиться подпоручикъ Гернгросъ, при 3-мъ—подпоручикъ Озерскій, при 4-мъ—подпоручикъ Трескинъ, при 5-мъ—поручикъ Згуромали, при 6-мъ—подпоручикъ Кнорингъ, при 7-мъ—капитанъ Краузе, при 8-мъ—капитанъ Теннеръ, а при полкахъ 1-го кавалерійскаго корпуса—подполковникъ Габбе.

Служба квартирмейстерскихъ офицеровъ была не легкая, въ особенности, если принять во вниманіе всѣ неудобства бивачной жизни въ странѣ бѣдной, мало населенной, да притомъ офицеру одинокому, который, вслѣдствіе частыхъ командировокъ, не имѣетъ возможности пристроиться къ какой нибудь артели.

Вотъ какъ описываетъ это тяжелое положеніе въ своихъ неизданныхъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ, состоявшій, въ первую половину кампаніи, при штабѣ 5-го пѣхотнаго корпуса, вмѣстѣ съ братьями своими Михаиломъ и Александромъ ([24]): «Служба наша не была видная, но трудовая, потому что не проходило почти ни одной ночи, въ которую бы насъ куда нибудь не посылали. Мы обносились платьемъ и обувью и не имѣли достаточно денегъ, чтобы заново обшиться; завелись насѣкомыя, наши лошади отощали отъ

безпрерывной ѣзды и отъ недостатка въ кормѣ. Михайло началъ слабѣть въ силахъ своихъ (25), но поддержался въ здоровьи до Бородинскаго сраженія, гдѣ онъ, какъ самъ потомъ мнѣ говорилъ, къ счастію, былъ раненъ, не будучи въ состояніи болѣе выдержать усталости и нужды. У меня открылась цынготная болѣзнь.

«Всѣ приказанія и распоряженія по войскамъ гвардейскаго корпуса передаваемы были отъ Его Высочества (Великаго Князя Константина Павловича) черезъ состоявшаго при его особѣ и исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса (5-го), полковника Куруту, и потому офицеры гвардейскаго штаба находились въ его вѣдѣніи.

«Курута мало безпокоился о нашемъ положеніи», продолжаетъ далѣе Н. Н. Муравьевъ, «а только былъ ласковъ и съ привѣтствіями безпрестанно посылалъ насъ по разнымъ порученіямъ... Часто случалось, что Константинъ Павловичъ, видя насъ ночующими на дворѣ у огня и въ полной одеждѣ, т. е. въ прожженныхъ толстыхъ шинеляхъ и худыхъ сапогахъ, называлъ насъ въ шутку *тептерями*; но мы не переставали исправлять должность слуги и убирать своихъ лошадей, потому что никого не имѣли для прислуги. Впрочемъ, данная намъ кличка тептерь не сопрягалась съ понятіемъ о неблагонадежныхъ офицерахъ, напротивъ того, мы постоянно слышали похвалы отъ своего начальника, и службу нашу всегда одобряли».

Даже при главной квартирѣ положеніе квартирмейстерскихъ офицеровъ было не лучше. Бернгарди, на основаніи записокъ Толя, описываетъ, что въ то время, когда наша армія отдыхала въ Тарутинскомъ лагерѣ, главная квартира не могла похвалиться роскошью помѣщенія въ маленькой деревушкѣ, безъ господскаго дома и церкви, въ Леташевкѣ. Фельдмаршалъ занималъ крестьянскую избу въ три окна, единственная жилая комната которой служила ему пріемной, столовой, кабинетомъ; тутъ же стояла и его кровать. Толь раздѣлялъ другую подобную же комнату съ адъютантомъ главнокомандующаго. Беннгсенъ помѣстился противъ Кутузова въ нѣсколько болѣе значительномъ домѣ, куда посто-

янно приходило много посѣтителей, благодаря гостепріимству хозяина и хорошей, возимой имъ съ собою кухнѣ. Коновницынъ помѣщался въ курной избѣ съ прапорщикомъ квартирмейстерской части Щербининымъ и тутъ же, гдѣ готовился обѣдъ, помѣщалось и все главное дежурство арміи. Подъ секретную канцелярію штаба отведена была крестьянская овчарня, гдѣ въ темномъ, безъ оконъ, помѣщеніи находился всего столъ и одинъ стулъ, да большая куча соломы. Два квартирмейстерскихъ офицера, подполковникъ Габбе и поручикъ Дистъ, спали здѣсь на соломѣ; помѣщеніе это служило для пріема всѣхъ прибывающихъ въ главную квартиру и вообще свободныхъ отъ командировокъ офицеровъ квартирмейстерской части. Сюда же по вечерамъ собирались молодые офицеры изъ ближайшаго расположенія войскъ для бесѣдъ за чаемъ, при свѣтѣ единственной сальной свѣчки.

Въ матеріальномъ отношеніи квартирмейстерскіе офицеры, подобно всѣмъ офицерамъ нашей арміи, были обезпечены крайне умѣренно. Столовыхъ денегъ по должностямъ въ то время не существовало; всѣ получали только по чинамъ жалованье и раціоны, да передъ началомъ кампаніи получили Высочайше пожалованное на обзаведеніе лошадьми полугодовое жалованье на серебро. Сверхъ того, по особому ходатайству князя Волконскаго, въ Декабрѣ 1812 года, разрѣшено было выдать, на возобновленіе верховыхъ лошадей, штабъ-офицерамъ третное, а оберъ-офицерамъ квартирмейстерской части полугодовое жалованье. Собственно оклады жалованья были болѣе значительны въ высшихъ чинахъ, но крайне ограничены въ младшихъ; такъ, полковникъ получалъ въ годъ 1,085 руб. асигн. жалованья, подполковникъ—737 руб., капитанъ—464 руб., штабсъ-капитанъ—402 руб., поручикъ—274 руб., а подпоручикъ тольки 225 руб.

Нѣкоторымъ усиленіемъ содержанія служили установленные «Учрежденіемъ для большой дѣйствующей арміи», на время войны, раціоны натуральные и денежные. Всего полагалось офицерамъ Свиты по квартирмейстерской части слѣдующее число лошадей и раціоновъ:

	Лошадей: верховыхъ.	Лошадей: подъемныхъ.	Раціоновъ по чину ([26]).
Генералъ-квартирмейстеру	8	10	—
Полковнику	4	3	15
Подполковнику	3	2	10
Капитану и штабсъ-капитану	2	2	3
Поручику	2	1	3
Подпоручику и прапорщику .	2	1	2

Чинамъ, занимавшимъ оберъ квартирмейстерскія должности, прибавлялось по одной верховой лошади.

Всѣ чины обязаны были непремѣнно имѣть положенное число верховыхъ лошадей; за исполненіемъ этого строго наблюдалось, а главное, сами офицеры считали неприличнымъ своему званію не имѣть полнаго числа лошадей; многіе изъ нихъ, при возможности, держали даже болѣе ([27]). На всѣхъ штатныхъ верховыхъ лошадей отпускался фуражъ натурою, по 4 гарнца овса и 10 фунт. сѣна въ сутки. Что касается до подъемныхъ лошадей, то число ихъ дозволялось уменьшать по усмотрѣнію, и фуражъ отпускался, тѣмъ не менѣе, на все штатное число лошадей натурою, по 20 фунт. сѣна и $2^{4}/_{30}$ гарнца овса, или же деньгами, по цѣнамъ, опредѣленнымъ интендантомъ на всю кампанію, при ея началѣ.

Денежные раціоны полагались по 6 коп. сер. за каждый и выдавались вмѣстѣ съ жалованьемъ.

Было бы слишкомъ длинно и мелочно слѣдить во всей подробности службу квартирмейстерскихъ офицеровъ до появленія нашихъ армій подъ Парижемъ. Поэтому, считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь самыми общими указаніями объ этой службѣ послѣ перехода нашихъ войскъ за предѣлы Имперіи, тѣмъ болѣе, что въ главныхъ чертахъ служба эта вполнѣ уже организовалась у насъ въ 1812 году, а затѣмъ, во время войны въ Германіи и во Франціи, шла установившимся порядкомъ, подъ руководствомъ опытныхъ и притомъ увѣренныхъ въ своихъ силахъ старшихъ чиновъ квартирмейстерской части.

Съ прибытіемъ Императора Александра въ Вильну, 11-го Декабря 1812 года, послѣдовало образованіе главной квар-

тиры Государя, въ которую при начальникѣ штаба, князѣ Волконскомъ, вступили: въ должность дежурнаго генерала, квартирмейстерской части полковникъ Селявинъ, а въ званіе генералъ-квартирмейстера, только что произведенный въ генералъ-маіоры Толь. Этотъ составъ главнаго штаба Императора оставался во все время войны 1813 и 1814 годовъ и доставилъ Толю весьма видное положеніе, при которомъ вполнѣ выказались его военныя способности. По должности ему приходилось почти ежедневно бывать у Императора Александра и принимать самое близкое участіе во всѣхъ военныхъ предположеніяхъ. Труды и занятія главной квартиры усложнялись еще тѣмъ, что Императоръ Александръ, не принявъ лично главнаго начальствованія надъ союзными арміями, тѣмъ не менѣе сохранялъ надъ послѣдними свое преобладающее, руко водившее ихъ дѣйствіями, вліяніе. Политическія соображенія постоянно усложняли и затрудняли военныя операціи не только въ ихъ исполненіи, но еще болѣе въ ихъ обсужденіи и подготовкѣ. Столкновеніе интересовъ государственныхъ, личныхъ взглядовъ союзныхъ государей, разнородность состава ихъ армій, несовершенство устройства ихъ хозяйственной и административной части,—все это оказывало громадное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Все это приходилось улаживать князю Волконскому, и при томъ же не положительными приказаніями именемъ Императора, а увѣщеваніями, разными доводами, нерѣдко просьбами, склоняя союзныхъ полководцевъ къ единомыслію. Ближайшимъ помощникомъ князя въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ былъ во все время двухгодичной кампаніи Толь, который безпрестанно былъ посылаемъ для установленія соглашеній между разными главнокомандующими; такъ, въ Апрѣлѣ 1813 года его посылаютъ къ Витгенштейну, для окончательныхъ условій о наступленіи; въ Маѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ главной квартирѣ князя Шварценберга, чтобы условиться о предстоящемъ походѣ; наканунѣ славнаго Кульмскаго боя, Толь посланъ былъ передать Барклаю-де-Толли Высочайшую волю Государя о томъ, какъ вести нападеніе противъ Вандома; при сосредоточеніи союзныхъ армій къ Лейпцигу, онъ же состоялъ при

австрійскихъ главныхъ силахъ для ускоренія движенія, а во второй день великой битвы народовъ, ѣздилъ въ Лейпцигъ, для переговоровъ съ королемъ саксонскимъ, и тутъ же своими словами увлекъ войска рейнскихъ владѣтелей отложиться отъ Наполеона. Въ кампанію 1814 года, Толь большею частію находился въ авангардѣ князя Шварценберга, ежедневно донося князю Волконскому, для доклада Государю, о движеніяхъ союзныхъ и непріятельскихъ войскъ; сраженіе при Бріеннѣ, дѣйствія наслѣднаго принца виртембергскаго, сосредоточеніе союзныхъ армій къ Арсисъ-сюръ-Объ, наконецъ, движеніе къ Парижу, рѣшившее участь кампаніи, все это полно ближайшаго участія Толя. Награжденный за обѣ эти кампаніи чиномъ генералъ-лейтенанта, орденомъ св. Владиміра 2-й степени, многими иностранными орденами, наконецъ, богатою арендою, Толь спѣшилъ изъ Парижа въ Ревель къ своей невѣстѣ, съ которою былъ обрученъ передъ Отечественною войной и которой, въ видѣ брачнаго подарка, привезъ званіе фрейлины Высочайшаго Двора ([28]). Такимъ образомъ, уѣхавъ, два года тому назадъ, на войну бѣднымъ, еще мало извѣстнымъ, незадолго передъ тѣмъ произведеннымъ полковникомъ, Толь вернулся на родину украшенный почестями, пользуясь благоволеніемъ своего Государя, пріобрѣтя европейскую извѣстность, полное уваженіе въ средѣ нашей и иностранныхъ армій.

Недолго, однако, пришлось Толю пользоваться спокойствіемъ: при первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, онъ вызванъ былъ въ Вѣну для совѣщаній о предстоящемъ походѣ, а затѣмъ посланъ въ Мюнхенъ для переговоровъ относительно прохода русскихъ войскъ черезъ Баварію, а потомъ въ Нидерланды, для сообщенія Блюхеру и Велингтону предположеній союзныхъ монарховъ. Вступивъ съ русскими войсками вторично въ Парижъ, Толь, по званію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, занимался подъ личнымъ руководствомъ Государя распоряженіями къ знаменитому смотру при Вертю, этому заключительному акту трехлѣтней борьбы Александра съ Наполеономъ.

Поразительно быстра и полна отличіями карьера Толя, сдѣланная имъ въ немногіе годы борьбы съ Наполеономъ, но она далеко не была единственнымъ, исключительнымъ фактомъ въ средѣ тогдашняго нашего квартирмейстерскаго вѣдомства; можно назвать еще нѣсколько лицъ этого вѣдомства, которыя за это же время поднялись не менѣе быстро и пользовались во время кампаніи весьма виднымъ, нерѣдко преобладающимъ вліяніемъ на ходъ военныхъ операцій. Стоитъ припомнить, что при графѣ Витгенштейнѣ начальникомъ штаба былъ генералъ-маіоръ Довре, а генералъ-квартирмейстеромъ Дибичъ, который сохранилъ это званіе и при Барклаѣ-де-Толли. Оба эти лица (Довре и Дибичъ) имѣли значительное вліяніе на всѣ военныя дѣйствія. Федоръ Филиповичъ Довре пріобрѣлъ извѣстность еще въ 1812 году, какъ ближайшій помощникъ графа Витгенштейна ([29]), который неоднократно въ своихъ донесеніяхъ отзывался о немъ съ величайшими похвалами. Въ особенности успѣхъ при Свольнѣ (30-го Іюля) Витгенштейнъ прямо приписалъ своему начальнику штаба, который былъ въ этомъ дѣлѣ непосредственнымъ распорядителемъ, что и доставило Довре орденъ св. Георгія 4-й степени. Сверхъ того, за Отечественную войну Довре удостоился получить, въ теченіе менѣе одного года, ордена: св. Анны 1-й степ., алмазные знаки къ этому ордену и св. Владиміра 2-й степ., а также 5,000 руб. асигн. единовременно и пожизненную пенсію въ размѣрѣ годоваго оклада жалованья по чину генералъ-маіора (1,800 руб. асигн.). Щедрыя эти награды служили могучимъ поощреніемъ для Довре въ дальнѣйшей его службѣ; вотъ въ какихъ словахъ графъ Витгенштейнъ выставляетъ въ своемъ донесеніи Государю заслуги Довре со времени изгнанія Наполеона изъ Россіи до заключенія въ 1813 году перемирія:

«Начальникъ главнаго штаба Довре, послѣ сраженій бывшихъ подъ Чашниками и Смолянами, съ наивозможною ревностію прилагалъ свои старанія для доставленія лучшаго успѣха въ исполненіи сдѣланныхъ мною распоряженій, касательно движеній войскъ и данныхъ подъ Борисовымъ и

Студянками сраженій; равно и во время преслѣдованія непріятеля до самаго Кенигсберга и крѣпости Данцига, по окончаніи коего командированъ онъ мною былъ для блокады крѣпости Пиллау, причемъ, употребя искусство и знаніе свое, склонилъ коменданта крѣпости къ сдачѣ оной, безъ малѣйшей потери съ нашей стороны. Его попеченіемъ построены были тетдепоны на рѣкахъ Одерѣ и Эльбѣ; по его диспозиціи и подъ его начальствомъ произведена была осада крѣпости Шпандау, которая впослѣдствіи и сдалась. Послѣ сего содѣйствовалъ онъ мнѣ въ дальнѣйшихъ операціяхъ. Въ сраженіи подъ Люценомъ, пока я былъ на лѣвомъ флангѣ, онъ безпрестанно находился въ центрѣ, откуда, въ моемъ отсутствіи, дѣлалъ распоряженія и содѣйствовалъ успѣху сей части войскъ нашихъ. При отступленіи отъ Люцена къ Бауцену, особенно на первомъ маршѣ изъ Пегау къ Фрибургу, онъ распоряжался, пока я находился въ Альтенбургѣ, и принималъ надлежащія мѣры къ безопасности артиллеріи, а послѣ того назначалъ мѣста для аріергарда, чѣмъ способствовалъ успѣху ретирады. Онъ показалъ новые опыты своей опытности при выборѣ и приготовленіи бауценскаго поля сраженія и 8-го Мая былъ посланъ мною на правый флангъ, къ генералу Блюхеру, дабы надзирать за атакою, которая была ведена по сію сторону. При возвращеніи его съ сего пункта, когда непріятель сильно наступалъ на нашъ лѣвый флангъ, онъ былъ близъ деревни Надельвицъ, коею тогда овладѣли французы и при коей нашихъ войскъ не находилось. Взявъ шесть орудій, Тенгинскій полкъ и нѣсколько эскадроновъ драгунъ, онъ удержалъ сильное стремленіе непріятеля, которые хотѣли пробить центръ и обойти нашъ лѣвый флангъ. Въ послѣдствіи сдалъ онъ начальство надъ этой частію войскъ генералъ-лейтенанту Ермолову и поѣхалъ въ другія мѣста, гдѣ его присутствіе было нужно. 9-го числа находился онъ при мнѣ, а во время отступленія отъ Бауцена къ Швейдницу, дѣлалъ необходимыя распоряженія для порядка и безопасности и давалъ направленія аріергардамъ. Онъ настоятельно просилъ меня не оставлять Стригау и Яцерникъ, не смотря на повелѣніе полученное мною, и

симъ самымъ крѣпость Швейдницъ осталась занятою союзными войсками».

За всѣ эти отличія Довре произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты со старшинствомъ со дня Люценскаго сраженія.

Въ должности начальника штаба графа Витгенштейна, Довре находился и тогда, когда графъ, сложивъ съ себя званіе главнокомандующаго, остался командующимъ лишь двумя корпусами. Въ этой должности онъ состоялъ и во все время кампаніи 1814 года, какъ при Витгенштейнѣ, такъ и при его преемникѣ по командованію, Раевскомъ, заслуживъ, за это время, золотую шпагу съ алмазами, съ надписью «за храбрость» (за Лейпцигъ) и орденъ св. Александра Невскаго, кромѣ нѣсколькихъ еще иностранныхъ орденовъ. Дальнѣйшая служба Довре показала, что заслуги, оказанныя имъ въ войнахъ съ Наполеономъ, высоко цѣнились не только Императоромъ Александромъ, но и его преемникомъ ([30]).

Значеніе и извѣстность Дибича были также обезпечены успѣхами графа Витгенштейна въ Отечественную войну; по должности оберъ-квартирмейстера, на долю Дибича выпало значительное участіе въ этихъ успѣхахъ, что и доставило ему орденъ св. Георгія 3-й степени (за Клястицы), чинъ генералъ-маіора (за Полоцкъ), орденъ св. Анны 1-й степ. (за второе сраженіе подъ Полоцкомъ), золотую шпагу съ алмазами (за Смольяны), помимо объявленія Высочайшихъ благоволеній. Къ концу же 1812 года, Дибичъ является искуснымъ начальникомъ особаго отряда, посланнаго для отрѣзанія отступленія Макдональду, и не менѣе ловкимъ дипломатомъ въ переговорахъ, кончившихся отложеніемъ королевско-прусскаго корпуса Іорка отъ французовъ, за что ему пожаловано единовременно 10,000 руб. асигнаціями.

Въ 1813 году, отличія подъ Дрезденомъ, при Кульмѣ, подъ Лейпцигомъ, доставили Дибичу орденъ св. Владиміра 2-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта, который онъ получилъ на 28 году отъ роду; на высотахъ же Бельвиля, въ виду покорившагося Парижа, Императоръ пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго, а на смотру при Вертю и алмазные онаго знаки.

Въ распоряженіяхъ Дибича по должности генералъ-квартирмейстера соединенныхъ въ Богеміи армій встрѣчаемъ циркулярное распоряженіе отъ 7-го Августа 1813 года, № 183, которымъ были установлены срочныя донесенія о боевыхъ дѣйствіяхъ. Распоряженіемъ этимъ учреждены семи дневныя донесенія оберъ-квартирмейстеровъ о всѣхъ передвиженіяхъ, расположеніяхъ и дѣйствіяхъ; далѣе предписывалось, чтобы во время дѣла съ непріятелемъ, чины квартирмейстерской части непремѣнно наблюдали всѣ движенія какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ войскъ и тотчасъ же присылали бы генералъ-квартирмейстеру «подробную и вѣрную реляцію, описывая дѣло какъ можно яснѣе и упомянувъ въ которомъ часу началось дѣло и въ которомъ часу какія именно были сдѣланы движенія и какія слѣдствія оныя имѣли».

Съ того времени подобнаго рода донесенія постоянно уже требовались всѣми штабами отъ офицеровъ квартирмейстерскаго вѣдомства.

Достаточно указать на заслуги, оказанныя въ борьбѣ съ Наполеономъ этими четырьмя личностями—княземъ Волконскимъ, Дибичемъ, Толемъ и Довре, чтобы оцѣнить то значеніе и блескъ, какими должны были озариться мундиръ генеральнаго штаба и все квартирмейстерское вѣдомство, получившее полное право гордиться этими знаменитыми своими представителями. Равныхъ имъ по заслугамъ и способностямъ, мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ генеральныхъ штабовъ тогдашняго времени. Французскій генеральный штабъ былъ въ полномъ упадкѣ и въ разстройствѣ, на что жаловался самъ Наполеонъ. Одинъ изъ наиболѣе блистательныхъ представителей этого штаба, по крайней мѣрѣ по своей учености, генералъ Жомини, перешедшій въ русскую службу въ 1813 году, доказалъ это на дѣлѣ: онъ былъ принятъ высокимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, его встрѣтили вполнѣ радушно, ожидали, что, при своемъ авторитетѣ, онъ окажетъ важныя услуги. Но вскорѣ оказалось, что практическія способности Жомини не оправдали ожиданій его почитателей;

онъ оказался не искуснымъ въ такихъ дѣлахъ, которыя должны составлять одно изъ первыхъ качествъ каждаго офицера генеральнаго штаба: онъ не былъ тактикомъ, не умѣлъ быстро оцѣнивать вліяніе мѣстности, не имѣлъ глаза для оцѣнки числа непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на позиціи, или двигающихся въ виду его ([31]).

Австрійскій генеральный штабъ въ предшествовавшихъ войнахъ уже неоднократно такъ неблагопріятно зарекомендовывалъ себя, что къ нему невольно терялось всякое довѣріе. Стоявшія во главѣ его личности: начальникъ главнаго штаба, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Радецкій и генералъ-квартирмейстеръ Лангенау, конечно, имѣли многія достоинства, но далеко не могли идти въ уровень съ Волконскимъ, Толемъ и Дибичемъ.

Значительно выше стоялъ, въ то время, прусскій генеральный штабъ, благодаря даровитой личности Шарнгорста, имѣвшаго огромное вліяніе на образованіе прусскихъ офицеровъ и умѣвшаго вообще выбирать и цѣнить людей. Кромѣ Шарнгорста, прусскій генеральный штабъ того времени считалъ въ своихъ спискахъ Гнейзенау, Грольмана, Мюфлинга, Бойена, Клаузевица, Гофмана и многихъ другихъ. Изъ нихъ одинъ Шарнгорстъ могъ бы играть болѣе видную роль, какъ вслѣдствіе личнаго расположенія къ нему Императора Александра, такъ и по собственнымъ своимъ достоинствамъ, но, раненый подъ Люценомъ, онъ преждевременно умеръ. Остальныя же лица, хотя, быть можетъ, своимъ образованіемъ и стояли выше нашей квартирмейстерской части, но въ боевомъ дѣлѣ не могли, конечно, съ нею равняться, какъ по недостатку практики, такъ и по отсутствію той полной увѣренности въ своихъ силахъ, которою былъ проникнутъ въ то время каждый русскій, участвовавшій въ изгнаніи наполеоновскихъ полчищъ изъ Россіи.

Въ офицерахъ русской квартирмейстерской части увѣренность эта сильно поддерживалась еще и тѣми примѣрами, которые каждый видѣлъ въ лицѣ своихъ высшихъ начальниковъ и сослуживцевъ. Отечественная война выдвинула изъ рядовъ квартирмейстерской части, независимо отъ Толя, Ди-

бича и Довре, еще нѣсколько личностей, которыя какъ своимъ командованіемъ въ войскахъ, такъ и исполненіемъ обязанностей генеральнаго штаба, пріобрѣли право на память потомства.

Такъ, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ генераловъ борьбы съ Наполеономъ, Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ, принадлежалъ по своей начальной службѣ генеральному штабу. Кончивъ курсъ въ греческомъ кадетскомъ корпусѣ (въ Петербургѣ), Рудзевичъ, на семнадцатомъ году возраста, былъ произведенъ, въ 1792 году, прямо въ капитаны генеральнаго штаба, и будучи посланъ къ войскамъ дѣйствовавшимъ въ Польшѣ, участвовалъ въ сраженіи при Мацѣіовицахъ и на штурмѣ Праги. Послѣ этого вполнѣ боеваго начала, онъ принималъ участіе въ разныхъ съемкахъ и рекогносцировкахъ, получилъ чинъ подполковника, но, увлекаемый жаждою болѣе широкой дѣятельности, перешелъ, въ 1801 году, въ Троицкій мушкетерскій полкъ, предназначавшійся для дѣйствій на Кубани, гдѣ въ то время происходили жаркія столкновенія съ горцами. Десять лѣтъ провелъ Рудзевичъ на Кавказѣ, постоянно участвуя въ походахъ и экспедиціяхъ противъ кабардинцевъ, чеченцовъ, шапсуговъ, натухайцевъ, персіянъ и турокъ, заслужилъ здѣсь чины полковника и генералъ-маіора, орденъ св. Георгія 3-й ст. и нѣсколько другихъ орденскихъ отличій. Въ 1812 году, онъ съ бригадою двинутъ былъ на усиленіе дунайской арміи и осенью поступилъ въ составъ корпуса графа Ланжерона, съ которымъ суждено было ему раздѣлить труды и славу походовъ 1813 и 1814 годовъ. При Стаховѣ и Бриляхъ, Рудзевичъ впервые встрѣтился съ французами, и съ того времени почти постоянно былъ въ авангардѣ, даже и тогда, когда корпусъ Ланжерона поступилъ въ составъ силезской арміи. Если вспомнить важное назначеніе, предоставленное этой арміи въ 1813 году, когда она должна была наблюдать за каждымъ шагомъ Наполеона, уклоняясь отъ его ударовъ и стараясь пользоваться каждою его оплошностію, если вспомнить какъ мастерски была исполнена эта трудная роль; то станетъ очевидною заслуга того генерала, который былъ постоянно

въ ея авангардѣ. Подвиги Рудзевича въ этомъ трудномъ положеніи были вознаграждены чиномъ генералъ-лейтенанта, полученнымъ имъ на 36 году отъ роду, а за блистательное участіе въ Лейпцигскомъ сраженіи ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, независимо отъ нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ. Въ 1814 году, Рудзевичъ снова обращаетъ на себя вниманіе блистательной защитой Суассона противъ превосходныхъ силъ непріятеля и атакою высотъ Монмартра, произведенною съ 8-мъ корпусомъ, въ начальствованіе которымъ онъ вступилъ послѣ того, какъ графъ Сенъ-При былъ смертельно раненъ подъ Реймсомъ. За молодецкій штурмъ Монмартра Рудзевичъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й ст. ([32]).

Рядомъ съ Рудзевичемъ, въ 1813 и 1814 годахъ, пріобрѣлъ громкую извѣстность отличнымъ исполненіемъ квартирмейстерской службы Павелъ Ивановичъ Нейдгартъ. Выше было упомянуто объ отличіяхъ его въ финляндскую кампанію 1808 года, которая хотя и кончилась для него плѣномъ, но тѣмъ не менѣе, ознаменована отличнымъ исполненіемъ даннаго ему порученія по истребленію на Аландскихъ островахъ всѣхъ сигнальныхъ знаковъ. Возвратясь изъ плѣна, Нейдгартъ завѣдывалъ финляндскою съемкою, откуда, получивъ чинъ подполковника, вызванъ въ 1812 году, къ 1-й западной арміи. Состоя при главной квартирѣ Барклая-де-Толли, а потомъ Кутузова, Нейдгартъ преимущественно былъ употребляемъ для осмотра разныхъ мѣстностей въ тылу арміи, для выбора позицій и распредѣленія на нихъ войскъ. За Бородино, гдѣ онъ устанавливалъ войска въ боевой порядокъ сообразно съ мѣстностію, и гдѣ, по донесенію князя Кутузова, на него было возложено укрѣпленіе позиціи, Нейдгартъ былъ произведенъ въ полковники; менѣе же чѣмъ черезъ годъ послѣ этой награды Нейдгартъ произведенъ въ генералъ-маіоры, со старшинствомъ со дня Люценскаго сраженія за отличія, оказанныя имъ, какъ въ этомъ сраженіи, такъ равно и подъ Бауценомъ и на Кацбахѣ. Въ Августѣ 1813 годъ, собственно Рудзевичъ былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса графа Ланжерона, но такъ какъ онъ

былъ болѣе полезенъ въ авангардѣ, гдѣ его считали необходимымъ, то исправленіе должности начальника штаба возложено на П. И. Нейдгарта. Въ этомъ званіи онъ особенно выказалъ свои военныя дарованія въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, гдѣ ему, въ день 6-го Октября, за отсутствіемъ корпуснаго командира, пришлось измѣнить первоначально данное войскамъ направленіе, принявъ на себя полную за то отвѣтственность. Вотъ какъ Михайловскій-Данилевскій описываетъ этотъ славный и нелишенный поучительности для генеральнаго штаба подвигъ Нейдгарта ([33]).

«Блюхеръ, желая привлечь къ Лейпцигу сѣверную армію наслѣднаго принца шведскаго, поручилъ, утромъ 6-го Октября, графу Ланжерону ѣхать лично къ нему и, предоставивъ себя съ своимъ корпусомъ въ его распоряженіе, убѣдить его къ принятію участія въ предстоявшемъ въ тотъ день рѣшительномъ сраженіи. Принцъ согласился и назначилъ войска Ланжерона въ резервъ своей арміи. Въ отсутствіе графа, Нейдгартъ оставался при корпусѣ и не зналъ еще ничего о послѣдствіяхъ свиданія своего начальника съ наслѣднымъ принцемъ, когда ему дано было знать отъ начальствовавшаго авангардомъ корпуса генерала Рудзевича, что стоявшія за р. Партою войска маршала Нея изчезаютъ колонна за колонною и обращаются къ Либервольковицу, противъ главной арміи союзниковъ. Не теряя времени, Нейдгартъ отправился съ донесеніемъ къ Блюхеру и испрашивалъ его разрѣшенія дѣйствовать, но Блюхеръ, не желая отступать отъ своего предположенія, чтобы корпусъ Ланжерона состоялъ подъ начальствомъ наслѣднаго принца, предоставилъ Нейдгарту обратиться за приказаніями къ его высочеству, находившемуся тогда въ полуторѣ мили. Минута была слишкомъ важна, чтобы медлить, и положеніе главной арміи слишкомъ опасно, чтобы дозволить непріятелю соединиться противъ нея всѣми силами и нанести ей рѣшительный ударъ, почему Нейдгартъ позволилъ себѣ еще разъ изложить передъ Блюхеромъ угрожающую опасность, прося его разрѣшить корпусу дѣйствовать и атакою находившихся за Партою непріятельскихъ войскъ развлечь силы французовъ. Послѣ нѣсколькихъ ми-

нутъ молчанія, Блюхеръ отвѣчалъ, въ присутствіи начальника штаба своего Гнейзенау и адъютантовъ, что вполнѣ одобряетъ мысль Нейдгарта, но приказанія не даетъ. Разрѣшенный нѣсколько этимъ одобреніемъ фельдмаршала и имѣя въ виду пользу и важность общаго дѣла, Нейдгартъ послалъ извѣстить Ланжерона о происходящемъ, а въ то же время, подкрѣпивъ начальствовавшаго авангардомъ Рудзевича артилеріею, предложилъ ему атаковать непріятеля. Это происходило около девяти часовъ утра. Рудзевичъ немедленно переправился черезъ Парту въ бродъ. За нимъ послѣдовали прочія войска, и корпусъ графа Сенъ-При овладѣлъ частію селенія Шенфельдъ, что заставило Нея возвратиться и оттягивать свои войска, одни за другими, отъ прежняго ихъ направленія и требовать подкрѣпленій. Подъ распоряженіемъ Нейдгарта войска наши подавались болѣе и болѣе впередъ, и упорный бой кипѣлъ уже около трехъ часовъ, когда на мѣсто сраженія прибылъ наслѣдный принцъ съ состоявшимъ при немъ генераломъ П. К. Сухтеленомъ. Нейдгартъ явился къ принцу и, донеся ему о происходившемъ, получилъ въ отвѣтъ, что хотя корпусъ Ланжерона и предназначался въ резервъ сѣверной арміи, но какъ войскъ на смѣну его еще не пришло, то и должно поддерживать начатое сраженіе. Когда дѣло идетъ хорошо, присовокупилъ принцъ, то во время сраженія не годится дѣлать много перемѣнъ.

Распоряженія Нейдгарта за всѣ три дня Лейпцигскаго сраженія были награждены высокою наградою, орденомъ св. Георгія 3-й степени; сверхъ того, Нейдгарту пожалованъ командорственный крестъ шведскаго ордена Меча.

Въ 1814 году Нейдгартъ снова отличается, рядомъ съ Рудзевичемъ, подъ Суассономъ и на высотахъ Монмартра, которымъ онъ сдѣлалъ предварительную рекогносцировку подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Государю, Барклай-де-Толли говоритъ о Нейдгартѣ, что онъ «во всѣхъ случаяхъ оказывалъ наивеличайшую храбрость, усердіе и расторопность» ([34]).

Въ числѣ участниковъ Отечественной войны нельзя не вспомнить почтенную личность Фадея Федоровича Штейнгеля,

который служилъ колоновожатымъ еще при Бауре (въ 1776 году), а съ 1778 года въ генеральномъ штабѣ. Финляндія была поприщемъ его первыхъ боевыхъ опытовъ (въ войну 1788—1789 годовъ); здѣсь онъ долго занимался съемкою, и къ управленію этимъ краемъ былъ призванъ вскорѣ послѣ присоединенія его по Фридрихсгамскому миру къ Россіи. Труды по устройству Финляндіи доставили ему, въ 1812 году, графскій титулъ и въ томъ же году онъ долженъ былъ оставить ввѣренный ему край, чтобы съ особымъ корпусомъ войскъ идти на освобожденіе Риги, осаждаемой непріятелемъ. Первыя дѣйствія графа Штейнгеля подъ Ригою оказались неуспѣшными, и финляндскому корпусу пришлось испытать неудачу въ своемъ наступленіи противъ Іорка. Только уже присоединившись къ Витгенштейну, графъ Штейнгель загладилъ свои неудачи блистательнымъ участіемъ при занятіи Полоцка, въ дѣлахъ у Бабиничъ, при Чашникахъ, подъ Смольною. Однако, лѣта и здоровье Штейнгеля уже не выдерживали трудностей походовъ, и онъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, получилъ отпускъ въ Финляндію, гдѣ снова вступилъ въ званіе тамошняго генералъ-губернатора и корпуснаго командира расположенныхъ тамъ войскъ. Въ этомъ званіи онъ и оставался до 1824 года.

Говоря о высшихъ чинахъ квартирмейстерской части, отличавшихся въ ту славную эпоху, нельзя пройти молчаніемъ Романа Егоровича Ренни, барона Карла Федоровича Клодтъ-фонъ-Юргенсбурга ([35]), Михаила Ивановича Понсета. Первые двое служили съ отличіемъ при корпусѣ Винценгероде, одинъ въ должности начальника штаба, другой въ оберъ-квартирмейстерской; оба начали службу еще при Екатеринѣ и входили въ составъ Свиты по квартирмейстерской части, когда она при Императорѣ Павлѣ была немногочисленна и по преимуществу занималась съемками и черченіемъ; въ войну же съ Наполеономъ оба выказались храбрыми, распорядительными и точными высшими штабными чинами. М. И. Понсетъ ([36]) былъ переведенъ въ свиту по квартирмейстерской части въ концѣ 1811 года, уже въ чинѣ полковника, выказалъ себя храбрымъ строевымъ офице-

ромъ въ кампаніи 1806—1807 годовъ и затѣмъ на Дунаѣ, въ 1810 и 1811 годахъ, распорядительнымъ и исполнительнымъ офицеромъ квартирмейстерской части, въ должности котораго онъ былъ употребляемъ графомъ Каменскимъ и Кутузовымъ; въ теченіи этой службы онъ въ чинѣ поручика получилъ за Фридландъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», а въ Турціи, за участіе въ отбитіи сильной вылазки изъ Шумлы, удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степ. Въ 1812 году Понсетъ состоялъ сперва при главной квартирѣ Чичагова, а затѣмъ при передовомъ отрядѣ графа Воронцова, съ которымъ служба не разлучала его уже до окончательнаго выхода нашихъ войскъ изъ Франціи. За участіе въ сраженіи у Гроссъ-Берена онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ Свитѣ по квартирмейстерской части и въ этомъ чинѣ выказалъ наиболѣе крупное отличіе подъ Краономъ, гдѣ ему довелось обнаружить свои способности, какъ офицеру генеральнаго штаба и какъ храброму и стойкому строевому начальнику. По сознанію самаго графа Воронцова, Краонская позиція была выбрана Понсетомъ, который на ней же командовалъ передовымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ Тульскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ. Находясь въ первой линіи, стоя передъ своими полками на костыляхъ, вслѣдствіе раны полученной подъ Гроссъ-Береномъ, Понсетъ на присланныя ему два раза приказанія отступать отвѣчалъ: «умру, но не отойду ни шагу», такъ что командовавшій 1-ю линіею генералъ-маіоръ Вуичъ нашелся вынужденнымъ сказать ему: «ежели вашему превосходительству угодно умирать здѣсь, то можете располагать собою, но бригадѣ приказываю отступить». Такое самоотверженіе могло бы быть названо излишнимъ, но только не въ такомъ сраженіи, каково было Краонское, гдѣ вся задача корпуса графа Воронцова состояла въ томъ, чтобы привлечь на себя непріятеля и задержать его. Наградою за Краонъ для Понсета была золотая шпага «за храбрость» съ алмазами.

Съ тою же бригадою, но все-таки въ мундирѣ квартирмейстерской части, Понсетъ участвовалъ въ 1814 году въ сраженіяхъ подъ Лаономъ и Парижемъ, а затѣмъ въ 1815

году, послѣ кратковременнаго исполненія должности начальника штаба во 2-мъ и 3-мъ пѣхотныхъ корпусахъ, поступилъ въ ту же должность въ отдѣльный корпусъ графа Воронцова, оставленный во Франціи до 1818 года. Возвратясь въ этомъ году въ Россію, Понсетъ, вслѣдствіе разстроеннаго ранами здоровья ([37]), уволился въ безсрочный отпускъ и жилъ въ имѣніи своемъ въ Бессарабіи, пока событія 1828 г. не вызвали его снова къ боевой дѣятельности, кончившейся, однако, смертію его отъ гнилой горячки въ Андріанополѣ.

Справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ военныхъ писателей ([38]), что «офицеръ генеральнаго штаба образуется по образцу своихъ генералъ-квартирмейстеровъ точно такъ же, какъ духъ всевозможныхъ армій образуется по образцу своихъ главнокомандующихъ, снисходя постепенно отъ ближайшихъ начальниковъ до солдатъ». И дѣйствительно, служащіе въ квартирмейстерской части временъ Александра I, имѣя во главѣ своей такіе образцы, какъ князь Волконскій, Дибичъ, Толь, прилагали вполнѣ всѣ старанія и всю энергію къ тому, чтобы стать достойными этихъ образцовъ, чтобы, по возможности, ближе къ нимъ подойти. Поэтому неудивительно, что изъ ихъ среды вышло много личностей, которыя вполнѣ обращаютъ на себя вниманіе, какъ своею службою въ достопамятную эпоху борьбы съ Наполеономъ, такъ и въ послѣдующее время на разнообразныхъ поприщахъ. Въ это славное время начали свою карьеру въ службѣ по квартирмейстерской части: Федоръ Федоровичъ Бергъ, будущій фельдмаршалъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ, покоритель Карса, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, два брата Перовскіе, Даннепбергъ, Александръ Ивановичъ Нейдгартъ, Федоръ Федоровичъ Шубертъ, Теннеръ, Гартингъ и много другихъ; со всѣми этими лицами неоднократно придется встрѣчаться въ нашемъ повѣтствованіи. Въ это же время впервые выказали свои способности, именно на службѣ по квартирмейстерской части, князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ и Густавъ Христіановичъ Гасфортъ; первый изъ нихъ, будучи флигель-адъютантомъ и поручикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, былъ въ тоже время

дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 1-й гренадерской дивизіи, съ Іюля 1812 года по Февраль 1813 года и, находясь въ этой должности, за отличіе въ сраженіяхъ, получилъ чины штабсъ-капитана и капитана; это и послужило основаніемъ къ перечисленію его въ Свиту по квартирмейстерской части, когда онъ съ производствомъ въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба, князя Волконскаго. Точно также и Гасфортъ былъ зачисленъ въ квартирмейстерскую часть въ 1814 году, изъ инженеровъ путей сообщенія, въ томъ вниманіи, что во время борьбы съ Наполеономъ, состоя при дѣйствующей арміи, былъ постоянно употребляемъ, какъ инженеръ и какъ офицеръ генеральнаго штаба.

Вообще надо замѣтить, что князь Волконскій дѣятельно старался завлекать въ среду квартирмейстерскаго вѣдомства отличнѣйшихъ офицеровъ изъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, особенно во время наполеоновскихъ войнъ. Этимъ онъ какъ бы сближалъ тогдашній генеральный штабъ съ арміею, дѣлалъ послѣднюю участницею комплектованія перваго, а въ тоже время возбуждалъ соревнованіе между самими чинами квартирмейстерскаго вѣдомства. Онъ достигъ этимъ того, что въ войскахъ смотрѣли на переводъ въ Свиту по квартирмейстерской части, какъ на очень почетную награду, которая дѣлалась доступною каждому, кто отличался образованіемъ и способностями, что, съ другой стороны, и генеральный штабъ пересталъ быть какой то замкнутой корпораціей, дорожилъ своимъ положеніемъ, старался о томъ, чтобы дѣйствительно оправдать то высокое положеніе, которое ему предназначали. Правда, что съ тогдашними офицерами квартирмейстерской части не церемонились; такъ, въ 1811 году, 27 человѣкъ были обращены въ армію, въ 1813 году трое капитановъ переведены тѣми же чинами за неспособность, причемъ двое опредѣлены въ гарнизонные баталіоны, а третій въ армію. Но рядомъ съ этимъ для достойныхъ не скупились наградами, щедро поощряя ихъ и способствуя ихъ быстрому повышенію. Есть много примѣровъ, что, въ теченіи одного года, офицеры квартирмейстерской части получали по

два, по три чина за боевыя отличія, помимо наградъ орденами. Такъ, напримѣръ, баронъ Притвицъ, получившій за кампанію 1812 года, въ чинѣ подпоручика, орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, въ 1813 году получилъ слѣдующіе три чина, орденъ св. Анны 2-й степени и прусскій «за достоинство». Щербининъ былъ принятъ въ 1810 году колоновожатымъ, а за взятіе Парижа произведнъ въ капитаны. Гартингъ началъ службу въ 1803 году инженернымъ подпоручикомъ, въ Свитѣ по квартирмейстерской части служилъ съ 1808 года и въ 1815 году, за смотръ подъ Вертю, произведенъ въ генералъ-маіоры на тридцатомъ году отъ роду. Милорадовичъ, въ 1813 году, изъ штабсъ-капитановъ повышенъ въ подполковники и получилъ ордена: св. Анны 2-й степени и прусскій. Озерскій, начавъ кампанію 1812 года подпоручикомъ, подъ Парижемъ былъ капитаномъ, имѣвшимъ притомъ золотую шпагу «за храбрость», ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени. Наконецъ, не можемъ не остановиться на юномъ героѣ, баронѣ Романѣ Логиновичѣ Иксуль, который, изъ отставки, явился, въ 1812 году, волонтеромъ въ корпусъ графа Витгенштейна, за отличіе подъ Полоцкомъ опредѣленъ на службу въ Тульскій пѣхотный полкъ, съ повышеніемъ чина (поручикомъ), за Березину награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, и вскорѣ потомъ зачисленъ въ Свиту по квартирмейстерской части. Въ 1813 году, состоя въ партизанскихъ отрядахъ, Иксуль своими отличіями заслужилъ себѣ два чина, орденъ св. Георгія 4-й степени (за Люнебургъ, гдѣ онъ, командуя отдѣльною частію, взялъ штурмомъ городскія ворота и отбилъ два орудія), золотую шпагу, съ надписью «за храбрость», за Хемницъ, и прусскій орденъ «за военныя достоинства».

Какъ быстро выдвигали въ то время достойныхъ офицеровъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: Н. Н. Муравьевъ, съ 1811 по 1820 годъ, выдвинулся изъ колоновожатыхъ въ полковники; Александръ Николаевичъ Муравьевъ дослужился того же чина въ шесть лѣтъ службы (съ 1810—1815 г.); Петръ Андреевичъ Даненбергъ и Левъ Алексѣевичъ Перовскій, произведенные, въ 1812 году, изъ

колоновожатыхъ въ прапорщики Свиты, въ 1818 году произведены были въ полковники.

Было бы слишкомъ длинно перечислять награды, полученныя чинами квартирмейстерской части за боевыя отличія въ описываемую нами эпоху. Достаточно сказать, что отличія эти были и не составляли одиночныхъ, какъ бы случайныхъ явленій, почему и могутъ быть отнесены ко всему вѣдомству, а не только къ лицамъ. Блистательные успѣхи увѣнчали славою наше оружіе въ борьбѣ съ Наполеономъ и, конечно доля этой славы падаетъ и на тѣхъ чернорабочихъ, которые, даже не будучи никѣмъ замѣчаемы при громадности происходившихъ событій, тѣмъ не менѣе, внесли свою долю участія въ общее дѣло.

Къ тому же о трудахъ генеральнаго штаба можно судить еще и особеннымъ образомъ, такъ сказать, отрицательно: коль скоро не слышно, чтобы его бранили, то съ увѣренностью можно сказать, что дѣятельность его успѣшна, что она достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Каждому извѣстно, что выбрать добросовѣстно хорошій бивакъ, который бы вполнѣ удовлетворялъ до мелочей всѣмъ условіямъ военнымъ и хозяйственнымъ, дѣло далеко не легкое. А обратитъ ли кто вниманіе на то, что бивакъ, дѣйствительно, хорошъ, вспомнятъ ли о томъ офицерѣ, который его выбиралъ, который, можетъ быть, провелъ лишнихъ два, три часа на конѣ, послѣ боя или перехода, пренебрегая собственной усталостію, лишь бы доставить успокоеніе другимъ. Но, Боже упаси, если бивакъ чѣмъ либо не угодилъ войскамъ или начальствующимъ лицамъ: ропотъ, неудовольствіе обрушиваются съ полною силою на виновника, и уже никакихъ нѣтъ ему оправданій. Тоже самое бываетъ и при движеніи войскъ по отношенію къ дорогамъ.

По этому-то при оцѣнкѣ дѣятельности генеральнаго штаба въ военное время большое значеніе имѣетъ уже и то, если офицеровъ его хотя и не особенно хвалятъ, но и не бранятъ въ войскахъ. А если къ этому присоединяется еще, что войска видятъ этихъ офицеровъ, раздѣляющими вмѣстѣ съ прочими всѣ трудности похода и опасности боя, если къ тому же само начальство считаетъ возможнымъ награждать и воз-

вышать ихъ, во всеуслышаніе заявляя объ нхъ заслугахъ, то, кажется, это можетъ служить самымъ лучшимъ критеріумомъ для оцѣнки трудовъ генеральнаго штаба.

Память о заслугахъ и службѣ квартирмейстерской части въ достопамятную эпоху наполеоновскихъ войнъ была передана потомству еще и созданіемъ новаго учрежденія, гвардейскаго генеральнаго штаба.

По возвращеніи Императора Александра, въ 1814 году, въ Петербургъ, князь Волконскій исходатайствовалъ для своихъ боевыхъ сотрудниковъ новую милость: образованіе изъ отличнѣйшихъ по своимъ заслугамъ штабъ и оберъ-офицеровъ квартирмейстерской части—гвардейскаго генеральнаго штаба (39). Офицерамъ этимъ предоставлены въ чинахъ равныя преимущества съ полками гвардіи, а на мундирахъ въ отличіе данъ, на воротникъ и обшлага, сверхъ шитья, возлѣ красной выпушки, золотой бортикъ. Число офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба не было ограничено никакимъ штатомъ; первоначально было назначено 24 офицера (40), но потомъ постепенно число ихъ возрасло до 40. Офицеры эти до 1832 года вовсе не предназначались для службы исключительно при гвардейскихъ войскахъ, а распредѣлялись одинаково со всѣми прочими по съемкамъ и по всѣмъ войскамъ. Это было личное преимущество въ чинахъ и по содержанію, предоставляемое отличнѣйшимъ, гдѣ бы они ни служили.

Рядомъ съ чинами квартирмейстерской части, составившими себѣ карьеру, нельзя не вспомнить и тѣхъ, которымъ на долю достались лишь труды и лишенія, но не суждено было воспользоваться славою и почестями. Число таковыхъ было также не мало. Служба Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ продолженіи первыхъ пятнадцати лѣтъ нынѣшняго столѣтія была очень тяжела; это была служба, по преимуществу, боевая, такъ какъ все десятилѣтіе, съ 1805 по 1815 годъ, наполнено непрерывными войнами, и мы встрѣчаемъ въ это время многихъ офицеровъ квартирмейстерской части, которые постоянно, безъ перерывовъ, переходили съ одного театра войны на другой, не имѣя отдыха.

Многіе изъ нихъ пали въ бою съ непріятелемъ; другіе были ранены въ виду войскъ; наконецъ, значительное число офицеровъ квартирмейстерской части не перенесло этого тяжелаго, продолжительнаго напряженія силъ, чѣмъ объясняется большое число умершихъ и оставившихъ службу, за болѣзнію, къ концу наполеоновскихъ войнъ.

Обращаясь къ этимъ скорбнымъ листамъ, находимъ, что въ войну 1812—1814 годовъ, изъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части десять офицеровъ было исключено изъ списковъ убитыми, или умершими отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ; семь человѣкъ было раненыхъ, пять умерло на службѣ отъ болѣзней, въ періодъ съ 1812 по 1816 годъ, и болѣе десяти офицеровъ уволены въ отставку по болѣзни, тотчасъ по окончаніи войны, до 1816 года. Если принять во вниманіе, что, среднимъ числомъ, при дѣйствующихъ арміяхъ, во время этихъ войнъ находилось не болѣе 125 — 150 офицеровъ квартирмейстерской части, то, конечно, убыль эта будетъ составлять весьма значительный процентъ ([41]).

Почтимъ бѣглымъ воспоминаніемъ память этихъ жертвъ, содѣйствовавшихъ своей кровью славѣ русскаго оружія и дѣлу возвышенія генеральнаго штаба. Въ 1812 году квартирмейстерская часть лишилась убитыми трехъ и ранеными пяти офицеровъ; въ числѣ убитыхъ встрѣчаемъ двухъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, Гавердовскаго и Коцебу, и подпоручика Савича. Первый изъ нихъ, пріобрѣвшій себѣ уже репутацію въ Киргизскихъ степяхъ и въ Финляндіи, по сознанію Коповницына, отлично служилъ при немъ въ авангардѣ при отступленіи отъ Витебска до Бородина, и былъ убитъ 26-го августа, при отбитіи французовъ за Колочу отъ Горокъ. Подполковникъ Коцебу (Василій Августовичъ) вступилъ въ нашу службу въ 1811 году изъ австрійскаго генеральнаго штаба, имѣя уже Георгіевскій крестъ и золотую шпагу «за храбрость», полученные въ 1805 году; полный блестящихъ надеждъ, имѣя всего двадцать семь лѣтъ отъ роду, онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Полоцкомъ. Относительно подпоручика Савича

остается совершенно неизвѣстнымъ, гдѣ онъ былъ убитъ; при исключеніи его изъ списковъ просто отмѣчено, что убитъ въ 1812 году. Начавъ службу въ Свитѣ въ 1809 году, онъ постоянно находился при такъ называемой молдавской арміи; по его краткому послужному списку видно, что, не смотря на свой малый чинъ, онъ имѣлъ: золотую шпагу «за храбрость», ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й и 3-й степеней, но когда, за какія отличія получены эти награды, ничего неизвѣстно.

Въ числѣ раненыхъ въ 1812 году находимъ слѣдующихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ квартирмейстерской части: маіоръ Нейдгартъ (Александръ Ивановичъ) подъ Клястицами, а въ сраженіи подъ Бородинымъ: капитанъ Брозинъ, поручики: Бетевъ, Муравьевъ, (Михаилъ Николаевичъ), прапорщикъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ 2-й и колоновожатый Бурнашевъ; сверхъ того, контуженъ подпоручикъ Вейраухъ.

Кампанія 1813 года представляетъ намъ только одного убитаго, подъ Люценомъ, поручика Гельфрейха и раненыхъ: подъ Люценомъ, прапорщика князя Андрея Михайловича Голицына 1-го, подъ Лейпцигомъ, подполковника Мандерштерна и капитана Гасфорта, а при дѣйствіяхъ наслѣднаго принца шведскаго противъ датчанъ, поручика Терлецкаго. Сверхъ того, штабсъ-капитанъ Маркевичъ контуженъ въ голову подъ Дрезденомъ, да подъ Лейпцигомъ же раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости, едва перешедшій въ нашу службу изъ австрійской, поручикъ баронъ Зедделеръ; послѣдній родился въ Петербургѣ, но воспитывался и началъ службу въ Австріи, сперва въ гусарахъ, а потомъ въ генеральномъ штабѣ. За Ваграмское сраженіе, гдѣ онъ былъ раненъ и обратилъ на себя вниманіе своею храбростію, баронъ Зедделеръ произведенъ въ поручики; за Лейпцигское сраженіе онъ зачисленъ поручикомъ въ русскій генеральный штабъ, которому и была посвящена вся дальнѣйшая его служба.

Въ кратковременную кампанію 1814 года, Свита по квартирмейстерской части лишилась шестерыхъ офицеровъ: полков-

ника Раппателя,—подъ Феръ-Шампенуазомъ, подполковника Рошешуара—при Шатобріенѣ, капитана Хека,—подъ Реймсомъ, капитана Кноринга,—подъ Парижемъ, 18-ти лѣтняго подпоручика графа Строгонова подъ Краономъ, и поручика Лютинскаго, умершаго отъ ранъ полученныхъ подъ Парижемъ. Всѣ эти офицеры дѣлали кампанію 1812 и 1813 годовъ, но судьба не довела ихъ дождаться до окончанія этой борьбы. Сверхъ того, въ эту кампанію, подъ Напси, раненъ штабсъ-капитанъ Перовскій (Левъ Алексѣевичъ).

Въ числѣ умершихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе трое заслуженныхъ офицеровъ квартирмейстерской части, о которыхъ въ спискахъ убылыхъ показано, что они умерли отъ изнуренія; просмотрѣвъ ихъ службу, нельзя этому и удивляться: они участвовали во всѣхъ войнахъ, наполнявшихъ періодъ времени съ 1806 по 1814 годъ; это были полковникъ Соснинъ, начавшій службу въ 1787 году и зачисленный въ колоновожатые въ 1793 году, а умершій въ 1814 году, человѣкъ безъ образованія, но хорошій съемщикъ и храбрый офицеръ; полковникъ Сосновскій, выпущенный въ 1802 году изъ 1-го кадетскаго корпуса и получившій за Бородино золотую шпагу, и, наконецъ, капитанъ Зонъ, поступившій въ службу въ 1806 году колоновожатымъ. Сверхъ того, въ числѣ умершихъ отъ болѣзней вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ во время кампаніи, встрѣчаемъ: полковника Габбе, исключеннаго изъ списковъ въ 1814 году, капитана Бебера и Бруна въ 1813 году и подпоручика графа Фугасіера (изъ французскихъ эмигрантовъ), умершаго въ 1812 году. А сколько офицеровъ за эти войны болѣе или менѣе разстроили свое здоровье отъ непрерывныхъ трудовъ? Извѣстно, напримѣръ, что Ф. Ф. Шубертъ, бывшій оберъ-квартирмейстеромъ 2-го кавалерійскаго корпуса, не вынесъ къ концу 1812 года трудностей службы, и, заболѣвъ тифомъ, обязанъ своимъ спасеніемъ лишь необыкновенной заботливости о немъ генералъ-адъютанта барона Корфа.

Окончаніе войнъ съ Наполеономъ вызвало, какъ сказано выше, и значительное число увольненій изъ квартирмей-

стерской части по болѣзни, что, конечно, надо считать также слѣдствіемъ трудовъ понесенныхъ во время кампаніи, тѣмъ болѣе, что въ числѣ уволенныхъ встрѣчаются, по большей части, имена офицеровъ, которые пользовались отличной репутаціей и, оставаясь на службѣ, могли бы, конечно, сдѣлать хорошую карьеру. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1814 по 1816 годъ, вышли по болѣзни изъ квартирмейстерской части: генералъ-маіоры: Вистицкій (Андрей) и Энгельманъ, полковники: Кочетовъ, Эйхенъ 1-й, Буцковскій, Сазоновъ, Шефлеръ, Щербинпнъ, капитанъ Карновичъ, штабсъ-капитанъ Вильдеманъ.

Всѣ эти потери, понесенныя квартирмейстерскою частію во время борьбы съ Наполеономъ, служатъ также довольно вѣскимъ доказательствомъ того усердія и рвенія, съ которыми молодежь, набранная Сухтеленомъ и княземъ Волконскимъ, относилась къ службѣ. Начиная службу по квартирмейстерской части въ молодыхъ лѣтахъ, съ самыхъ младшихъ чиновъ, видя передъ собою возможность сдѣлать быстро блистательную карьеру, питомцы Сухтелена и Волконскаго проникались благороднымъ соревнованіемъ, потому что были увѣрены, что за каждымъ изъ нихъ зорко слѣдятъ и всегда оцѣнятъ его службу.

ГЛАВА X.

1815—1825.

Окончательное устройство главнаго штаба Его Императорскаго Величества, штабовъ армій и корпусовъ. Положеніе въ этихъ учрежденіяхъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Содержаніе и обмундированіе ея чиновъ. Мѣры къ правильному ихъ комплектованію; Московское учебное заведеніе, а съ 1823 года училище для колоновожатыхъ; Финляндскій кадетскій корпусъ; офицерская школа при штабѣ 1-й арміи; другіе источники комплектованія. Распредѣленіе чиновъ квартирмейстерской части и ихъ численность; занятія при войскахъ.

Образованное, послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, главное дежурство при Императорѣ Александрѣ, просуществовавъ во все время войнъ противъ Франціи, обратилось, въ концѣ 1815 года, въ постоянное учрежденіе подъ названіемъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества ([1]). Начальнику этого штаба, генералъ-адъютанту князю П. М. Волконскому, ввѣрено высшее завѣдываніе всѣми отдѣлами военнаго управленія, кромѣ хозяйственной части оставленной въ распоряженіи военнаго министра, генералъ-адъютанта Петра Петровича Коновницына. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Волконскій оставленъ управляющимъ квартирмейстерскою частію, но независимо отъ того, генералъ-лейтенантъ Толь назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго

Величества, при чемъ послѣдовало и раздѣленіе бывшей канцеляріи управлявшаго квартирмейстерскою частію: два отдѣленія, а именно: 2-е топографическое и 3-е маршрутное выдѣлены въ особую канцелярію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, а бывшее 1-е отдѣленіе (текущихъ дѣлъ) и 4-е (казначейское) образовали канцелярію управляющаго квартирмейстерскою частію и подчинены генералъ-маіору Селявину, которому ввѣрено также завѣдываніе типографіею, домомъ генеральнаго штаба, всѣми заведеніями, въ немъ находящимися, а съ Мая 1816 года и военно-топографическимъ депо, изъятымъ изъ подчиненности военному министру и поставленнымъ въ зависимость отъ князя Волконскаго. Такимъ образомъ, на обязанности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба осталось лишь завѣдываніе всѣмъ относящимся до распорядительной части по размѣщенію и движенію войскъ, а къ генералъ-маіору Селявину перешла инспекторская и хозяйственная часть; это были два ближайшіе помощника князя Волконскаго въ его сложныхъ и многотрудныхъ обязанностяхъ по квартирмейстерской части: оба они имѣли прямые у него доклады, Толь, какъ у начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, Селявинъ, какъ у главнаго начальника всей квартирмейстерской части.

Взглянемъ ближе на эти двѣ составныя части тогдашняго генеральнаго штаба, но прежде укажемъ на сложившуюся тогда же организацію штабовъ армій и корпусовъ, съ которыми въ тѣсной связи состояла и канцелярія генералъ-квартирмейстера главнаго штаба. Съ окончаніемъ войны противъ Наполеона, при возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, послѣдовало 28-го Октября 1814 года раздѣленіе нашихъ сухопутныхъ силъ на двѣ арміи, изъ которыхъ первая ввѣрена фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толли, а вторая—генералу отъ кавалеріи Бенигсену ([2]). Штаты же для штабовъ этихъ армій утверждены только черезъ два года послѣ того ([3]).

Примѣняясь къ учрежденію большой дѣйствующей арміи, завѣдываніе штабомъ каждой арміи было возложено на начальника штаба, въ каковую должность и назначены: въ

1-й арміи генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, а во 2-й сперва генералъ Рудзевичъ, а съ 1819 года, генералъ Киселевъ. Въ каждой арміи былъ особый генералъ-квартирмейстеръ (генералъ-маіоръ Гартингъ — въ 1-й, генералъ-маіоръ Хоментовскій — во 2-й), въ вѣдѣніи котораго, по примѣру главнаго штаба Его Императорскаго Величества, состояло два отдѣленія, имѣвшія каждое по старшему адъютанту съ двумя помощниками, причемъ всѣ эти лица были изъ офицеровъ квартирмейстейрсвой части; въ каждомъ отдѣленіи по штату полагалось только по одному писарю. Сверхъ того, при штабѣ арміи состояло болѣе или менѣе значительное число офицеровъ квартирмейстерской части, бывшихъ въ распоряженіи начальника штаба и генералъ-квартирмейстера арміи. Въ рукахъ послѣдняго сосредоточивалось завѣдываніе личнымъ составомъ квартирмейстерскихъ чиновъ арміи, а также и все, относящееся до передвиженія, размѣщенія войскъ, до ихъ учебныхъ сборовъ, до производства разнаго рода военныхъ съемокъ и обозрѣній въ раіонѣ расположенія арміи.

Вскорѣ послѣ учрежденія штабовъ армій вышли и штаты для корпусныхъ управленій, состоявшихъ изъ начальника штаба, дежурнаго штабъ-офицера, оберъ-квартирмейстера и четырехъ адъютантовъ, безъ означенія, должны ли послѣдніе быть изъ чиновъ квартирмейстерской части или нѣтъ ([4]). Послѣднее было вѣроятнымъ слѣдствіемъ недостатка этихъ чиновъ и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно во многихъ корпусахъ имѣлось не болѣе одного квартирмейстерскаго офицера.

Наконецъ, въ каждой дивизіи положено было имѣть двухъ офицеровъ квартирмейстерской части и одного временно прикомандированнаго къ оной изъ артиллеріи, или отъ армейскихъ полковъ ([5]). Всѣ эти офицеры состояли въ прямой подчиненности оберъ-квартирмейстера того корпуса, въ составъ котораго они входили.

При такой градаціи квартирмейстерскихъ чиновъ, оберъ-квартирмейстеры получали весьма важное значеніе: они руководили занятіями младшихъ офицеровъ, слѣдили за ними, атестовали ихъ. Контроль надъ ихъ дѣйствіями и атестаціею принадлежалъ генералъ-квартирмейстерамъ обѣихъ армій, ко-

торые затѣмъ свои заключенія о всѣхъ производимыхъ работахъ и о достоинствѣ подчиненныхъ имъ офицеровъ представляли, черезъ генералъ-маіора Селявина, на усмотрѣніе князя Волконскаго, какъ высшаго начальника всей квартирмейстерской части. Этимъ же путемъ шли и всѣ представленія генералъ-квартирмейстеровъ относительно перемѣщенія офицеровъ, ихъ содержанія и вообще вся переписка по инспекторской и хозяйственной части квартирмейстерскаго вѣдомства. Затѣмъ, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до войскъ, ихъ расположенія, передвиженій, сборовъ, до военныхъ съемокъ и картъ, вообще по занятіямъ офицеровъ, генералъ-квартирмейстеры армій сносились прямо съ Толемъ, который вѣдалъ этою частію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Съ перваго взгляда такой кругъ дѣятельности, предоставленный Толю, кажется весьма узкимъ, но надо принять во вниманіе, что по этой части предстояло очень много дѣла, такъ какъ впервые только по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Франціи обращено было серьезное вниманіе на расквартированіе войскъ. До того времени, размѣщеніе войскъ по квартирамъ у обывателей не основывалось ни на какихъ началахъ, почему, представляя крайнія неудобства для войскъ, ложилось тяжелою повинностію и на жителей. Императоръ Александръ, желая доставить успокоеніе своимъ воинамъ, обратилъ серьозное вниманіе на этотъ предметъ; несомнѣнно, что и успѣху предположеній объ устройствѣ военныхъ поселеній не мало способствовала именно мысль, что этимъ путемъ будетъ достигнуто облегченіе квартирной повинности и доставленіе войскамъ лучшихъ способовъ къ ихъ размѣщенію.

Но независимо отъ этого важнаго предмета, порученнаго непосредственному вѣдѣнію Толя, на него же, по званію генералъ-квартирмейстера, была возложена и другая важная обязанность: повѣрка и заготовленіе военныхъ картъ, необходимыхъ для расположенія и движенія войскъ, собираніе всѣхъ свѣдѣній, требующихся по этому предмету. По этой части также много еще оставалось сдѣлать, хотя тому и было положено начало «столистовою» картою Сухтелена и картою маршрутною.

По всѣмъ этимъ предметамъ, Толь непосредственно сносился съ генералъ-квартирмейстерами обѣихъ армій, поручалъ имъ разныя работы по этой части и затѣмъ въ отдѣленіяхъ своей канцеляріи дѣлалъ имъ повѣрку и сводку. Для этого рода работъ въ канцеляріи постоянно находилось, кромѣ двухъ начальниковъ отдѣленій, еще около двадцати офицеровъ квартирмейстерской части, но по штату не полагалось ни одного писаря; даже на канцелярскіе расходы не имѣлось въ началѣ никакого асигнованія, и только уже въ 1818 году назначено на этотъ предметъ 4000 рублей асигнаціями, изъ которыхъ могли быть нанимаемы писаря ([6]).

Совершенно иное въ канцеляріи управлявшаго квартирмейстерскою частію, состоявшей въ вѣдѣніи генералъ-маіора Селявина: при ней состояло только два квартирмейстерскихъ офицера въ должности начальниковъ отдѣленій, а затѣмъ имѣлось два чиновника и шесть писарей, да при типографіи, подвѣдомственной этой канцеляріи, полагался одинъ чиновникъ и семь нижнихъ чиновъ. Столь незначительный составъ прямо указываетъ на ограниченность тогдашней переписки, и тѣмъ болѣе удивителенъ, что съ 1816 года въ канцелярію управлявшаго квартирмейстерскою частію передано было и все дѣлопроизводство по хозяйству и личному составу военно-топографическаго депо.

Съ поступленіемъ этого депо въ вѣдѣніе князя Волконскаго, послѣдній принялъ званіе директора онаго и сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, являющіяся прямымъ слѣдствіемъ соединенія его съ квартирмейстерскою частію. До 1816 года депо и квартирмейстерская часть имѣли свои отдѣльныя библіотеки, собранія инструментовъ, чертежныя, особое завѣдываніе инспекторскою частію; княземъ Волконскимъ всѣ эти отдѣлы были соединены вмѣстѣ, чѣмъ пріобрѣтена нѣкоторая экономія, а главное, упрощена и объединена самая администрація.

Штатъ депо подвергся лишь незначительнымъ измѣненіямъ въ личномъ составѣ: число отдѣленій осталось прежнее (шесть), но все письмоводство и производство дѣлъ отошло изъ шестаго отдѣленія въ канцелярію управлявшаго

квартирмейстерскою частію, а само это отдѣленіе переименовано въ рисовальное и къ нему присоединена чертежная квартирмейстерской части; къ послѣдней прикомандировывались обыкновенно всѣ офицеры генеральнаго штаба, остававшіеся въ Петербургѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Такое распредѣленіе занятій депо дало возможность сократить штатную сумму, отпускаемую на содержаніе депо, съ 44,000 на 31,566 рублей.

Въ то же время библіотека депо соединена съ таковою же квартирмейстерской части. Первая изъ нихъ получала съ 1812 года по 1000 червонцевъ въ годъ на свое пополненіе, что сохранено и послѣ 1816 года. Библіотека же квартирмейстерской части получила начало въ 1811 году изъ книгъ, пожертвованныхъ княземъ Волконскимъ. Во время пребыванія нашихъ войскъ въ Парижѣ, послѣдній поручилъ подполковнику Хатову и Михайловскому-Данилевскому пріискать для библіотеки лучшія сочиненія по военной, математической, географической и исторической частямъ; вслѣдствіе чего и было пріобрѣтено до 3000 книгъ, на что Императоръ Александръ пожертвовалъ изъ собственныхъ суммъ 500 червонцевъ. Сверхъ того, съ 1816 года назначено ежегодно отпускать квартирмейстерской части по 500 червонцевъ на библіотеку.

Благодаря столь щедрымъ отпускамъ, соединенная библіотека военно-топографическаго депо и квартирмейстерской части сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ хранилищъ книгъ и картъ военнаго содержанія. Первымъ библіотекаремъ этого соединеннаго книгохранилища назначенъ былъ, въ 1816 году, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Михайловскій-Данилевскій, который, имѣя всѣ данныя, по своему многостороннему образованію, для устройства библіотеки, не могъ, однако, вполнѣ отдаться этому дѣлу, будучи постоянно отвлекаемъ поѣздками для сопровожденія князя Волконскаго при Высочайшихъ путешествіяхъ Государя Императора. Библіотекѣ генеральнаго штаба суждено было получить надлежащее устройство только уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ, благодаря трудамъ тогдашняго директора

военно-топографическаго депо, генералъ-маіора Шуберта, и библіотекаря, полковника Александра Антоновича Скалона 1-го.

Вмѣстѣ съ соединеніемъ библіотекъ, и всѣ геодезическіе инструменты, имѣвшіеся при депо, переданы въ механическую мастерскую, которая, подъ вѣдѣніемъ профессора Рейсиха, поступила въ составъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Съ подчиненіемъ военно-топографическаго депо князю Волконскому, всѣмъ классным чинамъ его присвоенъ мундиръ чиновниковъ главнаго штаба съ тою лишь разницею, что клапаны и выпушки имъ положено имѣть свѣтлосиняго сукна ([7]). На штатныя должности по депо были назначаемы по преимуществу военные чины, довольствуемые жалованіемъ по чинамъ изъ комисаріата, а для занятій, сперва временно прикомандировывались чины квартирмейстерскіе, но вскорѣ назначеніе послѣднихъ сдѣлалось постояннымъ, а съ 1817 года и имъ также даны были свѣтлосинія выпушки, для отличія отъ тѣхъ офицеровъ, которые оставались собственно при занятіяхъ по квартирмейстерской части ([8]).

Всѣ подчиненные князю Волконскому части, въ 1816 году, положено было соединить въ одномъ зданіи, но такъ какъ помѣщеніе бывшаго Молчановскаго дома оказывалось для того слишкомъ тѣснымъ, то въ 1819 году прикуплены еще смежные дома: надворнаго совѣтника Кусовникова за 600,000 рублей и тайной совѣтницы Кушелевой за 275,000 рублей, которые вмѣстѣ съ домомъ Молчанова и составили нынѣшнее великолѣпное зданіе главнаго штаба ([9]).

Въ этомъ зданіи и размѣстилась съ полнымъ удобствомъ вся квартирмейстерская часть и военно-топографическое депо со всѣми имъ подвѣдомственными учрежденіями; въ то же время при депо устроена была и особая обсерваторія, а при военно-ученомъ комитетѣ, перешедшемъ въ вѣдѣніе князя Волконскаго, съ учрежденіемъ главнаго штаба, открыто съ 1819 года, отдѣленіе квартирмейстерской части на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ существовали и два прежнія отдѣленія этого комитета, артиллерійское и инженерное. Предметомъ занятій новаго отдѣленія назначено было разсмот-

рѣніе всѣхъ проектовъ и положеній, относящихся до службы генеральнаго штаба. Собственной самостоятельности комитетъ не имѣлъ и дѣятельность его почти исключительно ограничивалась разсмотрѣніемъ разныхъ новыхъ книгъ, проектовъ и сочиненій, представляемыхъ для соисканія преміи. Всего на содержаніе всѣхъ трехъ отдѣленій комитета предназначалось 47,660 руб., изъ которыхъ 10,000 руб. были ассигнованы собственно на преміи, опыты, покупку книгъ и моделей ([10]). Первымъ начальникомъ квартирмейстерскаго отдѣленія въ военно-ученомъ комитетѣ былъ генералъ-маіоръ Фицтумъ, а непремѣнными членами генералъ-маіоръ Хатовъ и полковникъ Теслевъ 2-й. Вмѣстѣ съ тѣмъ, назначены почетными членами отдѣленія изъ квартирмейстерской части: баронъ Дибичъ, Толь, князь Меньшиковъ, Гекель, П. Н. Муравьевъ 1-й, Нейдгартъ 2-й и Вельяминовъ 3-й.

Такимъ образомъ, съ водвореніемъ мира, квартирмейстерская часть является прочно и стройно организованною подъ управленіемъ князя Волконскаго, посвятившаго ей вполнѣ свою попечительную заботливость. Пользуясь полнымъ и неограниченнымъ довѣріемъ Государя, сознавая по опыту послѣднихъ войнъ необходимость хорошо устроеннаго генеральнаго штаба, находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что и во время мира корпусъ этотъ можетъ быть крайне полезенъ во многихъ отношеніяхъ, князь Волконскій энергически, и не безъ успѣха, ходатайствуетъ за квартирмейстерскую часть, въ видахъ возможно лучшей обстановки всей службы ея чиновъ. Еще въ 1814 году учрежденъ былъ въ этихъ видахъ гвардейскій генеральный штабъ для отличнѣйшихъ квартирмейстерскихъ чиновъ. Съ возвращеніемъ же нашихъ войскъ изъ за границы послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, клонящихся къ улучшенію матеріальнаго положенія Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Въ 1816 году, всѣмъ чинамъ оной назначены за нахожденіе какъ на государственныхъ съемкахъ, такъ равно на съемкахъ и рекогносцировкахъ при корпусахъ и арміяхъ, особыя порціонныя деньги въ размѣрѣ: штабъ-офицерамъ въ 2 руб., оберъ-офицерамъ въ 1 руб. 50 коп. и колоновожатымъ по 1 руб. ассигна-

ціями въ сутки ([11]). Въ томъ же году въ день рожденія Императора, опредѣлены для всѣхъ войскъ новые оклады жалованія, причемъ гвардейскій генеральный штабъ сравненъ въ окладахъ съ гвардейскою кавалеріею, а Свита по квартирмейстерской части съ окладами армейскихъ кирасировъ. При этомъ штабъ-офицерскіе оклады получили ничтожное усиленіе: для полковниковъ лишь на 19, для подполковниковъ на 193 руб., но оклады оберъ-офицерскіе, особенно для гвардейскаго генеральнаго штаба, были значительно подняты, именно: капитанскіе на 88 и 41%, поручичьи на 112 и 68%, а подпоручичьи на 145 и 125% ([12]). Установленъ также и окладъ жалованія для прапорщичьяго чина.

Такъ какъ со введеніемъ новыхъ окладовъ жалованія отмѣнялись прежде существовавшіе дополнительные отпуски на канцелярскіе расходы и на раціоны, то оказалось, что собственно высшимъ чинамъ квартирмейстерской части, сравнительно съ другими чинами, вовсе не послѣдовало увеличенія содержанія въ той соразмѣрности, какой желало правительство. Поэтому послѣдовало, 20-го Декабря 1816 года особое Высочайшее повелѣніе о производствѣ служащимъ по квартирмейстерской части особыхъ денегъ на чертежные припасы въ размѣрѣ: генералъ-квартирмейстерамъ по 300 руб., генералъ-маіорамъ по 150 руб., полковникамъ по 85 руб. и подполковникамъ по 75 руб. ассигнаціями въ годъ.

Еще болѣе значительное увеличеніе содержанія для высшихъ чиновъ состоялось съ 1-го Января 1818 года, когда началось производство столовыхъ денегъ, причемъ генералъ-квартирмейстеры были приравнены къ начальникамъ дивизій и получили столовыя въ размѣрѣ 6,000 руб. асигнаціями, корпусные оберъ-квартирмейстеры по 2,000 руб., и старшіе адъютанты главнаго штаба и армій по 1,000 руб., а корпусныхъ и дивизіонныхъ штабовъ по 500 руб. ([13]). Только для младшихъ офицеровъ квартирмейстерской части, именно для дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, не опредѣлено было столовыхъ, что объясняется тѣмъ, что эти чины получали съ 1816 года значительные порціонныя за командировки, и въ видахъ правительства было не привязывая ихъ къ мѣс-

тамъ постоянными окладами, усиливать ихъ содержаніе посредствомъ командировокъ и порученій. Идея вполнѣ справедливая, осуществленіе которой дало возможность держать, такъ сказать, въ постоянномъ движеніи младшихъ чиновъ квартирмейстерской части, что безспорно имѣло благотворное вліяніе па ихъ служебную практику.

Кромѣ вышеозначенныхъ окладовъ содержанія, чины квартирмейстерской части пользовались также на общемъ положеніи деньщичьимъ и квартирнымъ довольствіемъ. Что же касается до фуражнаго довольствія, то съ окончаніемъ войны отпускъ онаго былъ вовсе прекращенъ, хотя и въ мирное время отъ квартирмейстерскихъ чиновъ постоянно строго требовалось, чтобы они имѣли верховыхъ лошадей. Какъ бы для провѣрки этого, а болѣе для того, чтобы чины эти имѣли возможность почаще видѣть строевыя ученья, въ 1817 году установлено ([14]), чтобы всѣ находящіеся въ Петербургѣ офицеры Свиты Его Величества по квартирмейстерской части выѣзжали ежедневно, отъ семи до девяти часовъ утра, если только морозъ не превышалъ 10°, на Семеновскій плацъ, гдѣ въ эти часы обыкновенно производились строевыя ученья; нерѣдко пріѣзжалъ туда и самъ генералъ-квартирмейстеръ баронъ Толь, не говоря уже о томъ, что на всѣхъ парадахъ, смотрахъ, маневрахъ всегда выѣзжалъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба со всѣми состоявшими при немъ офицерами. Въ то время, вслѣдствіе привычекъ, пріобрѣтенныхъ во время войнъ, офицеры даже щеголяли верховыми лошадьми и смѣлою ѣздою, а между тѣмъ выдача фуражныхъ денегъ всѣмъ офицерамъ гвардейскаго генеральнаго штаба и Свиты Его Величества по квартирмейстерской части установлена только въ 1821 году, когда положено отпускать имъ круглый годъ эти деньги на одну лошадь ([15]).

Вскорѣ послѣ возвращенія нашихъ войскъ изъ-за границы послѣдовало и измѣненіе въ формѣ обмундированія квартирмейстерской части, измѣненіе, имѣвшее нѣкоторыя существенныя основанія, но тѣмъ не менѣе принятое современниками за новое выраженіе Высочайшаго благоволенія Императора Александра къ этому учрежденію.

Со времени Петра Великаго нашъ генеральный штабъ имѣлъ шитье и весь мундирный приборъ золотой, но 4-го Іюля 1816 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому вся квартирмейстерская часть получила, вмѣсто золотаго, серебряное шитье, весь приборъ и пуговицы бѣлые.

Основаніемъ къ этой перемѣнѣ, вѣроятно, послужило желаніе уподобить мундиръ квартирмейстерской части мундиру другихъ штабныхъ чиновъ и адъютантовъ, носившихъ бѣлый приборъ, а можетъ быть и желаніе удешевить самую форму, но говорятъ ([16]), что князь Волконскій ходатайствовалъ о таковомъ измѣненіи собственно для того, чтобы самому носить съ своими подчиненными серебряный приборъ, который Императоръ Александръ всегда предпочиталъ золотому. Какъ бы то ни было, но съ этого именно времени нашъ генеральный штабъ получилъ серебряное шитье.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, всѣмъ чинамъ квартирмейстерской части, вмѣсто прежняго двубортнаго мундира, данъ однобортный съ девятью пуговицами и съ красною выпушкою, а штабъ и оберъ-офицерамъ этой части, состоящимъ при военно-топографическомъ депо, повелѣно имѣть свѣтлосинія выпушки, примѣняясь къ прочимъ служащимъ при депо, чѣмъ положено начало мундира основанному черезъ пять лѣтъ послѣ того корпуса топографовъ ([17]).

Рядомъ съ мѣрами по устройству квартирмейстерской части, князь Волконскій, тотчасъ послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, дѣятельно заботится о надлежащемъ комплектованіи ввѣреннаго ему вѣдомства, и здѣсь также дѣятельность его представляется весьма разностороннею и обширною, а главное плодотворною. Допускъ въ квартирмейстерскую часть открытъ какъ для офицерскихъ чиновъ, такъ и для молодыхъ людей, опредѣляющихся колоновожатыми; въ обоихъ случаяхъ требуется сдать экзаменъ, требованія котораго являются уже значительно усиленными противъ прежняго. Въ 1816 году установлены по этому предмету положительныя правила, а именно испытанія лицъ, поступающихъ въ квартирмейстерскую часть какъ колоновожатыми, такъ и офицерами, должны производиться въ особомъ комитетѣ; посту-

пающіе въ колоновожатые должны знать: правильно русскій языкъ и одинъ изъ иностранныхъ, географію, исторію, въ особенности русскую; изъ военныхъ наукъ—полевую фортификацію и начальную тактику, а изъ математики: ариѳметику, алгебру до уравненій 3-й степени, лонгиметрію и планиметрію. Поступающіе же въ офицеры квартирмейстерской части, кромѣ этихъ познаній, должны были еще знать: долговременную фортификацію, общія понятія изъ высшей тактики, стереометрію плоскую и сферическую, съемку и употребленіе нужныхъ при ней инструментовъ, наконецъ, имѣть понятіе о теоріи большой тригонометрической съемки ([18]).

Открывая, такимъ образомъ, всѣмъ свободный доступъ въ квартирмейстерское вѣдомство, князь Волконскій особенно заботится о доставленіи ему постоянныхъ, вѣрныхъ источниковъ для его комплектованія людьми вполнѣ образованными, и въ этомъ дѣлѣ ближайшими его помощниками опять являются Муравьевы—Николай Николаевичъ и сынъ его Михаилъ Николаевичъ.

Вступивъ снова въ службу въ 1812 году, Н. Н. Муравьевъ, въ чинѣ полковника, состоялъ начальникомъ штаба, сперва при ополченіи третьяго округа, а затѣмъ, въ 1813 году, въ корпусѣ генерала отъ инфантеріи графа Толстаго, съ которымъ и находился при блокадѣ Дрездена, гдѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Дюма̀, подписалъ сдачу этого города, а потомъ при блокадѣ Магдебурга, Гамбурга и Гарбурга и во всѣхъ сраженіяхъ, происходившихъ при этихъ крѣпостяхъ, за что разновременно награжденъ чиномъ генералъ-маіора и золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Выйдя въ отставку съ окончаніемъ войны и возвратясь въ Москву, Николай Николаевичъ съ весны 1815 года снова занялся преподаваніемъ военныхъ наукъ у себя на дому небольшому числу молодыхъ людей изъ своихъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Узнавъ о томъ, князь П. М. Волконскій тотчасъ предложилъ этимъ молодымъ людямъ вступить въ колоновожатые, что и было принято нѣкоторыми изъ нихъ. На лѣто они отправились для практическихъ занятій съ Н. Н. Муравьевымъ въ принадлежавшее ему

село Хорошево, въ 12 верстахъ отъ Москвы, а осенью къ нимъ присоединилось еще 13 новыхъ колоновожатыхъ, и курсы установились болѣе правильно. Для преподаванія математики были приглашены: профессоръ Московскаго университета Чумаковъ, и магистръ Щепкинъ, а преподаваніе географіи и статистики принялъ на себя ректоръ университета, профессоръ Геймъ. Всѣ они приняли эти обязанности безвозмездно, желая способствовать благимъ начинаніямъ Н. Н. Муравьева, который продолжалъ преподавать военныя науки. Весною 1816 года въ колоновожатые опредѣлилось еще 19 человѣкъ, а лѣтомъ всѣ они отправились на практическія занятія въ имѣніе Муравьева. Ко времени пріѣзда Императора Александра въ Москву, колоновожатые вернулись въ городъ, и имъ назначены были офицерскіе экзамены въ присутствіи князя Волконскаго и многихъ генераловъ изъ числа прибывшихъ съ Государемъ. Экзаменъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ, и 30-го Августа 1816 года шестнадцать колоновожатыхъ произведены прапорщиками въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части, а самъ Н. Н. Муравьевъ снова принятъ въ эту же часть на службу съ чиномъ генералъ-маіора и назначенъ завѣдывающимъ съемкою Московской губерніи.

Успѣхъ этотъ побудилъ князя Волконскаго оказать полное свое содѣйствіе новому учрежденію, возникавшему столь благопріятно подъ руководствомъ Н. Н. Муравьева.

Основанное имъ заведеніе получило названіе «Московскаго учебнаго заведенія для колоновожатыхъ», но осталось, по прежнему, на иждивеніи Николая Николаевича, который предоставилъ ему двухэтажный, каменный свой домъ, значительную библіотеку, большое количество инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій. Для преподаванія же наукъ къ заведенію были прикомандированы изъ Свиты по квартирмейстерской части прапорщики: Вельяминовъ-Зерновъ, Христіани и Бахметьевъ, а изъ гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Колошинъ и поручикъ М. Н. Муравьевъ. Послѣдній сдѣлался и прямымъ помощникомъ своего отца, составлялъ всѣ курсовыя программы и самый уставъ заве-

денія, который и былъ утвержденъ княземъ Волконскимъ 23-го Октября 1819 года ([19]).

По уставу въ заведеніе принимались колоновожатые и вообще молодые люди изъ дворянъ, не моложе шестнадцати лѣтъ, выдержавшіе экзаменъ въ знаніи русскаго и одного изъ иностранныхъ языковъ (французскаго или нѣмецкаго); впослѣдствіи требовались еще и начальныя основанія изъ исторіи и географіи. Число принимаемыхъ было неограничено. Весь курсъ, раздѣленный на четыре класса, продолжался только десять мѣсяцевъ. Предметы преподаванія заключались въ слѣдующемъ: 1) географія; 2) исторія—всеобщая и русская, причемъ особо еще читалась подробная древняя исторія; 4) математика: ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія плоская и сферическая, приложеніе алгебры къ геометріи, аналитическая геометрія, геодезія (сколько нужно для составленія большой тригонометрической сѣти какого либо государства), диференціальное и интегральное вычисленіе, механика твердыхъ тѣлъ и механика жидкихъ тѣлъ; послѣдніе три отдѣла были необязательны и читались лишь для желающихъ; 4) военныя науки: полевая и долговременная фортификація, общія понятія объ артиллеріи и тактикѣ (изъ послѣдней то, что надлежитъ знать квартирмейстерскому офицеру, т. е. о дѣйствіи отрядами, о рекогносцировкахъ, о расположеніи лагеря, о боевыхъ порядкахъ и маршахъ арміи, о дислокаціяхъ, объ описаніи дорогъ и т. п.), наконецъ, баталіонное и эскадронное ученья; 5) черченіе и изготовленіе плановъ, а впослѣдствіи были установлены и упражненія въ русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Вообще курсы не были обширны, ограничиваясь предметами, самыми необходимыми по тогдашнимъ понятіямъ для офицера генеральнаго штаба, но основательное ихъ знаніе требовалось со всей строгостію на экзаменахъ и главный характеръ ученія состоялъ въ томъ, чтобы возбудить любовь къ наукамъ и доставить средства заниматься ими въ продолженіи жизни.

Всѣ колоновожатые и учащіеся жили на частныхъ квартирахъ и обязаны были, съ 1-го Ноября по 1-е Мая, еже-

дневно собираться въ домъ училища для занятій съ девяти до двухъ часовъ пополудни; всѣ учебныя принадлежности каждый долженъ былъ имѣть свои собственныя. На время съ 1-го Мая по 1-е Ноября, заведеніе переѣзжало въ село Александровское, въ 110-ти верстахъ отъ Москвы, гдѣ продолжались лекціи и, сверхъ того, ученики были занимаемы съемками, разбивкою лагерей и полевыхъ укрѣпленій, а также обучались верховой ѣздѣ, для чего каждый обязанъ былъ имѣть свою собственную лошадь. На время лѣта правленіе заведенія озабочивалось, чтобы за квартиры въ крестьянскихъ избахъ съ учениковъ не брали болѣе 10-ти рублей въ мѣсяцъ, и чтобы фуражъ для лошадей былъ доставляемъ по справочнымъ цѣнамъ. Лѣтомъ заведеніе принимало вполнѣ военный видъ: дѣлались переклички, производились строевыя ученія, вечерняя заря, колоновожатые назначались дежурными, вся жизнь текла по заведенному порядку; на ночь выставлялись караулы отъ военныхъ командъ, назначаемыхъ въ распоряженіе заведенія.

Во главѣ заведенія стояли генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ 1-й и его помощникъ; преподаваніемъ занимались прикомандированные офицеры квартирмейстерской части, почти исключительно изъ числа вышедшихъ изъ этого же заведенія. Сверхъ того, каждый изъ преподавателей имѣлъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи нѣсколько учениковъ, за нравственностію, поведеніемъ и занятіями которыхъ обязанъ былъ слѣдить. Одинъ изъ офицеровъ завѣдывалъ канцеляріею заведенія, а двое, вмѣстѣ съ помощникомъ генерала, составляли ученый комитетъ, который вѣдалъ всей учебной частію, производилъ экзамены, наблюдалъ за преподаваніемъ, составлялъ программы и утверждалъ учебныя руководства ([20]). Независимо отъ экзаменовъ для перехода изъ класса въ классъ и для пріема въ заведеніе, этотъ же комитетъ производилъ ежегодно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ выпускные экзамены, по которымъ колоновожатые были производимы въ офицеры Свиты по квартирмейстерской части. Для всѣхъ экзаменовъ, по каждому предмету установлено было особое число балловъ; высшій баллъ (60) былъ за подробную древнюю ис-

торію. При выпускѣ надо было имѣть: изъ математическихъ наукъ—390 балловъ, изъ военныхъ 200, изъ общеобразовательныхъ (съ языками), 310, всего 900 балловъ, хотя допускалось производство въ офицеры и для имѣющихъ не менѣе 720 балловъ. Для перевода изъ одного класса въ другой также было опредѣлено наибольшее и наименьшее число балловъ; не удовлетворившіе этому требованію были оставляемы еще на одинъ годъ въ классѣ, послѣ чего уже исключались изъ заведенія ([21]).

Независимо отъ подготовки къ службѣ по квартирмейстерской части, Московское учебное заведеніе преслѣдовало еще и нѣкоторыя другія цѣли; такъ, съ 1819 года къ нему прикомандировывалось ежегодно нѣкоторое число кантонистовъ для обученія съемкѣ и черченію плановъ, чѣмъ подготовлено было комплектованіе учрежденнаго въ 1822 году корпуса топографовъ. Въ 1820 году, при заведеніи устроенъ высшій офицерскій классъ, въ которомъ преподавались: продолженіе чистой математики, краткая астрономія, теоретическая и математическая, геодезія и краткая военная исторія. Офицеры, проходившіе этотъ курсъ, были произведены въ 1821 году въ подпоручики, но затѣмъ эти добавочныя чтенія болѣе не возобновлялись.

Наконецъ, наиболѣе важною изъ второстепенныхъ задачъ, которую поставило себѣ Московское учебное заведеніе, было производство большой топографической съемки Московской губерніи, которая, служа для практики обучающихся, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы дать матеріалъ и для нашей картографіи. Н. Н. Муравьевъ, съ принятіемъ его, въ 1816 году, на службу по квартирмейстерской части, былъ, какъ выше сказано, назначенъ завѣдывающимъ съемкою Московской губерніи, и это, въ глазахъ правительства, была его главная офиціальная должность; для съемки собственно къ нему и были назначены квартирмейстерскіе офицеры, а учебное заведеніе считалось вполнѣ его частнымъ предпріятіемъ, почему онъ никогда, нигдѣ, ни въ офиціальныхъ документахъ, ни въ частныхъ сношеніяхъ, не именуется директоромъ или начальникомъ бывшаго въ его вѣдѣніи заведенія. Но, по

странной случайности, офиціальная дѣятельность его совершенно стушевалась и забыта, а осталась только память о принадлежавшемъ ему заведеніи. Позднѣйшіе историки нашихъ топографическихъ работъ и нашей картографіи совершенно упустили изъ виду дѣятельность по этой части Н. Н. Муравьева до такой степени, что даже въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», гдѣ включенъ обзоръ всѣхъ работъ, производившихся у насъ до 1822 года, едва только въ двухъ мѣстахъ вскользь упоминается о съемкѣ Московской губерніи, произведенной колоновожатыми ([22]), тогда какъ тамъ же сообщены многія подробности о другихъ, менѣе важныхъ и слабѣйшихъ по достоинству работахъ.

Между тѣмъ, топографическія и картографическія работы, исполненныя при Московскомъ учебномъ заведеніи, составляли замѣчательное явленіе въ свое время и заслуживаютъ вполнѣ памяти потомства. Благодаря щедрости князя Волконскаго, заведеніе было обильно снабжено инструментами: ко времени его закрытія, въ 1823 году, въ немъ находились: 1 повторительный кругъ, 3 теодолита, 12 мензулъ, 1 хронометръ, 14 промѣрныхъ цѣпей, не считая множества разныхъ другихъ инструментовъ ([23]). Такого богатства съемочными инструментами не представляетъ ни одна изъ современныхъ и даже ближайшихъ позднѣйшихъ съемокъ. Къ сожалѣнію, мы не могли найти никакихъ свѣдѣній о ходѣ занятій на московской съемкѣ, но извѣстно только: что съемка эта производилась въ масштабѣ 250 сажень въ дюймѣ, причемъ ближайшія окрестности Москвы снимались въ 100 саженномъ, а уѣздные города въ 50-ти саженномъ масштабѣ; что основаніемъ для работъ служила тригонометрическая сѣть, имѣвшая базисъ на Анофріевскомъ озерѣ; что къ 1823 году въ работѣ находилось 93 планшета съ 18-ю клапанами, или, какъ тогда называли, приклейками; что планы городовъ: Волоколамска, Звенигорода, Воскресенска, Можайска, Рузы и Вереи, были въ то время готовы; наконецъ, что еще въ 1821 году, Н. Н. Муравьевъ, за представленную имъ карту окрестностей Москвы въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ,

на четырехъ листахъ, составленную со съемокъ колоновожатыхъ, удостоился получить Монаршее благоволеніе и постоянныя столовыя деньги, въ размѣрѣ 4,000 руб. асигн. въ годъ ([24]).

Карта эта, будучи награвирована штатными художниками Колпаковымъ и Фроловымъ, издана въ 1823 году при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества, и въ настоящее время служитъ образцомъ прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ исполненія, какъ по отчетливости и ясности всѣхъ условныхъ знаковъ, такъ и по самой гравюрѣ. Это положительно наша первая топографическо-картографическая работа, исполненная съ полнымъ совершенствомъ, и вполнѣ принадлежащая нашему генеральному штабу. Даже въ 1874 году, при посѣщеніи австрійскимъ императоромъ военно-топографическихъ работъ главнаго штаба, карта эта была представлена въ числѣ образцовъ нашего картографическаго искусства.

Вышеизложенное достаточно свидѣтельствуетъ, что московская съемка производившаяся съ 1816 по 1823 годъ, подъ руководствомъ Н. Н. Муравьева и состоявшихъ при немъ офицеровъ, имѣла весьма важное значеніе, какъ практическая школа генеральнаго штаба, давшая ему многихъ отличныхъ съемщиковъ, которые потомъ долго служили главными дѣятелями по нашимъ государственнымъ съемкамъ, даже и тогда, когда послѣднія отошли въ вѣдѣніе корпуса топографовъ.

Въ концѣ 1822 года, разстройство здоровья Н. Н. Муравьева, а также и его домашнихъ дѣлъ, не позволявшихъ ему болѣе дѣлать значительныхъ пожертвованій, заставили его просить объ увольненіи отъ службы, вслѣдствіе чего онъ получилъ 15-го февраля 1823 года отставку за болѣзнію, съ мундиромъ, но безъ пенсіона ([25]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, личный составъ Московскаго учебнаго заведенія былъ переведенъ въ С.-Петербургъ; гдѣ образовалось казенное училище для колоновожатыхъ на новыхъ основаніяхъ.

Всего въ Московскомъ учебномъ заведеніи, съ 1816 по 1823 годъ, перебывало около 180 колоновожатыхъ и нѣ-

сколько пажей. Изъ этого числа, по окончаніи курса въ заведеніи, 127 человѣкъ произведены въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, а 11 выпущены офицерами же въ разные армейскіе полки (26). Многіе изъ числа этихъ, такъ называемыхъ нерѣдко муравьевскихъ питомцевъ, достигли впослѣдствіи высшихъ званій и должностей; по общимъ отзывамъ, всѣ они вынесли изъ Московскаго учебнаго заведенія самыя теплыя и пріятныя воспоминанія, самыя искреннія чувства уваженія, благодарности и признательности къ своему бывшему руководителю и наставнику. Какъ уже выше замѣчено, курсъ ученія въ этомъ заведеніи не былъ обширенъ, особенно сравнительно съ курсами нынѣшнихъ военно-учебныхъ заведеній, но за то въ немъ очень сильно было нравственное вліяніе на учащихся всѣхъ начальствующихъ лицъ. Это была единственная въ своемъ родѣ школа, въ которой всѣ преподаватели и воспитатели, связанные общностію носимаго ими и высокочтимаго мундира, подготовляли себѣ же сотоварищей по службѣ и будущихъ сотрудниковъ по занятіямъ. Хотя въ заведеніе поступало очень много богатыхъ людей, принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ, но это не имѣло никакого вліянія на общій ходъ занятій и на духъ заведенія. По отзыву одного изъ бывшихъ учениковъ заведенія, тотъ только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно велъ себя, пользовался справедливымъ вниманіемъ начальства и уваженіемъ товарищей (27). Къ тому же Н. Н. Муравьевъ извѣстенъ былъ по своему необыкновенному такту и полнѣйшему знанію юношеской природы. Снисходительный къ поступкамъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего предосудительнаго, онъ бывалъ строгъ и даже подвергалъ виновнаго исключенію изъ заведенія, когда проступокъ показывалъ испорченность характера, явный предосудительный порокъ. Качества воспитателей не могли не отразиться на ученикахъ, которые по общимъ отзывамъ, отличались не только образованіемъ, усердіемъ къ службѣ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но также прямотою, честностію характера; вообще многіе изъ

нихъ были, людьми стоявшими значительно выше современнаго имъ общества.

Во время закрытія Московскаго учебнаго заведенія, въ немъ состояло: 1 штабъ-офицеръ, 12 оберъ-офицеровъ, изъ числа которыхъ шестеро прапорщиковъ занимались съемками и только 13 колоновожатыхъ (28); сверхъ того при заведеніи состояло 10 топографовъ, 4 кантониста и 7 сторожей изъ служащихъ нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа прапорщики были отправлены на виленскую съемку, а прочіе офицеры и колоноважатые вытребованы въ Петербургъ, гдѣ все уже было приготовлено къ открытію новаго училища. 27 Апрѣля 1823 года княземъ Волконскимъ утверждено положеніе для новаго училища колоновожатыхъ, составленное генералъ-адъютантомъ барономъ Толемъ, при содѣйствіи генералъ-маіора Хатова, тогда же назначеннаго директоромъ училища (29).

По новому положенію, училище предназначалось для 60 колоновожатыхъ, которые жили въ заведеніи и при поступленіи обязаны были вносить 200 руб. на обзаведеніе (мебель, столовое бѣлье, посуду и проч.); столъ, одежду, бѣлье (кромѣ столоваго), учебныя пособія, кромѣ чертежныхъ и письменныхъ принадлежностей, содержали на свой собственный счетъ; имъ позволялось имѣть свою прислугу, но съ тѣмъ, чтобы число слугъ не превышало на все заведеніе 20, и чтобы они были одѣты по однообразной формѣ. Отъ казны колоновожатые получали помѣщеніе въ училищѣ, жалованіе по 150 руб. въ годъ и казенный провіантъ. Вступленіе въ колоновожатые опредѣлялось экзаменомъ, болѣе обширнымъ противъ прежняго; на немъ требовалось: знаніе русскаго и одного изъ иностранныхъ языковъ, географіи, всеобщей и русской исторіи, ариѳметики, начальныхъ основаній алгебры до уравненій 1-й степени, лонгиметріи и планиметріи, начальныхъ понятій о полевой фортификаціи, рисованіе или черченіе плановъ. Курсъ въ самомъ училищѣ полагался двухъгодичный, причемъ въ низшемъ классѣ проходились: русскій и иностранные языки, ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени, лонгиметрія, планиметрія и стереометрія,

полевая фортификація, чистая тактика пѣхоты и кавалеріи, черченіе плановъ, исторія—древняя, средняя и русская. Въ верхнемъ же классѣ были преподаваемы: тѣ же языки, что и въ нижнемъ, приложеніе алгебры къ геометріи, тригонометрія плоская и сферическая, аналитическая геометрія, геодезія, долговременная фортификація, артиллерія и ея тактика, высшая или прикладная тактика и кастраметація, составленіе и черченіе всякаго рода картъ, новѣйшая исторія, особенно военная, географія и статистика. Верхній классъ былъ обучаемъ въ верховой ѣздѣ.

Классныя занятія продолжались лѣтомъ съ 8, а зимою съ 9 часовъ до 2-хъ часовъ пополудни, съ получасовымъ перерывомъ въ серединѣ. Курсъ ученія продолжался безпрерывно круглый годъ, кромѣ нѣсколькихъ недѣль, назначаемыхъ на приготовленіе къ экзаменамъ, которые производились въ началѣ каждаго года. Отличнѣйшіе колоновожатые верхняго класса прикомандировывались для практики на нѣсколько недѣль къ топографическимъ съемкамъ въ окрестностяхъ Петербурга, а передъ производствомъ въ офицеры отсылались въ гвардейскіе полки, также на нѣсколько недѣль, для ознакомленія съ строевою службою.

Училище было вполнѣ подчинено генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества, подъ предсѣдательствомъ котораго производились и выпускные экзамены. Для атестаціи принята десятичная система, причемъ каждый предметъ имѣлъ свое особое число балловъ, такъ что полное число балловъ полагалось: въ языкахъ—160, въ исторіи—130, въ географіи и статистикѣ—110, въ математикѣ—350, и въ военныхъ наукахъ—500; всего за науки 1,250 балловъ, да за поведеніе 100. Для производства въ офицеры обучающійся долженъ былъ имѣть не менѣе 900 балловъ за науки и 90 балловъ за поведеніе.

Управленіе училищемъ состояло изъ директора, инспектора, который въ тоже время завѣдывалъ канцеляріей, пяти оберъ-офицеровъ квартирмейстерской части, эконома изъ классныхъ чиновниковъ, унтеръ-офицера для присмотра за чистотою и за служителями и двухъ писарей. Одинъ изъ оберъ-офицеровъ

состоялъ въ должности помощника инспектора классовъ и завѣдывалъ письмоводствомъ въ канцеляріи, а прочіе четыре назначались для наблюденія за нравственностію, поведеніемъ и опрятностію колоновожатыхъ, которые были разбиты между этими офицерами на четыре отдѣленія. Офицеры эти обязаны были жить въ одномъ помѣщеніи съ колоновожатыми; они же занимались преподаваніемъ, но въ случаѣ надобности для чтенія лекцій приглашались и другіе офицеры квартирмейстерской части. Десять лучшихъ по поведенію колоновожатыхъ исправляли должности фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ и назначались въ помощь оберъ-офицерамъ для наблюденія за своими товарищами. Ежедневно одинъ офицеръ и одинъ колоновожатый назначались дежурными по заведенію.

Положеніемъ особо строго, и даже мелочно, опредѣлялся весь внутренній порядокъ заведенія, отношенія начальственныхъ лицъ, какъ между собою, такъ и къ колоновожатымъ. Видимо, новому училищу желали придать вполнѣ военную обстановку строго казеннаго, закрытаго заведенія, чтобы съ перваго же разу выказать полное отличіе его отъ частнаго учрежденія Муравьева, въ которомъ, конечно, школьная дисциплина не могла имѣть полнаго развитія. Въ этихъ видахъ, съ 1824 года въ училище командировались гвардейскіе унтеръ-офицеры для обученія колоновожатыхъ стойкѣ, маршировкѣ, правиламъ отданія чести и т. п. Въ новомъ заведеніи жизнь колоновожатыхъ была строго регулирована: къ восьми часамъ утра они должны были быть вполнѣ готовы, и дежурный офицеръ строилъ ихъ для переклички и осмотра чистоты одежды, послѣ чего въ порядкѣ, рядами велъ въ классъ; завтракать они могли въ своихъ комнатахъ до восьми часовъ. Въ два часа, снова строемъ, дежурный велъ ихъ изъ классовъ, а затѣмъ къ обѣду, послѣ котораго до девяти часовъ вечера колоновожатые располагали временемъ по своему усмотрѣнію и могли даже принимать гостей въ особо для того назначенной комнатѣ; только женщины отнюдь не допускались къ посѣщеніямъ. Послѣ ужина снова дѣлалась перекличка, и въ одинадцать часовъ гасились всѣ огни въ заведеніи.

Куреніе, игра въ карты, чтеніе книгъ, не разрѣшенныхъ инспекторомъ, строго воспрещались. Увольненіе въ отпускъ дѣлалось только въ праздники по билетамъ, съ разрѣшенія директора; въ будни, съ трехъ до девяти часовъ вечера, могли быть отпускаемы изъ училища лишь тѣ, которые, по засвидѣтельствованію родителей, брали на сторонѣ какіе-либо частные уроки. Посѣщеніе театровъ, маскарадовъ, концертовъ, кондитерскихъ и ресторановъ, ѣзда въ экипажахъ строго воспрещались. За всякое нарушеніе установленныхъ положеній налагались разнообразныя наказанія, выговоры, лишеніе отпуска, занесеніе на черную доску, отдѣленіе за особый столъ, разнаго рода аресты, наконецъ, исключеніе изъ заведенія съ назначеніемъ на службу въ армію унтеръ-офицерами.

Собственно на содержаніе училища никакихъ особыхъ асигнованій не было, кромѣ 10,000 руб., назначенныхъ на столовыя директору и служащимъ и на вознагражденіе преподавателямъ; изъ этой суммы директоръ получалъ по 2,000 руб., въ годъ, инспекторъ по 900 руб., а преподаватели отъ 500 до 800 руб., смотря по числу занятій. На столъ, содержаніе прислуги и мытье половъ колоновожатые дѣлали особую складчину, по 30 руб. въ мѣсяцъ, за что получали отъ эконома обѣдъ въ три и ужинъ въ два блюда; завтраки и чай колоновожатые могли имѣть на свой счетъ; для питья дозволялась только вода и квасъ. Вся кухонная посуда, столовый приборъ и мебель были казенные, заведенные изъ экономической квартирмейстерской суммы; изъ этой же суммы нанимался для колоновожатыхъ, за 7,000 руб. въ годъ, домъ купца Таля ([30]), а на пополненіе ея поступали единовременные взносы, дѣлаемые колоновожатыми при поступленіи въ училище, фуражныя деньги слѣдующія на ихъ лошадей, которыя въ дѣйствительности не содержались, а равно и отпускаемыя по 6 руб. въ годъ на лошадь ремонтныя деньги на сбрую и сѣдельный приборъ. Такимъ образомъ и съ переходомъ въ С.-Петербургъ училище колоновожатыхъ стоило казнѣ весьма немного.

Въ такомъ видѣ С.-Петербургское училище для колоно-

вожатыхъ просуществовало только три года, до лѣта 1826 года, когда оно, по Высочайшему повелѣнію, было упразднено. За время своего краткаго существованія оно дало весьма немного офицеровъ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, всего 22 чел. (31).

Казалось бы, что съ переходомъ въ Петербургъ училище ничего не могло проиграть, а скорѣе должно было выиграть; въ немъ остались тѣ же воспитатели—Колошинъ, Христіани, Ладыженскій, Крюковъ, не стало только Н. Н. Муравьева, замѣненнаго столь же достойнымъ генераломъ Хатовымъ, да заведеніе сдѣлано закрытымъ. Но послѣднее условіе болѣе всего повліяло на самую жизнь заведенія и измѣнило всѣ отношенія между начальствующими лицами и учащимися. Въ московскомъ заведеніи все держалось полнѣйшимъ уваженіемъ и довѣріемъ учащихся къ Н. Н. Муравьеву и его сотрудникамъ, а также и необыкновеннымъ тактомъ Николая Николаевича въ его обращеніи съ воспитывающимися юношами, которыхъ онъ порабощалъ своимъ умѣніемъ руководить ими. Теперь же колоновожатые стали относиться враждебно къ своимъ наставникамъ, какъ къ надзирателямъ и притѣснителямъ; къ тому же и генералъ Хатовъ былъ постоянно болѣе занятъ своими учеными трудами, чѣмъ ввѣреннымъ ему юношествомъ; малодоступный, несообщительный, онъ, при всемъ желаніи своемъ, не въ состояніи былъ оказать вліянія на своихъ подчиненныхъ, а тѣмъ болѣе внушить имъ довѣріе къ себѣ (32).

При такомъ положеніи, въ основу училищной жизни колоновожатыхъ легла строгость и постоянный страхъ наказанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали болѣе часто проявляться разнаго рода нарушенія мелочныхъ и даже болѣе крупныхъ постановленій; примѣнены были и строгія карательныя мѣры: за три года переведено въ армію унтеръ-офицерами и даже рядовыми болѣе 20 колоновожатыхъ, такъ что число исключенныхъ за наказаніе почти равнялось числу окончившихъ курсъ и выпущенныхъ въ Свиту. Строгость эта возбуждала опасенія на счетъ поступленія въ колоновожатые, почему число послѣднихъ видимо стало уменьшаться, и ко

дню закрытія училища въ немъ всего находилось только 28 колоновожатыхъ.

Независимо отъ комплектованія изъ колоновожатыхъ, Свита Его Величества по квартирмейстерской части могла разсчитывать на поступающихъ въ нее изъ Пажескаго Его Величества корпуса и изъ незадолго передъ тѣмъ открытаго Императорскаго Царскосельскаго (нынѣ Александровскаго) лицея. Пажескій корпусъ пользовался правомъ выпуска въ квартирмейстерскую часть еще съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но до 1817 года далъ этому вѣдомству только пять офицеровъ. Затѣмъ, число выпускаемыхъ въ Свиту нѣсколько увеличилось послѣ 1817 г., такъ что до 1826 г. этимъ путемъ квартирмейстерское вѣдомство получило всего 15 офицеровъ ([33]). Хотя въ Пажескомъ корпусѣ проходили военныя науки, но тѣмъ не менѣе предназначаемые изъ онаго для производства въ квартирмейстерскіе офицеры подвергались особому испытанію, наравнѣ со всѣми поступающими въ это вѣдомство, на основаніи положенія 1816 года, точно также какъ и выходящіе изъ лицея.

Царскосельскому лицею при самомъ учрежденіи его въ 1810 году предоставлено было выпускать кончившихъ въ ономъ курсъ, какъ гражданскими чинами, такъ и офицерскими въ военную службу, примѣняясь къ положенію, по этому предмету существовавшему въ Пажескомъ корпусѣ ([34]).

Въ первоначальномъ положеніи о лицеѣ ничего, однако, не говорится, чтобы установлены были какіе либо дополнительные курсы для воспитанниковъ, желающихъ идти въ военную службу, и пробѣлъ этотъ пополненъ только въ 1816 году, когда въ лицеѣ введено обученіе верховой ѣздѣ и установлена въ окончательномъ курсѣ каѳедра военныхъ наукъ, съ предоставленіемъ ей девяти учебныхъ часовъ въ недѣлю. Занимавшій эту каѳедру въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1816—1820 г.) инженеръ-полковникъ Эльснеръ читалъ лицеистамъ только артилерію, полевую и долговременную фортификацію; болѣе же правильное преподаваніе военныхъ наукъ установилось въ лицеѣ лишь съ 1821 года, когда профессоромъ оныхъ сдѣланъ былъ Карлъ Петровичъ Сентъ-Андре,

бывшій поручикъ виртембергской службы, оставшійся плѣннымъ въ Россіи въ 1812 году ([35]). Замѣчательно, что, не смотря на вызовы лицея, между квартирмейстерскими офицерами того времени вовсе не находилось желающихъ заниматься преподаваніемъ военныхъ наукъ; каждый на столько дорожилъ своею спеціальностію, что считалъ всякое отвлеченіе отъ нея неумѣстнымъ и даже вреднымъ для своихъ занятій. Отъ этого и послѣ Сентъ-Андре каѳедру военныхъ наукъ въ лицеѣ занялъ капитанъ 1-го кадетскаго корпуса Александръ Васильевичъ Устиновъ, занимавшій ее съ 1824 по 1829 годъ, т. е. до самаго ея упраздненія ([36]).

Вмѣстѣ съ установленіемъ каѳедры военныхъ наукъ положено, что лицеисты, подлежащіе выпуску въ гвардію, должны быть, прежде производства въ офицеры, прикомандированы на нѣкоторое время къ гвардейскимъ войскамъ, для практическаго ознакомленія съ строевою службою, а выпускаемые въ армію, для той же цѣли, отсылались сперва во 2-й кадетскій корпусъ, а впослѣдствіи въ Образцовый полкъ.

Право выпуска въ офицеры было распространено и на воспитанниковъ пансіона, состоявшаго при лицеѣ и имѣвшаго съ послѣднимъ совершенно одинаковые курсы. Хотя съ 1817 по 1819 годъ изъ лицея и его пансіона выпущено въ военную службу 128 офицеровъ, но изъ этого числа только четверо произведены были прямо въ квартирмейстерскую часть, да одинъ, будучи выпущенъ изъ лицейскаго пансіона въ армію, вскорѣ былъ причисленъ къ генеральному штабу и затѣмъ переведенъ въ оный ([37]).

Лицей, какъ заведеніе чисто гражданское и не подчиненное притомъ же квартирмейстерской части, и не могъ имѣть большаго участія въ ея комплектованіи, почему гораздо болѣе надеждъ въ этомъ отношеніи подавали тогдашніе кадетскіе корпуса и особенно недавно открытый Финляндскій кадетскій корпусъ. На нихъ то и обращено было вниманіе князя Волконскаго, чтобы, по возможности, брать лучшихъ изъ нихъ учениковъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части.

Еще въ 1812 году графъ Армфельтъ основалъ, для подготовки финляндскаго юношества къ военной службѣ, Гапаньемскій топографическій корпусъ, въ которомъ все преподаваніе было направлено къ развитію математическаго и военнаго образованія. Это-то заведеніе князь Волконскій и предполагалъ обратить въ новый источникъ для комплектованія квартирмейстерской части. Вслѣдствіе его ходатайства корпусъ этотъ былъ ему непосредственно подчиненъ въ концѣ 1817 года, а въ 1819 году переведенъ въ Фридрихсгамъ, гдѣ ему дано новое устройство подъ названіемъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. По обыкновенію, Волконскій не скупился въ средствахъ и для этого новаго заведенія: на постройку дома для него было назначено единовременно 233,000 руб., да на первоначальное обзаведеніе 10,150 руб., при постоянномъ ежегодномъ отпускѣ въ 52,744 руб. асигн. Штатъ корпуса опредѣленъ первоначально на 60 кадетовъ, а въ 1822 году къ нему было присоединено частное училище Грипенбаха изъ Тавастгусской губерніи, составившее малолѣтнее отдѣленіе въ 30 учениковъ. Курсъ ученія опредѣленъ шестилѣтній, причемъ особенное вниманіе обращено на занятія математикою, съемками и черченіемъ плановъ. Кончающіе курсъ, смотря по успѣхамъ экзаменовъ, назначались на службу въ гвардію, генеральный штабъ, въ артиллерію и армію. Чтобы ближе связать этотъ корпусъ съ квартирмейстерскою частію, служащимъ въ немъ офицерамъ данъ былъ мундиръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но съ желтою выпушкою, а первымъ шефомъ или директоромъ корпуса назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Фіантъ, замѣненный въ 1819 году генералъ-маіоромъ Теслевымъ 2-мъ, извѣстнымъ своими астрономическими и геодезическими познаніями (38).

Выпуски въ квартирмейстерскую часть изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса продолжались съ 1817 по 1826 годъ и всего дали 34 офицера, главную спеціальность которыхъ составляли съемки и черченіе плановъ, хотя было между ними и нѣсколько боевыхъ офицеровъ (39).

Почти при каждомъ изъ таковыхъ выпусковъ были переводимы въ Свиту одинъ или двое изъ числа корпусныхъ офицеровъ, которые по большей части оставались и послѣ того при корпусѣ, а иногда были назначаемы прямо на государственныя съемки.

Наконецъ, въ 1825 году сдѣланъ былъ опытъ прямаго выпуска въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части изъ другихъ кадетскихъ корпусовъ, причемъ 13 воспитанниковъ удостоились этой чести ([40]), но опытъ этотъ и ограничился лишь однимъ 1825 годомъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году положено было не принимать въ генеральный штабъ чиновъ ниже поручика.

Всѣ эти мѣры, принятыя для комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства, повидимому, казались все еще недостаточными для доведенія этого корпуса офицеровъ до такой численности, при которой можно было дать надлежащее развитіе государственнымъ съемкамъ, не ослабляя занятій офицеровъ при войскахъ. Отсюда замѣтное усиленіе послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ переводовъ въ Свиту изъ постороннихъ вѣдомствъ и преимущественно изъ корпуса военныхъ инженеровъ и инженеровъ путей сообщенія, гдѣ скорѣе всего можно было найти лицъ, уже подготовленныхъ къ съемкамъ. Такъ въ одномъ 1816 году переведено въ Свиту по квартирмейстерской части пять поручиковъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и пять офицеровъ инженернаго вѣдомства, причемъ всѣ они были прямо зачислены въ 3-е отдѣленіе военно-топографическаго депо. Этимъ путемъ постепенно подготовлялся личный составъ для исполненія будущихъ топографическихъ и картографическихъ работъ. Независимо отъ того, были поощряемы переводы въ Свиту и изъ строевыхъ частей, и таковыхъ ежегодно бывало довольно много; наконецъ, сталъ устанавливаться обычай зачисленія въ Свиту по квартирмейстерской части лицъ, состоящихъ въ должностяхъ начальниковъ штабовъ, или же имѣющихся въ виду для таковыхъ зачисленій. Такъ съ 1816 по 1825 годъ, были зачислены въ Свиту: полковникъ Вельяминовъ 3-й, при назначеніи его начальникомъ

штаба отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, адъютантъ барона Дибича, л. гв. 2-й артиллерійской бригады капитанъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, произведенный тогда же въ полковники и назначенный вскорѣ послѣ зачисленія начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса; генералъ Киселевъ, занимавшій мѣсто начальника штаба 2-й арміи и начальники штабовъ: 6-го корпуса, флигель-адъютантъ полковникъ Давыдовъ, 1-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ Кайсаровъ и 2-го пѣхотнаго полковникъ Обручевъ 2-й (Владиміръ Афонасьевичъ).

Въ видахъ же облегченія, по возможности, строевымъ офицерамъ доступа въ Свиту по квартирмейстерской части, по предложенію начальника штаба 1-й арміи, барона Дибича, открыто 5-го Марта 1820 года, съ Высочайшаго разрѣшенія при штабѣ этой арміи, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, двухклассное офицерское училище ([41]).

Заведеніе это было подчинено квартирмейстерской части, состоя въ прямомъ вѣдѣніи главнаго начальника всѣхъ школъ 1-й арміи, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части генералъ-маіора Краца; непосредственнымъ начальникомъ ея былъ директоръ, совмѣщавшій въ себѣ и должность инспектора; мѣсто это было занято квартирмейстерской части полковникомъ барономъ Притвицомъ. Преподаваніемъ также завѣдывали квартирмейстерскіе офицеры, но были приглашаемы и изъ другихъ вѣдомствъ, преимущественно изъ артиллеріи. Хотя преподаватели получали за свои труды въ школѣ сперва лишнюю треть, а потомъ и двойное жалованіе, но такъ какъ охотниковъ на эти должности, по господствовавшему въ то время въ генеральномъ штабѣ духу, было немного, то и пришлось установить, чтобы никто не имѣлъ права отказываться отъ преподаванія ранѣе двухъ лѣтъ.

Пріемъ въ школу производился по особому экзамену изъ числа офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, но впослѣдствіи стали принимать и другихъ, преимущественно изъ артиллеріи и изъ числа кончившихъ курсъ въ Кіевской и Могилевской же школахъ артиллерійскихъ подпрапорщиковъ. Ежегодно принимаемо было не болѣе 30 офи-

церовъ. Полный курсъ состоялъ изъ двухъ классовъ: низшаго, предназначаемаго собственно для усовершенствованія военнаго образованія строевыхъ офицеровъ и высшаго, который предназначался спеціально для перевода кончившихъ оный въ квартирмейстерскую часть. Кончившіе курсъ только низшаго класса были возвращаемы обратно въ полки и имѣлись въ виду для привлеченія ихъ на службу по квартирмейстерской части въ военное время. Изъ старшаго же класса лучшіе по успѣхамъ сперва прикомандировывались для испытанія къ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, а затѣмъ переводились въ оную; болѣе слабые возвращались въ полки. Во время нахожденія въ школѣ всѣ офицеры получали по 200 руб. добавочнаго жалованія и имѣли помѣщеніе въ самомъ зданіи школы.

Въ занятіяхъ младшаго класса на первомъ планѣ стояли строевыя ученія, а именно: изученіе строевой службы пѣхоты и кавалеріи, при имѣющихся въ штабѣ арміи учебныхъ баталіонѣ и эскадронѣ, а также обученіе нижнихъ чиновъ и ознакомленіе съ ихъ потребностями; въ виду послѣдняго, каждому офицеру назначалась небольшая команда молодыхъ солдатъ. На всѣ эти строевыя занятія ежедневно было посвящаемо не менѣе трехъ часовъ времени. Затѣмъ преподаваніе заключалось: въ сочиненіи дѣловыхъ бумагъ, изученіи алгебры до уравненій 2-й степени, геометріи и тригонометріи, черченіи плановъ, географіи, исторіи, малой тактики и примѣненіи ея, основаній фортификаціи и артиллеріи, инструментальной и глазомѣрной съемки, русскаго и нѣмецкаго языковъ, верховой ѣзды и фехтованія.

Въ верхнемъ же классѣ преподавались: алгебра до 3-й степени и логариѳмы, сочиненіе диспозицій и реляцій, производство военныхъ обозрѣній, примѣненіе малой тактики, основанія высшей тактики и стратегіи, кастраметація съ примѣненіемъ къ мѣстности, съемки и черченіе плановъ, примѣненіе форпостной службы къ мѣстности, географія общая и военная, исторія общая и военная, языки французскій и нѣмецкій, фехтованіе и верховая ѣзда.

Сверхъ того, для желающихъ были особо преподаваемы

ново-греческій языкъ и языки восточные, артиллерія, полевая и долговременная фортификація.

Самое обиліе названныхъ предметовъ, проходившихся въ обоихъ классахъ, показываетъ, что преподаваніе ихъ не могло быть особенно обстоятельно и подробно. Этого впрочемъ, и не имѣлось въ виду; по общему взгляду того времени, каждая школа не столько должна была снабжать обильнымъ запасомъ разнородныхъ свѣдѣній, какъ преимущественно пріучать только къ занятіямъ и къ труду, указывать тѣ рамки, въ которыхъ можно продолжать свое самообразованіе, пріобрѣтая дѣйствительныя познанія.

Могилевское училище пользовалось особымъ покровительствомъ Дибича и Толя, но существованіе его было не продолжительно: уже въ 1828 году, вслѣдствіе движенія нашихъ войскъ въ Турцію, занятія въ немъ значительно ослаблены, а въ 1830 году, когда вслѣдствіе польскаго возстанія, наиболѣе значительная часть 1-й арміи была направлена къ западнымъ границамъ, оно окончательно закрыто. Въ теченіе десятилѣтняго своего существованія оно дало квартирмейстерской части не менѣе 50 офицеровъ ([42]), между которыми не было лицъ, отличавшихся особенною ученостію, но тѣмъ не менѣе встрѣчается нѣсколько именъ, пріобрѣвшихъ своей службой извѣстность въ нашей арміи. Офицеры эти особенно оказались полезными и выступили на первый планъ послѣ 1825 года, когда квартирмейстерская часть лишилась очень многихъ чиновъ, принадлежавшихъ къ числу учениковъ Муравьева, и не имѣла никакого постояннаго источника для своего комплектованія.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, квартирмейстерская часть получила въ десятилѣтіе съ 1816 по 1825 годъ на свое комплектованіе 325 человѣкъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ 4 генерала, 20 штабъ и 301 оберъ-офицера; изъ числа этихъ чиновъ наибольшая часть (230) начинала службу въ этомъ вѣдомствѣ съ перваго офицерскаго чина, а меньшинство (95 человѣкъ) служило уже до того въ другихъ вѣдомствахъ. Но и въ числѣ послѣднихъ высшіе чины составляли менѣе четвертой части, а три четверти приходилось на чины оберъ-офицерскіе.

Наиболѣе надежнымъ источникомъ комплектованія за это десятилѣтіе оказалось училище колоновожатыхъ, которое дало болѣе половины всѣхъ поступившихъ оберъ-офицеровъ.

Иностранцы вовсе уже не принимаются въ квартирмейстерское вѣдомство, которое наконецъ, перестало въ нихъ нуждаться; вмѣстѣ съ тѣмъ, переводъ въ оное высшихъ чиновъ становится какъ бы почетною наградою, которой удостоиваются лица, занимающія должности начальниковъ штабовъ армій и корпусовъ, или же равныя имъ; такъ, переведены: генералъ-маіоры: Киселевъ, Кайсаровъ, князь Меньшиковъ, Бутурлинъ (Дмитрій Петровичъ), полковники: Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ 3-й, Давыдовъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ и другіе. Все это неизбѣжно должно было оказывать самое благотворное вліяніе на квартирмейстерское вѣдомство. Успѣхъ комплектованія этого вѣдомство предохранилъ оное отъ разстройства, какое ему грозило послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ. Убыль во время этихъ войнъ, усиленіе выхода въ отставку съ заключеніемъ мира, неимѣніе постояннаго источника комплектованія, довели было квартирмейстерскую часть до того, что, имѣвъ въ своихъ спискахъ къ 1-му Января 1814 года 217 чиновъ, она къ началу 1817 года считала едва 180 человѣкъ.

Къ тому же въ ней измѣнилось было, хотя и незначительно, и прежнее отношеніе между разными чинами. Такъ, къ обоимъ означеннымъ срокамъ разные чины составляли слѣдующій процентъ въ составѣ квартирмейстерской части.

	генералы.	штабъ-офиц.	оберъ-офиц.
Къ 1-му Января 1814 г.	5,5	27,3	67,2
Къ 1-му Января 1817 г.	11,7	27,8	60,5

Слѣдовательно, при общей убыли чиновъ число высшихъ званій увеличилось на счетъ оберъ-офицерскихъ, что по тогдашнимъ понятіямъ, не могло считаться вполнѣ раціональнымъ. Служба по квартирмейстерской части въ понятіяхъ начала нынѣшняго столѣтія считалась чрезвычайно трудною и требующею подвижности, полной энергіи, молодости, здоровья и силы; это была служба по преимуществу чернора-

бочая, такъ какъ она должна подготовлять все то, чего высшее военное начальство не имѣло возможности, или не могло исполнять по своимъ лѣтамъ и чину. Къ тому же князь Волконскій въ это время задумалъ уже и готовъ былъ приводить въ исполненіе тѣ громадныя работы по государственнымъ съемкамъ, которыя дѣйствительно исполнены въ его управленіе квартирмейстерскою частію и при его преемникахъ. Какъ для этихъ работъ, такъ и для того, чтобы въ мирное время подготовить на случай войны молодой, полный энергіи генеральный штабъ, ему нужно было усилить въ немъ общую числительность чиновъ, но преимущественно чиновъ оберъ-офицерскихъ, составлявшихъ дѣйствительную рабочую силу. Въ надежныхъ руководителяхъ для этой силы онъ не могъ имѣть недостатка, они были подготовлены предшествовавшими войнами.

Результаты, достигнутые княземъ Волконскимъ по этой части, были вполнѣ успѣшны: числительность чиновъ ввѣреннаго ему вѣдомства стала быстро возрастать, такъ что общее число этихъ чиновъ возрасло къ 1-му Января 1822 г. до 266 человѣкъ, а къ началу 1826 года до 317, не считая въ этомъ числѣ чиновъ особаго корпуса топографовъ, учрежденнаго въ 1822 году. Къ тому же, соразмѣрность разныхъ чиновъ въ этомъ вѣдомствѣ является еще болѣе выгодною, чѣмъ была даже въ 1814 году. Такъ, на разные чины приходились слѣдующія процентныя отношенія:

	генераловъ.	штабъ-офиц.	оберъ-офиц.
Къ 1-му Января 1822 года.	$10{,}_9$	$19{,}_5$	$69{,}_6$
Къ 1-му Января 1826 года.	$10{,}_4$	$18{,}_3$	$71{,}_3$

Столь благопріятнаго для своей службы состава наша квартирмейстерская часть недостигала, ни до того времени, ни послѣ того. Не стѣсняемое никакими штатами, вѣдомство это было вполнѣ открыто для энергической и самолюбивой молодежи, которая, сознавая свои рвавшіяся къ проявленію силы, искала только случая, гдѣ бы ихъ употребить съ пользою въ дѣло, которое бы послужило ей къ повышенію. Этимъ-то рвеніемъ молодыхъ силъ и умѣлъ пользоваться князь Волконскій и ближайшіе его сотрудники по квартир-

мейстерской части, возлагая на офицеровъ этихъ самыя разнообразныя и многочисленныя работы. Благодаря тогдашней организаціи управленія квартирмейстерскою частію, каждый исполнитель зналъ, что какъ бы ничтожна ни была порученная ему работа, она не пройдетъ незамѣченною, и будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена. Оцѣнку эту дѣлали въ первой инстанціи корпусные оберъ-квартирмейстеры, а затѣмъ генералъ-квартирмейстеры армій; какъ тѣ, такъ и другіе могли быть вполнѣ компетентными судьями, такъ какъ сами въ свое время проходили по степенямъ всѣ градаціи службы генеральнаго штаба. Всѣ они горячо были преданы своему вѣдомству, дорожили честью мундира и, ничѣмъ не стѣсняясь, дѣлали строгую, но справедливую атестацію своимъ подчиненнымъ. По этой атестаціи князь Волконскій знакомился съ офицерами, составлялъ себѣ понятіе объ ихъ служебныхъ достоинствахъ и недостаткахъ и она служила ему основаніемъ для повышенія и поощренія наградами. Для производства въ чины не было еще никакихъ прочно установленныхъ правилъ; все казалось зависящимъ отъ произвола, котораго, однако, въ дѣйствительности не было, и на который совершенно не встрѣчается жалобъ. Просматривая списки убылыхъ изъ квартирмейстерской части за десятилѣтіе, 1815 по 1825 годъ, особенно поражаетъ большое число выбывающихъ постоянно изъ нея колоновожатыхъ, прапорщиковъ и подпоручиковъ, которые признаны почему либо не подходящими къ квартирмейстерской службѣ; но если кто достигъ въ ней до поручичьяго чина, тотъ уже могъ считать себя какъ бы закрѣпленнымъ въ ней, и могъ разсчитывать смѣло, что въ восемь или десять лѣтъ службы будетъ капитаномъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Если же такому офицеру удавалось обратить на себя особое вниманіе своими работами, службою, или способностями, то его перечисляли тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій генеральный штабъ, въ которомъ онъ, года черезъ два, три, много пять, получалъ прямо чинъ полковника на десятомъ, двѣнадцатомъ или пятнадцатомъ году службы. Изъ этихъ-то особо отличенныхъ офи-

церовъ и назначались, по преимуществу, начальниками корпусныхъ штабовъ и вообще на разныя высшія должности. Менѣе же счастливые, оставаясь въ Свитѣ по квартирмейстерской части, достигали чина полковника на двадцатомъ, иногда на двадцать пятомъ году службы; ихъ, такъ сказать, выдерживали на штабъ-офицерскихъ чинахъ, въ должности оберъ-квартирмейстеровъ, которая была хорошо обставлена матеріально, и считалась почетною; изъ ихъ числа весьма немногіе получали полки, а чаще производились въ генералы, съ назначеніемъ комендантами, или командирами бригадъ ([43]).

Такимъ образомъ, для офицеровъ квартирмейстерской части особенно важны были два періода ихъ служебнаго поприща: начало его и затѣмъ нахожденіе въ чинѣ капитана; первый періодъ они проводили обыкновенно на училищной скамьѣ (колоновожатыми) или при штабахъ армій и корпусовъ, исполняя разныя порученія прямо на глазахъ генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ; во второмъ же, они пользовались уже нѣкоторою служебною самостоятельностію, занимая должности старшихъ адъютантовъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ; здѣсь надо было какое нибудь особенное отличіе, чтобы выдѣлиться изъ массы и удостоиться чести быть переведеннымъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Попавшій въ послѣдній, могъ считать свою карьеру обезпеченною тѣмъ, что, съ производствомъ въ полковники, получалъ мѣсто оберъ-квартирмейстера, а затѣмъ и начальника корпуснаго штаба, откуда въ чинѣ генерала, можно было быть назначеннымъ въ начальники дивизіи. Не разсчитывавшіе же на переводъ въ гвардейскій генеральный штабъ, или посвящали себя съемкамъ, вовсе уже отказываясь отъ высшихъ назначеній при войскахъ, или переходили въ строй, или, наконецъ, оставляли службу, разсчитывая, что она имъ ничего не дастъ въ мирное время.

Такимъ образомъ, получалось, что собственно въ штабъ-офицерскихъ чинахъ не было большаго застоя; къ тому же, при неимѣніи штата для квартирмейстерской части можно было, при постоянномъ общемъ увеличеніи числа всѣхъ чи-

новъ, увеличивать и число штабъ-офицеровъ, для которыхъ все еще находились должности, такъ какъ почти до самаго конца царствованія Императора Александра I, встрѣчаемъ оберъ-офицерскіе чины не только на должностяхъ старшихъ адъютантовъ въ штабахъ корпусовъ, но и на мѣстахъ дивизіонныхъ, а даже иногда и оберъ-квартирмейстеровъ.

Взглянемъ теперь на самое распредѣленіе офицеровъ квартирмейстрской части на службѣ и на ту дѣятельность ихъ, которою былъ ознаменованъ описываемый нами періодъ. Для лучшаго выясненія онаго, припомнимъ организацію нашихъ сухопутныхъ военныхъ силъ, установленную послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ.

Къ 1-му Января 1818 года сухопутныя силы Имперіи состояли изъ двухъ армій, изъ которыхъ 1-я, имѣвшая штабъ-квартиру въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ, состояла изъ шести пѣхотныхъ корпусовъ, а 2-я, съ главной квартирой въ Тульчинѣ, изъ двухъ пѣхотныхъ. Корпуса, входившіе въ составъ арміи, имѣли по три пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, кромѣ гренадерскаго и 5-го корпуса, при которыхъ не было кавалеріи. Внѣ этихъ армій находились: пять резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ въ двѣ дивизіи каждый и шесть отдѣльныхъ корпусовъ: гвардейскій, Литовскій, Грузинскій, каждый въ двѣ дивизіи, Финляндскій, Оренбургскій, Сибирскій, имѣвшіе по одной дивизіи. Сверхъ того, на правахъ отдѣльныхъ корпусовъ были: корпусъ графа Воронцова во Франціи, въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и одной сводной драгунской дивизій и корпусъ внутренней стражи. Такимъ образомъ, всего было штабовъ: два главные штаба арміи, къ числу которыхъ слѣдуетъ причислить также и главный штабъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича въ Варшавѣ, 21 корпусный штабъ, 35 пѣхотныхъ дивизіонныхъ и 16 кавалерійскихъ. Организація штабовъ была почти одинакова, съ небольшими лишь исключеніями, между которыми важнѣйшимъ было неимѣніе должности начальника штаба въ кавалерійскихъ корпусахъ.

Мѣста начальниковъ штабовъ, по преимуществу, занимали генералы и полковники квартирмейстерской части; такъ, начальникомъ штаба 1-й арміи былъ баронъ Дибичъ, гренадерскаго корпуса Нейдгардъ 1-й, 1-го корпуса Теслевъ 2-й, 2-го—Бергъ 2-й (Бурхгардъ Максимовичъ), 3-го—полковникъ Гатовскій, 5-го—генералъ-маіоръ Нейдгардъ 2-й, 7-го—полковникъ Богдановичъ, Грузинскаго—генералъ-маіоръ Вельяминовъ 3-й, Сибирскаго—генералъ-маіоръ баронъ Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ, внутренней стражи—генералъ-маіоръ Мухинъ; наконецъ, при корпусѣ графа Воронцова начальникомъ штаба былъ генералъ-маіоръ Понсетъ, а при главномъ штабѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича, генералъ-лейтенантъ Курута.

Мѣста оберъ-квартирмейстеровъ были заняты штабъ-офицерами квартирмейстерской части, а иногда и капитанами; мѣста же старшихъ адъютантовъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, оберъ-офицерами. Впрочемъ послѣдніе рѣдко были оставляемы при дивизіяхъ, а премущественно находились въ сборѣ при штабахъ корпусовъ и армій, откуда получали уже разныя командировки и назначенія. Наибольшее число офицеровъ было при штабѣ 1-й арміи, гдѣ напримѣръ, къ 1-му Января 1818 года состояло 41 офицеръ; но число это, конечно, не было постоянно, и иногда уменьшалось до такой степени, что возбуждало жалобы генералъ-квартирмейстера этой арміи, Гартинга. Затѣмъ, при корпусныхъ штабахъ обыкновенно бывало неболѣе четырехъ или пяти офицеровъ, за исключеніемъ корпуса графа Воронцова, гдѣ состояло двѣнадцать, гвардейскаго и Грузинскаго, при которыхъ бывало не менѣе восьми офицеровъ. Собственно, при главномъ штабѣ Цесаревича въ Варшавѣ состоялъ только одинъ офицеръ русской квартирмейстерской части (капитанъ Данненбергъ 3-й), а то имѣлся особый корпусъ польскаго генеральнаго штаба.

Наконецъ, остальные офицеры квартирмейстерской части были распредѣлены: при главномъ штабѣ Его Величества, при Московскомъ учебномъ заведеніи, на съемкахъ и въ разныхъ откомандировкахъ, между которыми наиболѣе

значительны были въ вѣдѣніи графа Аракчеева, для устройства военныхъ поселеній, и по дипломатической части. Въ главномъ штабѣ Его Величества, князь Волконскій былъ окруженъ квартирмейстерскими офицерами: канцеляріею начальника штаба управлялъ генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, да сверхъ того постоянно здѣсь имѣлось нѣсколько офицеровъ для сопровожденія князя Волконскаго въ вояжахъ Государя Императора (генералъ-маіоръ Гекель, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, подполковникъ Щербининъ, прапорщики графъ Толстой и Вилламовъ). О составѣ собственно канцеляріи генералъ-квартирмейстера и главноуправлявшаго квартирмейстерскою частію, а равно объ офицерахъ, бывшихъ при Московскомъ учебномъ заведеніи, мы уже говорили, о находившихся на съемкахъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ, теперь же обратимъ вниманіе еще на многихъ высшихъ чиновъ квартирмейстерской части, состоявшихъ по дипломатической части за границею.

Такъ, къ 1818 году находились: генералъ-адъютантъ баронъ Сухтеленъ 1-й, при шведскомъ дворѣ въ Стокгольмѣ, генералъ-лейтенантъ Довре въ Берлинѣ, генералъ-маіоръ баронъ Тейль-фонъ-Сераскеркенъ посланникомъ въ Бразиліи, генералъ-маіоръ Брозинъ 2-й въ Парижѣ, при генералѣ Велингтонѣ. Всѣ эти назначенія имѣютъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что ими сдѣланъ былъ опытъ привлеченія чиновъ квартирмейстерской части къ дипломатическимъ занятіямъ, чему князь Волконскій желалъ придать возможно большее развитіе и, что пока привело, какъ увидимъ ниже, къ назначеніямъ этихъ чиновъ въ военныя миссіи на Востокъ, а также къ посылкѣ квартирмейстерскихъ офицеровъ на должности военныхъ агентовъ при посольствахъ.

Обиліе и разнообразіе мѣстъ, занимаемыхъ чинами квартирмейстерской части, свидѣтельствуетъ и о разнообразіи той дѣятельности, которая ихъ занимала и которая оставила по себѣ весьма обильные слѣды. Дѣятельность эта можетъ быть разбита на три наиболѣе крупные вида: занятія при войскахъ, по съемкамъ и астрономическимъ работамъ, наконецъ, по военно-учебной части.

Служба при войскахъ, въ видахъ доставленія имъ возможно лучшаго размѣщенія по квартирамъ, должна была, по указаніямъ князя Волконскаго, составлять первѣйшую обязанность квартирмейстерскихъ офицеровъ ([44]). На послѣднихъ возлагалось, чтобы каждый полкъ при квартирномъ расположеніи имѣлъ мѣсто удобное для ученій, чтобы мѣста, назначаемыя для кавалеріи и артиллеріи имѣли изобильный фуражъ, конюшни, сараи, манежи и другія необходимыя для нихъ строенія; на нихъ же лежала обязанность избирать лагери и мѣста для сборовъ, вблизи которыхъ были бы достаточныя пространства нетолько для ученій, но, по возможности, и для производства маневровъ. Всѣмъ таковымъ мѣстамъ офицеры квартирмейстерской части должны были заблаговременно составлять планы, снятые инструментально. А въ сборахъ всякаго рода въ тѣ времена недостатка не было.

До 1822 года, въ нашихъ войскахъ допускались только полковые сборы, не считая тѣхъ большихъ, которые производились для Высочайшихъ смотровъ. Но даже и въ это время войска бывали въ постоянныхъ передвиженіяхъ въ своихъ полковыхъ раіонахъ. По положенію для учебныхъ занятій пѣхоты 1819 года, ежемѣсячно въ полковой штабъ приходили для карауловъ роты, по одной отъ каждаго баталіона, и изъ нихъ составлялись учебные баталіоны, которые, между прочимъ, были занимаемы аванпостною службою и малыми маневрами. Съ 1822 года установлены шестидневные дивизіонные сборы съ присоединеніемъ къ пѣхотнымъ дивизіямъ артиллеріи и, по возможности, кавалеріи, а съ 1824 года введены и корпусные сборы, на сроки отъ двухъ до шести недѣль. Во всѣхъ этихъ сборахъ производились и двухсторонніе маневры, журналы которыхъ, по разсмотрѣніи ихъ въ штабахъ армій, представлялись въ главный штабъ Его Императорскаго Величества, а замѣченныя при производствѣ маневровъ тактическія ошибки обыкновенно объявлялись въ приказахъ главнокомандующихъ. Въ сборахъ не участвовали только тѣ части войскъ, которыя были назначаемы на государственныя работы по крѣпостямъ, на шоссе и каналахъ.

Во всѣхъ таковыхъ сборахъ и занятіяхъ войскъ, квартирмейстерскіе офицеры принимали, по своей обязанности, весьма дѣятельное участіе, а если принять во вниманіе, что передвиженія войскъ по поводу сборовъ, были громадны, такъ что войска выступали на сборы иногда въ Мартѣ мѣсяцѣ, а возвращались по квартирамъ не ранѣе Октября, то и понятно, что для квартирмейстерскихъ офицеровъ при всѣхъ этихъ занятіяхъ было очень много работы, благодаря которой они входили въ ближайшія соотношенія съ войсками, дававшія имъ полную возможность практиковаться въ своихъ обязанностяхъ и узнавать войска ([45]).

Собственно же для ознакомленія квартирмейстерскихъ офицеровъ съ строевою службою и со всѣми дѣлающимися въ ней перемѣнами, офицеровъ этихъ всегда собирали въ корпусные штабы и въ штабы армій, когда при первыхъ формировались учебные баталіоны и эскадроны, а при вторыхъ даже цѣлые учебные полки и дивизіи. Всѣ этого рода учебныя части выставлялись въ кадровомъ составѣ и квартирмейстерскіе офицеры не только были зрителями ихъ обученія, но нерѣдко принимали и прямое участіе въ ихъ занятіяхъ, командуя строевыми частями ([46]).

При всякомъ вообще сборѣ, на обязанность корпусныхъ оберъ-квартирмейстеровъ возлагалось наставлять состоящихъ при нихъ молодыхъ офицеровъ «въ разстановкѣ аванпостовъ и въ ихъ службѣ, въ узнаваніи непріятеля и вообще въ пріобрѣтеніи навыка соображаться съ выгодами мѣстоположенія, особливо при атакѣ и оборонѣ полевыхъ укрѣпленій». Онъ же обязанъ былъ пріучать этихъ офицеровъ къ избранію позицій, къ оцѣнкѣ ихъ удобствъ и невыгодъ, къ составленію предположеній объ ихъ укрѣпленіи и оборонѣ, къ составленію проектовъ разныхъ маневровъ, маршей и т. п. О всѣхъ таковыхъ занятіяхъ оберъ-квартирмейстеры обязаны были доносить генералъ-квартирмейстерамъ черезъ каждые шесть мѣсяцевъ, съ представленіемъ всѣхъ исполненныхъ при этомъ плановъ ([47]).

Нельзя не обратить вниманія также на мѣру участія квартирмейстерскихъ офицеровъ того времени, въ дѣлѣ воен-

наго образованія строевыхъ офицеровъ. Въ ихъ вѣдѣніи находились войсковыя школы, учрежденныя въ двадцатыхъ годахъ, при нѣкоторыхъ корпусахъ и при штабахъ обѣихъ армій, съ цѣлію распространенія общаго и военнаго образованія между вольноопредѣляющимися, поступающими въ ряды арміи. Школы эти, служившія прототипомъ нынѣшнихъ юнкерскихъ училищъ, не смотря на свое кратковременное существованіе, имѣли громадное значеніе для нашихъ войскъ и наиболѣе обязаны своими успѣхами тогдашнимъ квартирмейстерскимъ и артиллерійскимъ офицерамъ, которые занимались въ нихъ преподаваніемъ. Независимо отъ того, на обязанности корпусныхъ оберъ-квартирмейстеровъ лежало обученіе строевыхъ офицеровъ правиламъ примѣненія аванпостовъ къ мѣстности, производству разнаго рода рекогносцировокъ и черченію плановъ, что было установлено въ тѣхъ видахъ, чтобы образовать въ каждомъ полку, по крайней мѣрѣ, по одному офицеру, котораго бы можно было въ военное время употреблять по квартирмейстерской части, въ случаѣ недостатка офицеровъ этого вѣдомства.

Польза этой мѣры особенно выказалась послѣ 1826 года, когда при недостаткѣ офицеровъ генеральнаго штаба и при неимѣніи постоянныхъ источниковъ къ ихъ комплектованію, пришлось пополнять ихъ составъ во время Персидской, Турецкой и Польской войнъ, прямо изъ числа строевыхъ офицеровъ.

Наконецъ, въ видахъ содѣйствія распространенію военнаго образованія между строевыми офицерами, квартирмейстерская часть временъ Александра I издавала разныя руководства. Такъ, въ 1819 году издана при управленіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества «Памятная книжка для военныхъ людей», заключавшая въ себѣ очень много дѣльныхъ указаній по строевой службѣ, и въ томъ же году, при штабѣ 1-й арміи, составлена и напечатана книга: «Замѣчанія для пріуготовленія молодыхъ офицеровъ къ военнымъ дѣйствіямъ», которая долгое время пользовалась у насъ весьма справедливо заслуженною извѣстностью.

Все это показываетъ, что офицеры квартирмейстерской части временъ Александра I, не смотря на кажущуюся односторонность своего математически-топографическаго образованія, тѣмъ не менѣе не были вовсе чужды строевой и даже хозяйственной части войскъ и служившіе въ этомъ вѣдомствѣ въ то время вполнѣ это подтверждали. «Дѣло офицера генеральнаго штаба, — говоритъ генералъ-маіоръ Вальховскій ([48]), заботиться обо всемъ, знать все, что касается до состава войскъ и до снабженія ихъ припасами всякаго рода; для этого ему открыта канцелярія и предоставлено право распрашивать проводниковъ и получать свѣдѣнія отъ начальниковъ частей» ([49]).

Другой подобный отзывъ относительно разносторонности свѣдѣній требуемыхъ отъ офицера генеральнаго штаба былъ высказанъ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, который, хотя и началъ службу въ артиллеріи, но еще въ Отечественную войну былъ употребляемъ по квартирмейстерской части, а въ 1818 году въ чинѣ полковника и переведенъ въ оную.

Будучи въ 1853 году командующимъ войсками 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, князь однажды спросилъ молодаго офицера генеральнаго штаба, гдѣ и въ какомъ числѣ находятся команды хлѣбопековъ такой-то дивизіи; такъ какъ предметъ этотъ не входилъ въ кругъ штабныхъ занятій спрашиваемаго, то послѣдній отозвался незнаніемъ, за что и пришлось ему выслушать рѣзкое замѣчаніе князя, который прибавилъ къ этому, что каждый офицеръ генеральнаго штаба, состоящій при арміи, долженъ знать до мелочей все къ ней относящееся ([50]). Таковы были взгляды служакъ квартирмейстерской части первой четверти нынѣшняго столѣтія.

ГЛАВА XI.

1815—1825.

Участіе офицеровъ квартирмейстерской части въ астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ работахъ. К. И. Теннеръ; Ф. Ф. Шубертъ. Главныя работы, исполненныя въ этотъ періодъ. Топографическія и картографическія работы, исполненныя при штабахъ. Учрежденіе корпуса топографовъ. Ученые труды чиновъ квартирмейстерской части; дѣятельность ихъ на азіятскихъ окраинахъ Россіи и въ Средней Азіи. Замѣна князя Волконскаго барономъ Дибичемъ. Генералъ-квартирмейстеры главнаго штаба Его Величества: Гартингъ и Адеркасъ.

Общій европейскій миръ, установившійся послѣ низложенія Наполеона I и обѣщавшій продолжительное спокойствіе, далъ возможность приступить, наконецъ, у насъ къ обширнымъ геодезическо-топографическимъ работамъ, въ которыхъ Россія нуждалась и починъ которымъ былъ сдѣланъ еще Сухтеленомъ. Но починъ этотъ, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія, далъ слишкомъ слабые результаты, а между тѣмъ въ хорошихъ военныхъ картахъ все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ, сознавалась необходимость пріобрѣсть ихъ. И вотъ едва успѣли вернуться войска изъ за-границы, какъ принимаются энергическія мѣры къ удовлетворенію этой насущной потребности;

принимаются онѣ, притомъ, въ двухъ разныхъ направленіяхъ, сверху, для удовлетворенія потребностей государственныхъ, и непосредственно при войскахъ, для обезпеченія ихъ надобностей; исполнителемъ же, работникомъ этого дѣла является квартирмейстерское вѣдомство. Съ одной стороны, князь Волконскій предпринимаетъ обширное дѣло государственныхъ съемокъ, которыя бы производились самымъ точнымъ и научнымъ способомъ и для этого употребляетъ чиновъ квартирмейстерскихъ, какъ наиболѣе къ тому подготовленныхъ по своимъ математическимъ познаніямъ; въ тоже самое время, штабы армій и отдѣльныхъ корпусовъ усиленно заботятся о томъ, чтобы для своихъ насущныхъ потребностей имѣть возможно болѣе удовлетворительныя карты и обращаютъ квартирмейстерскихъ чиновъ на производство всякаго рода рекогносцировокъ и военно-топографическихъ съемокъ, для повѣрки и исправленія имѣющихся картъ, составленія новыхъ дислокаціонныхъ и маршрутныхъ, для съемки плановъ мѣстъ сборовъ и маневровъ. Эта-то двойственность участія въ съемкахъ чиновъ квартирмейстерской части временъ Александра I и составляетъ отличительную черту этой эпохи. Въ работахъ втораго рода, составляющихъ прямую спеціальность генеральнаго штаба, должны были и дѣйствительно принимали безпрекословно участіе всѣ чины, служившіе въ квартирмейстерской части. Но къ большимъ геодезическимъ работамъ далеко не всѣ они были подготовлены, еще менѣе всѣ могли чувствовать къ нимъ наклонность и способность, тѣмъ болѣе, что подготовка ихъ и образцы службы генеральнаго штаба, которые они имѣли передъ собою, были чисто военные, да къ тому же въ государственныхъ съемкахъ вводились тогда пріемы и методы, мало еще распространенные и извѣстные. А между тѣмъ, видимо проявлялось желаніе князя Волконскаго непремѣнно всѣхъ офицеровъ квартирмейстерской части проводить черезъ государственныя съемки, какъ бы черезъ практическую школу. Такое стремленіе, очевидно, должно было встрѣчать затрудненія въ своемъ исполненіи и привело къ тому, что въ дѣйствительности лишь весьма

немногія личности посвятили себя вполнѣ съемкамъ по своему собственному влеченію и составили прочный фундаментъ, на которомъ и было построено все зданіе нашихъ государственныхъ съемокъ. А такъ какъ незначительность числа этихъ лицъ не соотвѣтствовала обширнымъ предположеніямъ князя Волконскаго, то и явилась потребность созданія новой силы, для осуществленія этихъ предположеній, въ видѣ особаго корпуса военныхъ топографовъ. Корпусу этому, этому родному дѣтищу квартирмейстерской части, послѣдняя передала веденіе всѣхъ начатыхъ ею работъ, предоставляя себѣ, однако, наблюденіе за нимъ и даже руководство, что въ особенности было въ полной силѣ въ первое время послѣ учрежденія корпуса военныхъ топографовъ, пока онъ не сталъ совершенно въ самостоятельное положеніе. Самостоятельность эта была пріобрѣтена имъ уже значительно позже; въ описываемую же нами эпоху квартирмейстерская часть представляется, по справедливости, главною участницею всѣхъ произведенныхъ у насъ геодезическихъ и топографическихъ работъ, которыя, какъ по прямому своему значенію, такъ и по вліянію на всѣ послѣдующія работы, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Предписаніемъ отъ 16-го Декабря 1815 года, князь Волконскій увѣдомилъ начальника штаба 1-й арміи, генералъ-лейтенанта барона Дибича, что по Высочайшему повелѣнію имѣетъ быть произведена тригонометрическая и топографическая съемка Виленской губерніи, для чего тотчасъ же должны быть командированы офицеры квартирмейстерской части, чтобы выбрать основаніе для тригонометрической съемки на одномъ изъ озеръ въ окрестностяхъ Браслава или Дрисвята и зимою же измѣрить его по льду. Исполненіе этого порученія было возложено на оберъ-квартирмейстера 1-го пѣхотнаго корпуса, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, полковника Теннера, которому въ помощь назначены квартирмейстерской же части, капитанъ Мессингъ и прапорщики Гецель и Врангель.

Выборъ, какъ мѣстности для начала правильныхъ нашихъ государственныхъ съемокъ, такъ и лица, которому по-

ручался этотъ починъ, былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Тогдашняя Виленская губернія заключала въ себѣ и всю нынѣшнюю Ковенскую губернію, слѣдовательно захватывала весьма значительную часть западнаго пограничнаго пространства, наиболѣе нуждавшагося въ картахъ. Къ тому же, Вильна имѣла университетъ съ обсерваторіею, что для почина астрономическихъ и тригонометрическихъ работъ было весьма важно. Наконецъ, въ Теннерѣ работы эти пріобрѣтали руководителя, лучше котораго нельзя было желать. Изъ всего тогдашняго состава квартирмейстерской части, Теннеръ и Шубертъ (оба полковники съ 1814 года) наиболѣе обращали на себя вниманіе по своему строго математическому образованію, но Шубертъ находился въ то время оберъ-квартирмейстеромъ корпуса графа Воронцова, оставленнаго во Франціи, почему выборъ князя Волконскаго палъ на Теннера. Послѣдній, кромѣ прекрасной теоретической подготовки, имѣлъ уже и практическій навыкъ къ геодезическимъ работамъ, находясь съ 1809 по 1812 годъ при составленіи тригонометрической сѣти С.-Петербурга и тріангуляціи по южному берегу Финскаго залива. Къ тому же Теннеръ до самоотверженія былъ преданъ поручаемому ему дѣлу, ставя его выше всякихъ личныхъ своихъ разсчетовъ; добросовѣстный до мелочей, даже до педантизма, неутомимый въ работѣ, онъ занимался геодезическими работами съ полнѣйшею любовью и увлеченіемъ, какія только возможны въ человѣкѣ, вполнѣ посвятившемъ себя математикѣ. Увлеченію этому еще болѣе способствовало то обстоятельство, что въ производимыхъ имъ геодезическихъ работахъ Теннеръ видѣлъ возможность осуществленія завѣтной идеи его молодости, сдѣлавшейся, такъ сказать, цѣлію всей его жизни, это измѣренія дуги меридіана ([1]).

Произведя зимою 1815—1816 года рекогносцировку Виленской губерніи, Теннеръ представилъ свои соображенія по производству тріангуляціи князю Волконскому, отъ котораго получилъ тогда же разрѣшеніе связать съ этой тріангуляціей и всѣ астрономическія работы, вызываемыя градуснымъ измѣреніемъ.

Нельзя не замѣтить, что около того же времени мысль

о градусномъ измѣреніи въ Россіи появляется и также получаетъ возможность осуществленія другимъ путемъ. Въ 1816 году, Лифляндское экономическое общество, желая воспользоваться подробными съемками отдѣльныхъ участковъ, для составленія точной карты всей страны, предложило профессору и астроному-наблюдателю Дерптскаго университета, В. Я. Струве, произвести необходимыя для того астрономо-тригонометрическія работы. Струве воспользовался этимъ предложеніемъ для осуществленія также завѣтной своей мысли о градусномъ измѣреніи и сдѣлался, съ того времени, главнымъ дѣятелемъ его, въ направленіи отъ Лифляндіи къ сѣверу, до Норвегіи; на долю же Теннера выпало исполнить это предпріятіе къ югу, до Дуная. Совокупными трудами этихъ двухъ ученыхъ и произведена работа, которою вполнѣ можетъ гордиться Россія: измѣрена дуга меридіана въ 25° 20′, изъ которой собственно па Россію приходиться 20° 31′, а изъ этой дуги, измѣреніе 11°—10′, отъ Двины до Измаила, есть собственно трудъ Теннера, исполненный съ полнымъ совершенствомъ (²), не смотря на всѣ встрѣчаемыя имъ къ тому затрудненія.

Было бы излишне вдаваться здѣсь во всѣ техническія подробности работъ, произведенныхъ квартирмейстерскою частію по нашимъ тригонометрическимъ и топографическимъ съемкамъ, тѣмъ болѣе, что описаніе ихъ напечатано въ запискахъ военно-топографическаго депо и въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822 по 1872 годъ»; постараемся поэтому только охарактеризовать ту мѣру участія, которую принималъ въ этихъ работахъ нашъ генеральный штабъ и результаты этого участія.

Тригонометрическая съемка Виленской губерніи, начатая Теннеромъ въ 1816 году, кончена въ 1821 году, причемъ измѣрено три базиса (Дрисвятскій, у м. Понедѣлъ и при Полангенѣ), и опредѣлено 115 треугольниковъ первоклассной сѣти, связывавшихъ 98 точекъ. За начальный пунктъ для своихъ работъ Теннеръ избралъ первоклассную точку Мѣшканцы, въ 26-ти верстахъ отъ Вильно и здѣсь устроена была обсерваторія. Предпринятое имъ одновременно со съем-

кою градусное измѣреніе требовало обширныхъ и самыхъ точныхъ астрономическихъ наблюденій. Всѣ эти работы нуждались въ опытныхъ исполнителяхъ и хорошихъ инструментахъ, и хотя Теннеру пришлось встрѣчать многія трудности въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ признать, что не мало было для него и благопріятныхъ обстоятельствъ. Будучи на отличнѣйшемъ счету у князя Волконскаго и барона Дибича, пользуясь дружбою генералъ-квартирмейстера 1-й арміи, Гартинга, Теннеръ могъ разсчитывать, что ему будетъ оказано полное содѣйствіе въ его работахъ. Къ тому же въ предѣлахъ своей съемки онъ имѣлъ Виленскій университетъ, съ обсерваторіею, ученые профессора котораго, Снядецкій, Славинскій, Глушневичъ, Жилинскій, Древицкій, принимали самое дѣятельное участіе въ его трудахъ. Сверхъ того, онъ пользовался содѣйствіемъ Митавской обсерваторіи и тамошняго астронома Паукера.

Инструментами Теннеръ былъ спабженъ отъ главнаго штаба, но весьма не полно, такъ, напримѣръ, онъ долго не могъ добиться присылки барометровъ и термометровъ; къ тому-же требуемые инструменты доставлялись съ замедленіями, да и были недостаточно прочны, а трубы имѣли слишкомъ слабую оптическую силу. Отвѣтственность въ томъ конечно, падала на Рейсиха, завѣдывавшаго механическою мастерскою главнаго штаба и пользовавшагося полнымъ довѣріемъ князя Волконскаго. Недостатокъ въ казенныхъ инструментахъ Теннеръ постоянно пополнялъ заимствованіями изъ Виленской и Митавской обсерваторіи ([3]).

Что касается до личнаго состава тригонометрической съемки Виленской губерніи, то на ней постоянно находились квартирмейстерской части капитанъ Мессингъ, подпоручикъ Дитмаръ и прапорщики Гецель, Занденъ и Бырдинъ, а въ послѣдній годъ, еще и колоновожатый Ходзько ([4]). Всѣ эти лица были командированы къ Теннеру по особой атестаціи Гартинга. Всѣ они, такъ сказать, воспитались подъ руководствомъ Теннера и виленскихъ астрономовъ и нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи имѣли случай проявить и самостоятельную дѣятельность. Наиболѣе обращали на себя вни-

маніе Дитмаръ и Гецель, особенно первый, котораго Гартингъ называетъ образцомъ усердія, терпѣнія и постоянства; не менѣе выдавался по своимъ математическимъ познаніямъ и способностямъ колоновожатый Ходзько, котораго Теннеръ и употреблялъ обыкновенно для самыхъ трудныхъ и сложныхъ наблюденій и вычисленій.

Неуспѣлъ еще Теннеръ кончить всей тригонометрической съемки Виленской губерніи, какъ уже ему приказано приступить къ топографическимъ работамъ, для чего изъ 1-й арміи было назначено 15 офицеровъ квартирмейстерской части и 10 артиллерійскихъ, съ надлежащимъ числомъ нижнихъ чиновъ, для прислуги (5); для ближайшаго же завѣдыванія этою съемкою ему предоставлено выбрать особаго штабъ-офицера и выборъ его палъ на полковника Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, Фитингофа.

Хотя при содѣйствіи Гартинга къ Теннеру были назначены, по возможности, лучшіе съемщики изъ квартирмейстерской части 1-й арміи, тѣмъ не менѣе оказалось, что изъ числа присланныхъ офицеровъ только пятеро знали вполнѣ инструментальную съемку и умѣли чертить горы по недавно введенной тогда въ употребленіе системѣ Лемана. Это и неудивительно, такъ какъ мензульная съемка въ то время была еще мало въ употребленіи, а квартирмейстерскіе офицеры, состоявшіе при войскахъ, были упражняемы лишь въ глазомѣрной съемкѣ и въ крокировкѣ; система же Лемана введена у насъ во всеобщее употребленіе только съ 1819 года.

Обстоятельство это вынудило Теннера употребить 1819 годъ на производство практической, чисто учебной съемки для состоящихъ при немъ офицеровъ, а такъ какъ вслѣдъ затѣмъ ему объявлено было приказаніе князя Волконскаго, чтобы квартирмейстерскіе офицеры не засиживались на топографическихъ съемкахъ, для чего ежегодно пятерыхъ изъ числа находящихся на съемкахъ приходилось замѣнять новыми (6), то Теннеръ, озабочиваясь возможно скорѣйшимъ окончаніемъ работъ, рѣшился употребить на съемки воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій и преимущественно тѣхъ, которые готовились въ инженерные кондукторы.

Въ Ноябрѣ 1819 г. онъ обратился съ ходатайствомъ по этому предмету къ князю Волконскому и, получивъ на то разрѣшеніе, выбралъ изъ Рижскаго военно-сиротскаго отдѣленія 15 болѣе способныхъ воспитанниковъ, которые и были зачислены на топографическую съемку. Оставалось образовать изъ этихъ молодыхъ людей хорошихъ съемщиковъ, что, впрочемъ, особенною заботливостію Теннера и при помощи находившихся на съемкѣ офицеровъ и значительнаго числа выписанныхъ книгъ и моделей, шло довольно успѣшно, такъ что, съ начала 1821 года, всѣ воспитанники, прибывшіе изъ Риги, могли уже самостоятельно производить топографическую съемку (7).

Успѣхъ этого перваго опыта побудилъ Теннера и въ послѣдующіе года продолжать его, такъ что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ вытребовалъ болѣе 70-ти воспитанниковъ, изъ которыхъ наиболѣе способные были оставляемы на съемкѣ въ званіи инженеръ-кондукторовъ, а въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ корпуса топографовъ, въ званіи топографовъ.

Только благодаря такому увеличенію рабочихъ рукъ и могъ Теннеръ окончить обширныя работы, произведенныя имъ въ Виленской губерніи. Независимо отъ съемки пространства въ 57,432¹/₄ квадратныхъ верстъ, въ масштабѣ 250 саженъ, на 658 листахъ, составлялись еще одновременно со съемкою, такъ называемые полубѣловые планы, въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ, которые вычерчивались и иллюминовались весьма тщательно, а также маршрутная карта, въ масштабѣ три версты въ дюймѣ; всѣ эти работы требовали большаго числа исполнителей, почти большаго чѣмъ самая топографическая съемка. Сверхъ того, къ концу съемки (въ 1829 году) Теннеромъ было представлено еще и статистическое описаніе Виленской губерніи, составленное офицерами квартирмейстерской части (8) и представлявшее первый трудъ въ этомъ родѣ въ ряду тѣхъ обширныхъ статистическихъ работъ, которыми столь справедливо можетъ гордиться нашъ генеральный штабъ (9).

Одновременно съ производствомъ топографической съемки Виленской губерніи, Теннеръ приступилъ съ 1822 года къ

составленію тріангуляціи въ Курляндіи, гдѣ въ два года опредѣлено имъ 42 пункта и столько же перворазрядныхъ треугольниковъ. Съемка эта въ особенности интересовала его лично потому, что ею онъ продолжалъ свое градусное измѣреніе до Западной Двины, гдѣ оно могло быть соединено съ лифляндскимъ измѣреніемъ Струве. Помощниками у него оставались тѣ же офицеры, которые были и на виленской съемкѣ, съ присоединеніемъ еще квартирмейстерской части прапорщиковъ Михайлова и Вронченко; изъ нихъ послѣдній пріобрѣлъ извѣстность своими геодезическими познаніями и ученостію.

Опытность, пріобрѣтенная на виленской тріангуляціи, не мало способствовала тому, что тригонометрическая съемка Курляндіи была окончена всего въ два года, послѣ чего тотчасъ же Теннеръ приступилъ къ распространенію тріангуляціи на югъ по Гродненской и Минской губерніямъ.

Почти одновременно съ Теннеромъ выступаетъ на поприще нашихъ государственныхъ съемокъ и другой замѣчательный дѣятель, Федоръ Федоровичъ Шубертъ, сынъ извѣстнаго астронома. Возвратившись въ 1818 году съ корпусомъ графа Воронцова изъ Франціи, Шубертъ назначенъ въ слѣдующемъ году начальникомъ 3-го (картографическаго) отдѣленія военно-топографическаго депо, а въ 1820 году начальникомъ тригонометрической и топографической съемки Петербургской губерніи, вскорѣ послѣ чего онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Тріангуляція Петербургской губерніи, начатая въ 1820 году подъ руководствомъ Шуберта, продолжена въ 1824 году въ Новгородскую губернію, а затѣмъ по Псковской и Витебской, гдѣ связана съ тріангуляціями Струве и Теннера. Всего съ 1820 по 1822 годъ, на этихъ работахъ измѣрено четыре базиса и опредѣлено 225 точекъ, посредствомъ 322 первокласныхъ треугольниковъ. До 1826 года работы производились офицерами квартирмейстерской части, а именно, капитаномъ Рокасовскимъ, поручикомъ Вальховскимъ, подпоручикомъ Скалономъ 3-мъ, прапорщиками: Дюгамелемъ, Корфомъ 1-мъ и барономъ Ливеномъ; всѣ они, впрочемъ,

оставались на съемкѣ недолго, только одинъ Рокасовскій былъ на ней непрерывно съ 1821 по 1826 годъ. Съ послѣдняго же года на работахъ употреблялись одни только офицеры корпуса топографовъ.

Характеристика астрономическихъ и тригонометрическихъ работъ Шуберта лучше всего опредѣляется тѣмъ, что онъ не придавалъ никакого практическаго значенія градуснымъ измѣреніямъ, почему ставилъ единственною цѣлію для производимыхъ подъ его руководствомъ астрономическихъ наблюденій, оріентировку тригонометрической сѣти. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Теннеромъ, онъ выразился даже, что градусное измѣреніе *вздоръ* (ein Dummeszeug), чего Теннеръ не могъ забыть ему во всю жизнь ([10]). Къ тому же съ 1826 года, производство астрономическихъ наблюденій ввѣрено было Шубертомъ только одному, состоявшему при военно-топографическомъ депо чиновнику Лемму, который, получивъ университетское образованіе и будучи хорошимъ математикомъ, пользовался полнымъ довѣріемъ Шуберта ([11]). Поручая эти работы одному лицу, послѣдній полагалъ доставить имъ однообразіе и одинаковую достовѣрность; самъ же Шубертъ непосредственно участвовалъ въ полевыхъ работахъ только въ первые годы по своемъ назначеніи начальникомъ тригонометрической съемки.

Точность тріангуляцій Шуберта оказалась значительно ниже точности теннеровскихъ, не столько вслѣдствіе бывшихъ въ употребленіи инструментовъ, сколько потому, что не было при ихъ производствѣ той постоянной настойчивости достигнуть возможнаго совершенства, какая отличала Теннера; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не были оцѣнены и, должнымъ образомъ, парализованы вліянія различныхъ обстоятельствъ, вредившихъ этой точности. Многое у Шуберта безспорно дѣлалось лучше, чѣмъ у Теннера, но недостаточная акуратность нѣкоторыхъ дѣйствій, хотя и не могла существенно повредить топографическимъ съемкамъ, тѣмъ не менѣе была причиною, что обширныя работы, требовавшія значительныхъ затратъ, не принесли всей пользы, какой можно было отъ нихъ ожидать. Такъ, между про-

чимъ, въ тріангуляціяхъ Шуберта недоставало опредѣленія высотъ тригонометрическихъ пунктовъ, что дало себя чувствовать, когда потребовалось приводить длины измѣренныхъ базисовъ къ поверхности моря и когда для этого приходилось производить особыя, иногда довольно обширныя работы ([12]).

Вслѣдъ за тріангуляціей Петербургской губерніи приступлено подъ руководствомъ Шуберта же, къ топографической съемкѣ этой губерніи. Съемка продолжалась съ 1820 по 1831 годъ, причемъ снято, въ масштабѣ 200 саженъ въ дюймѣ, пространство въ $38{,}926_{,4}$ квадратныхъ верстъ, на 526 листахъ. Сверхъ того, Петербургъ снятъ былъ въ масштабѣ 50 саженъ въ дюймѣ, но за тѣмъ полубѣловыхъ плановъ въ верстовомъ масштабѣ и какихъ бы то ни было другихъ картъ, одновременно со съемкою, не дѣлалось. Существенной разницы въ отдѣлкѣ плановъ Шуберта противъ теннеровскихъ незамѣтно: обѣ съемки основаны на тригонометрической сѣти, брульоны отъилюминованы по одинаковымъ условнымъ знакамъ, и горы вычерчены по системѣ Лемана. Можетъ быть, Петербургская губернія снята нѣсколько точнѣе Виленской, но это зависѣло отъ того, что, Шубертъ, бывшій во время производства этой съемки уже начальникомъ военно-топографическаго депо, имѣлъ полную возможность назначать на свою съемку только опытныхъ топографовъ, между тѣмъ какъ Теннеръ довольствовался тѣми, которыхъ ему назначали, и нерѣдко бывалъ въ затрудненіи отъ недостатка хорошихъ съемщиковъ ([13]).

Обращаясь, наконецъ, къ стоимости той и другой съемки, оказывается, что собственно топографическая ихъ часть обошлась казнѣ болѣе 550,000 руб. асигнаціями, а отдѣльно съ переводомъ на серебро, выходитъ, что стоимость одной квадратной версты на Виленской съемкѣ обошлась въ 1 руб. 45 коп., а на Петербургской въ 1 руб. 80 коп. Если же принять во вниманіе еще чертежныя работы, произведенныя у Теннера (полубѣловые планы, маршрутная карта и статистическое описаніе), то стоимость квадратной версты Виленской съемки обошлась значительно менѣе показанной цѣны ([14]).

Нельзя не замѣтить, что на обѣихъ этихъ, нашихъ первыхъ государственныхъ съемкахъ, условные знаки, совершенно одинаковы, но масштабы разные. По этимъ двумъ вопросамъ, оба наши знаменитые геодезиста также не сходились. Если на обѣихъ съемкахъ условные знаки приняты одинаковые, то потому, что въ 1822 году были изданы отъ главнаго штаба, составленные по указаніямъ барона Толя, въ его канцеляріи, условные знаки для употребленія на топографическихъ, географическихъ и квартирныхъ картахъ и военныхъ планахъ. Знаки эти, по цвѣту красокъ и способу изображенія подробностей, во многомъ согласны съ употребляемыми въ настоящее время. Независимо отъ того, Теннеръ проектировалъ новые условные знаки въ замѣчательномъ своемъ «Мемуарѣ о военныхъ картахъ и планахъ», представленномъ имъ въ 1826 году тогдашнему начальнику главнаго штаба, барону Дибичу ([15]); между прочимъ, онъ предлагалъ характеризовать лѣса по ихъ густотѣ и удобопроходимости для войскъ, не различая породъ лѣса, что въ военномъ отношеніи не имѣетъ большой важности. Вообще, условные знаки Теннера составлены съ большимъ знаніемъ дѣла, и ихъ можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что излишняя подробность изображенія свойствъ мѣстности наноситъ ущербъ ясности карты. Къ сожалѣнію, Шубертъ оказалъ полнѣйшее невниманіе къ проекту Теннера.

Таже участь постигла и другое предложеніе, заключавшееся въ мемуарѣ Теннера, относительно масштабовъ. Первоначально для топографическихъ съемокъ принятъ былъ масштабъ 250 саженъ въ дюймѣ, причемъ имѣлось въ виду, чтобы эти съемки удовлетворяли самымъ строгимъ тактическимъ требованіямъ, и могли служить точными оригиналами для составленія, смотря по надобности, картъ разныхъ масштабовъ. Въ своемъ мемуарѣ Теннеръ предлагалъ снимать наши западныя губерніи даже въ двухверстномъ масштабѣ, а города и мѣстности, удобныя для позицій и маневровъ, въ полуверстовомъ (250 саженъ). При этомъ, онъ приводилъ, что подобный же масштабъ былъ употребляемъ съ полнымъ успѣхомъ Леманомъ въ Саксоніи, Шрамеромъ въ Восточной

Пруссіи, Кассини во Франціи, и что, принявъ его у насъ для съемокъ Курляндіи, Гродненской и Минской губерній, можно будетъ кончить эти съемки въ шесть лѣтъ, вмѣсто девятнадцати, да еще сдѣлать экономію до 800,000 рублей. Но Шубертъ, оставаясь при томъ мнѣніи, что всегда съемка въ большомъ масштабѣ принесетъ болѣе пользы для страны, чѣмъ съемка въ маломъ, находилъ даже масштабъ въ 250 саженъ неудовлетворительнымъ, почему для своихъ съемокъ принялъ масштабъ 200 саженъ въ дюймѣ ([16]). Впослѣдствіи и Теннеръ долженъ былъ подчиниться этому условію.

Независимо отъ этихъ капитальныхъ съемокъ, въ разсматриваемый періодъ производились, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ центральнаго управленія квартирмейстерскою частію, еще и двѣ другія съемки: одна на сѣверѣ въ Финляндіи, другая на югѣ въ Бесарабіи.

Финляндская съемка, по первоначальному предположенію, должна была производиться *скорымъ* способомъ, по правиламъ, употреблявшимся во французской арміи, т. е. увеличивая землемѣрныя карты и пополняя ихъ въ масштабѣ двѣ версты въ дюймѣ; при этомъ, всю новопріобрѣтенную Финляндію, пространствомъ до 275,000 квадратныхъ верстъ, предпологалось снять въ три года, употребляя для работъ 24 офицера. Такого числа съемщиковъ на ней, впрочемъ, никогда не было, да къ тому же и масштабъ съемокъ измѣненъ на 250 саженъ въ дюймѣ, вслѣдствіе чего, съемка эта, начатая въ 1809 году, прерванная затѣмъ въ Отечественную войну, окончена только въ 1842 году. На ней перебывало множество начальниковъ и очень мало съемщиковъ, такъ что даже непонятно, какъ могло главное управленіе квартирмейстерскою частію допустить столь медленное и притомъ же оказавшееся къ концу вполнѣ безплоднымъ производство съемки. Въ разсматриваемый нами періодъ начальниками финляндской съемки были: сперва, съ 1815 года, полковники Штегманъ и Черкасовъ, а потомъ, съ 1825 по 1830 годъ, полковникъ Энегольмъ. Сохранилось извѣстіе объ особенно неудовлетворительной работѣ подъ вѣдѣніемъ пол-

ковника Штегмана, которому былъ объявленъ за то, въ 1819 году, строгій выговоръ, и то единственно только изъ уваженія къ его продолжительной службѣ ([17]). Весь же участокъ его, пространствомъ до 60,000 квадратныхъ верстъ, приказано было переснять вновь ([18]).

Въ этомъ случаѣ со Штегманомъ было поступлено очень снисходительно, чего не встрѣчаемъ въ другихъ представлявшихся случаяхъ, когда всѣ расходы по передѣланной заново съемкѣ относились на счетъ виновныхъ. Такъ, когда въ 1823 году Теннеръ донесъ, что при повѣркѣ виленской съемки, брульоны поручиковъ Астафьева, Сорокина и корпуса топографовъ Безкорниловича оказались не вѣрно снятыми, то управлявшій въ то время квартирмейстерскою частію баронъ Дибичъ приказалъ, чтобы расходы по новой съемкѣ были взысканы съ виновныхъ, а имъ, объявивъ на первый разъ выговоръ, пригрозилъ за дальнѣйшія упущенія, отдачею подъ судъ ([19]).

Что касается до съемки Бесарабіи, то она была произведена въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ, съ 1817 по 1819 годъ, полковникомъ Корниловичемъ, а съ 1822 по 1827 подъ, кромѣ того, еще полковникомъ Гедихинымъ и подполковникомъ фонъ-Руге, съ участіемъ исключительно однихъ офицеровъ квартирмейстерской части и армейскихъ; изъ корпуса топографовъ въ ней участвовалъ лишь одинъ штабсъ-капитанъ Безкорниловичъ, поступившій въ это вѣдомство изъ квартирмейстерской части.

Значеніе съемокъ Финляндіи и Бесарабіи вполнѣ объясняется желаніемъ имѣть вѣрныя карты нашихъ пограничныхъ областей.

Къ этому же разряду съемокъ слѣдуетъ отнести работы, хотя имѣвшія цѣль, по преимуществу, сельско-хозяйственную, но тѣмъ не менѣе произведенныя подъ начальствомъ офицеровъ квартирмейстерской части, по требованіемъ всесильнаго въ то время Аракчеева, для устраиваемыхъ имъ военныхъ поселеній. Работы эти отвлекали очень много офицеровъ: въ ноябрѣ 1817 года Гартингъ жаловался, что изъ одного штаба 1-й арміи взято для съемокъ въ военныхъ

поселеніяхъ 33 офицера ([20]). Нѣкоторые изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ находились безотлучно, съ 1816 по 1827 годъ, при военныхъ поселеніяхъ, и принимали весьма дѣятельное участіе въ ихъ устройствѣ. Въ ряду ихъ наиболѣе извѣстными остались работы полковниковъ: Паренсова, Винярскаго, Насакина и Мялицына, капитановъ Шрама 1-го и Гецеля, поручиковъ фонъ-Брадке и барона Ребиндера и прапорщика Бергенстроле. Наиболѣе здѣсь выдѣляется дѣятельность фонъ-Брадке, который, кромѣ съемочныхъ занятій, имѣлъ и много другихъ разностороннихъ порученій отъ Аракчеева, а своей исполнительностію, способностями и усердіемъ, пріобрѣлъ на столько довѣріе послѣдняго, что въ чинѣ капитана, былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ обширнаго вѣдомства военныхъ поселеній.

Будучи произведенъ изъ колоновожатыхъ въ офицеры Свиты въ 1815 году, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке въ 1825 году получилъ чинъ подполковника. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ свое первое знакомство съ Аракчеевымъ. Состоя въ чинѣ поручика, онъ въ 1819 году былъ командированъ въ Могилевское военное поселеніе, чтобы устроить тамъ всю хозяйственную часть и на мѣстѣ разрѣшить разныя недоразумѣнія, возникавшія по этому предмету у генералъ-лейтенанта Цвиленева, управлявшаго этимъ поселеніемъ. Фонъ-Брадке всячески отказывался отъ этой командировки, выставляя, что онъ ничего не смыслитъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что не умѣетъ отличить даже ржи отъ ячменя. «Все это вздоръ; когда что приказываютъ, то состоящій на службѣ долженъ исполнять»,—отвѣтилъ Аракчеевъ А если я по незнанію дурно сдѣлаю,—возразилъ Брадке. «Тогда отдамъ васъ подъ судъ», былъ короткій отвѣтъ Аракчеева. Къ счастію, командировка была исполнена вполнѣ благополучно, благодаря той добросовѣстности, которою, какъ истый офицеръ генеральнаго штаба, отличался Брадке. «Видишь ли, сказалъ ему Аракчеевъ, по возвращеніи его изъ Могилева, все идетъ хорошо, если есть добрая воля на то» ([21]).

Совершенно другую категорію съемокъ составляютъ ра-

боты произведенныя офицерами квартирмейстерской части, состоявшими при штабахъ армій и отдѣльныхъ корпусовъ. Въ особенности обширны и замѣчательны съемки, исполненныя при 1-й арміи, подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-квартирмейстера ея Гартинга, который, будучи самъ отличнымъ съемщикомъ и чертежникомъ, дѣятельно поддерживалъ этого рода занятія между подвѣдомственными ему офицерами; обширность же квартирнаго раіона 1-й арміи, занимавшаго почти три четверти пространства всей Европейской Россіи, давала этимъ работамъ большой просторъ ([22]).

Такъ въ 1816 году Гартингомъ предпринята повѣрка столистовой карты, а въ слѣдующемъ году и маршрутной, такъ какъ обѣ онѣ были переполнены ошибками; первую работу онъ возложилъ на оберъ-квартирмейстеровъ и состоявшихъ при корпусныхъ штабахъ офицеровъ, а вторую—на дивизіонныхъ квартирмейстеровъ съ тѣмъ, чтобы каждый произвелъ эту повѣрку въ районѣ расположенія тѣхъ войскъ, при которыхъ состоялъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ предприняты частію полуинструментальныя, частію глазомѣрныя съемки съ офицерами, состоявшими при штабѣ арміи, съ цѣлію составленія общей пятиверстной карты всего пространства, занимаемаго 1-й арміей. Работы эти, произведенныя съ 1816 по 1821 годъ, доставили обильный матеріалъ для прекрасной карты на 64 листахъ составленной по проекціи Делиля, какъ наиболѣе простой; одна эта карта обнимала пространство до 800,000 кв. верстъ. Независимо отъ того, произведены были и многія другія съемки съ разными цѣлями, для сборовъ войскъ, маневровъ, Высочайшихъ смотровъ, наконецъ, чисто съ учебною цѣлію. Въ послѣднемъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе работа, исполненная, подъ руководствомъ полковника барона Зедделера, офицерами квартирмейстерской части и состоявшими въ Могилевскомъ училищѣ, въ 1825 и 1826 г. Съемка эта произведена полуинструментально, въ масштабѣ 1 вер. въ дюймѣ, между Днѣпромъ и Десною, и обнимала пространство въ 80,500 кв. верстъ, планшеты ея иллюминованы и горы на нихъ вычерчены по системѣ Лемана.

Что касается до работъ, исполненныхъ при 2-й арміи, то онѣ менѣе значительны, такъ какъ средства ея штаба были менѣе обширны и притомъ же дѣятельность квартирмейстерскихъ офицеровъ при ней была, по преимуществу, направлена на другую работу, именно по собиранію матеріаловъ для описанія турецкихъ войнъ, о чемъ будетъ указано ниже. Сверхъ того, многіе офицеры этой арміи были привлечены къ съемкѣ Бесарабіи, производившейся, какъ выше сказано, подъ начальствомъ полковника Корниловича, бывшаго въ то же время оберъ-квартирмейстеромъ 6-го корпуса.

Изъ другихъ работъ, исполненныхъ офицерами 2-й арміи, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе полуинструментальная съемка Херсонской губерніи, съ подробными планами городовъ, и инструментальная съемка Кіевской губерніи, начатая подъ руководствомъ гвардейскаго генеральнаго штаба капитана фонъ-деръ-Ховена и долженствовавшая служить началомъ съемки всего пространства, занимаемаго войсками 2-й арміи. Недостатокъ при этой арміи офицеровъ, свѣдущихъ въ астрономіи и геодезіи, немало затруднялъ въ началѣ производство тригонометрическихъ работъ; самыя же топографическія работы, начатыя въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ, только въ 1825 году, вскорѣ были вовсе прекращены по случаю Турецкой войны, а затѣмъ вновь не возобновлялись и, не смотря на многія свои достоинства, вовсе не приняты во вниманіе, когда въ 1847 году приступлено было снова къ съемкѣ Кіевской губерніи.

Изъ работъ, исполненныхъ при отдѣльныхъ корпусахъ, наиболѣе замѣчательны произведенныя во Франціи, во время нахожденія тамъ нашихъ войскъ и въ Западной Сибири.

Еще въ 1815 году, подъ начальствомъ генерала Гартинга, снята была въ двухверстномъ масштабѣ сѣверо-восточная часть Франціи, занятая войсками 1-й арміи. Съемка эта, основанная на кассиніевской сѣти, обнимала пространство около 33,400 квадратныхъ верстъ и исполнена частію инструментально, частію же глазомѣрно. Въ то же время полковникомъ Шубертомъ исполнена съемка департаментовъ Арденовъ и Марны, на пространствѣ 1,520 верстъ, а въ

періодъ времени съ 1816 по 1818 годъ и съемка всей части Франціи, занятой нашими войсками, бывшими подъ начальствомъ графа Воронцова. Послѣдняя работа обнимаетъ пространство въ 10,500 квадратныхъ верстъ и исполнена 12-ю офицерами квартирмейстерской части, состоявшими въ вѣдѣніи Шуберта. Съемка произведена въ верстовомъ масштабѣ, а крѣпости, входившія въ раіонъ ея, сняты въ масштабѣ 100 саженъ въ дюймѣ. Горы вычерчены перомъ по системѣ Лемана, такъ что это первая наша съемка, на которой принята эта новая система выраженія горъ.

Въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири производились, въ разсматриваемый нами періодъ, по преимуществу, только рекогносцировки и маршрутныя съемки, удовлетворявшія требованіямъ минуты.

Изъ ряда этихъ работъ выдѣляются:

1) Рекогносцировки Свиты Его Величества по квартирмейстерской части полковника Берга, въ 1823 году, степи Малой Киргизской орды, а въ 1825 году, пространства между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. На этихъ работахъ, кромѣ офицеровъ постороннихъ вѣдомствъ, участвовало шесть офицеровъ квартирмейстерской части; маршруты обнимаютъ около 1,600 верстъ.

2) Полуинструментальная съемка праваго фланга Сибирской линіи, отъ г. Омска до редута Алабугскаго, исполненная въ періодъ съ 1820 по 1825 годъ, па пространствѣ 41,852 квадратныхъ верстъ, подъ начальствомъ квартирмейстерской части генералъ-маіора барона Клодтъ-фонъ-Юргенсбурга и полковника Дьяконова. Съемка производилась въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ, а города, крѣпости, форпосты сняты въ масштабѣ 100 и 200 саженъ въ дюймѣ.

Что касается до работъ при отдѣльномъ Грузинскомъ корпусѣ, переименованномъ въ 1820 году въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, то о нихъ имѣется очень мало свѣдѣній, вслѣдствіе полной самостоятельности и независимости, какою пользовался этотъ корпусъ съ назначеніемъ командиромъ его А. П. Ермолова, облеченнаго большою властію и довѣріемъ Императора Александра I. Тѣмъ не менѣе извѣстны

нѣкоторыя работы трехъ штабъ-офицеровъ квартирмейстерской части, служившихъ въ этомъ корпусѣ, а именно: полковниковъ Верховскаго, Коцебу (Морицъ Августовичъ) и Иванова. Подъ наблюденіемъ Верховскаго (23) исполнена 15-ти-верстная, подробная карта Грузіи съ присоединенными къ оной землями, отгравированная въ 1819 году. Карта эта была основана на съемкахъ и рекогносцировкахъ, произведенныхъ въ 1810 году, подъ руководствомъ подполковника Буцковскаго и затѣмъ повѣренныхъ оберъ-квартирмейстеромъ Грузинскаго корпуса полковникомъ Ивановымъ. Послѣднему же А. П. Ермоловъ, вскорѣ по прибытіи своемъ на Кавказъ, поручилъ осмотрѣть Талышенское ханство, а въ то же время состоящимъ при немъ квартирмейстерскимъ офицерамъ сдѣлать обозрѣніе границъ съ Персіею, такъ какъ до того времени объ этихъ мѣстностяхъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній (24). Что же касается до полковника М. А. Коцебу, то онъ извѣстенъ своими астрономическими познаніями; имъ опредѣлены, между прочимъ, въ 1817 и 1818 годахъ широта и долгота Тифлиса и еще трехъ другихъ пунктовъ въ Грузіи, а въ 1826 году представлена начальнику главнаго штаба особая записка о болѣе удобныхъ способахъ опредѣленія долготъ посредствомъ наблюденія прохожденія луны черезъ меридіанъ. Способъ этотъ былъ заимствованъ имъ отъ англійскихъ астрономовъ и по разсмотрѣніи въ военно-ученомъ комитетѣ признанъ наилучшимъ изъ всѣхъ тогда существовавшихъ; за представленіе этой записки Коцебу получилъ особую благодарность барона Дибича, исполнявшаго въ то время должность начальника главнаго штаба.

Наконецъ, по инициіативѣ же А. П. Ермолова снаряжена была въ 1819 году экспедиція съ Кавказа къ восточному берегу Каспійскаго моря, причемъ приданный отряду капитанъ генеральнаго штаба Н. Н. Муравьевъ долженъ былъ обозрѣть этотъ берегъ и отправиться въ Хиву, для открытія сношеній съ тамошнимъ ханомъ и для описанія страны. Съ большими трудностями Муравьевъ достигъ Хивы и хотя былъ принятъ ханомъ благосклонно, но ему не удалось установить на прочномъ основаніи наши торговыя сно-

шенія съ этими странами. Единственнымъ результатомъ этой экспедиціи осталось прекрасное описаніе путешествія въ Туркменію и Хиву, изданное въ 1822 году въ Москвѣ и распросная карта Хивинскаго ханства въ масштабѣ $\frac{1}{4.500,000}$.

Въ заключеніе настоящаго очерка состоянія астрономическихъ работъ къ концу царствованія Императора Александра I, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о важнѣйшихъ картографическихъ произведеніяхъ того времени, такъ какъ и это дѣло не обходилось безъ участія въ немъ квартирмейстерскаго вѣдомства. Назначеніе Ф. Ф. Шуберта сперва начальникомъ 3-го отдѣленія военно-топографическаго депо, а вскорѣ послѣ того и директоромъ самаго депо (31-го Марта 1825 года)., неизбѣжно должно было повліять благопріятно на весь ходъ занятій этого учрежденія. Во время войнъ съ Наполеономъ депо имѣло очень много работы по изготовленію разныхъ картъ и плановъ, потребныхъ для арміи; занятія эти образовали у насъ граверовъ, пріучая ихъ къ спѣшной и точной работѣ. Съ окончаніемъ же войны, кромѣ обыкновенныхъ текущихъ работъ по изданію прежнихъ, столистовой и дорожной картъ, представлялась необходимость изготовлять еще новыя картографическія изданія изъ обильно поспѣвавшихъ со всѣхъ сторонъ матеріаловъ, добываемыхъ квартирмейстерскою частію. Такъ, въ послѣдніе годы царствованія Александра I изданы наиболѣе замѣчательныя картографическія произведенія:

1) Въ 1816 году 16 листовъ карты Царства Польскаго, дополнившіе, такъ называемую, столистовую карту Сухтелена, которая теперь имѣла всего 114 листовъ.

2) Въ томъ же году четырехверстная военно-топографическая карта Крыма на шести листахъ, составленная квартирмейстерской части генералъ-маіоромъ Мухинымъ, верстовыя карты окрестностей Петербурга на 16-ти и Вильны на одномъ листѣ и 50-ти верстная карта Средней Азіи на девяти листахъ. По отдѣлкѣ болѣе замѣчательны первыя три карты а въ особенности карта Крыма, которая можетъ служить образцомъ для гравировальнаго искусства даже въ настоящее время.

3) Въ 1819 году карта Грузіи въ масштабѣ 15 верстъ въ дюймѣ.

4) Въ 1823 году одноверстная топографическая карта окрестностей Москвы на четырехъ листахъ, о которой уже сказано при обзорѣ Московскаго учебнаго заведенія и снова упоминается здѣсь, такъ какъ она была гравирована въ военно-топографическомъ депо.

Независимо отъ этихъ работъ, въ разсматриваемый періодъ предприняты весьма многія изданія, въ которыхъ не только самое составленіе ихъ, но и надзоръ за гравированіемъ принадлежалъ по преимуществу, квартирмейстерскимъ офицерамъ, составлявшимъ значительную часть чиновъ военно-топографическаго депо. Такъ въ это время, именно съ 1821 года, приступлено было Ф. Ф. Шубертомъ къ составленію столь извѣстной спеціальной 10-ти верстной карты, работы по которой, однако, пришлось пріостановить въ 1824 году, по недостатку офицеровъ и возможно было продолжать только уже въ 1826 году, когда въ распоряженіи Шуберта были всѣ силы депо; въ это же время готовилось новое изданіе военно-дорожной карты, карты окрестностей Краснаго Села и Петербурга, почтовой карты Европейской Россіи, планъ Петербурга и многія другія изданія, которымъ суждено было появиться уже въ слѣдующемъ періодѣ, при Императорѣ Николаѣ.

Изъ настоящаго очерка можно видѣть, что хотя въ первое пятилѣтіе послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ многое было сдѣлано по геодезической и топографической части, но это многое все таки не соотвѣтствовало тому, къ чему стремились, что желали исполнить. Это былъ какой то особенный порывъ къ дѣятельности по этой части, вполнѣ одобряемый и поощряемый княземъ Волконскимъ, который не жалѣлъ средствъ на возможно скорѣйшее исполненіе всѣхъ обширныхъ своихъ преднамѣреній. Недоставало только рукъ для исполненія всего задуманнаго; недоставало преимущественно потому, что квартирмейстерское вѣдомство, на которое разсчитывали для этихъ работъ, было немногочисленно и имѣло другого рода обязанности при войскахъ и по ученой

части, отъ которыхъ не могло быть отрываемо безъ существенныхъ потерь для военнаго дѣла. Явилась потребность въ созданіи рабочей силы для этого дѣла и наиболѣе пригоднымъ источникомъ для нея представились военно-сиротскія отдѣленія, воспитанники которыхъ еще въ прошломъ столѣтіи употреблялись для межевыхъ, топографическихъ, чертежныхъ и картографическихъ работъ. Изъ этого источника и стали черпать: штабы армій и отдѣльныхъ корпусовъ стали набирать себѣ оттуда чертежниковъ; даже Московское учебное заведеніе имѣло кантонистовъ для чертежныхъ работъ по производимой имъ съемкѣ. Этому же примѣру послѣдовалъ, какъ мы видѣли, и Теннеръ, приступая къ топографической съемкѣ Виленской губерніи. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій подготовляли сперва къ предстоящимъ имъ занятіямъ и затѣмъ съ полнымъ успѣхомъ употребляли на разнаго рода работы, требуя, по преимуществу, одной механической исполнительности, подъ надзоромъ опытныхъ руководителей.

Успѣхъ этихъ отдѣльныхъ начинаній побудилъ князя Волконскаго обобщить ихъ, установивъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ привлеченіе кантонистовъ военно-сиротскихъ отдѣленій къ съемкамъ. Составленіе проекта подобнаго установленія онъ поручилъ генералу Шуберту, которымъ и было выработано положеніе о корпусѣ съемщиковъ и чертежниковъ, получившемъ названіе корпуса топографовъ. Положеніе это одобрено княземъ Волконскимъ и удостоилось Высочайшаго утвержденія 28 Января 1822 года. Вскорѣ послѣ того послѣдовало и дополненіе къ положенію, Высочайше утвержденное 14-го Мая того же года ([25]).

На основаніи этихъ законоположеній, корпусъ топографовъ учреждался при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества и долженъ былъ состоять въ вѣдѣніи управляющаго квартирмейстерскою частію съ тою цѣлію, *чтобы успѣшнѣе могли производиться съемки государственныя во время мирное и обозрѣніе мѣстъ въ тылу армій въ военное*, на основаніи XIV отдѣленія учрежденія о большой дѣйствующей арміи.

Корпусъ долженъ былъ состоять изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, называемыхъ топографами, числительность его ничѣмъ не опредѣлялась, а могла быть увеличиваема по мѣрѣ надобности.

Офицеры корпуса имѣли мундиръ, линію производства и всѣ служебныя преимущества квартирмейстерскихъ офицеровъ, отъ которыхъ отличались только свѣтлосинею выпушкою и таковыми же клапанами на обшлагахъ.

Топографы должны были комплектоваться, по экзамену, изъ способнѣйшихъ кантонистовъ военно-сиротскихъ отдѣленій, притомъ же не изъ дворянъ, съ тою цѣлію, чтобы ихъ можно было долѣе удерживать на службѣ, для образованія изъ нихъ вполнѣ надежныхъ съемщиковъ ([26]). Для поступленія въ топографы требовались слѣдующія познанія: ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени, планиметрія, чистописаніе и рисованіе плановъ.

Топографамъ данъ мундиръ по образцу колоновожатыхъ, но съ свѣтлосинею выпушкою и клапанами того же цвѣта, сабля и киверъ; на содержаніе имъ положено отпускать ежегодно на каждаго по 120 р. и провіантъ, а въ военное время, въ случаѣ похода, снабжать отъ казны верховыми лошадьми съ полнымъ уборомъ по образцу колоновожатыхъ, но съ свѣтлосинимъ, вмѣсто краснаго, сукномъ; тогда же опредѣлено производить имъ и фуражное довольствіе.

Всѣ топографы раздѣлялись на два класса, причемъ изъ втораго класса въ 1-й (высшій) производились не иначе, какъ за успѣхи въ наукахъ, послѣ строгаго испытанія; топографы 1-го класса получали унтеръ-офицерское званіе и галунъ. Званіе унтеръ-офицера могло быть жалуемо и топографамъ 2-го класса за хорошее поведеніе и прилежаніе къ наукамъ, но въ этомъ случаѣ безъ галуна. Топографы 1-го класса, выслужившіе безпорочно унтеръ-офицерами 8 лѣтъ, и выдержавшіе особое испытаніе въ наукахъ, удостоивались производства въ офицеры корпуса топографовъ; за малые успѣхи въ наукахъ могли быть обращаемы изъ 1-го класса во 2-й, за дурное же поведеніе лишались унтеръ-офицерскаго званія и были выписываемы рядовыми въ армію,

Для изученія топографами всѣхъ необходимыхъ имъ познаній, при корпусѣ учреждено двухклассное училище, а образованіе топографовъ, состоящихъ при арміяхъ и корпусахъ, возложено на офицеровъ, подъ наблюденіемъ генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ. Топографы же 1-го класса, состоящіе при войскахъ, не иначе могли быть производимы въ офицеры корпуса топографовъ, какъ по пробытіи послѣдняго года служенія ихъ унтеръ-офицерами въ Петербургскомъ училищѣ. Въ младшемъ классѣ училища назначено было преподавать: стереометрію, алгебру до уравненій 3-й степени, теорію и употребленіе логариѳмовъ, плоскую тригонометрію, низшую геодезію, особенно употребленіе мензулы, россійскую географію и основанія математической географіи, законъ Божій, русскую граматику, черченіе горъ съ моделей и теорію Лемана; сверхъ того, повтореніе всего требуемаго при пріемѣ.

Въ старшемъ классѣ топографы обучались общей теоріи уравненій, сферической тригонометріи, основанію коническихъ сѣченій, всеобщей географіи, математической географіи во всемъ объемѣ, съ разными задачами на глобусѣ, высшей геодезіи или тригонометрической съемкѣ, закону Божію, русскому языку, преимущественно составленію рапортовъ разнаго рода, статистическихъ и топографическихъ описаній мѣстъ и т. под., черченію плановъ на камнѣ. Для преподаванія наукъ назначалось послѣобѣденное время, не болѣе трехъ часовъ въ день, а все утро посвящалось упражненіямъ въ чертежной. Лѣтомъ одинъ мѣсяцъ посвящался занятіямъ младшаго класса топографическою, а старшаго тригонометрическою съемкою.

Оцѣнка на экзаменахъ производилась по 10-ти бальной системѣ, причемъ высшее общее число баловъ было 120; для перевода изъ младшаго класса въ старшій требовалось имѣть не менѣе 75, а для производства въ офицеры не менѣе 100 баловъ.

Наконецъ, кромѣ двухъ вышеуказанныхъ класовъ для топографовъ, положеніемъ опредѣлялось учредить еще особый класъ для офицеровъ корпуса, въ которомъ преподавались бы

слѣдующіе предметы; основаніе диференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій; исчисленіе большихъ тригонометрическихъ съемокъ, основанныхъ на предъидущихъ исчисленіяхъ и на коническихъ сѣченіяхъ; теорію различныхъ проекцій картъ и особенно Флемстидовой, принятой для топографическихъ картъ; теорію и практику опредѣленія широты и долготы мѣстъ, посредствомъ секстанта; топографическую глазомѣрную съемку.

Однако, учрежденіе офицерскаго класа не состоялось, а съ 1824 года было замѣнено посылкою офицеровъ въ Дерптъ, для слушенія лекцій астрономіи у тамошняго професора В. Струве. Въ первые годы были командируемы туда одни квартирмейстерскіе офицеры, а только уже съ 1830 года и офицеры корпуса топографовъ ([27]). Каждый курсъ астрономіи у В. Струве продолжался два года, послѣ чего слушавшіе его офицеры командировались на тригонометрическія работы.

Предположеніе о посылкѣ офицеровъ въ Дерптъ повело къ первымъ дополненіямъ въ учебной части училища: такъ какъ лекціи въ Дерптѣ читались на нѣмецкомъ языкѣ, то пришлось ввести преподаваніе этого языка въ училище топографовъ для того, чтобы доставить возможность кончающимъ въ немъ курсъ слушать курсъ астрономіи ([28]). Это было началомъ болѣе крупныхъ измѣненій въ учебной части училища, введенныхъ уже въ трицатахъ годахъ.

Непосредственное завѣдываніе всѣмъ корпусомъ топографовъ и училищемъ возлагалось на директора онаго, который долженъ былъ вести исправные списки всѣмъ топографамъ, какъ въ Петербургѣ находящимся, такъ и состоящимъ при арміяхъ и корпусахъ, съ показаніемъ ихъ службы, успѣховъ въ наукахъ и поведеніи. Для преподаванія въ училищѣ назначалось 7 учителей изъ квартирмейстерской части, офицеровъ корпуса или другихъ вѣдомствъ, по усмотрѣнію директора. Состоящіе въ училищѣ топографы помѣщались въ зданіи главнаго штаба.

Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ прямыхъ указаній на то, какіе именно виды имѣло правительство, учреждая корпусъ топографовъ. По непонятному стеченію обстоятельствъ,

въ дѣлахъ не сохранилось ни первоначальнаго проекта объ учрежденіи этого корпуса, ни слѣдовъ доклада, при которомъ проектъ представлялся на Высочайшее утвержденіе. «Одинъ изъ старыхъ служакъ», говорится въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса топографовъ», «будучи очевидцемъ, разсказывалъ, что князь Волконскій, возвратясь съ утвержденнымъ уже положеніемъ, приказалъ сдѣлать по немъ необходимыя распоряженія, но докладъ, при которомъ оно представлялось и въ которомъ, надо полагать, были изложены всѣ доводы, послужившіе основаніемъ новому учрежденію, князь сохранялъ въ глубочайшей тайнѣ, долго носилъ при себѣ, и потомъ сдѣлалъ изъ него неизвѣстно какое употребленіе».

Какъ ни странно это объясненіе изчезновенія всякихъ слѣдовъ учрежденія цѣлаго новаго вѣдомства, но приходится имъ довольствоваться, за неимѣніемъ другаго и, такъ сказать, ощупью, догадками, отыскивать разъясненіе самой постановки новаго созданнаго корпуса.

Вглядываясь въ положеніе о корпусѣ топографовъ и особенно въ первоначальныя распоряженія по оному, можно положительно придти къ такому заключенію, что имъ ничего не было создано новаго, а только придана законная форма тому, что дѣлалось до того, какъ бы частнымъ образомъ. Положеніемъ установлялось, что для успѣшнѣйшаго производства государственныхъ съемокъ и разныхъ работъ въ военное время, выдѣляется неопредѣленное число кантонистовъ и офицеровъ. Но это самое дѣлалось и въ разное время до 1822 года; кантонистамъ, получающимъ названіе топографовъ, дается образованіе, соотвѣтственное предстоящимъ имъ служебнымъ занятіямъ, что также дѣлалось прежде. Но вотъ новое: для поощренія занятій топографовъ, имъ представляется перспектива, что за 10 лѣтнее унтеръ-офицерство, при выдержаніи строгаго экзамена, они могутъ попасть офицерами въ корпусъ топографовъ, приравненный по правамъ къ квартирмейстерскому вѣдомству.

Независимо отъ того, устанавливается комплектованіе корпуса топографовъ офицерами, посредствомъ перевода по

экзамену изъ другихъ вѣдомствъ. Повидимому, правительство, учреждая корпусъ топографовъ, не желало имѣть въ немъ большое число офицеровъ, а въ особенности произведенныхъ изъ топографовъ, вовсе не имѣвшихъ образованія. Такъ, въ первый годъ по учрежденіи корпуса, зачислено было въ топографы 144 воспитанника военно-сиротскихъ отдѣленій и только 8 офицеровъ, къ которымъ въ послѣдующіе два года прибавилось лишь двое ([29]). Офицеры эти были переведены въ корпусъ топографовъ по собственному желанію изъ квартирмейстерской части (7) и изъ артиллеріи (3). Затѣмъ, въ 1825 году, по экзамену изъ топографскаго училища было произведено въ прапорщики корпуса топографовъ только 8 отличнѣйшихъ учениковъ ([30]), выслуживших 10 лѣтъ унтеръ-офицерами, такъ что къ 1-му Января 1826 года, за выходомъ одного офицера, корпусъ топографовъ имѣлъ въ своемъ составѣ всего только 17 офицеровъ. Такое умѣренное комплектованіе корпуса продолжалось и въ слѣдующіе два года до Турецкой войны, и только послѣ этой войны численность офицеровъ корпуса топографовъ стала довольно быстро возрастать.

Первоначальное устройство, данное корпусу топографовъ, представляло много существенныхъ выгодъ, которыя главнѣйше были слѣдствіемъ тѣснаго сближенія новаго учрежденія съ квартирмейстерскою частію, а также и существовавшихъ въ то время длинныхъ сроковъ выслуги до офицерскаго чина.

Съ зачисленіемъ лучшихъ воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій въ топографы, получился отличный матеріалъ для подготовки хорошихъ съемщиковъ; соединеніе же корпуса топографовъ съ квартирмейстерскою частію, въ средѣ которой находилось много офицеровъ съ математическимъ образованіемъ и вполнѣ опытныхъ въ дѣлѣ производства съемокъ, доставило возможность дать молодымъ топографамъ отличныхъ руководителей, которые въ короткое время выработали изъ нихъ прекрасную рабочую силу для съемокъ. Квартирмейстерскіе офицеры послужили первымъ основаніемъ офицерскимъ чинамъ корпуса топографовъ, они стали

во главѣ корпуса и учрежденной при немъ школы. Генералъ Шубертъ былъ назначенъ директоромъ корпуса; квартирмейстерской части подполковникъ Галяминъ, капитанъ Тарасовъ, поручики Скалонъ 1-й и Корниловичъ 2-й, были первыми преподавателями въ школѣ топографовъ. Естественно, что такое сліяніе корпуса топографовъ съ квартирмейстерскою частію должно было сразу поставить офицеровъ корпуса въ весьма почетное положеніе.

Съ другой стороны, обязательность продолжительной выслуги до офицерскаго чина доставляла возможность имѣть дешевыхъ, опытныхъ и искусныхъ рабочихъ для съемокъ; топографы, оставаясь на съемкѣ по 8 и болѣе лѣтъ до производства въ офицеры, практикуясь лѣтомъ въ полѣ, а зимою въ чертежной, пріобрѣтали дѣйствительно навыкъ въ своей спеціальности, что и дало возможность исполнить ту массу топографическихъ работъ, которая поражаетъ своей громадностію и притомъ изяществомъ отдѣлки. О дешевизнѣ этого учрежденія, особенно въ тотъ періодъ его существованія, пока въ немъ главную рабочую силу составляли нижніе чины, и говорить нечего.

Въ учрежденіи корпуса топографовъ были своего рода неудобства, которыя, впрочемъ, высказались лишь впослѣдствіи, а не въ первые годы его существованія. Объ нихъ придется сказать въ одной изъ слѣдующихъ главъ, теперь же, оставаясь въ предѣлахъ обзора событій разсматриваемаго періода, скажемъ, что при распредѣленіи чиновъ корпуса топографовъ, офицеры онаго остались при своихъ же должностяхъ, которыя они занимали до перевода въ корпусъ, большей частію при военно-топографическомъ депо; нижніе же чины (топографы) были распредѣлены такъ, что изъ общаго числа ихъ, 54 человѣка состояли на съемкахъ, считая въ томъ числѣ и 18 находившихся при Московскомъ учебномъ заведеніи для тамошней съемки, 49 человѣхъ при штабахъ арміи и корпусовъ, а остальные 41 при военно-топографическомъ депо; изъ числа послѣднихъ 37 были зачислены въ школу топографовъ, открытую 22-го Октября 1822 года, а именно: 20 человѣкъ въ старшій и 17 въ младшій классъ.

Все это число топографовъ поступило, такъ сказать, въ обученіе къ офицерамъ квартирмейстерской части, которымъ не мало, конечно довелось приложить труда и старанія, чтобы образовать изъ нихъ хорошихъ, вполнѣ самостоятельныхъ съемщиковъ. Результаты этихъ трудовъ могли высказаться лишь впослѣдствіи, почему всѣ работы тригонометрическія и топографическія, совершенныя въ разсматриваемомъ періодѣ, также какъ и самое образованіе корпуса топографовъ, должны вполнѣ считаться принадлежностію генеральнаго штаба.

Независимо отъ всѣхъ вышепоименованныхъ работъ, офицеры квартирмейстерской части, послѣ окончанія войны съ Наполеономъ, участвовали въ нѣкоторыхъ капитальныхъ ученыхъ работахъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, по большей части сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, такъ какъ самыя работы, или были прекращены впослѣдствіи, или же затерялись въ архивахъ.

Такъ, первые годы послѣ возвращенія нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода были употреблены на приведеніе въ порядокъ военныхъ журналовъ за прошедшіе года, со всѣми къ нимъ приложеніями. Барономъ Толемъ предпринято въ 1816 году, описаніе кампаніи 1812 года и съемка всѣхъ мѣстностей, на которыхъ происходили какія-либо встрѣчи съ непріятелемъ въ эту замѣчательную эпоху. Генераломъ Гартингомъ и офицерами 1-й арміи составлено описаніе кампаніи 1815 года съ планами; многіе чины квартирмейстерскаго вѣдомства трудились надъ обработкою картъ Силезіи, Тюрингіи, Польши и Франціи, вообще тѣхъ мѣстностей, которыя были ознаменованы дѣйствіями нашихъ войскъ. Слѣды всѣхъ этихъ работъ сохранились лишь въ приказахъ по квартирмейстерской части, гдѣ неоднократно объявлялись участникамъ ихъ Высочайшія награды и благодарность князя Волконскаго, да еще въ нѣкоторыхъ указаніяхъ нашихъ позднѣйшихъ историковъ. Изъ тѣхъ же приказовъ по квартирмейстерской части узнаемъ и о нѣкоторыхъ другихъ работахъ чиновъ этого вѣдомства, которыя, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Такъ, въ 1818 го-

ду была отпечатана при управленіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества: «Памятная книга для военно-служащихъ», разосланная тогда же безплатно всѣмъ офицерамъ квартирмейстерской части, но сдѣлавшаяся теперь большой библіографической рѣдкостію. Въ 1816 году объявлена благодарность князя Волконскаго за представленныя рукописи: 1) гвардейскаго генеральнаго штаба полковнику Муравьеву 1-му (Александръ Николаевичъ), штабсъ-капитану Муравьеву 2-му (Николай Николаевичъ) и подпоручику Бурцеву, за составленное ими «Военное описаніе дороги изъ Петербурга черезъ Нарву, Псковъ и Динабургъ въ Вильну, а изъ Динабурга и въ Вилькомиръ», въ которомъ, какъ сказано въ приказѣ, сдѣланы разныя замѣчанія, относящіяся къ должности офицера генеральнаго штаба и 2) гвардейскаго же генеральнаго штаба поручику Муравьеву 5-му (Михаилъ Николаевичъ), за составленное имъ и принесенное въ даръ военно-топографическому депо «Описаніе кавказскихъ народностей», которыя онъ имѣлъ возможность изучить, находясь два года на съемкѣ тамошнихъ мѣстъ.

Столь же мало извѣстна и обширная по плану работа, возложенная княземъ Волконскимъ на квартирмейстерскихъ офицеровъ въ 1818 году, по составленію общаго свода всѣхъ свѣдѣній о военныхъ силахъ европейскихъ государствъ. Сводъ этотъ долженъ былъ заключать въ себѣ двѣ главныя рубрики: крѣпости и войска; въ него должны были войти свѣдѣнія о слѣдующихъ государствахъ: Швеціи, Даніи, Пруссіи, Австріи, Германіи, Франціи, государствъ Итальянскаго полуострова, Турціи, Семи Соединенныхъ Острововъ (Іоническихъ), Англіи и Швейцаріи. Описаніе каждаго государства должно было представлять особую статью такъ, чтобы можно было имѣющіяся свѣдѣнія дополнять вновь получаемыми изъ-за границы. Къ отдѣлу о крѣпостяхъ слѣдовало прилагать опись всѣхъ сочиненій и статей, въ которыхъ описывались осады этихъ крѣпостей ([31]). Имѣя указанія лишь о томъ, что предписано было составить подобный сборникъ, мы ничего не можемъ сказать какъ въ дѣй-

ствительности исполнялась эта работа и даже была ли она осуществлена.

Такъ какъ свѣдѣнія о военныхъ силахъ иностранныхъ государствъ должны были получаться изъ-за границы, то со стороны князя Волконскаго были приняты мѣры къ облегченію этого дѣла. Съ этой цѣлію онъ не упускалъ представлявшихся случаевъ, чтобы вводить, по возможности, квартирмейстерскихъ офицеровъ въ среду дипломатическаго корпуса, въ качествѣ военныхъ агентовъ. Первый опытъ къ тому сдѣланъ на восточныхъ окраинахъ Имперіи, гдѣ квартирмейстерскіе офицеры нерѣдко были посылаемы съ разными дипломатическими порученіями въ Хиву и Бухару; при посольствѣ А. П. Ермолова въ 1816 году въ Персію, состояло семь офицеровъ квартирмейстерской части и двое колоновожатыхъ; затѣмъ, въ 1824 году была отправлена военная миссія изъ четырехъ офицеровъ къ нашему посольству въ Константинополѣ, а въ 1820 году, квартирмейстерской части подпоручикъ Вильбоа командированъ къ нашему посольству въ Баварію, а флигель-адъютантъ полковникъ Бутурлинъ состоялъ въ качествѣ военнаго агента въ Парижѣ и даже находился, въ 1823 году, при французской арміи, дѣйствовавшей въ Испаніи. Наконецъ, нѣсколько высшихъ чиновъ квартирмейстерской части, какъ сказано выше, были прямо употребляемы по дипломатической части.

Болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія имѣются о трудахъ квартирмейстерской части по другой капитальной работѣ, именно по описанію всѣхъ войнъ, происходившихъ со временъ Петра Великаго между Россіею и Турціею. Первоначальный починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ начальнику штаба 2-й арміи, генералъ-адъютанту Киселеву, который, желая доставить занятіе квартирмейстерскимъ офицерамъ, состоявшимъ при арміи, а также и въ виду заблаговременной подготовки среди мира всѣхъ свѣдѣній, какія могли бы потребоваться въ случаѣ разрыва съ Турціею, предпринялъ въ 1816 году составленіе «Полнаго историческаго начертанія всѣхъ съ турецкою державою военныхъ дѣйствій отъ временъ Петра Великаго до послѣдняго мира» (Бухарестскій въ 1812 году).

По выработанной имъ же программѣ трудъ этотъ долженъ былъ заключать въ себѣ слѣдующее:

1) Статистическое описаніе края, въ которое должны были входить также и военно-топографическія свѣдѣнія о немъ;

2) Способы продовольствія при началѣ каждаго похода и въ продолженіи его;

3) Сборныя мѣста на границахъ;

4) Движенія колоннъ съ описаніемъ, какъ препятствій, встрѣчавшихся имъ, такъ и средствъ къ ихъ преодолѣнію;

5) Встрѣчи съ непріятелями, сраженія и послѣдствія оныхъ;

6) Осады крѣпостей;

7) Планы кампаніи, представленные главнокомандующимъ и наставленія, данныя правительствомъ.

Планъ этотъ былъ утвержденъ княземъ Волконскимъ, который разрѣшилъ Киселеву обращаться за матеріалами для этого труда во всѣ архивы Петербурга, Москвы и особенно южно-русскихъ крѣпостей, гдѣ, конечно, хранилось наибольшее число бумагъ, относящихся до турецкихъ войнъ; при этомъ постановлено было, чтобы всѣ болѣе важныя бумаги, относящіяся до военныхъ дѣйствій, были пересылаемы для дальнѣйшаго храненія въ архивъ военно-топографическаго депо.

Непосредственное завѣдываніе этой работой Киселевъ возложилъ на своего адъютанта, гвардіи капитана Бурцева ([32]), въ вѣдѣніи котораго сосредоточивались всѣ доставляемые въ штабъ 2-й арміи матеріалы. Въ пять лѣтъ, съ 1817 по 1822 годъ, многое было уже сдѣлано: пересмотрѣны и разобраны архивы Измаила, Бендеръ, Хотина, Херсона, Николаева, Перекопа, получены многія свѣдѣнія отъ заграничныхъ консуловъ нашихъ, находившихся въ предѣлахъ Турціи и вообще отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, открыты сношенія съ многими участниками турецкихъ войнъ, а также съ наслѣдниками умершихъ, сдѣланы многія извлеченія изъ петербургскихъ архивовъ. Изъ лицъ, трудившихся по этой части, извѣстно, что генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи

Хоментовскій завѣдывалъ составленіемъ карты театра турецкихъ войнъ, квартирмейстерской части молодые офицеры: Петровъ, Басаргинъ, Гасфортъ, баронъ Ребиндеръ, и гражданскіе чиновники: Алексѣевъ, Михайловскій, Павлищевъ, были наиболѣе дѣятельными тружениками по разборкѣ архивовъ и группировкѣ собираемыхъ матеріаловъ.

Предположенія свои о задуманной работѣ Киселевъ сообщилъ на разсмотрѣніе разныхъ компетентныхъ лицъ и отовсюду получалъ самые одобрительные отзывы, изъ числа которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ мнѣнія барона Дибича и Канкрина (извѣстнаго министра финансовъ) ([33]). Дибичъ очень заинтересовался работой, предпринятой при штабѣ 2-й арміи и, какъ видно изъ письма къ нему Киселева, еще въ 1819 г. былъ занятъ вопросомъ о томъ, въ какой степени, дѣйствительно, Балканы могутъ считаться непроходимыми, что ему пришлось лично разрѣшить на дѣлѣ десять лѣтъ спустя ([34]). Что касается до Канкрина, то онъ, считая предпріятіе Киселева наиполезнѣйшимъ и вполнѣ необходимымъ, сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ разсмотрѣнной имъ программѣ, но предсказалъ всей работѣ неуспѣхъ, какъ потому, что послѣ наполеоновскихъ войнъ всѣ увлечены только большими стратегическими комбинаціями, а не изученіемъ техники военнаго дѣла, такъ еще болѣе вслѣдствіе того, что значеніе, придаваемое въ то время фронтовымъ занятіямъ, вполнѣ заглушало военную науку, отодвигая ее на второй планъ.

Къ сожалѣнію, мрачнымъ предсказаніямъ Канкрина суждено было сбыться, отчасти, конечно, отъ указанныхъ имъ причинъ, но еще болѣе вслѣдствіе малаго сочувствія и даже противодѣйствія, выказанныхъ этой работѣ со стороны нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ видныя мѣста въ самомъ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ.

Еще въ 1819 году, Толь и Селявинъ, эти два ближайшіе помощника князя Волконскаго, выказали свое нежеланіе помочь работамъ, производимымъ при штабѣ 2-й арміи. Когда Киселевъ просилъ о доставленіи ему нѣкоторыхъ дѣлъ и плановъ, хранившихся въ военно-топографическомъ депо, то ему отвѣчали, что высылать ихъ нельзя, а списывать и пере-

черчивать некому, почему надлежитъ особо поручить это кому либо. Вслѣдствіе того, Киселевъ командировалъ въ 1822 году въ Петербургъ поручика Петрова и двухъ чиновниковъ, которымъ оказано было всякое содѣйствіе отъ дежурнаго генерала Закревскаго и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, для ознакомленія съ архивами этихъ вѣдомствъ, но труднѣе всего было получить что-либо именно изъ военно-топографическаго депо. Трудности эти были слѣдствіемъ того, что въ это же время, въ управленіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества, производились также значительныя работы по изученію турецкихъ войнъ. Письмомъ отъ 26-го Января 1822 года (35), баронъ Толь извѣстилъ Киселева, что предположеніе послѣдняго относительно описанія походовъ «Россіянъ противъ Порты» приводится и отчасти уже приведено въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, а именно:

1) Сочиняется на 24 листахъ генеральная карта театра войны всѣхъ турецкихъ владѣній съ прилежащими къ нимъ землями, составляемая изъ новѣйшихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и картъ россійскихъ и иностранныхъ, и основанная на астрономическихъ наблюденіяхъ съ 1816 по 1821 годъ.

2) Сочиняется топографическая карта частей Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и Булгаріи на 22-хъ листахъ, составленная изъ военныхъ обозрѣній, произведенныхъ офицерами квартирмейстерской части въ теченіе послѣдней Турецкой войны. Одинадцать листовъ этой карты были уже готовы и въ десяти экземплярахъ тогда же посланы Киселеву.

3) Окончены и въ печати военно-топографическія описанія дорогъ отъ береговъ Дуная въ Константинополь, а именно: дороги отъ Рущука черезъ Шумлу и Адріанополь и отъ Галаца черезъ Праводы и Арабабургасъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ генеральнаго штаба полковникомъ Леномъ, сопрождавшимъ въ 1792 году наше посольство въ Турцію, и исправленныхъ по новѣйшимъ матеріаламъ, а дороги отъ Исакчи черезъ Бабадагъ, Варну, Бургасъ и Мидію, по описанію доставленному гвардейскаго генеральнаго штаба капитаномъ Бергомъ, во время обратнаго пути его изъ Константинополя въ Измаилъ, въ 1819 году.

4) Окончено и въ печати краткое описаніе всѣхъ походовъ, бывшихъ противъ Порты Отоманской съ 1769 по 1812 годъ, составленное флигель-адъютантомъ полковникомъ Бутурлинымъ.

Сочиненіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ большимъ сочиненіемъ Бутурлина: «Картина войнъ Россіи съ Турціею, въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Александра I», которое издано было въ 1829 году; упоминаемое же здѣсь краткое описаніе этихъ войнъ было напечатано въ 1822 году, всего въ пятидесяти экземплярахъ и вовсе не предназначалось для продажи.

Къ этому баронъ Толь присовокуплялъ, что войны Петра Великаго противъ турокъ уже описаны съ надлежащею подробностію Бутурлинымъ въ его «Военной Исторіи походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи», а Миниховы походы также имъ окончены, но еще не напечатаны. «Къ тому же, прибавлялъ Толь, ваше превосходительство можетъ быть согласитесь со мною, что сіи послѣдніе походы, какъ по тогдашнему театру войны, образованію и тактикѣ нашихъ войскъ, такъ и по недостаточнымъ понятіямъ самихъ полководцевъ о военномъ искусствѣ, не могутъ быть для насъ поучительны». А между тѣмъ въ это самое время, при штабѣ 2-й арміи, поручикъ Басаргинъ составлялъ уже описаніе походовъ Миниха, которымъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ, Киселевъ придавалъ не малое значеніе, особенно въ административномъ отношеніи.

Въ заключеніе своего письма, баронъ Толь сообщалъ, что свѣдѣнія относительно всѣхъ прочихъ предметовъ, долженствовавшихъ поступить въ составъ предположеннаго Киселевымъ сочиненія, могутъ быть почерпаемы изъ источниковъ, имѣющихся при главномъ штабѣ.

Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести это письмо на Киселева и на всѣхъ трудившихся по его почину при второй арміи; неизвѣстно былъ ли отвѣтъ на это письмо, но сохранилась черновая замѣтка Киселева, написанная видимо въ защиту препринятой имъ работы; въ ней, между прочимъ, говорится, что особенно въ войнѣ противъ турокъ

недостаточны одни теоретическія познанія, а болѣе важны уроки опыта, указывающіе, что было и можетъ быть полезнымъ и вреднымъ на самомъ дѣлѣ. Опытъ же этотъ извлекается изъ подробнаго и обстоятельнаго изученія всѣхъ распоряженій не только главнокомандующихъ, но и прочихъ генераловъ, что и имѣлось въ виду въ сочиненіи, задуманномъ при штабѣ 2-й арміи.

Затѣмъ, въ запискѣ указывается, что особенно важное значеніе имѣетъ изученіе продовольствія войскъ и сбереженія оныхъ, всякаго рода медицинскія свѣдѣнія, указанія на счетъ средствъ расположенія войскъ квартирами и биваками, устройство этаповъ, транспортовъ и т. п.

Мысль Киселева о подобномъ изученіи турецкихъ войнъ замѣчательна въ томъ отношеніи, что она опередила тогдашнія понятія о военномъ дѣлѣ, по которымъ всѣ мелочи военной техники не обращали на себя вниманія; тогдашнее общество находилось вполнѣ подъ обояніемъ Жомини и его стратегическихъ ученій, что отразилось, какъ нельзя болѣе, на нашей военной литературѣ этой эпохи. Какъ ни бѣдна она, но все таки въ ней замѣтно преобладаніе сочиненій, носящихъ громкія заглавія: «картина войны или войнъ», «взглядъ на кампанію», «стратегическія разсужденія о военныхъ дѣйствіяхъ». Задуманный же Киселевымъ трудъ шелъ въ разрѣзъ съ этими установившимися понятіями, почему и не имѣлъ успѣха, встрѣтивъ несочувствіе именно въ высшихъ представителяхъ квартирмейстерской части. Корень этого несочувствія безспорно лежалъ въ различіи взглядовъ на военную исторію и ея значеніе, но, съ другой стороны, можно заподозрить въ этомъ дѣлѣ участіе и личныхъ отношеній. Квартирмейстерское вѣдомство пріобрѣтало въ это время уже нѣкоторую сплоченность, духъ корпораціи, оно начинало смотрѣть на нѣкоторыя должности, какъ на неотъемлемо ему принадлежащія, въ томъ числѣ, конечно, на должности начальниковъ штабовъ корпусовъ и армій. И дѣйствительно, большинство этихъ должностей было занято чинами квартирмейстерскаго вѣдомства, носило мундиръ генеральнаго штаба; если назначались начальниками штабовъ лица другихъ вѣ-

домствъ, обратившія на себя вниманіе своими заслугами и способностями, то имъ, какъ бы въ награду, давали мундиръ Свиты Его величества по квартирмейстерской части([36]). Естественно, что на начальниковъ штабовъ, не имѣвшихъ этого мундира, квартирмейстерская часть смотрѣла, какъ на чужихъ для нея людей и относилась вообще ко всѣмъ ихъ начинаніямъ крайне сдержанно, чтобы не сказать враждебно. Киселевъ, по своей прошедшей службѣ, не принадлежалъ къ квартирмейстерской части, въ которую былъ зачисленъ только въ 1819 году, послѣ назначенія начальникомъ штаба 2-й арміи, вслѣдствіе особаго довѣрія и расположенія къ нему Императора Александра; возвышеніемъ этимъ онъ сталъ какъ бы поперегъ дороги Толя, который могъ считать себя ближайшимъ кандидатомъ на эту должность. Отсюда и личное нерасположеніе между этими лицами, неоднократно проявлявшееся и имѣвшее конечно, вліяніе на самый успѣхъ ихъ служебныхъ обязанностей.

Извѣстно, какимъ оживленіемъ русской мысли и литературы ознаменовалось послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I. Стоитъ вспомнить, что къ этому времени относятся лучшія произведенія Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Гнѣдича, Крылова, начало литературнаго поприща А. С. Пушкина, основаніе многочисленныхъ журналовъ («Русскаго Вѣстника», «Вѣстника Европы», «Сына Отечества», «Отечественныхъ Записокъ») и многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ; этому общему движенію не было чуждо и военное общество, а конечно и квартирмейстерское, служившее представителемъ наиболѣе образованной и развитой части нашей арміи. И въ немъ также организовалось ученое общество и кружки, свои періодическія изданія, свои писатели и даже поэты. Въ Петербургѣ, съ почина начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-маіора Николая Мартемьяновича Сипягина, составилось «общество любителей военныхъ наукъ», издававшее три года, съ 1817 по 1819 годъ, «Военный Журналъ», богатый любопытными статьями ([37]). Къ сожалѣнію, въ архивѣ вовсе не сохранилось слѣдовъ существованія этого нашего военно-ученаго общества.

При штабахъ обѣихъ армій, въ Могилевѣ и Тульчинѣ, изъ штабныхъ лицъ образовались кружки, которые посвящали много времени чтенію, бесѣдамъ, взаимному самообразованію. Въ тѣ времена картежная игра не занимала еще такого виднаго мѣста, какое суждено было ей занять впослѣдствіи; офицеры, возвратившіеся изъ заграничнаго похода, навезли съ собою множество книгъ нѣмецкихъ и по преимуществу французскихъ, привезли не малую долю опыта и наблюдательности надъ видѣннымъ, почему чтеніе, бесѣды и обсужденіе прочитаннаго занимали наиболѣе времени въ средѣ штабныхъ кружковъ. Къ тому же, большое вліяніе на всѣхъ штабныхъ, особенно же на младшихъ чиновъ, имѣлъ примѣръ высшихъ начальниковъ, пользовавшихся полнѣйшимъ уваженіемъ за свои личныя качества. Въ особенности это было замѣтно въ 1-й арміи, гдѣ личности самаго главнокомандующаго, Барклая-де-Толли, начальника штаба, барона Дибича и генералъ-квартирмейстера, Гартинга, вполнѣ импонировали своей ученостью и серьезнымъ направленіемъ. Возлѣ нихъ группировался многочисленный штабъ, въ средѣ котораго рѣзко выдѣлялись тогда по своимъ способностямъ Гасфортъ, Веймарнъ (Петръ Федоровичъ) и князь Горчаковъ (Михаилъ Дмитріевичъ).

Три вечера въ недѣлю всѣ принадлежавшіе къ главной квартирѣ обязательно собирались у главнокомандующаго, гдѣ обыкновенно устраивались танцы, разныя игры, или же велась оживленная бесѣда. Всѣ прочіе вечера были также разобраны, но вообще на этихъ собраніяхъ дамы не имѣли первенствующей роли, картъ не было, а по преимуществу устраивались чтенія и бесѣды о прочитанномъ и видѣнномъ. Симпатичная личность Гартинга, этого высокообразованнаго, глубоко свѣдущаго и вполнѣ религіознаго человѣка, давала какъ бы общій тонъ всему обществу квартирмейстерскаго вѣдомства 1-й арміи ([38]).

Во 2-й арміи штабъ былъ малочисленнѣе, самъ главнокомандующій, князь Витгенштейнъ, не жилъ въ Тульчинѣ, генералъ-квартирмейстеръ Хоментовскій, утомленный похо-

дами и службою, не имѣлъ достаточной энергіи, чтобы вліять на штабное общество, но зато начальникъ штаба, Киселевъ, все восполнялъ собою. Довершивъ своими собственными трудами свое образованіе, глубоко сознавая всю его необходимость, Киселевъ старался всячески поддерживать стремленіе къ нему и въ своихъ подчиненныхъ. Въ этихъ видахъ, онъ предпринялъ составленіе описанія турецкихъ войнъ, въ этихъ же видахъ онъ самъ посѣщалъ нерѣдко частныя собранія офицеровъ, бесѣдовалъ съ собравшимися, стараясь возбудить и поддержать въ нихъ охоту къ чтенію ([39]). Здѣсь же, въ Тульчинѣ, прошла почти вся служба произведеннаго въ 1817 году изъ колоновожатыхъ въ прапорщики Свиты по квартирмейстерской части Александра Федоровича Вельтмана, имя котораго извѣстно въ нашей литературѣ, какъ беллетриста и ученаго историческаго изслѣдователя. Дѣятельно прослуживъ при 2-й арміи болѣе десяти лѣтъ, получивъ за Кулевчу чинъ капитана, онъ въ 1831 году, вышелъ за болѣзнію въ отставку, и окончательно посвятилъ себя литературѣ ([40]).

Появленіе съ 1813 года газеты «Русскій Инвалидъ», переданной въ 1816 году въ вѣдѣніе комитета Высочайше учрежденнаго 18-го Августа 1814 года, а также изданіе «Военнаго Журнала», должно было возбуждать дѣятельность офицеровъ къ литературнымъ занятіямъ и въ особенности привлекло очень многихъ офицеровъ квартирмейстерской части. Статьи послѣднихъ нерѣдко появлялись на страницахъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, но почти всегда не подписанными, согласно съ тогдашнимъ обычаемъ; имена же другихъ сохранились въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, ими изданныхъ, и между ними наиболѣе извѣстны фамиліи: Чуйкевича, Бутурлина, Хатова. Первый оставилъ двѣ брошюры, заключающія въ себѣ «стратегическія разсужденія о первыхъ дѣйствіяхъ Россіянъ за Дунаемъ и о войнѣ 1812 года», въ которыхъ прямо является послѣдователемъ стратегическихъ системъ Жомини. Болѣе плодовиты двое другихъ писателей, занимающихъ видное мѣсто въ нашей военной литературѣ и всецѣло принадлежащихъ генеральному штабу.

Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, родился въ 1790 году; началъ службу въ кавалеріи, откуда въ 1812 году переведенъ подпоручикомъ въ квартирмейстерскую часть; былъ нѣкоторое время адъютантомъ при князѣ Волконскомъ, въ 1817 году пожалованъ флигель-адъютантомъ, а въ 1824 г., въ чинѣ генералъ-маіора, назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи, и въ этой же должности дѣлалъ съ Дибичемъ Турецкую кампанію ([41]) Сочиненія его писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ гораздо лучше, чѣмъ своимъ роднымъ. По справедливости, его можно назвать нашимъ первымъ (по времени) военно-историческимъ писателемъ. Наиболѣе капитальныя его сочиненія: «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVII вѣкѣ», заключающая въ себѣ описаніе войнъ Петра I и Анны Іоанновны, «Очеркъ войнъ, веденныхъ противъ турокъ при Екатеринѣ II и Александѣ I», «Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 году и картина осенней кампаніи 1813 года въ Германіи». Бутурлинъ принадлежалъ къ числу самыхъ горячихъ приверженцевъ и послѣдователей Жомини, что вполнѣ отражается на критической оцѣнкѣ описываемыхъ имъ военныхъ дѣйствій. Самыя описанія этихъ дѣйствій изложены отчетливо, но безъ всякихъ подробностей, которыя столь необходимы для болѣе полной характеристики дѣйствующихъ лицъ и событій.

Александръ Ильичъ Хатовъ можетъ быть названъ переводчикомъ и дополнителемъ сочиненій Бутурлина, хотя извѣстенъ также и самостоятельными трудами. Вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Безкорниловичемъ, онъ составилъ и издалъ атласъ плановъ и картъ къ военной исторіи Бутурлина. Самостоятельныя его сочиненія имѣютъ преимущественно дидактическій характеръ, но и въ свое время не имѣли большаго значенія, а теперь вполнѣ забыты. Къ этого рода сочиненіямъ Хатова принадлежатъ: «Опытъ общей тактики» въ двухъ частяхъ, небольшая брошюра «О военной дисциплинѣ» и «Руководство молодымъ офицерамъ къ отправленію службы разнаго рода въ военное время», изданное имъ въ 1835 году.

Къ разсматриваемому періоду времени относятся и первые труды, едва начинавшаго тогда свое литературное поприще, Александра Ивановича Михайловскаго-Данилевскаго.

Служба его, съ чина поручика до генерала (съ 1813 по 1823 годъ), принадлежитъ квартирмейстерской части, причемъ онъ почти все время состоялъ непосредственно при князѣ Волконскомъ, а съ 1816 года имѣлъ честь носить флигель-адъютантскій аксельбантъ. Первый литературный трудъ его были «Записки 1814—1815 годовъ», изданныя имъ во время состоянія въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ. Будучи произведенъ въ генералы, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, онъ участвовалъ въ этомъ званіи въ войнахъ Турецкой и Польской, а по окончаніи послѣдней, вполнѣ посвятилъ себя военной литературѣ. Труды его по этой части слишкомъ извѣстны, чтобы перечислять ихъ здѣсь; можно замѣтить только, что хотя нѣкоторые изъ нихъ потеряли свое значеніе, такъ какъ описываемыя въ нихъ событія нашли себѣ другихъ историковъ, тѣмъ не менѣе есть и такія сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, которыхъ до сихъ поръ еще нечѣмъ замѣнить и которыя невольно остаются единственными матеріалами къ изученію войнъ александровской эпохи.

Изъ этого очерка дѣятельности квартирмейстерскихъ чиновъ въ періодъ времени съ 1815 по 1825 годъ можно видѣть, что чины эти и въ мирное время являются столь же полезными и трудящимися, какъ въ эпоху предшествовавшихъ войнъ. Независимо отъ непосредственно лежащихъ на нихъ обязанностей при войскахъ, имъ открылось въ это время обширное поприще государственныхъ съемокъ, на которыхъ они, работая сами, подготовляютъ и для будущаго времени, замѣстителей себѣ въ корпусѣ топографовъ. Учрежденіе это создано и поставлено на ноги вполнѣ квартирмейстерскою частію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, офицеры этого послѣдняго вѣдомства начинаютъ пріобрѣтать важное значеніе и въ дѣлѣ развитія и распространенія у насъ военнаго образованія. Въ училищѣ колоновожатыхъ, въ Могилевской офицерской школѣ, въ школахъ подпрапорщи-

ковъ при арміяхъ и корпусахъ, въ школѣ топографовъ, въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ и нѣкоторыхъ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, квартирмейстеркіе офицеры начинаютъ занимать видное мѣсто въ средѣ преподавателей; наконецъ, ихъ имена появляются и въ литературѣ. Все это должно было поднять въ глазахъ общества это вѣдомство, и дѣйствительно, мундиръ генеральнаго штаба, названіе «свитскаго» офицера, какъ обыкновенно называли офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, пріобрѣтаетъ почетъ и значеніе. Заслуженные и пользующіеся извѣстностію генералы дорожатъ честію носить мундиръ генеральнаго штаба и числиться въ спискахъ квартирмейстерскаго вѣдомства.

Однако, рядомъ съ этимъ, періодъ глубокаго мира начинаетъ уже налагать свою печать на это вѣдомство, процвѣтающее обыкновенно во время войны и какъ бы разрушающееся съ ея окончаніемъ. Явленіе это вполнѣ нормальное въ службѣ генеральнаго штаба. Во время войны служба эта дѣлается наиболѣе замѣтною, и если только она исполняется мало-мальски хорошо, то это сильно поднимаетъ значеніе всего вѣдомства въ глазахъ войсковыхъ начальниковъ и самихъ войскъ. Съ окончаніемъ войны и съ наступленіемъ мирнаго періода, положеніе это начинаетъ измѣняться: дѣятели войны, заслужившіе на боевыхъ поляхъ свой авторитетъ и право на уваженіе, начинаютъ исчезать со служебнаго поприща; ихъ мѣста занимаетъ молодежъ, едва сошедшая со школьной скамьи, чуждая еще войскамъ, по большей части вовсе не входящая въ ихъ жизнь, но гордая уже своимъ мундиромъ и выказывающая притязанія на такой же почетъ, какимъ пользовались ея предшественники. А между тѣмъ и въ войскахъ уже успѣли установиться другіе взгляды на служебныя обязанности, другія требованія соотвѣтственно мирному времени. Вотъ и достаточный поводъ къ столкновенію между этими двумя элементами военной силы: строевымъ и штабнымъ, уставно-фронтовымъ и школьно-ученымъ. Первый опирается на современныхъ требованіяхъ мирнаго времени, гордится той

ролью, какую ему приходится отбывать въ настоящемъ, считая ее единственно вѣрной для будущаго и нерѣдко забывая совершенно уроки прошедшаго, переставая даже ихъ изучать; точно также и школьно-ученый элементъ впадаетъ обыкновенно въ крайность, ставя науку, нерѣдко безъ всякаго практическаго ея примѣненія, на первый планъ, пренебрегая детальною, такъ сказать, элементарною техникою военнаго дѣла, ради высшихъ взглядовъ и теоріи. Отсюда, конечно, одинъ только положительный вредъ для военнаго дѣла, раздвоеніе между мыслію и дѣломъ, которое неизбѣжно должно вести къ самымъ неблагопріятнымъ результатамъ. Къ сожалѣнію, подобное раздѣленіе является повсемѣстно послѣ войнъ и чѣмъ продолжительнѣе бываетъ слѣдующій за этими войнами миръ, тѣмъ раздвоеніе это становится болѣе рѣзкимъ и пагубнымъ; къ тому же, оно въ особенности рѣзко выступаетъ въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ образованіе не распредѣлено равномѣрно, гдѣ въ рядахъ войскъ рядомъ съ лицами имѣющими высшее развитіе и образованіе, встрѣчаются и совершенно противоположныя крайности. Во время войны, когда вся военная семья бываетъ дружно сплочена общностію воодушевленія, патріотизма, эти различія не даютъ себя чувствовать, но за то проявляются во всей силѣ съ наступленіемъ мира.

Это именно вполнѣ выказалось и въ нашей арміи въ концѣ царствованія Императора Александра I. Патріотическое воодушевленіе 1812 года, слава, пріобрѣтенная при низложеніи Наполеона, высоко подняли наше военное сословіе, сблизили его разнородные слои между собою, среди общихъ опасностей и самопожертвованія, заставили забыть всякое различіе въ образованіи и развитіи; золотое оружіе и знаки военнаго ордена украшали одинаково и лицъ, обладавшихъ высшимъ образованіемъ, и тѣхъ, которые едва обладали начатками грамотности. Но съ каждымъ годомъ мира воспоминанія прошедшаго сглаживались, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и раздѣльность между строевымъ и ученымъ элементами войскъ. Раздѣльность эта болѣе всего должна была неблагопріятно отражаться на квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ,

немногочисленном и стоявшем особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ войскъ.

Имѣя въ колоновожатыхъ свой собственный источникъ комплектованія, пополняя его не изъ рядовъ арміи, а молодежью, едва сошедшею со школьной скамьи, соприкасаясь съ войсками лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и то отдѣльными личностями, квартирмейстерское вѣдомство съ каждымъ годомъ дѣлалось все болѣе и болѣе чуждымъ для войскъ, теряло прежнее свое значеніе. Прежніе его дѣятели, пріобрѣвшіе извѣстность, или вовсе выходили изъ него, получая другія назначенія, или же пристраивались къ съемкамъ, а замѣнявшая ихъ молодежъ, будучи быстро повышаема въ чинахъ, вносила въ жизнь квартирмейстерской части много самоувѣренности, и мало служебной опытности и практичности.

Подобное положеніе дѣлъ должно было медленно подтачивать самыя основы этого учрежденія и требовалась усиленная и внимательная дѣятельность, чтобы предупредить вредныя для дѣла послѣдствія. А между тѣмъ къ концу царствованія Императора Александра обстоятельства сложились крайне неблагопріятно въ этомъ отношеніи и привели квартирмейстерское вѣдомство въ совершенное разстройство.

Въ началѣ 1823 года, какія-то недоразумѣнія по военной смѣтѣ побудили князя Волконскаго просить объ отпускѣ за границу. Его мѣсто по званію начальника главнаго штаба временно было занято барономъ Дибичемъ, который, въ Іюлѣ 1824 года, былъ утвержденъ въ этой должности, съ назначеніемъ также управляющимъ квартирмейстерскою частію и съ отчисленіемъ отъ званія начальника штаба 1-й арміи. Вмѣсто него на послѣднюю должность тогда же назначенъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества, баронъ Толь.

Переходя на новую должность, баронъ Дибичъ перевелъ вмѣстѣ съ собою и ближайшаго своего помощника по 1-й арміи, генералъ-квартирмейстера оной Гартинга, на соотвѣтственную должность въ главномъ штабѣ Его Величества. Назначеніе это состоялось Высочайшимъ приказомъ 9-го Іюля

1824 года, но преждевременная смерть похитила Гартинга ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ вступить въ новую должность. Личность Гартинга слишкомъ замѣчательна, чтобы не посвятить нѣсколько строкъ ея памяти, тѣмъ болѣе, что въ ней олицетворяется, какъ нельзя полнѣе, идеалъ офицера генеральнаго штаба.

Соотечественникъ и близкій родственникъ графа Сухтелена, Гартингъ имъ же былъ вызванъ на службу въ Россію, въ 1803 году, изъ Голландіи, гдѣ онъ состоялъ инженернымъ поручикомъ въ войскахъ Батавской республики. Принятый въ нашу службу подпоручикомъ инженернаго вѣдомства, онъ въ 1808 году переведенъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части и въ рядахъ этого вѣдомства сдѣлалъ Финляндскую кампанію 1808—1809 годовъ, неоднократно обращая на себя вниманіе своею исполнительностію, отличнымъ пониманіемъ дѣла и энергіей. Отечественную войну онъ дѣлалъ въ должности оберъ-квартирмейстера 3-го пѣхотнаго корпуса, съ которымъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, удостоившись, въ числѣ прочихъ наградъ, получить: за Малоярославецъ, чинъ полковника, за Красное, золотую шпагу, за Кульмъ, Владимірскій крестъ, за Лейпцигъ, св. Георгія 4-й степени. Въ 1814 году, онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ и назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса, а за смотръ подъ Вертю произведенъ, на тридцатомъ году жизни, въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи. Дѣятельность его въ этомъ званіи была, какъ уже сказано въ своемъ мѣстѣ, весьма обширна и разнообразна и за нее онъ удостоенъ въ 1820 году ордена св. Анны 1-й степени.

Не менѣе замѣчательно и плодотворно было вліяніе Гартинга на всю окружавшую его среду. Обладая высокимъ научнымъ образованіемъ, будучи отличнымъ математикомъ, зная въ совершенствѣ семь или восемь живыхъ языковъ, литературу которыхъ онъ вполнѣ изучилъ, Гартингъ въ то же время былъ авторитетомъ во всемъ, относящемся до военныхъ наукъ и особенно въ дѣлѣ съемокъ и топографиче-

скаго изученія мѣстности; въ знаніи топографіи нашего западнаго пограничнаго пространства и прилежащихъ къ нему иностранныхъ государствъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго въ нашемъ генеральномъ штабѣ; въ черченіи обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, одинаково искусно владѣя карандашемъ обѣими руками ([42]). Будучи связанъ тѣсною дружбою съ Теннеромъ, съ которымъ онъ сблизился, когда послѣдній жилъ у Сухтелена, Гартингъ принималъ живое участіе въ его работахъ по тригонометрическимъ съемкамъ, сообщая ему разныя практическія указанія, даже повѣряя болѣе сложныя его вычисленія, которыя Теннеръ ему доставлялъ на просмотръ ([43]).

Одаренный прекрасной, въ высшей степени симпатичной наружностію, высоко религіозный въ душѣ, соединяя въ себѣ кротость съ живостью, скромность съ импонирующимъ достоинствомъ, Гартингъ оказывалъ необыкновенное вліяніе на всѣхъ окружающихъ, покорялъ себѣ всѣ сердца, вовсе не стараясь о томъ. Одно его появленіе укрощало взрывы горячности Дибича, а всѣ его подчиненные питали къ нему полнѣйшую любовь, уваженіе и довѣріе. Императоръ Николай Павловичъ, до вступленія своего на престолъ, будучи еще Великимъ Княземъ, имѣлъ случай близко узнать Гартинга, когда послѣдній сопровождалъ его при осмотрѣ полей сраженій 1812 года и будучи имъ очарованъ, велъ съ нимъ самую задушевную корреспонденцію ([44]).

Состоя генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи, при которой постоянно находилась наибольшая часть офицеровъ квартирмейстерской части, Гартингъ имѣлъ большое на нихъ вліяніе и строго слѣдилъ за ихъ занятіями, поведеніемъ и образомъ мыслей. Будучи глубоко преданъ тому вѣдомству, мундиръ котораго носилъ, онъ ревностно заботился о сохраненіи его достоинства. Изъ писемъ его къ Теннеру видно, какъ хорошо, до мелочей, зналъ онъ своихъ подчиненныхъ, со всѣми ихъ слабостями и недостатками; отправляя офицеровъ на виленскую съемку, онъ почти о каждомъ сообщалъ свои конфиденціальныя замѣтки: о нѣкоторыхъ пишетъ, что они требуютъ строгаго надзора и чтобы ихъ подгоняли къ

работѣ; между прочимъ, объ одномъ сообщаетъ, что онъ только и хорошъ въ обществѣ, да за ломбернымъ столомъ, а не тамъ, гдѣ предстоитъ работа; о другомъ, что онъ въ долгахъ, вслѣдствіе большей заботливости о туалетѣ, чѣмъ о дѣлѣ, и т. под.; при этомъ онъ выражается, что считаетъ своимъ первѣйшимъ долгомъ очищать квартирмейстерское вѣдомство отъ подобныхъ личностей, оберегая честь этого корпуса офицеровъ ([45]). И все это не было лишь фразой; дѣйствительно, фамиліи офицеровъ, дурно аттестованныхъ Гартингомъ, не встрѣчаются уже болѣе въ спискахъ генерального штаба.

Потеря такого лица, полнаго самыхъ блестящихъ достоинствъ, имѣвшаго передъ собою еще будущность (онъ умеръ на 39 году отъ роду), была не вознаградима для квартирмейстерскаго вѣдомства. Въ первой арміи Гартингъ былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Бутурлинымъ, съ которымъ К. Ф. Толь былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ, а мѣсто генералъ-квартирмейстера главнаго штаба долго никѣмъ не было замѣщаемо и должность эту временно исправлялъ генералъ Хатовъ, бывшій директоромъ училища колоновожатыхъ. Только 29-го Апрѣля 1825 года состоялось назначеніе на это мѣсто генералъ-маіора Адеркаса (Андрей Антоновичъ), принятаго тогда же на службу изъ отставки. Вовсе неизвѣстно, чѣмъ вызванъ и обусловленъ былъ этотъ выборъ, но его никакъ нельзя признать удачнымъ.

Адеркасъ получилъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1789 году былъ выпущенъ поручикомъ въ Великолуцкій пѣхотный полкъ. Въ Финляндскую войну тогоже года онъ былъ употребляемъ при штабахъ въ квартирмейстерской должности, вслѣдстіе чего въ 1794 году переведенъ капитаномъ въ генеральный штабъ. Дальнѣйшая служба его проходила по преимуществу на съемкахъ, особенно въ Финляндіи, откуда онъ въ 1806 году вмѣстѣ съ Штейнгелемъ, поступилъ въ составъ арміи Бенигсена, гдѣ за дѣло подъ Гутштадтомъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Произведенный въ 1807 году въ

генералъ-маіоры, Адеркасъ дѣлалъ Финляндскую кампанію 1808 и 1809 годовъ, а затѣмъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Молдавской арміи, гдѣ находился до 1811 г.

Приготовленія къ Отечественной войнѣ застаютъ Адеркаса па должности генералъ-квартирмейстера 2-й арміи, бывшей подъ начальствомъ князя Батратіона; но тутъ же случилось дѣло непонятное, разъясненія котораго мы нигдѣ не могли пайти. 21-го Мая 1812 года Адеркасъ былъ уволенъ отъ службы по болѣзни, съ полнымъ пенсіономъ, и затѣмъ оставался въ частной жизни до начала 1825 года, когда состоялось, какъ сказана выше, принятіе его на службу прямо на должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества. Такимъ образомъ, человѣкъ, пробывшій тринадцать лѣтъ въ отставкѣ, не участвовавшій вовсе за это время ни въ боевой дѣятельности квартирмейстерской части, ни въ ея новыхъ занятіяхъ мирпаго времени, незнавшій, слѣдовательно, и настоящаго ея состава, сталъ во главѣ этого вѣдомства, сдѣлался его руководителемъ.

Генералъ-квартирмейстерство Адеркаса было, впрочемъ, также непродолжительно: 1-го Января 1826 года онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 7-го Апрѣля того же года снова уволенъ отъ службы, за болѣзнію, съ полнымъ пенсіономъ. Время управленія его квартирмейстерскою частію только и ознаменовано тѣмъ, что при немъ положено начало кореннымъ преобразованіямъ въ этой части принадлежащимъ уже къ царствованію Императора Николая.

Конецъ перваго тома.

Приложенія къ Главѣ I.

(¹) Уставъ Вейде служилъ первообразомъ воинскаго устава 1716 года. Изъ рукописи поднесенной Петру I, были сдѣланы извлеченія особыми изданіями на церковно-славянскомъ языкѣ въ 1700, 1702 и 1703 г., подъ заглавіемъ: «Краткое обыкновенное ученіе съ крѣпчайшимъ и лучшимъ растолкованіемъ къ строенію пѣшихъ полковъ, какъ притомъ поступати и во осмотрѣніи имѣти надлежитъ господамъ капитанамъ и прочимъ начальнымъ и урядникамъ». Въ 1841 году, по Высочайшему повелѣнію, полный уставъ этотъ былъ напечатанъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ. Съ этого изданія и приведены выдержки.

(²) Письма Шереметьева къ Императору Петру Великому. Москва. 1788 г.

(³) Голиковъ,—Дѣянія Петра Великаго.

(⁴) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, книга штатовъ, ст. 2319.

(⁵) Штатъ Генеральнаго штаба арміи 1711 года.

ЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.	Число людей.	Изъ нихъ.		Жалованье одному въ рубляхъ.
		Русскихъ.	Иноземцевъ.	
Генералъ-фельдмаршаловъ	2	—	—	7000
Генераловъ-полныхъ	5	3	— 2	3120 2600
Генералъ-лейтенантовъ	7	4	— 3	1800 2160
Генералъ-маіоровъ	7	4	— 3	1080 1800
Бригадировъ	7	—	—	840
Генералъ-адъютантовъ: рангу подполковничьяго	8	5	— 3	250 576
— маіорскаго	5	3	— 2	240 516
Флигель-адъютантовъ: рангу капитанскаго	10	6	— 4	100 216

ЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.	Число людей.	Изъ нихъ. Русскихъ.	Изъ нихъ. Иноземцевъ.	Жалованье одному въ рубляхъ.
Флигель-адъютантовъ: рангу поручичьяго	10	6	— 4	80 120
— прапорщичьяго. . . .	14	9	— 5	50 84
Генералъ-Аудиторовъ	7	2	— 5	400 816
Генералъ-Аудиторовъ-лейтенантовъ. . .	3	2	— 1	250 576
Кригсъ-Цалмейстеровъ	3	3	—	300
Генералъ-Вагенмейстеровъ	2	2	—	250
Генералъ-Провіантмейстеровъ	3	3	—	300
Генералъ-Квартирмейстеровъ	2	1	— 1	300 600
Генералъ-Фискаловъ	3	2	— 1	300 600
Генералъ-Гевальдигеровъ	3	3	—	300
Почтмейстеровъ	3	3	—	100
Докторовъ	3	—	3	936
Аптекарей	3	—	3	648
Генералъ-Профоссовъ	2	2	—	400
Бригадныхъ-аудиторовъ	7	4	— 3	240 516
Бригадныхъ-маіоровъ	7	4	— 3	250 576
Капитановъ надъ вожатыми, или де гидъ.	3	2	— 1	100 216
Коммиссаровъ	12	12	—	140
Генеральныхъ писарей	16	16	—	100
Коммисаріатскихъ и провіантскихъ писарей: Старыхъ . . .	7	—	—	30
Коммисаріатскихъ и провіантскихъ писарей: Молодыхъ . . .	20	—	—	12
Итого всѣмъ . . .	184	—		91,090

(6) По штатамъ 1712 года.

(7) Письма фельдмаршала Б. П. Шереметьева.

(8) Дѣла Московскаго архива военнаго министерства.

(⁹) Въ очеркѣ Исторіи генеральнаго штаба составленномъ княземъ Н. С. Голицынымъ, показано, что по штату 1720 года, генералъ-квартирмейстерамъ положено по одному флигель-адъютанту, но это ошибка вкравшаяся вслѣдствіе не полнаго разъясненія этого штата: флигель-адъютанты опредѣлены всѣмъ генералъ-маіорамъ, но генералъ-квартирмейстеръ только поставленъ въ рангѣ генералъ-маіорскомъ, а при опредѣленіи состоящихъ при немъ чиновъ, выдѣленъ изъ общаго числа генералъ-маіоровъ.

(¹⁰) Чины квартирмейстерской части по штату 1720 года:

Званіе чиновъ.	Число людей.	Содержаніе одному. Жалованье въ рубл.	Содержаніе одному. Число. Раціоновъ.	Содержаніе одному. Число. Деньщиковъ	Сумма на раціоны, на деньщиковъ, на канцел. расходы. Руб.	Сумма на раціоны, на деньщиковъ, на канцел. расходы. Коп.
Ранга генералъ-маіора.						
Генералъ-Квартирмейстеровъ	2	1800	40	— 8	228 88	— 24
Каждому: писарь.	2	40	—	—	—	—
на канцеляр. расходы . .	—	—	—	—	50	—
Ранга полковниковъ.						
Генералъ-квартирмейстеръ лейтенантовъ. . .	2	600	22	— 6	125 66	40 18
Каждому: писарь.	2	40	—	—	—	—
на канцеляр. расходы. . . .	—	—	—	—	20	—
Ранга маіорскаго.						
Оберъ-квартирмейстеровъ	5	180	7	— 2	39 22	90 5
Каждому: писарь	5	40	—	—	—	—
на канцеляр. расходы. . . .	—	—	—	—	10	—
Ранга капитанскаго						
Генералъ-штабъ-квартирмейстеровъ . . .	2	180	7 —	— 2	39 22	90 5
Капитановъ надъ вожатыми	2	180	7	— 2	39 22	90 5
при каждомъ: поручиковъ . .	4	120	6	— 1	34 11	20 2½
Штабъ-фурьеровъ (прапорщичья ранга). . .	2	84	4	—	22	80

(¹¹) Положеніемъ 1716 года раціоны опредѣлены: натурою въ размѣрѣ: четверти овса и 15 пудъ сѣна въ мѣсяцъ, а деньгами: по 5 руб. 23 алтына и 2 деньги въ годъ.

(¹²) Отмѣнены въ 1863 году.

(¹³) Воинскій уставъ 1716 года, изданія 1719 г.

(¹⁴) Ласковскій, Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи.

Приложенія къ Главѣ II.

([1]) Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности, Д. Журавскаго.

([2]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, ст. 5819.

([3]) Московскій архивъ военнаго вѣдомства № 34,—книга воинской коммисіи 1732 года.

([4]) Московскій архивъ военнаго вѣдомства.

([5]) Крѣпость Св. Анны заложена въ 1730 году на берегу Дона, не вдалекѣ отъ Черкасска, на мѣстѣ такъ называемой транжаментной крѣпости, или на Васильевскихъ буграхъ.

([6]) Полное собраніе законовъ, Томъ IX ст. 6512.

([7]) Московскій архивъ военнаго вѣдомства, Опись 48, Св. 1—55.

([8]) Московскій архивъ военнаго вѣдомства. Генеральная репортиція на винтеръ квартирахъ арміи 1-го департамента въ Октябрѣ 1736 г.

([9]) Указъ Императрицы Анны Іоановны отъ 31 Декабря 1737 г.

([10]) Ѳ. Ласковскій,—Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, Томъ III.

([11]) Ѳ. Ласковскій,—Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи.

([12]) Тамъ-же.

([13]) Тамъ-же.

([14]) Соловьевъ—Исторія Россіи, томъ 24.

([15]) Тамъ-же.

([16]) Записки А. Т. Болотова.

([17]) Архивъ князя Воронцова, томъ IV,—письмо принца Карла Саксонскаго къ вицеканцлеру, изъ Ландсберга отъ 2 Сентября (20 Августа) 1758 года.

([18]) Впослѣдствіи графъ и намѣстникъ Новгородскій и Тверской.

([19]) Архивъ князя Воронцова, томъ IV.

([20]) Ласковскій,—Матеріалы для исторіи инженернаго искусства, Томъ III,—Инструкція данная въ 1760 году графомъ Шуваловымъ командиру Инженернаго полка, ген.-маіору Муравьеву.

(21) Московскій архивъ военнаго вѣдомства, дѣла воен. коллегіи.

(22) Въ 1757 году учреждены три понтонныя команды, каждая въ составѣ двухъ офицеровъ, 54 нижн. чиновъ, 516 лошадей, при 30 понтонахъ.

Приложенія къ Главѣ III.

([1]) Полное собраніе законовъ 1763 г. ст. 11,735.

([2]) Штатъ чиновъ генеральнаго штаба при арміи, Высочайше утвержденный 14 января 1763 года.

ЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.	Число людей.	Содержаніе одному.				
		Жалованье въ рубляхъ.	Число раціоновъ.	Деньщик.	Всего на раціоны, на деньщ. и на канц. прип. Руб.	Коп.
Генералъ-квартир., ранга генер.-маіора. .	2	1800	40	—	216	—
Каждому: писарей: по два .	4	40	—	8	50	40
на канцеляр. припасы . .	—	—	—	—	50	—
Генер.-квартир. лейтенант., ранга полковн.	3	600	22	—	118	80
писарей по два	6	40	—	6	37	80
на канцеляр. припасы . ,	—	—	—	—	20	—
Оберъ-квартимейстр. ранга подполковника.	3	360	15	—	81	—
писарей по одному . . .	3	40	—	4	25	20
на канцеляр. припасы . .	—	—	—	—	10	—
Оберъ-квартирмейстр. ранга маіорскаго. .	6	300	13	—	70	20
писарей по одному . . .	6	40	—	3	18	90
на канцеляр. припасы . .	—	—	—	—	10	—
Дивизіонныхъ квартирм. ранга капитанск.	6	200	7	— 2	37 12	80 60
ранга поручичьяго . .	8	120	6	— 1	32 6	40 30
Колоножныхъ офицеровъ, ранга подпоруч.	12	100	5	— 1	27 6	— 30

Въ штатѣ 1763 г. число раціоновъ и деньщиковъ, а равно переложеніе раціоновъ и положеннаго на деньщиковъ провіанта оставлено прежнее, какъ было по штату 1731 года, т. е. за раціонъ по 5 р. 40 к., за провіантъ по 6 р. 30 коп. въ годъ; деньги на канцелярскіе припасы тоже оставлены въ прежнемъ размѣрѣ.

(3) Дѣйствующими арміями считались войска, выставленныя противъ Пруссіи и находившіяся на югѣ, противъ Турціи; резервная же армія состояла изъ третьихъ баталіоновъ полковъ первыхъ двухъ армій; впрочемъ, раздѣленіе это на арміи было осуществлено лишь на короткое время, а затѣмъ постоянно войска были распредѣляемы по дивизіямъ, которыя имѣли, однако, совершенно иное значеніе противъ нынѣшняго. Дивизію составляли всѣ дѣйствующія войска, расположенныя въ извѣстной мѣстности; такъ, въ 1764 году имѣлись дивизіи: Смоленская, Лифляндская, Эстляндская, Финляндская, Московская, Сѣвская и Украинская; кромѣ того были особые командующіе войсками: въ Польшѣ, на Оренбургской линіи, въ Сибири.

(4) Указъ этотъ не вошелъ въ полное собраніе законовъ, но копія съ него имѣется въ дѣлахъ секретной экспедиціи, хранящихся въ московскомъ отдѣлѣ архива главнаго штаба.

(5) Въ то время, въ главныхъ родахъ войскъ градація офицерскихъ чиновъ была слѣдующая:

Въ гвардіи:	*Въ артиллеріи:*	*Въ арміи (пѣхота):*
полковникъ	полковникъ	полковникъ
подполковникъ	подполковникъ	подполковникъ
преміеръ-маіоръ	маіоръ	преміеръ-маіоръ
секундъ-маіоръ	капитанъ	секундъ-маіоръ
капитанъ	поручикъ	капитанъ
капитанъ-поручикъ	подпоручикъ	поручикъ
поручикъ	штыкъ-юнкеръ.	подпоручикъ
подпоручикъ		прапорщикъ.
прапорщикъ.		

(6) Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, часть IV и V.

(7) Матеріалы заимствованы изъ дѣлъ военной коллегіи и особенно секретной экспедиціи, хранящихся въ Московскомъ архивѣ военнаго вѣдомства.

(8) Присутствіе военной коллегіи состояло изъ генераловъ: Князя Николая Трубецкаго, графа Захара Чернышева, Князя Семена Волконскаго, Якова Протасова, Якова Ельчанинова, Андрея Фаминцына.

(9) Къ лицамъ русскаго происхожденія мы причисляемъ слѣдующихъ, зачисленныхъ, въ означенное время, въ генеральный штабъ и поступившихъ въ дивизіонные квартирмейстеры изъ арміи: капитанскаго чина Ладыженскій и поручичьяго: Хвощинскій, Нѣеловъ, Потаповъ, и изъ флигель-адъютантовъ графа Румянцева—Бердяевъ; поступившіе въ колоножные: изъ подпоручиковъ арміи: Щелинъ, Кайсаровъ и Окуневъ, изъ архитекторовъ поручичьяго ранга—Гори-

хвостовъ, изъ инженерныхъ кондукторовъ—Мордвиновъ, Афросимовъ, Яковъ Теглевъ, Базилевскій, Буйносовъ, Кузнецовъ, Михайловъ, Унковскій, Григорій Теглевъ, Волковъ и изъ армейскихъ сержантовъ Патрикѣевъ; всего 20 человѣкъ. Къ лицамъ нѣмецкаго происхожденія относимъ: зачисленнаго неизвѣстно когда въ дивизіонные квартирмейстеры Фридриха Толя, вышедшаго изъ генеральнаго штаба въ 1768 году, и поступившихъ въ колоножные офицеры: изъ подпоручиковъ арміи: Раумбурга, остававшагося въ генеральномъ штабѣ съ 1766 по 1769 годъ, и Ламсдорфа, а изъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса—Гантвига; кромѣ того, сюда же можно причислить и ангальтъ-кетенскаго урожениа, барона Зигмунда Центера, который, служивъ прежде въ прусской гвардіи капитаномъ, былъ принятъ, по особому Высочайшему повелѣнію, въ Ноябрѣ 1766 года въ русскую службу капитаномъ же, и вслѣдъ, затѣмъ пожалованъ, *изъ особаго монаршаго милосердія*, въ оберъ-квартирмейстеры маіорскаго чина; въ Апрѣлѣ же 1767 г. онъ уволился отъ службы.

(10) Русскій Архивъ 1865 года.

(11) Атласъ этотъ изданъ въ разное время (1726—1734 г.); онъ состоялъ изъ 14 спеціальныхъ картъ работы Ивана Кирилова.

(12) А именно: подпоручики Базилевскій, Танѣевъ и Нелидовъ; кадеты: Марковичъ, Владыкинъ, Ладыженскій, Иваненковъ, Малышевъ, Коцаревъ, Василевскій, Степановъ, Клодтъ, Буксгевденъ, Ребиндеръ, Перелешинъ, Игнатьевъ, Искрицкій, Уваровъ и Кошкильдъ. Многія изъ этихъ фамилій встрѣчаются потомъ на службѣ въ генеральномъ штабѣ.

(13) Между картами принадлежавшими адмиралтейству, 21 карта относятся къ камчатской и сибирской экспедиціи; въ числѣ послѣднихъ показана генеральная карта Сибири и Камчатки за подписью Малыгина, Дмитрія Лаптева, Овцына, Хитраго, Чирикова, Харитона Лаптева и Елагина. Это были наши первые съемщики и картографы Сибири, работавшіе во время экспедиціи Беринга.

(14) Порученіе это дано было Дьячкову, очевидно, единовременно отъ сената, морскаго вѣдомства и военной коллегіи, хотя свои донесенія и самую карту, конченную въ 1770 году, онъ представилъ въ военную коллегію. Для работъ, въ вѣдѣніи этого штабъ-офицера въ 1766 году, состояло, какъ онъ доноситъ, 7 армейскихъ офицеровъ, 2 отъ геодезіи, 1 офицеръ и 1 кондукторъ отъ инженернаго вѣдомства, 3 офицера отъ флота, солдатъ архангелогородскаго гарнизона 71, школьниковъ 2, подмастерьевъ отъ флота 8, адмиралтейскихъ плотниковъ 22.

(15) Всего разновременно выдано на съемку и составленіе карты 790 р. 18 коп.; сюда же включены и расходы даже по наклейкѣ

карты для Императрицы. Изъ счетовъ Ивашева видно, что ему вовсе неприходилось покупать инструментовъ, а почти всѣ расходы дѣлались только на чертежные и письменные припасы, которыхъ израсходовано очень много, да на переѣзды. Для любопытства приводимъ, что въ 1764 году стоили: стопа бумаги александрійской большой руки—1 руб. 60 к., картузной—6 руб., писчей—1 руб. 5 к., десть почтовой бумаги—40 коп., дюжина карандашей отъ 30 до 40 коп., тушь за 22 куска—1 руб. 80 к., золотникъ кармину—2 рубля.

(16) Карта Ингерманландіи, кажется, была отпечатана и пущена въ продажу; въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1770 года имѣется публикація, что въ каждой лавкѣ Академіи Наукъ продаются карты Ингерманландіи.

(17) Подполковникамъ дано было по 185 руб., маіорамъ по 146 руб., поручикамъ по 81 руб., подпоручикамъ по 63 руб.

(18) Именной указъ Сенату 26 Сентября 1779 года, Московскій архивъ военнаго вѣдомства.

(19) Самые образцовые планы не найдены, но изъ плановъ лагерей войскъ, представлявшихся въ то время въ военную колегію можно видѣть, что они въ главныхъ чертахъ не имѣли никакого особаго отличія отъ порядка расположенія лагерей въ настоящее время, кромѣ развѣ того, что передовые караулы располагались, очень близко къ фронту (въ 10 сажен.) и въ пѣхотѣ были прикрываемы небольшими флешами, въ которыхъ помѣщалась полковая артилерія. Въ кавалерійскомъ лагерѣ было еще и то различіе, что коновязи для лошадей занимали переднюю линію всего фронта лагеря; за ними уже располагались палатки солдатъ.

(20) Росписаніе чиновъ генеральнаго штаба на 1768 годъ, изъ дѣлъ секретной экспедиціи.

(21) Петръ Никитичъ Кречетниковъ, старшій братъ генералъ-аншефа Екатерининскаго же времени, Михаила Никитича Кречетникова.

(22) Журналъ генералъ-маіора П. Н. Кречетникова «о движеніи и дѣйствіяхъ военныхъ въ Польшѣ», напечатанъ въ 3-й кн. 1863 года Чтеній въ Обществѣ Исторіи при Москов. университетѣ.

(23) Дѣла военной коллегія въ Московскомъ архивѣ военнаго вѣдомства.

(24) Дѣла Московскаго архива воен. вѣдом. и сочиненіе А. Петрова: Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами (1769—1774).

(25) Здѣсь взяты цифры штатнаго числа людей въ полкахъ, что даетъ лишь приблизительную, и къ тому же значительно превышавшую дѣйствительную, численность. По штату 1763 года полагалось:

	полковаго штаба.	унтеръ штаба.	прима-плана (строевые).	мастеровыхъ.	Всего.
Въ кавалерійскомъ полку .	4	33	791	63	891
» гренадерскомъ и мушкетерскомъ полку	4	69	1885	100	2058

(26) Назначенъ въ должность генералъ-квартпрмейстера на мѣсто вышедшаго въ 1768 году изъ генеральнаго штаба князя Вяземскаго.

(27) Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго въ кн. I, 1865 г. Чтенія въ обществѣ исторія. Всеподданнѣйшій докладъ отъ 3 Февраля 1769 г.

(28) Бывшаго въ Семилѣтнюю войну генералъ-квартирмейстеромъ.

(29) Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Приложенія къ Главѣ IV.

(1) «Изображеніе жизни Ѳ. В. Баура», изданное въ С.-Петербургѣ въ 1785 г. Нельзя не замѣтить, что орфографія фамиліи этого замѣчательнаго человѣка не вполнѣ выяснена. На присяжномъ листѣ онъ подписался: Фридрихъ-Вильгельмъ von Baur; по русски подписывался Бауръ, иногда Бауеръ, даже Бавръ; точно также и имя его положительно неизвѣстно: современникъ-біографъ называетъ его Федоромъ Вилимовичемъ, Бантышъ-Каменскій, въ «Словарѣ достопамятныхъ людей», Федоромъ Васильевичемъ.

(2) Русскій архивъ 1873 г. № 2.—Жизнеописаніе Князя Гр. Гр. Орлова, составленное А. П. Барсуковымъ.

(3) Іоаннъ Германъ удостоенный въ 1798 г. званія генералъ-квартирмейстера.

(4) Архивъ воен. походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи 1865 г. кн. II.

(5) Тамъ же. Реляція отъ 5 Іюня 1770 года.

(6) Медеръ не поѣхалъ однако на Днѣпръ, а оставался до конца кампаніи при 1-й арміи и участвовалъ въ осадахъ Киліи и Аккермана въ должности инженера, за что произведенъ въ концѣ 1770 г. въ генералъ-маіоры.

(7) Впослѣдствіи Свѣтлѣйшій Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій.

(8) Реляція графа Румянцева отъ 13 Іюня 1770 года.

(9) Журналъ военныхъ дѣйствій 1-й арміи 1770 года.

(10) Вступилъ въ службу изъ капитановъ виртембергскихъ войскъ поручикомъ, въ 1764 году.

(11) По тогдашнимъ узаконеніямъ, главнокомандующіе производили въ чины до маіорскаго чина включительно, и только сообщали о томъ для свѣдѣнія военной колегіи, которая выдавала патенты на чины и непосредственно вела производство выше маіорскаго чина.

(12) Донесеніе графа Румянцева 1 Октября 1770 г. въ военную колегію.

(13) Прошеніе поданное въ 1774 г. подполковникомъ Ягодин-

скимъ въ 1774 г., объ увольненіи въ отпускъ; архивъ военнаго вѣдом. въ Москвѣ.

(14) Журналъ военныхъ дѣйствій 2-й арміи 1770 г.

(15) Командовавшій полкомъ маіоръ Уваловъ и нѣсколько наиболѣе отличившихся офицеровъ произведены за это дѣло въ слѣдующіе чины (Дѣла секретной экспедиціи).

(16) Всеподданнѣйшій докладъ военной колегіи отъ 6 апрѣля 1771 года.

(17) Московскій архивъ военнаго вѣдомства. Въ піонерномъ баталіонѣ положено было имѣть: офицеровъ—13, унтеръ штаба—16 чиновъ (лекарь, подлекарь, главные кузнецъ, слесарь, оружейникъ и т. под.), нижнихъ чиновъ строевыхъ—580, деньщиковъ—19, погоньщиковъ—20; всего въ ротахъ по 156 человѣкъ, а въ баталіонѣ (кромѣ штабовъ) 644 человѣка. Обозу полагалось: баталіоннаго 3 повозки при 6 лошадяхъ, ротнаго 20 повозокъ, при 52 лошадяхъ. Полное содержаніе баталіона въ годъ опредѣлено въ 15,223 руб. 50 коп.; въ первый годъ, кромѣ того, на обзаведеніе обмундированія и всего необходимаго—7,993 руб. 51¾ коп., и еще 1,700 руб. на переплату при первомъ учрежденіи выше противъ штатныхъ суммъ; всего въ первый годъ отпущено было 24,917 руб. 1¾ коп. Баталіонъ этотъ не слѣдуетъ смѣшивать съ понтонерами, предназначавшимися собственно для наводки плавучихъ мостовъ и состоявшими въ инженерномъ вѣдомствѣ.

(18) А именно: оберъ-квартирмейстеры: маіоры Штрингеръ, Бергъ, Кноррингъ, Гаптвигъ, Пенскій, дивизіонные квартирмейстеры: капитаны Патрикѣевъ и Штрандманъ, поручикъ Медеръ, колоножные: Федоровъ и Душицынъ; прочіе офицеры состояли при главной квартирѣ передоваго отряда, въ Букарестѣ, а именно генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ полковникъ Муромцовъ, оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Нефедьевъ и маіоръ Бауверъ, дивизіонный квартирмейстеръ капитанъ Федоръ Миллеръ и колоножный подпоручикъ Іоаннъ Миллеръ.

(19) Графъ Чернышевъ, въ письмѣ отъ 3 іюня 1771 года, увѣдомляетъ Баура о полученіи этой работы, называя ее: «belle et savante reconnaissance militaire de la Valachie, accompagné de vos reflections»; изъ писемъ графа Чернышева, хранящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба.

(20) Прошеніе Ягодинскаго объ отпускѣ и докладъ по этому предмету военной колегіи.

(21) Дѣла секретной экспедиціи 1772 г., въ Московскомъ архивѣ военнаго вѣдомства.

(22) Письма графа З. Г. Чернышева къ генералу Бауру въ воен. учен. архивѣ главнаго штаба.

(23) Штатъ генеральнаго штаба 1772 года.

ЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.	Чиновъ.			Имъ въ годъ каждому.						
	Чиновъ.	Писарей.	Деньщиковъ.	Денежнаго жалованія и при нихъ деньщикамъ, каждому 6 р. 30 к. Р.	К.	Число раціоновъ.	За каждый раціонъ въ мѣс. по 90 к., а за 12 мѣс. на 1 раціонъ 10 р. 80 к. Р.	К.	За провіантъ, кому оный положенъ, каждому по 3 р. $88^{1}/_{8}$ к. Р.	К.
Генералъ-квартирмейстеръ, ранга генералъ-маіорскаго	1	»	»	2,160	»	40	432	»	»	»
на канцелярскіе прип. . . .	»	»	»	200	»	»	»	»	»	»
		2	»	по 40	»	»	»	»	»	»
			8	50	40	»	»	»	31	5
Генералъ-квартирм. лейтенантъ, чина бригадирскаго	1	»	»	1,500	»	30	324	»	»	»
на канцелярскіе прип. . . .	»	»	»	60	»	»	«	»	»	»
		2	»	по 40	»	»	»	»	»	»
			7	44	10	»	»	»	27	$16^{7}/_{8}$
Генералъ-квартирм. лейтенантъ, чина полковничьяго.	1	»	»	1,200	»	22	237	60	»	»
на канцелярскіе прип. . . .	»	»	»	40	»	»	»	»	»	»
		2	»	по 40	»	»	»	»	»	»
			6	37	80	»	»	»	23	$28^{3}/_{4}$
Оберъ-квартирмейстеровъ, чина подполковничьяго	2	»	»	750	»	15	162	»	»	»
на канцелярскіе прип. . . .	»	»	»	20	»	»	»	»	»	»
		1	»	40	»	»	»	»	»	»
			4	»	25	20	»	»	15	$52^{1}/_{2}$
Оберъ-квартирмейстеровъ, чина маіорскаго	8	»	»	360	»	13	140	40	»	»
на канцелярскіе прип. . . .	»	»	»	20	»	»	»	»	»	»
		1	»	40	»	»	»	»	»	»
			3	18	90	»	»	»	11	$64^{3}/_{8}$
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, чина капитанскаго	12	»	»	250	»	7	75	60	«	»
			2	12	60	»	»	»	7	$76^{1}/_{4}$
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, чина поручичьяго	12	»	»	120	»	6	64	80	»	»
			1	6	30	»	»	»	3	$88^{1}/_{8}$
Провожатыхъ къ колонамъ.										
Сержантскаго чина	10	»	»	80	»	»	»	»	3	$88^{1}/_{8}$
Каптенармускаго чина	50	»	»	60	»	»	»	»	3	$88^{1}/_{8}$
Итого всѣмъ	202			20,140	70	282	4125	60	578	$30^{5}/_{8}$

24,844 руб. $60^{5}/_{8}$ коп.

Примѣчаніе. На обмундированіе и казенныя вещи провожатымъ къ колонамъ, единовременно—2216 руб. $21^{1}/_{4}$ коп., а затѣмъ ежегодно по 260 руб. $89^{5}/_{8}$ коп.

Въ военное время, при назначеніи провожатыхъ къ дѣйствующей арміи, имъ опредѣлено покупать верховыхъ лошадей изъ суммы ассигнуемой на чрезвычайные расходы, и отпускать фуражъ натурою, а для возки провіянта имѣть повозки.

(24) Въ томъ же 1772 году, послѣ перваго раздѣла Польши, Каховскій былъ назначенъ губернаторомъ Могилевской губерніи, гдѣ оставался до 1783 года, когда вновь былъ призванъ на службу въ генеральномъ штабѣ.

(25) Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, часть V.

(26) Указъ военной колегіи отъ 1 марта 1772 года въ дѣлахъ секретной экспедиціи въ Москов. архивѣ воен. вѣдомства.

(27) Со введеніемъ въ 1794 году послужныхъ списковъ, черезъ каждое полугодіе представлялись именно эти списки.

(28) Первыми колоновожатыми были къ октябрю 1772 года: сержантскаго чина:—Борегаръ, Кортъ, Глемонтъ, Штедеръ; каптенармусскаго: Рыдельскій, Пашкинъ, Савинскій, Штейнъ, Фридрихсъ, Келлеръ, Прюсъ, Курціусъ, Мейеръ, Регеръ и Зегеръ.

(29) Изъ типографской суммы было назначено въ годъ по 31 руб. 50 коп. на покупку для отопленія всего дома 30 саж. однополѣнныхъ дровъ по той же цѣнѣ, по какой они поставлялись для дома военной коллегіи, т. е. по 1 руб. 5 коп. за сажень.

(30) Лошади пріобрѣтены изъ типографской суммы, по 12 руб. за лошадь, что составляло туже цѣну, по которой были пріобрѣтены лошади для піонернаго баталіона; фуражъ для лошадей отпускала провіантская канцелярія.

(31) На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ часть конногвардейскихъ казармъ, обращенная въ Благовѣщенскую улицу (бывшій Провіянтскій переулокъ), и къ собору Благовѣщенія.

(32) До царствованія императрицы Екатерины, срокъ этотъ былъ 10-лѣтній: 6-лѣтній оставался еще и въ царствованіе императора Александра, до 1817 г.

(33) Москов. архивъ воен. вѣдомства: дѣла секретной экспедиціи съ 1763 по 1774 годъ.

(34) Въ полномъ собраніи законовъ, ст. 15,688, помѣщенъ указъ отъ 21 февраля 1785 года, которымъ возлагается на генералъ-прокурора князя Вяземскаго разобрать всѣ дѣла по этимъ работамъ, оставшіяся послѣ смерти генерала Баура.

(35) Первую свою жену Бауръ вовсе не привозилъ въ Россію и она скончалась во Франкфуртѣ.

(36) Только по окончаніи 1-й турецкой войны, Муромцевъ, награжденный орденомъ Св. Георгія 4 ст., былъ отчисленъ изъ генеральнаго штаба и остатокъ своей службы провелъ въ званіи Тульскаго намѣстника, откуда въ 1782 г. уволенъ по прошенію въ чинѣ генералъ-поручика, съ сохраненіемъ по смерть получаемаго жалованія.

(37) Въ дѣлахъ военной коллегіи находимъ слѣдующее распредѣленіе чиновъ генеральнаго штаба въ Декабрѣ 1774 года:

Въ московской дивизіи (у князя Волконскаго): полковникъ Нефедьевъ, капитанъ Душницынъ; вожатые: Савинскій, Куртынъ, а въ бытность Высочайшаго двора въ Москвѣ, при генералъ-квартирмейстерѣ, еще капитанъ Федоровъ и прапорщикъ Зегеръ, которые затѣмъ имѣли возвратиться къ чертежной въ Петербургъ.

Въ украинской (у графа Румянцева): подполковникъ Ладыженскій, капитанъ Фохтъ; вожатые Левшинъ, Реймернъ.

Въ нижегородской (у графа Гр. Алек. Орлова): подполковникъ Ягодинскій, капитанъ Захаржевскій; вожатые: Рыдельскій и Виволинъ.

Въ лифляндской (у фельдмаршала князя Голицына): маіоръ Унгернъ, поручикъ Тизенгаузенъ; вожатые Фридрихсъ и Келлеръ.

Въ эстляндской (у генерала Н. И. Салтыкова): маіоръ Бенкендорфъ, капитанъ Экельнъ; вожатые Жуковъ и Клинвенъ.

Въ смоленской (у генерала Берга): маіоръ Бердяевъ, капитанъ Федоровъ; вожатые Бахтуринъ и Штурмъ.

Въ финляндской (у графа Брюса): маіоръ Перетъ, капитанъ Бель; вожатые Ливенъ и Тернеръ.

Въ сѣвской (у генерала Салтыкова): маіоръ Щелинъ, прапорщикъ Хомяковъ; вожатые Штейнъ и Рудаковъ.

Въ казанской (у князя Долгорукаго): маіоръ Патрикѣевъ, капитанъ Языковъ; вожатые Лютовъ и Афанасьевъ.

Въ с.-петербургской (у фельдмаршала графа Разумовскаго): маіоръ Писторъ, прапорщикъ Неличъ; вожатые Прюсъ и Бирманъ.

Въ бѣлорусской (у графа З. Г. Чернышева): маіоръ Фриде, капитанъ Бровцинъ; вожатые Штоль и Валтеръ.

Въ Петербургѣ, при чертежной, маіоры: Медеръ и Германъ, капитаны: Шредеръ, Фильяти, Эккерманъ; поручики: Бауеръ, Дейбель, Мейланъ, Людеманъ и Штедеръ.

Вожатые 1-го класса (сержанты): Гильденбрехтъ, Фонтеръ, Делямиль, Лобановъ, Соколовъ, Десаль, Лоберъ и Томъ.

Вожатые 2-го класса (каптенармускаго чина): Соинъ, Цикель, Сентъ-Инбрехтъ, Герардъ, Дешардонъ, Рейничъ, Веберъ и Бостремъ.

(38) Дѣла военной колегіи въ Московскомъ архивѣ воен. вѣд.

(39) Приводимъ надгробную надпись, вырѣзанную на камнѣ на могилѣ Баура:

Бездушно тѣло здѣсь въ покоѣ сладкомъ будь!
Доколѣ общій судъ вселенныя настанетъ.
Не огорчайся тѣмъ, какъ сердобольна грудь
Здѣсь вздохи испускать во умиленіи станетъ.
Покрыта камнемъ симъ не слава, но лишь прахъ,
И надпись гробная во краткихъ есть словахъ:
Не услаждается тотъ многими словами,

Кто знатными въ свой вѣкъ отличенъ былъ дѣлами.
Здѣсь Бауръ погребенъ, окончa жизнь въ трудахъ,
Нѣтъ нужды ужъ ему ни въ титлахъ, ни въ чинахъ;
Ихъ малодушные лишь жаждутъ человѣки:
Безсмертенъ и безъ нихъ пребудетъ онъ во вѣки.

(40) Въ Ноябрѣ 1832 года были препровождены изъ министерства Императорскаго Двора въ департаментъ генеральнаго штаба для храненія, книги, карты и бумаги генерала Баура, но неизвѣстно какая участь ихъ постигла, такъ какъ самое дѣло объ ихъ передачѣ (за № 839 по канцеляріи департамента), уничтожено въ 1854 году, что значится въ описяхъ дѣлъ за 1832 г.

Приложенія къ главѣ V.

(1) Списокъ о службѣ, старшинствѣ и достоинствѣ чиновъ генеральнаго штаба за 1785 годъ, представленный въ военную колегію при рапортѣ генералъ-квартирмейстера Каховскаго отъ 3-го января 1786 г., въ Московск. архивѣ военнаго вѣдомства.

(2) Къ 1 января 1786 года въ генеральномъ штабѣ, состояли слѣдующіе чины:

генералъ-квартирмейстеръ, генералъ-поручикъ Каховскій;

генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ двое: генералъ-маіоръ Нефедьевъ и бригадиръ Берднѣвъ;

оберъ-квартирмейстеровъ десять: *подполковники:* Писторъ, Щелинъ, Θеодоръ Медеръ, Фохтъ, фонъ-Экельнъ и Филипій;

преміеръ-маіоры: Федоровъ, Бель, Тизенгаузенъ, Маркловскій;

дивизіонныхъ-квартирмейстеровъ двадцать пять, а именно:

капитаны: Дейбель фонъ-Гаммерау, Неймчъ, Штедеръ, Шостакъ, Наумовъ, Логинъ Герардъ, Лютовъ, Жуковъ, Торсонъ, Андрей Медеръ, Ракоци, Яковъ Боштремъ;

поручики: Ленъ, Штаудницъ, Виволинъ, Фердинандъ Герардъ, Шмидтъ, Дюклерже;

подпоручики: Лаврентій Боштремъ, Бехлій, Саковичъ, Валтеръ, Тюревниковъ, Зоринъ и Казариновъ.

(3) Въ спискахъ генеральнаго штаба за 1788 годъ, не означено ни имени, ни мѣста прежняго служенія маіора Муравьева, списковъ же за время до 1793 года въ архивѣ не имѣется. Изъ дѣлъ Н. И. Салтыкова видно, что въ 1792 г. Алексѣй Муравьевъ состоялъ въ чинѣ полковника на должности генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта, а 5-го августа 1793 г. отставленъ отъ службы по прошенію.

(4) Рапортъ генерала Пистора графу Салтыкову отъ 13 апрѣля 1793 г., за № 111, въ дѣлахъ Москов. архива воен. вѣдомства.

(5) Изъ бумагъ Рѣшетиловскаго архива, изданныхъ Русскимъ Архивомъ 1864 года.

(6) Корпусъ этотъ занимавшій присоединенныя отъ Польши области, находился до того въ командованіи генералъ-аншефа Кречетникова.

(7) Въ Москов. архивѣ воен. вѣдомства дѣла графа Н. И. Салтыкова.

(8) Тамъ же, рапортъ генерала Пистора отъ 22 февраля 1796 года, № 68.

(9) Θеодоръ Ленъ находился въ Январѣ мѣс. 1796 г. въ должности оберъ-квартирмейстера въ Финляндіи; онъ былъ старшимъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба назначенныхъ въ персидскій корпусъ и вѣроятно ему было поручено отъ военной коллегіи, или отъ графа Зубова выбрать, помимо генералъ-квартирмейстера, офицеровъ для участія въ экспедиціи. Этимъ и можно объяснить слова рапорта Пистора, которые приводимъ вполнѣ безъ всякихъ граматическихъ измѣненій.

(10) Главнымъ источникомъ служили выборки изъ послужныхъ списковъ чиновъ генеральнаго штаба и реляціи главнокомандующихъ.

(11) Собраніе реляцій и донесеній о турецкой войнѣ 1787 по 1791 годъ.

(12) Александръ Петровичъ Тормасовъ, впослѣдствіи графъ, (съ 1817 года) командовавшій въ 1812 г. 3-ю арміею.

(13) Отъ этой раны (пулей въ ногу) Медеръ лечился до 1792 года; въ 1795 году онъ оставилъ службу генеральнаго штаба, перейдя бригадиромъ въ войска лифляндской дивизіи, а потомъ вышелъ въ отставку; въ 1805 году былъ снова принятъ изъ отставки въ свиту по квартирмейстерской части съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ царствованіе Екатерины II, въ генеральномъ штабѣ находилось, кромѣ названнаго, еще два офицера по фамиліи Медеръ: одинъ — Андрей Медеръ, вступившій изъ прежней квартирмейстерской части и перешедшій въ инженерный корпусъ въ 1770 году, и братъ его Федоръ, зачисленный въ генеральный штабъ въ 1778 г. и остававшійся въ немъ до 1797 года, когда маіоромъ перешелъ въ Астраханскій драгунскій полкъ.

(14) Яковъ Бостремъ, братъ умершаго въ Елисаветградскомъ госпиталѣ капитана Лаврентія Бострема.

(15) Кутузовъ и князь Волконскій получили св. Георгія 2-й степени, а князь Голицынъ и Рибасъ (завѣдывавшій переправой войскъ), какъ имѣвшіе уже этотъ орденъ, награждены александровскими лентами (Словарь достопамятныхъ людей русской земли Бантышъ-Каменскаго).

(16) Первое чрезвычайное посольство состоялось послѣ Кучукъ-кайнарджискаго мира; во главѣ его былъ князь Н. В. Репнинъ.

(17) Дѣла Москов. архива воен. вѣдомства.

(18) Емануилъ Григорьевичъ Попандопуло, греческой націи, воспитывался въ Петербургѣ и началъ службу въ Екатеринославскомъ пѣхотномъ полку въ 1781 году; за отличіе на штурмѣ Оча-

кова произведенъ въ капитаны генеральнаго штаба; въ этомъ чинѣ участвовалъ въ турецкой войнѣ. По упраздненіи генеральнаго штаба, перешелъ въ Ладожскій мушкетерскій полкъ, а съ 1803 по 1806 годъ командовалъ особыми отрядами въ Корфу, Неаполѣ и въ Бокка-ди-Катаро; за устройство войскъ Іонической республики произведенъ въ 1804 г. въ генералъ-маіоры.

(19) Служившій впослѣдствіи въ генеральномъ штабѣ и возведенный въ графское достоинство.

(20) Москов. архивъ воен. вѣдом., опись 217, № 61.

(21) Богданъ Федоровичъ Кнорингъ началъ службу въ армейской пѣхотѣ, а во время первой турецкой войны зачисленъ въ генеральный штабъ; за сраженіе подъ Ларгою получилъ чинъ преміеръ-маіора, а за Кагулъ, гдѣ онъ овладѣлъ непріятельскою батареею, орденъ Св. Георгія 4 ст. Послѣ того снова возвратился въ строй.

(22) Суворовъ и паденіе Польши, Ф. фонъ-Смита.

(23) По нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ офицеровъ генеральнаго штаба при арміи Каховскаго, насчитывается до 20, не считая колоновожатыхъ.

(24) Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Н. И Костомарова.

(25) Послужной списокъ Хоментовскаго.

(26) Давыдъ Игнатьевичъ Подчасскій вступилъ въ службу сержантомъ въ Бѣлорусскій егерскій корпусъ въ 1787 году, въ слѣдующемъ году зачисленъ въ провожатые колонъ, а въ 1792 году произведенъ въ подпоручики генеральнаго штаба. Будучи освобожденъ изъ плѣна послѣ занятія русскими Варшавы, онъ продолжалъ службу въ генеральномъ штабѣ до его упраздненія.

(27) «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» Н. И. Костомарова.

(28) Прошеніе на Высочайшее Имя, отъ полковника Купчинова поданное 3 августа 1801 года,—Москов. архивъ воен. вѣд.

Приложенія къ главѣ VI.

(¹) Полное собр. законовъ, № 17,549.

(²) Парольное повелѣніе 15 Февраля 1797 г.

(³) Архивъ генеральнаго штаба, Историческій очеркъ генеральнаго штаба составленный въ 1832 г.

(⁴) Парольное повелѣніе 16 Ноября 1796 г.

(⁵) Denkwürdigkeit aus dem Leben des Gr. von Toll. von T. von Bernhardi.

(⁶) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ графъ Карлъ Федоровичъ Толь.

(⁷) Возлѣ Зимняго дворца, гдѣ нынѣ штабъ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

(⁸) Императоръ Александръ I и его сподвижники: жизнеописаніе графа А. А. Аракчеева.

(⁹) Всего въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части въ царствованіе Императора Павла были зачислены:

Въ 1796 году: Подполк. Фердинандъ Герардъ изъ бывшаго генер. штаба.

Подпоручики: Кочетовъ, Толь, Порпуръ, Шефлеръ и Ридингеръ, выпущенные изъ 1 кадетскаго корпуса.

Изъ бывшаго генер. штаба: капитаны: Медеръ и Рихтеръ, поручики: Пенскій, Яковъ Эйхенъ 1, Федоръ Эйхенъ 2; маіоръ Иванъ Герардъ 4 и капит. Струковъ изъ Псковскаго драгун. полка и поруч. Тапкъ, изъ Сумскаго легко-коннаго (гусарскаго) полка.

Изъ 1 кадет. корпуса—поручикъ Алаевъ.

Въ 1797 году: Изъ быв. генер. штаба: поруч. Павелъ и Карлъ Нейдгарты; изъ оберъ-провіантмейстеровъ, маіоромъ, Зоммеръ; изъ студентовъ Горнаго Училища, подпоручикомъ Габбе.

Въ 1797 году: Изъ бывшаго. генер, штаба: подполковники Логинъ Герардъ и Ленъ, маіоры: Семенъ и Михаилъ Вистицкіе, Андрей Адеркасъ, капитаны: Густавъ Адеркасъ, Енгельманъ, Федоръ Хоментовскій, Клотъ фонъ-Юргенсбургъ, Емельяновъ, Штуббе, прапорщикъ Эбергардъ, колоновожатые 1-го класса: Пейкеръ, Соснинъ, Михаилъ Хоментовскій 2 и баронъ Фитингофъ.

Подпоручикъ Матушевичъ изъ корнетовъ конной гвардіи.

Изъ быв. Ген. Штаба: подполков. Штейнгель, Булатовъ, маіоры: Мухинъ, Гарпе, Тихановъ, капитанъ Ренни, подпоручики: Кампфъ, Чуйко, прапорщ. Шпренгеръ; изъ Рижскаго кирасирскаго полка: капитаны Андрей и Дмитрій Вистицкіе; изъ Рязанскаго пѣхотнаго полка капитанъ Фридерицій; изъ Псковскаго драгун. п. поручикъ баронъ Мейендорфъ.

Изъ быв. ген. штаба: поручикъ Карлъ Бергъ.

Изъ титуляр. совѣтниковъ капитаномъ Баженовъ, изъ отставки подпоруч. Марино; изъ быв. генер. штаба: поруч. Вольфъ и подпору. Коноваловъ, колоновожатые Бухартъ, Корниловичъ, Мелесъ, Петръ и Александръ Теслевы, Брокманъ, Розье, Пяткевичъ, Винярскій, Виктовскій.

Изъ Елецкаго мушкатерскаго п. подпоручикъ Хатовъ; изъ Алексопольскаго пѣх. п. прапорщ. Садовниковъ.

Въ 1798 году: колоновож. Гозіушъ и Шицъ.

Изъ вольноопредѣляющихся колоновож Гіортъ; изъ архитекторскихъ помощниковъ, колоновож. Кратцъ и Черкоевъ.

Въ 1799 году: Изъ вольноопредѣляющихся колоновожат. Галисевичъ.

(10) Bernhardi, Denkwürd. aus dem Leben des Gr. von Toll.

(11) Русскій Архивъ.

(12) Воен. ученый архивъ главнаго штаба,—донесеніе генер. отъ инф. Каменскаго отъ 7 марта 1797 г., № 98.

(13) На основаніи послужныхъ списковъ этихъ офицеровъ.

(14) Полное собраніе законовъ 9 Декабря 1798 г., № 18,778.

(15) Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса военныхъ топографовъ.

(16) Тамъ же.

([17]) Парольное повелѣніе 12 Февраля 1798 г.

([18]) Въ спискахъ генеральнаго штаба за 1777 г. значится еще маіоръ Германъ, а съ 1779 года, уже не встрѣчается его фамилія.

([19]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли и Д. Милютинъ, Исторія войны 1799 года.

([20]) Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, Часть V.

([21]) Дѣла по квартирмейстерской части 1798 г. № 81 и 263, въ Москов. архивѣ воен. вѣд.

([22]) Исторія войны 1799 года, Д. Милютина.

([23]) Числа эти взяты изъ Исторіи войны 1799 г.; они разнятся отъ вышеприведенныхъ особенно въ числѣ подпоручиковъ, которыхъ вѣроятно ошибочно показано 8, такъ какъ въ то время въ Свитѣ было очень мало офицеровъ этого чина, да и въ послѣдующихъ свѣдѣніяхъ, нигдѣ не встрѣчается столь значительнаго числа офицеровъ этого чина.

([24]) Исторія войны 1799 г., Д. Милютина.

([25]) Тамъ же.

([26]) Bernhardi Toll's Denkwürdigkeiten.

([27]) Тамъ же.

([28]) Послужные списки этихъ офицеровъ.

([29]) Орденъ Св. Анны 3 ст. соотвѣтствовалъ нынѣшнему ордену Св. Анны 4 ст. на саблю, съ надписью за храбрость.

([30]) Послужные списки.

([31]) Д. Милютинъ, Исторія войны 1799 г.

([32]) Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten.

([33]) Д. Милютинъ, Исторія войны 1799 г.

([34]) Тамъ же.

([35]) Записка Вистицкаго составлена имъ въ 1803 году и подъ заглавіемъ: «Подробное описаніе расположеній, дѣйствій и движеній Корпуса Императорскихъ Россійскихъ войскъ, подъ командою генерала Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи»,—напечатана въ изданіи Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1846 года, № 2.

([36]) Д. Милютинъ, Исторія войны 1799 г.

([37]) Тамъ же.

([38]) Бантышъ Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли.

([39]) Дѣла по квартирмейстерской части 1800 года № 49 и 102.

([40]) Bernhardi,—Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Gr. von Toll.

([41]) Послужные списки Мухина и Булатова.

Приложенія къ Главѣ VII.

([1]) Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, часть XII; Полн. собр. законовъ 1801 г. 20 Мая, № 19879.

([2]) Александръ I и его сподвижники, біографія П. К. фонъ-Сухтелена.

([3]) Полное собр. законовъ, Высочайшее повелѣніе 12 Мая 1809 г.

([4]) Фонъ-Фицтумъ умеръ въ 1829 году, въ чинѣ генералъ-маіора, состоя членомъ военно-ученаго комитета. Изъ его ученыхъ трудовъ, въ свое время наиболѣе извѣстны: «Разсужденіе о сочиненіи военныхъ плановъ», изданное въ 1801 году и нѣсколько переводовъ, между которыми сохранило до нѣкоторой степени интересъ по настоящее время, переведенное имъ въ 1827 году, сочиненіе Верблеина «Разсужденіе о службѣ главнаго штаба (въ смыслѣ генеральнаго штаба) и о подробностяхъ, наблюдаемыхъ при вожденіи войскъ».

([5]) Рукописныя записки генерала отъ инфантеріи Ф. Ф. Шуберта.

([6]) Дѣло квартирмейстерской части 1801 года № 41.

([7]) Автобіографія Карла Ивановича Теннера, сохранившаяся въ бумагахъ принадлежащихъ его семейству.

([8]) Къ концу 1803 года въ Свитѣ по квартирмейстерской части состояли:

Генералы: Сухтеленъ, Штейнгель, Герардъ 1, Булатовъ и Михаилъ Вистицкій;

Полковники: изъ бывшаго генеральнаго штаба: Мухинъ, Дрепякинъ, Гарпе, Адеркасъ (Андрей), Зоммеръ, Тихановъ, Гаіюсъ; принятые: изъ воен. совѣтниковъ провіантскаго штата Бурхардъ Бергъ и изъ инженеровъ—Довре.

Подполковники: изъ бывшаго генеральнаго штаба: Ракоци, Герардъ 4-й, Хоментовскій 1-й, Клотъ фонъ-Юргенсбургъ, Энгельманъ, Струковъ, Медеръ, Штегеманъ; принятые: изъ венеціанскихъ инженеровъ—Де-Романо и изъ флота—Курута.

Маіоры: изъ бывшаго генеральнаго штаба: Вистицкій 3-й (Андрей), Вистицкій 4-й (Дмитрій), Рихтеръ, Ренни, Стуббе, Пенской, Эйхенъ 1-й (Яковъ), Эйхенъ 2-й (Федоръ), Фридерицій 2-й, Карлъ Берхъ, Ридингеръ, Нейдгартъ (Карлъ Ивановичъ), Кочетовъ, Тангъ, Толь, Матушевичъ; принятые: изъ Морскаго кадетскаго корпуса, Фицтумъ, изъ коллежскихъ ассесоровъ, Чунихинъ, изъ отставки, Карбоньеръ, изъ иностран. выходцевъ, графъ Венансонъ.

Капитаны: изъ бывшаго генеральнаго штаба: Шефлеръ, Алаевъ, Нейдгартъ (Павелъ Ивановичъ), Кампфъ, Чуйко, Габбе, Хатовъ, Вольфъ, Шпренгеръ; принятые: изъ инженернаго корпуса, Гронбергъ и Буцковскій; изъ армейскихъ полковъ, Селявинъ, Гинцъ, Кошкинъ; изъ французскихъ инженеровъ, Торри; изъ прусской службы, Тройеръ; изъ шведской службы, англичанинъ Гіортъ.

Поручики: изъ бывшаго генеральнаго штаба: Пейкеръ, Хоментовскій 2-й, Розье, Корниловичъ, Пятковичъ, Гіортъ, Черкаевъ; изъ 1-го кадетскаго корпуса—Пятинъ, Сазоновъ, Агапьевъ, Козодаевъ, Сохновскій, Тумановъ, Кохановъ, Тарновскій, Згуромали, Даненбергъ и Тонъ; изъ пѣхоты, Гейдеманъ; изъ колоновожатыхъ: Колянковскій, Иксюль, Гельманъ, графъ Рошешуаръ, Шицъ, графъ Апраксинъ, Сухтеленъ, Теннеръ, Лютинскій, Стурдза.

Колоновожатые:—принятые въ 1801 году:—Купчиновъ, Винтербергеръ, Юнкъ, Анишъ, Брунъ; въ 1802,—Бурнашевъ, Краузъ, Теслевъ 3-й, Вульфертъ, Мочульскій, Толь, Беберъ 1-й, Беберъ 2-й, Миргородскій, Геннеманъ, Темъ, Іонъ, Фитингофъ, Юдинъ, Ивановъ, Богдановичъ, Ренованесъ, Тольценвальдъ, Замятинъ 2-й, Гельфрейхъ, Филимоновъ, Шведеръ, Бреверпъ, Штакельбергъ, Басаревъ, Кисловскій 1-й и 2-й, Девитъ, Брозинъ 1-й и 2-й, Кихельбекеръ, Гудовичъ, Боровскій Штендеръ, Чернявскій; въ 1803 году, Шубертъ, Таль 2-й, фонъ-Шильдеръ (Карлъ), Кучинскій, Бромзинъ.

(⁹) Столистовая карта окончательно издана только въ 1814 году значительная часть ея была награвирована.

(10) Сынъ професора теологіи въ Гельмштедтѣ, Федоръ Ивановичъ Шубертъ воспитывался въ гетингенскомъ университетѣ, готовясь быть пасторомъ; не получивъ однако мѣста по духовному вѣдомству, Шубертъ поступилъ гувернеромъ и управляющимъ къ богатому помѣщику въ Германіи; здѣсь онъ сталъ изучать математику и вскорѣ пристрастился къ ней. Желая составить себѣ карьеру, Шубертъ переселился, въ 1783 году, въ Россію, гдѣ сперва занималъ скромное мѣсто землемѣра въ Ревелѣ, а затѣмъ, вступивъ въ сношенія съ петербургскою Академіею Наукъ, гдѣ въ то время сіяли Гмелинъ, оба брата Бернульи, Леонардъ Эйлеръ, Бильфингеръ, обратилъ на себя вниманіе своими глубокими познаніями и получилъ при Академіи мѣсто сперва адъюнкта, а вскорѣ и професора. Дѣятельность Шуберта отличалась чисто практическимъ направленіемъ: кромѣ многихъ астрономическихъ сочиненій, онъ издавалъ ежегодный академическій мѣсяцесловъ, былъ редакторомъ нѣмецкихъ академическихъ вѣдомостей, составлялъ ежегодно для флотскихъ офицеровъ астрономическія таблицы, подъ названіемъ «Морской мѣсяцесловъ»; по его планамъ были устроены обсерваторіи въ Николаевѣ и Кронштадтѣ; онъ же завѣдывалъ академическою обсерваторіею, библіотекою и мюнцъ-кабинетомъ.

(11) Новая метода эта изложена въ особомъ руководствѣ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ (Anleitung zu der astronomischen Bestimmung der Länge und Breite), выдержавшемъ съ 1804 по 1818 годъ три нѣмецкихъ и два русскихъ изданія.

(12) Извѣстный впослѣдствіи инженеръ-генералъ.

(13) Въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», изданномъ по случаю 50-ти лѣтняго юбилея этого корпуса, приводится, что на финляндской съемкѣ, подъ руководствомъ Штейнгеля, участвовало всего 11 офицеровъ квартирмейстерской части, а именно: подполковникъ Штегеманъ, маіоры, Стуббе, Бергъ, Ридигеръ и Нейдгартъ, капитанъ Шпренгеръ, поручики Теслевы 1-й и 2-й, Бракманъ и Гозіушъ и подпоручикъ Корниловичъ. Но независимо отъ этихъ лицъ, составлявшихъ какъ бы постоянный кадръ финляндской съемки, время отъ времени были къ ней прикомандировываемы и многіе другіе офицеры.

(14) Полковникъ Емельяновъ, маіоръ Гавердовскій, капитанъ Фитингофъ, штабсъ-капитанъ Тарасовъ, поручики: Паренсовъ, Згуромали и Пятинъ.

(15) Секретный архивъ канцеляріи военнаго министерства 1808 года, дѣло № 74.

(16) Донесеніе генералъ-квартирмейстера, инженеръ-генерала фонъ-Сухтелена, въ инспекторскую экспедицію военной колегіи отъ 1-го Іюля 1805 года, Арх. В. М. въ Москвѣ.

(17) Bernhardi, Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Gr. von Toll.

(18) Подполковникъ Энгельманъ, маіоры: Тангъ и Нейдгартъ (Павелъ), капитанъ Коноваловъ, подпоручики: Сазоновъ, Бурнашевъ 1-й, Іонъ, колоновожатые: Гудовичъ, Боровскій и Шильдеръ.

(19) Bernhardi.

(20) Записки Ермолова, часть 1.

(21) Тамъ же.

(22) Собственноручныя записки Барклая-де-Толли.

(23) Первое сочиненіе Жомини: «Traité des grandes opérations militaires», въ которомъ изъ дѣйствій Фридриха Великаго и Наполеона выводятся правила высшаго военнаго искуства, появилось въ 1805 году, а въ 1806 году уже было издано извлеченіе изъ него на русскомъ языкѣ.

(24) Bernhardi.

(25) Рукописныя записки генерала Ф. Ф. Шуберта.

(26) Журналъ военныхъ дѣйствій 1806 и 1807 годовъ.

(27) Записки А. П. Ермолова.

(28) Сообщено покойнымъ И. П. Липранди.

(29) Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, par le L. G. C. P. de S***. Сочиненіе это принадлежитъ участнику этой же войны, генералъ-лейтенанту П. П. Сухтелену, дѣлавшему ее въ чинѣ поручика квартирмейстерской части.

(30) Autobiographie des Generalen der Infanterie Gregor von Berg (роднаго брата Бурхарда Берга).

(31) Журналъ военныхъ дѣйствіи 1808 и 1809 годовъ.

(32) Тамъ же

(33) Павелъ Ивановичъ Нейдгартъ, старшій братъ Александра Ивановича, бывшаго съ 1832 по 1834 годъ генералъ-квартирмейстеромъ, родился въ 1779 году и началъ службу нижнимъ чиномъ, сперва въ артилеріи, а потомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку. 12-го Декабря 1796 года, онъ изъ портупей-прапорщиковъ этого полка былъ произведенъ Императоромъ Павломъ прямо въ поручики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, за поднесенные Государю чертежи и выписки по части военныхъ наукъ. Служба его до 1805 года заключалась въ производствѣ съемокъ въ Финляндіи, откуда онъ, уже въ чинѣ маіора, назначенъ въ штабъ корпуса Кутузова, посланнаго въ Австрію. Съ этого времени онъ постоянно состоялъ при войскахъ, сдѣлавъ кампаніи 1805, 1806 и 1807 годовъ и пріобрѣтя репутацію исполнительнаго, храбраго и отлично понимающаго мѣстность офицера квартирмейстерской части.

([34]) Précis des évènements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, par le L. G. C.P. de S***.

([35]) Наградные списки въ военно ученомъ архивѣ главнаго штаба.

([36]) Русская Старина 1874 г. № 8, «Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ» и послужной его списокъ въ Московскомъ архивѣ воен. вѣдом.

([37]) Полное собраніе законовъ, Высочайшій указъ 2 Іюня 1808 года.

([38]) Полное собраніе законовъ, Высочайшій указъ 6 Сентября 1809 года.

Приложенія къ Главѣ VIII.

(1) Біографія князя П. М. Волконскаго въ сборникѣ—Императоръ Александръ I и его сподвижники.

(2) По послужному списку; въ біографіи Селявина, помѣщенной въ сборникѣ: «Императоръ Александръ I и его сподвижники», онъ показанъ происходящимъ изъ дворянъ Московской губерніи.

(3) Стихотворенія его не были напечатаны, но три его комедіи были изданы въ свѣтъ: въ 1796 году «Осмѣянный вертопрахъ», въ трехъ дѣйствіяхъ; въ 1806 году, «Женихи или побѣжденный предразсудокъ», въ пяти дѣйствіяхъ и въ 1809 году, «Добро не впопадъ, а зло не во вредъ», въ трехъ дѣйствіяхъ. (Біографія II. И. Селявина въ сборникѣ: «Императоръ Александръ I и его сподвижники»).

(4) Подлинные приказы по квартирмейстерской части въ архивѣ генеральнаго штаба, въ С.-Петербургѣ.

(5) Всего на перестройку дома единовременно было отпущено 36,241 руб., да на покупку мебели 5,000 руб. Сверхъ того, на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе по 6,925 руб. 80 коп. въ годъ и на содержаніе служительской команды, изъ 1 унтеръ-офицера и 17 сторожей, по 678 руб. Смотритель дома и его помощникъ полагались изъ офицеровъ квартирмейстерской части.

(6) По штату 28-го Февраля 1812 года, на содержаніе депо назначено 44,000 руб. асигнаціями, да на покупку книгъ и картъ по 1,000 червонцевъ въ годъ. Сверхъ того, разрѣшено всю выручку отъ продажи картъ употреблять на хозяйственныя надобности, отдѣляя ежегодно до 5,000 руб. на прибавку къ жалованью служащимъ въ депо. Офицерамъ же, отправляемымъ на съемки, отпускались особо прогоны и деньги на своза инструментовъ.

(7) «Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміей» было составлено коммисіею, состоявшею, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, изъ генераловъ: Оппермана, князя Волконскаго, Сенъ-При и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго.

(8) Полное собраніе законовъ, 1811 годъ.

(9) Приказъ по квартирмейстерской части 27 Іюля 1811 года, № 337.

(10) Полное Собраніе Законовъ, Высочайше утвержденный уставъ «Общества математиковъ»,

(11) Н. Е. Муравьевъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный для своего времени: онъ издалъ въ 1752 году «Начальныя основанія математики», содержащія въ себѣ едва ли не первую алгебру на русскомъ языкѣ, участвовалъ въ составленіи инструкціи 1776 года о генеральномъ земель-размежеваніи и находился въ короткихъ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ извѣстнымъ военнымъ писателемъ Монталамберомъ.

(12) Умерла въ 1809 году.

(13) Письмо Н. Н. Муравьева къ попечителю Московскаго университета, тайному совѣтнику П. И. Голенищеву-Кутузову (Современникъ, 1852 годъ, Май).

(14) Тамъ же.

(15) Изъ рукописныхъ записокъ генерала отъ инфантеріи Ф. Ф. Шуберта.

(16) Bernhardi.—Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen von Toll.

(17) Aus meinem Leben.—Fr. C. F. Freiherr von Müffling.

(18) Богдановичъ—Исторія Отечественной войны 1812 г.

(19) Родился 1-го (13-го) Мая 1785 года; отецъ Дибича служилъ до подполковничьяго чина въ прусскихъ войскахъ, а при Императорѣ Павлѣ переселился въ Россію, гдѣ и принятъ на службу.

Приложенія къ Главѣ IX.

(1) Высочайше апробованное росписаніе чиновъ Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, сообщенное князю Волконскому отъ военнаго министра 1 Марта 1811 года, № 71. (Воен. ученый архивъ глав. штаба).

(2) Секретный архивъ канцеляріи военнаго министерства.

(3) Приказъ по квартирмейстерской части 22-го Ноября 1811 года, № 565.

(4) Иванъ Богдановичъ, братъ военнаго министра, умеръ въ чинѣ генералъ-маіора въ 1810 году.

(5) Дѣла секретнаго архива канцеляріи военнаго министерства.

(6) Autobiograqhie des Generalen der Infanterie Gregor von Berg.

(7) «Organisations-Plan eines Requisitions-System» (Военно-ученый архивъ главнаго штаба).

(8) Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

(9) Богдановичъ, Исторія Отечественной войны 1812 года.

(10) Росписаніе чиновъ Свиты по квартирмейстерской части въ арміи князя Багратіона, сообщенное генералъ-маіору Адеркасу отъ князя Волконскаго, при отзывѣ отъ 26-го Февраля 1812 года, за № 592 (Арх. генеральнаго штаба).

(11) За Кобринъ и Городечну Ренни получилъ чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Владиміра 3-й степени. Дальнѣйшая служба его была не продолжительна, но богата отличіями. Въ Январѣ 1813 года, Ренни былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса Винценгероде, при которомъ состоялъ до самаго окончанія войны. Изъ числа полученныхъ имъ за это время многочисленныхъ наградъ, наиболѣе выдѣляется орденъ св. Георгія 3-й степени, пожалованный ему за сраженіе при Калишѣ, гдѣ онъ лично атаковалъ французовъ, защищавшихся въ с. Коконицѣ, и взялъ при этомъ знамя и два орудія. Разстроенное походами здоровье заставило Ренни уволиться, 1-го Января 1816 года, отъ службы и посвятить остатокъ своихъ дней воспитанію дѣтей. Онъ умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1832 году.

([12]) Дальнѣйшая служба Мухина до самой смерти его, въ 1828 году, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Временно исправляя, въ 1813—1815 годахъ, должности генералъ-квартирмейстеровъ въ разныхъ резервныхъ арміяхъ, онъ съ 1816 года состоялъ въ должности начальника штаба корпуса внутренней стражи, и будучи произведенъ, въ 1826 году, въ генералъ-лейтенанты, не задолго до смерти получилъ мѣсто предсѣдателя полеваго аудиторіата 1-й арміи.

([13]) Ермолову было въ 1812 году 34, а Толю 35 лѣтъ отъ роду.

([14]) Записки А. П. Ермолова, стр. 225.

([15]) Тамъ же, стр. 224.

([16]) И. П. Липранди: «Матеріалы для Отечественной войны», и со словъ, какъ автора этихъ матеріаловъ, такъ и генерала Данненберга.

([17]) Приложенія къ запискамъ Ермолова 1801—1812 г., стр. 177.

([18]) Василій Алексѣевичъ, бывшій въ царствованіе Императора Николая Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и впослѣдствіи графъ.

([19]) «Записки Ермолова» и «Граббе» въ Русскомъ Архивѣ 1873 г., № 3-й.

([20]) Записки Ермолова 1801—1812 г., стр. 182 и 185.

([21]) По Михайловскому-Данилевскому; Бернгарди же показываетъ, что это было возложено на подполковника Гартинга.

([22]) Бернгарди и Липранди.

([23]) Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій родился въ 1790 году и началъ свою службу по министерству финансовъ.

([24]) Сообщено покойнымъ Д. А. Кропотовымъ, составлявшимъ біографію М. Н. Муравьева (бывшаго Виленскаго генералъ-губернатора).

([25]) Разсказъ относится ко времени пребыванія арміи подъ Смоленскомъ.

([26]) Генералъ-маіору 28, генералъ-лейтенанту 32, полному генералу 56.

([27]) По словамъ покойнаго генерала Данненберга и И. П. Липранди, и изъ посмертныхъ записокъ Ф. Ф. Шуберта.

([28]) Михайловскій-Данилевскій показываетъ, что Императоръ Александръ хотѣлъ пожаловать Толю за взятіе Парижа одинаковую съ Дибичемъ награду, орденъ св. Александра Невскаго, но, по просьбѣ Толя, орденъ былъ замѣненъ возведеніемъ его невѣсты, дочери генерала Штрандмана, Ольги Евстафьевны, во фрейлины Двора.

([29]) Французъ по происхожденію, Довре родился въ Дрезденѣ

въ 1766 году, и кончивъ курсъ въ тамошней инженерной академіи, поступилъ въ польскую службу. Благодаря П. К. Сухтелену, онъ перешелъ, въ 1795 году, въ русскую службу инженеръ-капитаномъ, а затѣмъ въ 1801 году, уже въ чинѣ полковника, перечисленъ въ Свиту по квартирмейстерской части. Въ первыя пятнадцать лѣтъ его пребыванія въ Россіи, на него были возлагаемы самыя разнообразныя порученія: такъ, онъ былъ преподавателемъ фортификаціи во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, завѣдывалъ чертежною инженернаго вѣдомства, составлялъ проекты крѣпостей, былъ командированъ съ посольствомъ Головкина въ Китай для сочиненія плановъ и картъ, въ качествѣ квартирмейстерскаго офицера участвовалъ съ отличіемъ въ кампаніи 1807 года, занимался исправленіемъ столистовой карты, завѣдывалъ рекогносцировками на западной границѣ Имперіи; за послѣднія работы онъ произведенъ въ 1811 году въ генералъ-маіоры.

(30) Въ 1819 году Довре былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго литовскаго корпуса, которымъ командовалъ до 1827 года, получивъ въ день коронаціи Императора Николая чинъ генерала отъ инфантеріи.

(31) М. И. Богдановичъ, Исторія 1813 года и Посмертныя записки Ф. Ф. Шуберта.

(32) Произведенный въ день коронаціи Императора Николая въ генералы отъ инфантеріи, Рудзевичъ, командуя 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, участвовалъ съ отличіемъ въ войнѣ 1828 года въ Европейской Турціи, но умеръ скоропостижно послѣ перехода корпуса на зимнія квартиры въ Валахіи.

(33) Военная Галерея Зимняго Дворца, томъ VI, біографія П. И. Нейдгарта.

(34) По возвращеніи изъ Франціи, П. И. Нейдгартъ былъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса (1816—1820), начальникомъ 26-й (впослѣдствіи 9-й) пѣхотной дивизіи (1820—1825), затѣмъ короткое время градоначальникомъ Одессы и, наконецъ, будучи переименованъ въ тайные совѣтники, умеръ уже въ пятидесятыхъ годахъ въ званіи сенатора.

(35) Отецъ знаменитаго скульптора Петра Карловича Клодта.

(36) М. И. Понсетъ родился въ 1780 г. близъ Варшавы, происходя изъ французскихъ эмигрантовъ начала прошлаго столѣтія; воспитывался въ Дрезденѣ и кончилъ курсъ въ Фрейбергскомъ университетѣ; предназначался родителями къ службѣ по горной части; но, по собственному влеченію, опредѣлился сперва въ саксонскую кавалерію, потомъ два года занимался съемками въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и, возвратясь оттуда, вступилъ въ русскую службу, въ 1806 году, подпоручикомъ, въ 3-й Егерскій полкъ генералъ-маіора Барклая-де-

Толли. Съ этимъ полкомъ онъ и дѣлалъ кампаніи 1806 и 1807 годовъ, а затѣмъ, по ходатайству князя Багратіона, переведенъ тѣмъ же чиномъ штабсъ-капитана лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ, мундиръ котораго носилъ до самаго перевода въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части.

(37) М. И. Понсетъ былъ раненъ: подъ Пултускомъ (1806 г.) въ лѣвую руку, подъ Рущукомъ (1810 г.) въ правую руку и въ 1813 году подъ Гроссъ-Береномъ въ ногу.

(38) И. П. Липранди.

(39) Полное обраніе законовъ, Указъ 1-го Августа 1814 года, № 25,628.

(40) Приказомъ по квартирмейстерской части отъ 16-го Августа, за № 67, назначены въ гвардейскій генеральный штабъ: полковники: Гартингъ, Черкасовъ и Пятинъ; капитаны: Михайловскій-Данилевскій, Щербининъ 1-й и Траскинъ; штабсъ-капитаны: Дурново, Перовскій 1-й, Муравьевъ 1-й (Александръ Николаевичъ), Бергъ и Данненбергъ 2-й; поручики: князь Голицынъ 1-й, Муравьевъ 2-й (Николай Николаевичъ), Лукашъ и Глазовъ; подпоручики: Раумбургъ, Щербининъ 2-й, князь Голицынъ 2-й, Перовскій 2-й, Муравьевъ 5-й (Михаилъ Николаевичъ); прапорщики: графъ Бутурлинъ, Росшефортъ, Муравьевъ 6-й (Никита Михайловичъ), Бурцовъ.

(41) Приказы по квартирмейстерской части и послужные списки офицеровъ этого вѣдомства въ архивѣ генеральнаго штаба.

(42) Единственный сынъ генералъ-лейтенанта графа Павла Александровича Строгонова, который не перенесъ этой потери и умеръ въ 1817 году.

Приложенія къ главѣ X.

([1]) Полное собраніе законовъ, Указъ 12 Декабря 1815 года, № 26,021.

([2]) Тамъ же № 25,723.

([3]) 19 Октября 1816 года.

([4]) Въ Февралѣ 1817 года.

([5]) Утвержденное княземъ Волконскимъ положеніе «о должности офицеровъ квартирмейстерской части при корпусахъ и дивизіяхъ въ мирное время».

([6]) Высочайшее повелѣніе 10 Апрѣля 1818 года.

([7]) Высочайшее повелѣніе 3 Августа 1816 года.

([8]) Высочайшее повелѣніе 7 Мая 1817 года.

([9]) На перестройку главнаго штаба разновременно, въ 1819 и 1820 годахъ, было назначено 732,000 руб., да въ 1821 году на устройство архива—274,018 руб. 80 коп. Въ строительной комисіи, завѣдывавшей работами по перестройкѣ, предсѣдательствовалъ сперва генералъ-маіоръ Эйхенъ 1-й, а потомъ Селявинъ. Въ 1819 году, впредь до составленія положенія о ремонтѣ дома главнаго штаба, назначено было временно на его ремонтъ по 15,000 руб. въ годъ.

([10]) Штатъ военно-ученаго комитета Высочайше утвержденъ 12-го Марта 1819 года.

([11]) Высочайшее повелѣніе 2-го Ноября 1816 года.

([12]) Высочайшее повелѣніе 12-го Декабря 1816 года.

Новые оклады жалованія, сравнительно съ прежними, видны изъ слѣдующей таблицы:

	Оклады до 1816 года.		Новые оклады гвардейскаго генеральнаго штаба.		Свиты по квартирмейстерской части.	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
Полковнику. . .	1,385	—	1,404	—	1,404	—
Подполковнику. .	977	—	—	—	1,170	—
Капитану . . .	620	—	1,170	—	877	50
Штабсъ-капитану.	522	—	877	50	760	50
Поручику . . .	358	—	760	50	702	—
Подпоручику . .	285	—	702	—	643	20
Прапорщику . .	—	—	672	75	585	—

([13]) Высочайшее повелѣніе 11-го Октября 1817 года.

([14]) Приказъ по квартир. части 25-го Мая 1817 года № 103.

([15]) Высочайшее повелѣніе 24-го Августа 1821 года.

([16]) Со словъ И. П. Липранди и П. А. Данненберга.

([17]) Высочайшее повелѣніе 7-го Мая 1817 г.

([18]) Приказъ по квартир. части 2-го Марта 1816 г. № 58.

([19]) «Николай Николаевичъ Муравьевъ»,—Современникъ 1852 г. № 5; оттиски этой статьи съ портретомъ Муравьева были выпущены въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и составляютъ теперь библіографическую рѣдкость; самая статья написана Николаи Васильевичемъ Путятою, кончившимъ курсъ Московскаго учебнаго заведенія для колоновожатыхъ въ 1820 г.

([20]) «Учрежденіе Московскаго учебнаго заведенія», составленное генералъ-маіоромъ Н. Н. Муравьевымъ и хранящееся въ архивѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

([21]) Тамъ же.

([22]) На стр. 55, гдѣ съемка эта поименована рядомъ съ множествомъ работъ, произведенныхъ въ періодъ съ 1811 по 1821 годъ, и на стр. 189, гдѣ нѣсколько похвальныхъ словъ сказано о гравированіи карты окрестностей Москвы, изданной въ 1823 году, причемъ даже не упомянуто о томъ, что эта карта есть результатъ работъ, совершенныхъ при Московскомъ учебномъ заведеніи.

([23]) Архивъ генеральнаго штаба, дѣло 1823 года, № 306: Объ увольненіи отъ службы генералъ-маіора Муравьева и о переводѣ Московскаго учебнаго заведенія въ С.-Петербургъ.

([24]) Тамъ же.

([25]) Оставивъ службу, Н. Н. Муравьевъ посвятилъ остатки своей жизни занятіямъ по сельскому хозяйству. Онъ былъ однимъ изъ основателей и изъ усерднѣйшихъ членовъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, которое обязано ему образованіемъ и первоначальнымъ устройствомъ своей земледѣльческой школы. Управляя IV отдѣленіемъ общества, онъ принималъ участіе въ изданіи въ 1830 году перевода сочиненія А. Теэра: «Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства», который онъ обогатилъ многими примѣчаніями, содержащими практическія примѣненія къ русскому хозяйству. Вынужденный въ послѣдніе два года часто обращаться къ помощи врачей, Н. Н. Муравьевъ переселился изъ деревни въ Москву, но и здѣсь не переставалъ трудиться, учить другихъ и учиться самъ. Многіе жители и посѣтители Москвы искали его ученой бесѣды и утѣшались его обществомъ, такъ какъ до конца жизни онъ сохранялъ всю свою умственную бодрость и теплоту сердца, всю веселость и живость характера. Однако, подагра и присоединившаяся къ ней водяная одолѣвали постепенно его силы и, послѣ продол-

жительныхъ страданій, Н. Н. Муравьевъ кончилъ трудолюбивую и полезную жизнь свою, 20-го Августа 1840 года, въ Москвѣ, на 72 году отъ роду. Тѣло его погребено въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Послѣ него остались сыновья: Александръ (умершій генералъ-лейтенантомъ генеральнаго штаба), Николай (бывшій главнокомандующимъ на Кавказѣ), Михаилъ (пожалованный графскимъ титуломъ и управлявшій сѣверо-западнымъ краемъ), Андрей (извѣстный своими сочиненіями въ духовной литературѣ), Сергѣй (умершій въ 1874 году) и дочь Софія.

([26]) Списокъ офицеровъ выпущенныхъ изъ Московскаго учебнаго заведенія для колоновожатыхъ

(Знакомъ * обозначены фамиліи лицъ не служившихъ въ Свитѣ по квартирмейстерской части).

Въ 1816 году.

1. *Вельяминовъ-Зерновъ*, Федоръ Федоровичъ, убитъ въ 1828 г.
Карцевъ.
Христіани, Василій Христіановичъ, 1828 г. уволенъ полковникомъ генеральнаго штаба.
Мухановъ 1, Павелъ Александровичъ, умеръ 1871 г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.
5. *Воейковъ 1.*
Бахметьевъ.
Баронъ Черкасовъ.
Юшковъ.
Мухановъ 2.
10. *Корниловичъ*, Александръ Осиповичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
Толстой 2, Василій Петровичъ, умеръ въ 1827 г, полковн.
Зубковъ, Василій Петровичъ.
Бырдинъ, Михаилъ Петровичъ, 1831 г. уволенъ полковникомъ.
Ушаковъ 8.
15. *Кандалинцевъ*, Николай Федоровичъ.
16. *Крюковъ*, Николай Павловичъ, въ 1836 г. уволенъ ген.-маіор.

Въ 1817 году.

17. *Князь Шаховской*, Валентинъ Михайловичъ, умеръ 1851 г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.
18. *Чертковъ.*

19. *Жемчужниковъ*, Аполонъ Аполоновичъ, умеръ въ 1848 г. генералъ-маіоромъ.
20. *Шереметьевъ*, Алексѣй Васильевичъ.
Хрущевъ 2, Николай Васильевичъ, въ 1832 г. уволенъ полковникомъ.
Вельтманъ, Александръ Федоровичъ, умеръ 1870 г. статскимъ совѣтникомъ.
Тютчевъ, Николай Ивановичъ, 1826 г. уволенъ штабсъ-капитаномъ.
Ермоловъ, Сергѣй Николаевичъ.
25. *Долинскій*, Егоръ Яковлевичъ.
Бакунинъ.
Евреиновъ.
Мартыновъ, Алексѣй Михайловичъ, 1827 г. уволенъ поручикомъ.
Кожевниковъ, Александръ Львовичъ, 1833 г. умеръ капитаномъ.
30. *Загорецкій*, Николай Александровичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
Андреевскій, Владиміръ Тимофѣевичъ, 1849 г. уволенъ генералъ-маіоромъ.
Тучковъ 2, Павелъ Алексѣевичъ, умеръ въ 1864 г. генераломъ отъ инфантеріи.
Баронъ Черкасовъ 2, Алексѣй Ивановичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
Воейковъ 2.
35. *Князь Оболенскій*.
Князь Грузинскій.
* *Обресковъ*, Александръ Александровичъ, выпущенный въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ.

Въ 1818 году.

38. *Лачиновъ*, Евдокимъ Емельяновичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.

Въ 1819 году.

39. *Самойловичъ*, въ 1825 г. утонулъ въ Ловати.
40. *Басаргинъ*.
Бобрищевъ-Пушкинъ 1, Николай Сергѣевичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
Бобрищевъ-Пушкинъ 2, Павелъ Сергѣевичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
43. *Аврамовъ*, Иванъ Борисовичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.

44. *Полтарацкій*, Михаилъ Павловичъ, умеръ въ 1851 г.
45. *Колошинъ 3*, Акимъ Евграфовичъ, 1828 г. уволенъ капитаномъ.
Эссенъ 2, Александръ Антоновичъ, 1833 г. уволенъ подполк.
Познанскій, Егоръ Игнатьевичъ, 1836 г. уволенъ полковник.
Бенкендорфъ.
Елагинъ.
50. *Коробьинъ*.
Пасынковъ.
Скворцовъ 1.
Скворцовъ 2.
Крюковъ 2, Николай Александровичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
55. *Ушаковъ 9*, Александръ Клеониковичъ, 1877 г. умеръ генераломъ отъ инфантеріи.
Яковлевъ 3.
Горчаковъ, Владиміръ Петровичъ.
Тейльсъ.
**Насакинъ*, выпущенный въ Бородинскій пѣхотный полкъ,
60.**Зыковъ*, выпущенный въ 1 Егерскій полкъ,

Въ 1820 году.

61. *Князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій*, Эсперъ Александровичъ, 1835 г. умеръ генералъ-маіоромъ.
Прибытковъ, Павелъ Ивановичъ, 1849 г. уволенъ генер.-маіор.
Полтарацкій, Алексѣй Павловичъ.
Новосильцевъ, Евграфъ Ивановичъ.
65. *Путята*, Николай Васильевичъ.
Яковлевъ 4, Григорій Михаиловичъ, 1856 г. уволенъ генералъ-маіоромъ.
Коцебу, Павелъ Евстафіевичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи,
Петровъ, Николай Васильевичъ.
Серебряковъ, умеръ въ 1824 г.
70. *Князевъ*.
Ладыженскій, Михаилъ Васильевичъ, 1838 г. уволенъ генералъ-маіоромъ.
Павроцкій, Николай Никаноровичъ, 1831 г. уволенъ капит.
Тиличѣевъ, Сергѣй Павловичъ.
Елагинъ, Александръ Николаевичъ.
75. *Будбергъ*, Андрей Ивановичъ.
Михайловъ.
77. *Лихаревъ*, Владиміръ Николаевичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.

78. *Левшинъ*, Дмитрій Сергѣевичъ, въ 1871 г. умеръ генераломъ отъ инфантеріи.
Готовицкій 1.
80.**Готовицкій 2*, выпущенный въ Сѣверскій конно егерскій п.
**Колошинъ 4*, выпущенный въ Сѣверскій конно егерскій п.
**Чашниковъ*, выпущенный въ конно-егерскій Его Величества короля Виртембергскаго полкъ.
**Ганъ*, выпущенный въ Оренбургскій Уланскій полкъ.

Въ 1821 году.

84. *Болотовъ*, Алексѣй Павловичъ, умеръ въ 1853 г. генер.-маіор.
85. *Заикинъ*, Николай Федоровичъ, 1826 г. лишенъ чиновъ и дворянства.
Полтарацкій, Михаилъ Александровичъ, умеръ въ 1836 г. штабсъ-капитаномъ.
Марковъ.
Арцыбушевъ, Николай Петровичъ.
Кекъ 2.
90. *Лопухинъ 1*, Николай Александровичъ, 1829 г. умеръ отъ ранъ.
Демидовъ, Павелъ Петровичъ.
Фонтонъ-де-Верраіонъ, Михаилъ Львовичъ, съ 1858 г. генер. лейтенантъ въ запасныхъ войскахъ.
Менжинскій, Александръ Фаустиновичъ.
Шредеръ, Павелъ Петровичъ.
95. *Тихоцкій*, Николай Ивановичъ.
Сабуровъ, Александръ Ивановичъ, умеръ въ 1837 г. подполк.
Ушаковъ 2.
Каменскій, Иванъ Васильевичъ.
Нѣеловъ, умеръ въ 1832 г. подполковникомъ.

Въ 1822 году.

100. *Татариновъ*, Даниiло Акимовичъ, до 1843 г. въ генер. шт.
Вронченко, Михаилъ Павловичъ, въ 1842 г. уволенъ генер. м.
Загряжскій.
Роговской, Михаилъ Мартыновичъ, въ 1881 г. умеръ генераломъ отъ инфантеріи.
Лугининъ, Федоръ Николаевичъ. въ 1834 г. уволенъ подполк.
105.**Яковлевъ.*

Въ 1823 году.

106. *Пушкинъ*, Иванъ Алексѣевичъ.
Полтарацкій, Сергѣй Дмитріевичъ.

108. *Раевскій*, Андрей Васильевичъ, умеръ въ 1831 г.
Рахмановъ, Левъ Павловичъ.
110. *Юрасовъ*.
Фонъ-Видау, Генрихъ Васильевичъ.
Баронъ Ливенъ, Василій Карловичъ, бывшій генералъ-квартирмейстеръ, умеръ въ 1879 г.
Юрловъ, Аполонъ Ивановичъ.
Прибытковъ 2, Эрастъ Ивановичъ, въ 1836 г. уволенъ капит.
115. *Татариновъ 2*, Евгеній Акимовичъ, въ 1853 г. умеръ полков.
Львовъ, Петръ Петровичъ, умеръ дѣйствит. статск. совѣтн.
Апухтинъ, въ 1834 г. умеръ капитаномъ.
Куликовскій, Петръ Павловичъ, въ 1839 г. уволенъ полковн.
Зубовъ 2, Кириллъ Николаевичъ.
120. *Камынинъ*.
Змѣевъ.
Ивановъ 2, Дмитрій Гавриловичъ, въ 1840 г. уволенъ полковн.
Пассекъ, Валеріанъ Васильевичъ, въ 1858 г. уволенъ генер.-м.
Князь Львовъ, Владиміръ Владиміровичъ.
125. *Шабельскій 2*, Катонъ Павловичъ, въ 1829 г. уволенъ поруч.
Дурново 3, Николай Дмитріевичъ, въ 1831 г. умеръ отъ ранъ.
Шабельскій 1, Помпей Павловичъ, въ 1833 г. уволенъ капит.
Кологривовъ, умеръ въ 1831 г.
Князь Друцкой 1, умеръ въ 1825 г.
130. *Зубовъ 1*.
Вейкартъ, Егоръ Егоровичъ.
Балкашинъ, Николай Васильевичъ.
Салтыковъ.
Баронъ Корфъ, Леопольдъ Федоровичъ.
135. *Щербачевъ*, Александръ Петровичъ, уволенъ въ 1830 году штабсъ-капитаномъ.
Баженовъ, Василій Федоровичъ, въ 1834 г. уволенъ подполк.
**Гурьевъ*, уволенъ въ 1824 г.
138.**Бенкендорфъ 2*, выпущенный въ Лейбъ Кирасирскій Его Императорскаго Величества полкъ.

Нижеслѣдующіе прапорщики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части произведены въ 1821 году въ подпоручики Свиты, на основаніи экзамена выдержаннаго ими въ Московскомъ учебномъ заведеніи:

1. Михаилъ Павловичъ *Полтарацкій 1*.
Павелъ Ивановичъ *Прибытковъ*.
Николай Васильевичъ *Путята*.
Павелъ Евстафьевичъ *Коцебу*.
5. Князь Эсперъ Александровичъ *Бѣлосельскій-Бѣлозерскій*.

6. Евграфъ Ивановичъ *Новосильцевъ.*
Николай Никаноровичъ *Навроцкій.*
Михаилъ Васильевичъ *Ладыженскій.*
9. Николай Васильевичъ *Петровъ.*

(27) Записки Басаргина, кончившаго курсъ въ Московскомъ заведеніи въ 1819 году.

(28) Подполковникъ Колошинъ 1-й, въ должности помощника генерала Муравьева; капитанъ Христіани, поручики: князь Шаховской 1-й, Крюковъ 1-й, подпоручики: Полторацкій 1-й, Путята и Ладыженскій, прапорщики: Болотовъ, Каменскій, Нѣеловъ, Таtариновъ, Загряжскій и Яковлевъ 4-й; колоновожатые: Кротковъ, Арбеневъ, Голынскій, Шауфусъ, Кошелевъ, Зыковъ, князь Шаховской 2-й, Домашневъ, Карновичъ, Вердеревскій, Поляковъ, Купчиновъ и Ковалевскій.

(29) Положеніе для училища колоновожатыхъ, утвержденное 27-го Апрѣля 1823 года, въ архивѣ генеральнаго штаба, дѣло № 357.

(30) На Мойкѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ нынѣ дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны.

(31) Въ два года существованія С.-Петербургскаго училища для колоновожатыхъ, въ немъ кончили курсъ и поступили на службу въ Свиту по квартирмейстерской части:

Въ 1824 году: 1. *Искрицкій 2-й*, Александръ Александр., 1848 г. увол. генер.-маіор.
Баронъ Ашъ, Иванъ Казиміров., 1832 г. умеръ шт.-капитаномъ.
Палицынъ. Степанъ Михаил., 1826 г. прапор. въ гарниз. бат.
Кошелевъ, Павелъ Петров., 1835 г. ум. шт. кап.
5. *Созоновичъ*, Василій Васильев., 1839 г. увол. подполковн.
Вердеревскій, Викторъ Николаев., 1847 г. увол. полковн.
Чириковъ, Егоръ Иванов., 1862 г. ум. ген. м.
Ковалевскій, Михаилъ Констант., 1828 г. увол. подпоруч.
Лихонинъ, Орестъ Семенов., быв. директор. 1 кадетск. корп.
10. *Голынскій*, Феликсъ Фадѣев., 1842 г. увол. полк.
Карновичъ, Констант. Ксенофонтьев., 1829 г. умеръ поруч.
Князь Шаховской, Иванъ Владимір., 1838 г. увол. подполк.

Въ 1825 году: 13. *Яковлевъ 4-й*, умеръ въ 1825 году.

Веригинъ, Александръ Иванов., генер.-адъют., быв. генер.-квартир. съ 1861 по 1865 г.

15. *Харламовъ*, Петръ Николаев., 1838 г. увол. кап.

Муравьевъ-Апостолъ, Иполитъ Иванов., 1826 г. убитъ.

Болдыревъ, Александръ Васильев., 1858 г. увол. генер.-маіор.

Цвѣтковъ, Василій Михайлов., 1840 г. увол. подполковн.

Прибытковъ, Афанасій Иванов., 1848 г. увол. полковникомъ.

20. *Казадаевъ*, Владиміръ Александровичъ.

Поповъ, Петръ Петровичъ, 1849 г. увол. полк.

22. *Поляковъ*, Александръ Спиридоновичъ.

(32) Такую характеристику дѣлаетъ Хатову фонъ-Брадке, находившійся подъ его начальствомъ на съемкѣ въ Финляндіи въ 1812 году. (Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben).

(33) Списокъ офицеровъ произведенныхъ въ Свиту по квартирмейстерской части изъ Пажескаго Его Величества кадетскаго корпуса.

Въ 1807 году: 1. пажъ *Васьковъ 1*, } поручиками.
— 1808 — 2. — *Финкъ*, } поручиками.
— 1809 — 3. — *Пушкинъ*, поручикомъ въ Мушкетер. графа Аракчеева полкъ Высочайшимъ приказомъ 19 декабря 1809 г., а таковымъ же 19 февраля 1810 г. переведенъ въ Свиту по квартир. части.
— 1812 — 4. — *Хомутовъ*, подпоручикомъ, Сергѣй Григорьевичъ, 1828 г. уволенъ полковникомъ.
5. кам.-п. *Ушаковъ*, подпоруч., Апполонъ Апполоновичъ, 1823 г. уволенъ полковн.

Прапорщиками:

Въ 1817 году, 6. пажъ *Тучковъ 1*, въ 1820 г. уволенъ подпоруч.
7. — *Князь Шаховской*, } находились въ Московск. учеб. завед. для коновожатыхъ.
8. — *Тучковъ 2*, } находились въ Московск. учеб. завед. для коновожатыхъ.
Въ 1819 году, 9. кам.-п. *Балашевъ*, въ гвардейскій генер. штабъ.
— 1820 — 10. — *Князь Цицiановъ*, Дмитрій Ивановичъ, въ гвардейскій генеральный штабъ.

Въ 1820 году, 11. пажъ *Дюгамель*, Александръ Осиповичъ; въ 1880 г. умеръ генераломъ отъ инфант., членомъ Государств. Совѣта

Въ 1822 году, 12. — *Яковлевъ*, былъ въ Москов. учеб. завед. для колонновожатыхъ.

13. — *Скалонъ 2*, Василій Антоновичъ; въ 1833 г. уволенъ капитаномъ.

14. кам.-п. *Чевкинъ*, Константинъ Владимір. въ гвард. генер. штабъ, въ которомъ состоялъ до 1832 г. умеръ въ 1875 г. генер. адъют.

15. — *Траскинъ*, Александръ Семеновичъ, въ 1849 г. переименов. въ дѣйствит. стат. совѣтн.

Въ 1823 году, 16. пажъ *Пушкинъ*, 17. — *Полтарацкій*, 18. — *Раевскій* — находились въ Московск. учебномъ заведеніи для колоновожатыхъ.

Въ 1825 году, 19. пажъ *Скалонъ*, Антонъ Антоновичъ, въ 1872 г. умеръ генер.-лейтен., членомъ главнаго военнаго суда.

20. — *Кобяковъ*, Николай Николаевичъ, въ 1831 г. умеръ отъ ранъ получен. у Колачина.

(34) И. Селезневъ: Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея.

(35) Недолгое время между Эльснеромъ и Сентъ-Андре, каѳедру эту занималъ титулярный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Пушкинъ, служившій до того въ генеральномъ штабѣ, но болѣе извѣстный по своему курсу полевой фортификаціи.

(36) И. Селезневъ: Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея.

(37) Выпущенные изъ лицея были: въ 1817 году, Владиміръ Вальховскій и въ 1820 году, Сергѣй Подлинневъ, оба прапорщиками въ гвардейскій генеральный штабъ; изъ нихъ первый пользовался репутаціей отличнаго офицера генеральнаго штаба и служилъ долго на Кавказѣ; второй же былъ хорошій математикъ, но вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1825 году.

Изъ лицейскаго пансіона выпущены въ генеральный штабъ: въ 1825 году: Илья Степановичъ Фроловъ (умеръ генералъ-адъютантомъ), кончившій курсъ съ первою золотою медалью и князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, кончившій курсъ съ первою серебряною медалью (1880 г. уволенъ генер. отъ инфантеріи). Кончившій же курсъ въ пансіонѣ, въ 1828 г., Федоръ Федоровичъ Торнау выпущенъ прапорщикомъ въ 33 егерскій полкъ, а въ 1829 г. причисленъ къ генеральному штабу и только въ 1833 году переведенъ въ оный.

(38) Мельницкій, Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи.

(39) Списокъ офицеровъ выпущенныхъ изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса въ Свиту по квартирмейстерской части.

Въ 1817 году: 1. *Мартинау*. Карлъ Алексѣевичъ, въ 1863 г. умеръ генер.-лейт.
Энкель, Карлъ Густавов., въ 1839 г. по арміи подполков.
фонъ-Гаузенъ, Карлъ Густавов.
Баронъ Ребиндеръ, Отто Оттовичъ; въ 1835 г. увол. полков.

Въ 1820 году; 5. *фонъ-Бломъ*, Отто Гавриловичъ; въ генер. штабѣ до 1855 г.
Форстенъ, Карлъ Густав; въ генер. штабѣ до 1848 г.
Розеніусъ, Александръ Иванов., умеръ въ 1830 г.
Сильвергельмъ, Густавъ Карлов. въ 1864 г. умеръ генер. маіоромъ.

Въ 1821 году *Индреніусъ*, Леопольдъ Эдуардовичъ.
10. *фонъ-Редигеръ*, Федоръ Филипов., въ 1846 г. оставилъ генер. шт.
Таваστъ, Александръ Федор., въ генер. шт. до 1842 г.
Обергъ, Карлъ Давыдов., 1849 г. умеръ полковникомъ.
Форсбергъ, Еремѣй Еремѣев., 1829 г. умеръ поруч.
Баронъ Любекеръ, Егоръ Егоровичъ, 1855 г. уволен. генер. маіоромъ.

Въ 1823 году: 15. *Норденстамъ*, Иванъ Иванов; умеръ въ 1881 году генер. отъ инф.
Севонъ, Карлъ Августовичъ, умеръ въ 1823 г.
Стіернсканцъ, Карлъ Иванов., въ 1865 г. умеръ генер. лейт.
Лильебрунъ, Карлъ Иванов., въ 1836 г. увол. подполков.
Бергенгеймъ, Августъ Иванов., 1838 г. убитъ въ Дагестанѣ, въ чинѣ подполков.
20. *Розенбергъ*, Густавъ Андреев., 1839 г. умеръ капит.

21. *фонъ-Фалеръ*, Густавъ Яковлев, 1829 г. умеръ капит.

22. *Левиссонъ*, Робертъ Петров., 1845 г. подполков. убитъ подъ Дарго.

23. *Кальмбергъ*, Густавъ Карлов., 1855 г. умеръ полков.

Гротенфельтъ, Иванъ Адольфовичъ 1866 г. увол. генер. лейт.

25. *Сальменъ*, Эрнестъ Андреев., 1834 г. увол. капит.

Въ 1825 году: *Меланъ*, Карлъ Гаврилов., 1853 г. умеръ полков.

фонъ-Денъ, Карлъ Иванов., 1842 г. увол. полков.

Вальгренъ, Астафій Арвидов., 1833 г. умеръ поруч.

Бергенстроле, Александръ Рудольфов., 1844 года ум. подполк.

30. *Бруновъ*, Егоръ Романов., 1849 г. умеръ полков.

Ладо, Отто Адольфов., 1830 г. умеръ подпоруч.

Энкель, Иванъ Карловичъ.

Въ 1826 году: *Христіернинъ*, Густавъ Адольфов., 1829 г. умеръ подпоруч.

34. *фонъ-Эссенъ*, Отто Оттов., 1853 г. увол. полков.

([40]) Списокъ офицеровъ произведенныхъ въ Свиту по квартирмейстерской части изъ кадетскихъ корпусовъ въ 1825 году.

Изъ 1-го кадет. кор.: 1. *Шмаковъ* 2, Михаилъ Васильев., 1853 г. ум. полков.

2. *Иванчиковъ*, Даніилъ Алексѣев., 1828 г. ум. подпоруч.

Изъ 2-го кадет. кор.: 3. *Баронъ-Фридрихсъ*.

4. *Маныкинъ-Неуструевъ*, Григорій Герасимов., 1840 г. увол. подполков. за ранами получ. на Кубани.

5. *Дудинскій*, Николай Иванов., 1857 г. увол. генералъ м.

6. *Швидковъ*, Василій Яковлев., 1833 г. ум. поруч.

7. *Немировичъ-Данченко,* Петръ Васильев., въ 1852 г. увол. полков.
8. *Князь Друцкой-Соколинскій,* Михаилъ Васильев., въ 1837 г. увол. полков.

Изъ Дворянскаго полка: 9. *Дуброво,* Александръ Яковлев., 1869 г. увол. ген. лейт.

Изъ Им. Воен. Сирот. д.: 10. *Пановъ,* Федоръ Анреев., 1870 г. ум. генер. лейт.
11. *Мильковскій,* Евгеній Петровичъ.
12. *Бѣлявскій,* Афонасій Ивановичъ, 1840 г. увол. подполков.
13. *Ломачевскій,* Асинкритъ Иванов., въ 1837 г. въ Кор. Жандар.

([41]) Высочайше утвержденное положеніе объ офицерской школѣ при штабѣ 1-й арміи. Полное собраніе законовъ 1820 г., № 28,184.

([42]) Такъ какъ время нахожденія офицеровъ въ Могилевской школѣ не заносилось въ послужные списки, а дѣла штаба бывшей 1-й арміи разбросаны по разнымъ архивамъ, то крайне затруднительно опредѣлить точно число офицеровъ, прошедшихъ черезъ Могилевскую школу.

([43]) За время съ 1816—1825 г. изъ квартирмейстерскаго вѣдомства получили полки четверо полковниковъ: Верховскій, Н. Н. Муравьевъ 4-й, Бурцовъ и Гасфортъ; одинъ генералъ-лейтенантъ, Довре, назначенъ командиромъ Литовскаго корпуса, двое генералъ-маіоровъ, Теслевъ и Нейдгартъ 1-й (Павелъ Ивановичъ) получили дивизіи, одинъ генералъ-маіоръ, Древякинъ, бригаду и 7 генералъ-маіоровъ заняли мѣста комендантовъ, а именно: Тройфъ въ Акерманѣ, Гекель въ Одессѣ, Бергъ (Бурхгардъ Максимовичъ) въ Выборгѣ, Фрейгангъ въ кр. Св. Дмитрія, Штегманъ въ Кинбурнѣ, а потомъ въ Орской крѣпости, Эйхенъ 1-й, въ Петергофѣ, Эйхенъ 2-й, въ Ораніенбаумѣ.

([44]) О должности квартирмейстерскихъ офицеровъ, находящихся при корпусахъ и дивизіяхъ въ мирное время.

([45]) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, дѣло 1826 года № 8. Донесеніе начальника штаба 1-й арміи къ начальнику главнаго штаба отъ 11-го Іюня 1826 года.

([46]) Послужной списокъ квартирмейстерской части полковника Гасфорта (Густавъ Христіановичъ, бывшій впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Западной Сибири), изъ котораго видно, что за отличное командованіе полкомъ въ составѣ учебной дивизіи, собранной при штабѣ 1-й арміи въ 1821 году, ему пожалованъ бриліантовый перстень.

([47]) О должности квартирмейстерскихъ офицеровъ, находящихся при корпусахъ и дивизіяхъ въ мирное время.

([48]) Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій выпущенъ въ 1817 г. изъ Царскосельскаго лицея прямо въ гвардейскій генеральный штабъ, считался отличнѣйшимъ офицеромъ, былъ употребляемъ для разныхъ командировокъ въ Средней Азіи и во время А. П. Ермолова на Кавказѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ начальникомъ штаба, во время командованія отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ Паскевича и Розена.

([49]) «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи». Т.: въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869 года.

([50]) Изъ воспоминаній автора о Дунайской кампаніи 1853—1854 годовъ.

Приложенія къ Главѣ XI.

(1) Личность Карлъ Ивановича Теннера вполнѣ выясняется изъ его бумагъ, а въ особенности изъ его дневника (Journal und Privat Correspondenz), въ который онъ съ необыкновенною пунктуальностію заносилъ всю свою дѣятельность изо дня въ день, встрѣчи и даже разговоры съ разными болѣе замѣчательными лицами, наконецъ всю свою частную корресподенцію; къ сожалѣнію, часть этого дневника сдѣлалась жертвою пожара въ Минскѣ 30-го Мая 1835 года.

(2) Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822 по 1872 годъ.

(3) Переписка Теннера съ Гартингомъ (съ 1816 по 1825 г.) и съ генералъ-квартирмейстеромъ А. И. Нейдгартомъ въ 1833 г., а также письма Теннера къ попечителямъ Виленскаго и Дерптскаго учебныхъ округовъ, В. В. Пеликану и князю Ливену.

(4) Осипъ Ивановичъ Ходзько, кончивъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата, принятъ 20-го Января 1821 г. въ службу колоновожатымъ и прямо поступилъ въ распоряженіе Теннера; 23-го Мая 1822 г. произведенъ въ прапорщики квартирмейстерской части, въ которой оставался и по переименованіи ея въ генеральный штабъ; большую часть службы Ходзько провелъ на Кавказѣ, гдѣ и умеръ въ 1881 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

(5) Предписаніе начальника главнаго штаба полковнику Теннеру, отъ 28-го сентября 1818 года.

(6) Распоряженіе это послѣдовало въ 1820 году и не распространялось на офицеровъ, занятыхъ тригонометрическими и астрономическими работами (Письма Гартинга къ Теннеру).

(7) Историческій очеркъ дѣятельности корпуса топографовъ.

(8) Тамъ же.

(9) За тригонометрическую съемку Виленской губерніи Теннеръ былъ произведенъ въ 1822 году въ генералъ-маіоры и ему пожалованы столовыя деньги, на равнѣ съ бригадными командирами (по 4,000 руб. въ годъ).

(10) Изъ записокъ и писемъ Теннера.

(11) Въ 1832 году Леммъ переведенъ поручикомъ въ корпусъ топографовъ, въ которомъ служилъ до увольненія въ отставку въ 1863 году съ чиномъ генералъ-маіора.

(12) Заимствуя настоящую оцѣнку работъ Теннера и Шуберта изъ «Историческаго очерка дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», отсылаемъ къ этому источнику желающихъ ближе ознакомиться съ ея мотивами.

(13) Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ.

(14) Тамъ же.

(15) Представленъ при письмѣ Теннера, отъ 14-го Февраля 1826 года, за № 67.

(16) Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ.

(17) Штегманъ началъ службу еще въ 1790 году; послѣ полученной имъ въ 1819 году непріятности на Финляндской съемкѣ, онъ въ 1820 году былъ назначенъ въ чинѣ полковника комендантомъ Орской крѣпости, съ исключеніемъ изъ списковъ Свиты по квартирмейстерской части.

(18) Приказъ по квартирмейстерской части, отданный княземъ Волконскимъ 25-го Октября 1819 года, за № 161, и Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ.

(19) Приказъ по квартирмейстерской части 29-го Іюля 1823 года, № 160.

(20) Письмо Гартинга къ Теннеру отъ 16 Ноября 1817 года, въ частныхъ бумагахъ Теннера.

(21) Georg von Brandke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben bis zum Jahre 1854.

(22) Матеріаломъ къ описанію работъ, произведенныхъ при войскахъ, служили: Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ, отчеты генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ, хранящіеся при дѣлахъ архива генеральнаго штаба, а отчасти и частныя письма генерала Гартинга въ бумагахъ Теннера.

(23) Полковникъ Верховскій извѣстенъ какъ способный и боевой офицеръ; вступивъ въ Свиту по квартирмейстерской части въ 1812 году, штабсъ-капитаномъ изъ Муромскаго пѣхотнаго полка, Верховскій въ 1819 году произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ оберъ-квартирмейстеромъ Грузинскаго корпуса; служба его на Кавказѣ цѣнилась А. П. Ермоловымъ, въ чемъ можетъ свидѣтельствовать приказъ по корпусу отъ 12-го Мая 1820 года, гдѣ Верховскому объявлена благодарность за отличную распорядительность по начальствованію отрядомъ на зимнихъ квартирахъ въ Дагестанѣ. Вскорѣ послѣ того Верховскій былъ назначенъ командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка.

([24]) Записки А. П. Ермолова.

([25]) Полное собраніе законовъ, 1822 годъ, № 28,901 и № 29,038.

([26]) Подтвержденіемъ можетъ служить отказъ сдѣланный на представленіе генерала Теннера объ опредѣленіи въ топографы воспитанника изъ дворянъ.

([27]) Съ 1824 года перебывали на курсѣ астрономіи въ Дерптѣ: гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Эссенъ и Свиты по квартирмейстерской части: капитаны: Вронченко, Обергъ, Меланъ, Розеніусъ, штабсъ-капитаны: Ортенбергъ и баронъ Иксюль-фонъ-Гильденбандъ, и поручикъ Шведко, а корпуса топографовъ; поручики: Васильевъ, Горюновъ, Максимовъ и подпоручикъ Войновъ.

([28]) Въ 1824 году.

([29]) Въ 1822 году: изъ квартирмейстерской части: штабсъ-капитаны: Бахтистовъ и Меденцовъ, поручики: Меркушинъ, Верховитиновъ и Безкорниловичъ, подпоручики: Мѣдниковъ и Позняковъ, а изъ артиллеріи: подпоручикъ Свѣчинъ; въ 1823 и 1824 годахъ: прапорщикъ Константиновъ, изъ отставныхъ артиллерійскихъ офицеровъ и подпоручикъ Носковъ изъ артиллеріи.

([30]) Въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ» показано, что въ первый выпускъ изъ училища, въ 1825 году, произведено въ офицеры корпуса 12 воспитанниковъ, но это, очевидно, ошибка, потому что въ спискѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ корпуса, поступившихъ въ оный со времени его учрежденія, записано только восемь офицеровъ, произведенныхъ въ 1825 году по экзамену въ прапорщики корпуса, а именно: Воробьевъ 2-й (Петръ), Паршевъ, Оверинъ, Обручешниковъ, Павловъ, Воробьевъ (Степанъ), Козьминъ и Федоровъ.

([31]) Предписаніе князя Волконскаго генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества, барону Толю, отъ 6-го Марта 1818 г., въ секретномъ архивѣ канцеляріи военнаго министерства.

([32]) Иванъ Григорьевичъ Бурцевъ принадлежалъ къ обществу математиковъ; въ 1812 году произведенъ въ прапорщики арміи съ назначеніемъ состоять по квартирмейстерской части, въ которую былъ переведенъ въ 1813 году; затѣмъ, находился адъютантомъ при Киселевѣ, а въ 1822 году, снова переведенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, съ производствомъ въ полковники и съ назначеніемъ начальникомъ канцеляріи начальника штаба 2-й арміи. Въ 1824 году назначенъ командиромъ Украинскаго пѣхотнаго полка, а въ 1829 году убитъ подъ Байбуртомъ, въ чинѣ генералъ-маіора.

([33]) Егоръ Францовичъ Канкринъ изъ Ганау, съ обширнымъ и многостороннимъ образованіемъ, вступилъ въ русскую службу, былъ

въ 1812 году генералъ-интендантомъ нашихъ армій, а съ 1823 года министромъ финансовъ, въ званіи котораго оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1845 году. Въ царствованіе Императора Николая возведенъ въ графское достоинство.

(34) Извлеченіе изъ письма Киселева къ барону Дибичу отъ 5-го Августа 1819 года; Военно-ученый архивъ главнаго штаба, I отдѣленіе, № 394.

(35) Военно-ученый архивъ главнаго штаба I отдѣленіе, № 394.

(36) Мундиръ генеральнаго штаба присвоенъ должности начальника корпуснаго штаба только съ 1835 года.

(37) Императоръ Александръ I и его сподвижники,—біографія генералъ-лейтенанта Н. М. Сипягина.

(38) Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben.

(39) «XIX вѣкъ» историческій сборникъ П. Бартенева,—«Записки Басаргина», служившаго офицеромъ квартирмейстерской части при 2-й арміи, а затѣмъ адъютантомъ Киселева.

(40) Вельтманъ былъ членомъ Московскаго и Одесскаго обществъ исторіи и древностей, членомъ комитета древностей Россійскаго государства, а съ 1852 до самой своей смерти, директоромъ оружейной палаты.

(41) Въ 1830 году Бутурлинъ перешелъ въ гражданскую службу и съ 1842 года былъ директоромъ Императорской публичной библіотеки; умеръ въ 1849 году.

(42) Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben.

(43) Письма Гартинга въ частныхъ бумагахъ Теннера.

(44) Geord von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben.

(45) Письма Гартинга въ частныхъ бумагахъ Теннера.

Цѣна I тома 3 руб. безъ пересылки.

Съ требованіями обращаться *исключительно* въ Типографію штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

2007096619